

СССР.—РСФСР.
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 7-8

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА 1932

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Передовая — К 65-летию „Капитала“ Маркса	1
✓ Я. Розанов — К характеристике философско-социологических взглядов Франца Меринга	16
Ф. Перельман — Механицизм на современном этапе	52
А. Винокуров — К вопросу о материалистическом изучении Гегеля	67
Я. Мушперт — Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (статья вторая)	77
И. Дворкин — Экономическая концепция Троцкого	99
В. Исаков — Против меньшевизма в рационализации	130
П. Вышинский — Каутский о возникновении классов и государства	154
Э. Бауэр, В. Брандгендлер, Г. Гринберг — Жизнь	179
Г. Яффе — Философские основы неodarвинизма	196

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

✓ Бригада ИКП(ф): Таганский и др. — Рецензия на учебник Ральцевича по истмату	238
А. Сахалтуев — О разработке и популяризации „Диалектики природы“ Энгельса (по поводу книги Горнштейн)	261

ОПЕЧАТКИ № 3—4 „ПЗМ“ за 1932 г.

Стр. 217, абз. 3, строка 7 от конца. Следует читать: «наконец, атомистика Дальтона и закон сохранения и превращения энергии Майера, Грове, Гельмгольца и др. вместо прежних метафизических сил, метафизики в химии и теории Флогистона — выдвигают на первый план в естествознании»... и т. д.

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮЛЬ—АВГУСТ

№ 7—8

1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — К 65-летию «Капитала» Маркса (1). Я. Розанов — К характеристике философско-социологических взглядов Франца Меринга (16). Ф. Перельман — Механизм на современном этапе (52). А. Виокуров — К вопросу о материалистическом изучении Гегеля (67). Я. Мушперт — Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (статья вторая) (77). И. Дворкин — Экономическая концепция Троцкого (99). В. Исаков — Против меньшевизма в рационализации (130). П. Вышинский — Каутский о возникновении классов и государства (154). Э. Бауэр, В. Брандендлер, Г. Гринберг — Жизнь (179). Г. Ю. Яффе — Философские основы неодарвинизма (196). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Бригада ИКП (Ф): Таганский и др. — Рецензия на учебник Ральцевича по ветмату (238). А. Сахалтуев — О разработке и популяризации «Диалектики природы» Энгельса (По поводу книги Горшштейна «Диалектика природы Энгельса») (261).

К 65-летию „Капитала“ Маркса

I

Прошло 65 лет с тех пор, как было закончено и вышло из печати одно из величайших творений всей мировой литературы — I том «Капитала» Маркса.

Огромные исторические события произошли за это время. В нашей стране победила Великая Октябрьская революция, открывшая новую эру мировой истории. Мы построили фундамент социалистической экономики и ставим своей задачей к концу второй пятилетки полностью построить социалистическое общество.

Капитализм поражен жесточайшим кризисом всей системы и огромным обострением всех его противоречий. Пролетарская революция — на очереди дня в ряде крупнейших стран капитализма.

Все изменения, которые произошли за 65 лет со времени появления «Капитала» в экономике и политике капитализма, глубочайшие всемирно-исторического значения перевороты в системе социально-экономических отношений, весь ход развития мировой пролетарской революции — блестяще подтвердили, доказали на практике истину марксова учения и его революционную силу.

С каждым десятилетием, с каждым историческим событием, с каждой новой победой рабочего класса экономическое учение Маркса, изложенное в «Капитале», встает перед нами во все более разностороннем своем научном богатстве и революционном величии как единственное подлинно научное объяснение капиталистического способа производства, экономических законов возникновения, развития и гибели капитализма, как единственно револю-

ционное учение, указавшее пролетариату и угнетенным классам пути и средства их освобождения от капиталистического рабства.

«Ум человеческий, — писали основоположники марксизма, — не может изобрести эти средства; он должен открыть их в данных материальных явлениях производства».

Величайшей заслугой Маркса является то, что он в «Капитале» научно доказал неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое, исходя из экономического закона движения капитализма, и открыл пути и средства уничтожения капитализма, опираясь на силы, созданные самим же ходом капиталистического развития. Маркс доказал, что гигантский процесс обобществления труда, происходящий в условиях капиталистического производства, процесс роста крупной промышленности, выражающийся в огромном росте централизации и концентрации капитала, в росте картелей, синдикатов, трестов и мощи банков, составляет главную материальную основу неизбежного превращения капитализма в социализм. Он открыл, что единственной физической, материальной силой, интеллектуальным и моральным двигателем, способным осуществить, выполнить это революционное преобразование старого капиталистического общества в новое, социалистическое, является пролетариат. В «Капитале» дано научное обоснование положения пролетариата в капиталистической системе производства и его исторической роли как могильщика капитализма, как той силы, которая с необходимостью подготавливается всем ходом развития данной системы для ее уничтожения.

В «Капитале» Маркс разработал самую передовую, строго научную теорию, которая дает возможность пролетариату предвидеть тенденции будущего общественного развития и его конечные результаты на основе открытых законов движения современного общества, теорию, которая еще при жизни Маркса завоевала на свою сторону большинство пролетариата передовых стран капитализма и превратилась в действенную материальную силу, дающую возможность окончательной победы социализма над капитализмом.

Важнейшие события современной эпохи — мировая империалистическая война, всеобщий кризис капитализма, нарастание революционного движения — являются подтверждением прогнозов Маркса. Создание Советского государства, победоносное строительство социализма в СССР, приближающийся крах всей системы капиталистического рабства — все это великолепно подтверждает учение марксизма в целом, подтверждает то, что особенно ярко изложено Марксом в «Капитале».

Наша партия строит всю свою политику, стратегию и тактику руководства классовыми боями пролетариата на гранитной базе марксистской теории, дальше развитой применительно к эпохе империализма и пролетарских революций величайшим марксистом новой исторической полосы, гениальным продолжателем марксизма — Лениным. Его «Империализм как новейший этап капитализма» и другие работы, посвященные империализму, представляют собой прямое и непосредственное продолжение «Капитала» Маркса, новую, дальнейшую ступень в развитии экономического учения марксизма. Исходя из законов и тенденций развития капитализма, раскрытых Марксом в «Капитале», базируясь целиком и полностью на принципах экономической теории марксизма, Ленин раскрывает тенденции, законы развития новейшего этапа капиталистического строя, его последней ступени, непосредственно, без всяких промежуточных звеньев переходящей в пролетарскую революцию.

«Капитал» Маркса, «Империализм как новейший этап капитализма» Ленина — это величайшие вехи в развитии теоретического вооружения пролетариата, в развитии его идеологии, в раскрытии его исторических задач по

уничтожению капиталистического строя, по созданию коммунистического общества.

II

Осветим в общих чертах историю работы Маркса над экономическими проблемами, историю его работы над подготовкой «Капитала». Понятно, что нельзя при этом рассматривать изолированно только и собственно экономические работы Маркса. Без материалистической диалектики, без материалистического понимания истории нет и «Капитала». Выработка метода Маркса—Энгельса происходила в процессе работы над экономическими проблемами, иногда предвосхищая дальнейшую работу над ними, иногда задерживая ее, поскольку необходимо было отшлифовать те или другие стороны метода.

Первые занятия Маркса по экономическим вопросам относятся к периоду 1842—1843 гг. Сам Маркс в «Предисловии к критике политической экономии» пишет по этому поводу следующее: «Моей специальностью была юриспруденция, которую я однако изучал лишь как подчиненную науку наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг., состоя редактором «Рейнской газеты», я впервые попал в такое положение, когда вынужден был высказаться о так называемых материальных интересах. Дебаты рейнского ландтага о краже дров и дробимости земельной собственности, официальная полемика, в которую г. фон-Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «Рейнской газетой», о положении мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободной торговле и протекционизме послужили первыми толчками для моих занятий экономическими вопросами».

Эти «первые толчки» и работа над экономическими проблемами поставили перед Марксом ряд важнейших вопросов относительно соотношения экономики и политики, относительно характера общественных отношений, вопросов, требовавших своего скорейшего разрешения. Маркс предпринимает тогда специальную работу по критическому пересмотру гегелевской «Философии права». Мы не можем здесь останавливаться на характеристике этой работы молодого Маркса и на том значении, которое она имеет в общей разработке марксистской теории. Известно, что эта работа молодого Маркса имеет исключительное значение для понимания диалектического и исторического материализма. Здесь же нас интересует то, что имело непосредственное значение для дальнейших работ Маркса по экономическим проблемам.

Обратимся в этом отношении к высказываниям самого Маркса. «Мои исследования привели меня, — пишет Маркс, — к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты из самих себя или из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, называл «гражданским обществом», но что анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии».

Вот важнейший вывод, представлявший собой, с одной стороны, общую формулировку материалистического понимания истории, с другой — набросок предмета политической экономии в свете диалектического материализма. Ясно, что эти положения представляли собой тем самым и задачу, план дальнейшей работы в этой области. Мы знаем, что в действительности Маркс в своей работе пошел дальше как в сторону разработки материалистического понимания истории, так и в сторону разработки на этой основе экономических вопросов.

Только после того, как были сформулированы основные положения исторического материализма, могла быть плодотворной работа по экономическим вопросам. Только с точки зрения нового метода можно было

поднять политическую экономию на степень действительной науки, полностью раскрывающей закономерности развития капиталистического общества. Только на этой основе могла быть дана развернутая критика всех предшествующих экономических теорий.

Первый период работы Маркса над экономическими проблемами заканчивается следующими его экономическими работами: «О свободе торговли», «Наемный труд и капитал» и «Нищета философии». Эти блестящие работы заложили основы для всего здания экономического учения Маркса. Основное противоречие капиталистического способа производства, вопросы эксплуатации, материалистическо-диалектическая трактовка экономических категорий, проблема товара и денег, проблема потребительной и меновой стоимости — все эти важнейшие вопросы получают уже у Маркса свою гениальную, правда еще общую, трактовку. В этих работах Маркс еще не дает окончательного разрешения таких вопросов, как проблема заработной платы и прибавочной стоимости. Он еще употребляет выражение «цена труда». Он еще, как впоследствии сам признавал, стоит в основном на точке зрения теории ренты Рикардо. Однако эти экономические работы Маркса представляют собой важнейший этап в подготовке «Капитала». Эти работы, особенно «Нищета философии», представляют собой огромное теоретическое богатство, необходимое для понимания марксова метода в анализе экономических явлений. Критика прудоновского «метода», его гегельянско-спекулятивной игры экономическими категориями, разоблачение сущности мелкобуржуазного подхода к проблемам экономики в связи с внутренне противоречивой природой мелкого буржуа — эти страницы Маркса входят как важнейшая составная часть в марксистскую теорию. Эти работы Маркса вместе с энгельсовским «Положением рабочего класса в Англии», вместе с «Коммунистическим манифестом» к тому периоду уже превратили социализм из утопии в науку, установили твердые основания этой науки и наметили путь дальнейшей работы для окончательной выработки теории марксизма.

Второй период работы Маркса над экономическими проблемами заканчивается в 1859 г. выходом в свет его «Критики политической экономии». После революции 1848 г. Марксу только в конце 1849 г. и начале 1850 г. удалось, как он сам пишет, возобновить свои занятия по политической экономии. Мы не будем останавливаться на тех исключительно трудных условиях, в которых пришлось Марксу работать над главным своим произведением, на той крайней материальной нужде, которую пришлось ему испытывать. Первый выпуск «Критики политической экономии» был закончен в 1858 г. Хотя основное содержание этой книги было затем Марксом реэюмировано в I томе «Капитала», эта работа, являясь следующим важнейшим этапом в выработке основного труда, представляет собой книгу, без понимания и усвоения которой невозможно понимание основного труда. Разделы этой книги, посвященные анализу товара и денег, были затем воспроизведены в I томе «Капитала», однако эти части книги, представляющие первоначальный набросок соответствующих глав «Капитала», исключительно ценны. «Критика политической экономии» Маркса — лучшая в мировой литературе монография, посвященная вопросу о деньгах. В этой книге дана непревзойденная критика количественной теории денег. Особенно ценны исторические главы этой работы Маркса, которые в I том «Капитала» не вошли. Главы, посвященные истории анализа товара в экономической литературе, начиная с Петти и кончая Рикардо и Сисмонди; посвященные теории единицы меры денег, начиная с теории Лаундса, Локка, Джемс Стюарта, Беркли, кончая Франклином; наконец анализ экономических теорий обращения и денег — Рикардо, Юма, Адама Смита и т. д., в котором Марксом дается история экономических теорий и вместе

с тем критика их с точки зрения марксизма, — все эти главы, являющиеся по существу самостоятельными научными монографиями, — важнейшая часть экономического учения марксизма.

Наконец последнее по счету, но не по важности — предисловие Маркса к «Критике политической экономии», опубликованное в этой книге в 1859 г. Небольшая, на нескольких страницах изложенная работа Маркса — это величайшей исторической важности документ. В этом предисловии Марксом изложены основы материалистического понимания истории, основы его теории классовой борьбы. Заканчивается эта часть «Предисловия» следующими пророческими словами Маркса: «Буржуазные производственные отношения представляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а антагонизма, вытекающего из общественных условий жизни индивидов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают в то же время материальные условия для решения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества».

Годы (1850 — 1859) работы Маркса над «Критикой политической экономии», над «Капиталом» — это годы его колоссальной, интенсивнейшей научной работы. Ни одного экономического явления новейшей истории этого периода, ни одной книги или исследования по экономическим вопросам не пропускает Маркс без тщательной его проработки. Широко известна в этом отношении щепетильность и научная добросовестность Маркса-ученого. Поэтому особенной скромностью и вместе с тем уверенностью, которая присуща великанам мысли, звучат последние слова этого «Предисловия»: «Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен только служить доказательством того, что мои взгляды, как бы ни относиться к ним и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, являются результатом добросовестных и многолетних исследований. У преддверия науки, как и у входа в ад, должно быть поставлено требование:

«Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни!»

По первоначальному плану Маркса вслед за первым выпуском «Критики политической экономии» должно было последовать несколько других выпусков. Однако дальнейших выпусков не было. Энгельс в своей статье о Марксе в словаре Конрада объясняет, почему это произошло. Он писал: «Едва лишь вышел первый выпуск («К критике политической экономии»), как Маркс открыл, что у него еще не совсем развиты во всех подробностях основные мысли последующих выпусков». В начале 60-х годов Маркс занимается проработкой вопросов о производстве прибавочной стоимости. При этом Маркс вдается во все детали проблемы, изучает и разрабатывает ряд вопросов, имеющих как бы второстепенное значение для этой работы. В результате накапливается у Маркса гигантский материал в 23 тетради, целое собрание монографий по разным экономическим вопросам.

Наконец в декабре 1865 г. Марксом была начерно закончена рукопись первого тома «Капитала». С 1 января 1866 г. Маркс приступает к переписке. В очень тяжелых условиях в связи с состоянием здоровья Маркс наконец 30 апреля 1867 г. подготовил окончательно к печати I том. Маркс продержал очень долго корректуру своей книги, но уже 16 августа 1867 г. в 2 часа ночи Маркс сообщает Энгельсу, что закончил корректуру последнего, 49-го, листа: «Итак, том готов. Одному тебе я обязан осуществлением этого. Без твоих жертв для меня я бы не мог сделать огромные подготовительные работы к 3-м томам. Обнимаю тебя, полный благодарности. Привет тебе, мой дорогой верный друг».

После выхода в свет «Капитала» Маркс в течение периода между 1867 и 1872 гг. работает над вторым изданием I тома «Капитала». Во втором издании он дал нам новое изложение первой главы. Последние десять лет Маркс продолжает интенсивнейшую работу по экономическим вопросам, уделяя особенно много внимания аграрному вопросу и изучению этих отношений в России. Он изучает специально русский язык, прорабатывая большую литературу на нем. Следует тут же отметить, что первым переводом «Капитала» на иностранные языки был перевод на русский язык. 27 марта 1872 г. вышел на русском языке I том «Капитала» в переводе Даниельсона (Николая — она). Некоторые главы вместе с ним перевел Лопатин, молодой революционер, «человек живого критического ума, веселого характера, стоический, как русский мужик, который довольствуется тем, что у него есть», — как изображает его Маркс¹⁾.

Такова в кратких чертах история «Капитала». Подробная история «Капитала», его родовых мук, анализ всей подготовительной работы, проделанной Марксом, источников, которыми пользовался Маркс, изучение и анализ различных подготовительных тетрадей Маркса, имеющих у нас в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, раскрывающих перед нами умственную лабораторию одного из самых великих мыслителей всей человеческой истории, — эта работа требует еще своих исполнителей.

III

В основе экономической теории Маркса лежит материалистическое понимание истории, органически и неразрывно связанное с материалистической диалектикой. Применение материалистического понимания истории к анализу экономических явлений, да еще таким исследователем, каким был Маркс, произвело полный переворот в области политической экономии. По этому поводу в своей рецензии на «Критику политической экономии» Энгельс писал: «Все ее (т. е. немецкой пролетарской партии) теоретическое существо сложилось на основе изучения политической экономии и с момента ее выступления датируется также научная самостоятельно-немецкая политическая экономия. Эта немецкая экономия основывается по преимуществу на материалистическом понимании истории, основные черты которого изложены в предисловии к вышеназванному произведению». В самом деле, рассмотрение общественных явлений с точки зрения того, что общественное бытие определяет общественное сознание, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои, присущие ей закономерности, что определенные производственные отношения, в которые вступают люди независимо от их воли, «соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил», учение о единстве противоположностей между производительными силами и производственными отношениями, об экономической структуре общества как реальном базисе, «на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», — все это открывало новую эпоху в общественной науке вообще, в особенности в политической экономии. Именно эта основа позволила Марксу так глубоко вскрыть товарный фетишизм, глубоко раскрыть сущность экономических отношений, дать свое понимание экономических категорий и раскритиковать буржуазную политическую экономиию. Как без материалистического

¹⁾ Интересно, что тупоголовая царская цензура разрешила выпуск I тома «Капитала» со следующей мотивировкой: «Хотя автор по своим убеждениям несомненный социалист и вся книга обнаруживает совершенно определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее не может быть названо доступным для всякого и что, с другой стороны, оно обладает формой научно-математической аргументации, Комитет признает, что преследование за эту книгу в судебном порядке невозможно».

понимания истории нет и не могло быть «Капитала», так и «Капитал» Маркса, явившись образцом применения исторического материализма, дал научное доказательство и проверку правильности этой теории. Энгельс в цитированной выше рецензии пишет: «Развитие материалистического понимания, хотя бы на одном единственном историческом примере, представляло собой научную задачу, для выполнения которой потребовались долготлетние спокойные исследования, ибо ясно, что одной фразой тут ничего не сделаешь и что только при помощи массового, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно успешно разрешить такую задачу».

Известно, что именно «Капитал» Маркса является такой работой. Известно, что трудно найти в мировой литературе еще подобного рода произведение, которое было бы насыщено таким огромным фактическим историческим материалом, критически проверенным и усвоенным, произведение, в котором сказалось бы такое «свободное движение в материале» (Маркс).

В своей ранней работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами», выступая против Михайловского, не «заметившего» материализма в «Капитале» Маркса и утверждавшего, что вообще нет в марксистской литературе произведений, в которых изложено было бы материалистическое понимание истории, Ленин писал:

«Теперь, со времени появления «Капитала», материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации—именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки».

Развернутое материалистическое мировоззрение, материалистическое понимание истории, примененное Марксом в «Капитале», дало ему возможность с самого начала по-новому подойти к пониманию экономических категорий. Еще в первом периоде своей работы над экономикой, в своей «Нищете философии», в последующих затем письмах о Прудоне Маркс дает последовательно материалистическую трактовку экономических категорий, рассматривая их как теоретическое отображение или выражение исторических отношений производства, как такое теоретическое выражение, которое и передает их определенный, исторически ограниченный характер. Он борется против идеалистического понимания категорий, против превращения их «в искони существующие, вечные идеи», которые таким образом освящают и придают вечный характер исторически ограниченному капиталистическому способу производства.

Вот что писал Маркс относительно Прудона: «Он не понял, что экономические категории — это лишь абстракции этих фактических отношений и являются правильными лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом он впадает в ошибку: буржуазных экономистов, считающих эти экономические категории вечными, а не исторически изменяющимися законами, законами лишь для определенного исторического развития, для определенного развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы считать политико-экономические категории абстракциями действительных, преходящих исторических общественных отношений, он благодаря мистическому извращению видит в фактических отношениях всего лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира».

Итак, строго материалистическое учение, притом материализм не в старом смысле слова, а материализм, доведенный до верху, до рассмотрения общественных явлений, — вот что лежит в основе марксова «Капитала». Именно с этой точки зрения Маркс дал уничтожающую критику мистицизма, идеалистической спекуляции Прудона, Лассалья по вопросам политической экономии. Именно эта материалистическая концепция дала возможность Марксу покончить со всякой мистификацией общественных отношений в буржуазной политической экономии и за отношениями товаров увидеть отношения людей, глубоко раскрыть социальную, материальную природу людских отношений, отношений классов, выступающих в товарно-капиталистическом обществе в форме вещных отношений. Рассмотрение всей совокупности производственных отношений как материальных отношений людей в процессе производства при данной определенной форме его с присущими ей законами, рассмотрение этой совокупности отношений как реального объективного базиса общества наносило решающий удар по всякому идеализму в применении к политической экономии, по всяким идеалистическим концепциям в понимании социальных отношений как отношений духовных, психических и т. д. Именно строго материалистическая концепция Маркса, примененная в «Капитале», выразившаяся между прочим в его трактовке экономических категорий, особенно глубоко обнаружилась в материалистической трактовке исторического и логического. Известно, что решение этой проблемы (о чем речь будет еще итти дальше) в «Капитале» представляет исключительный образец материалистической диалектики.

Материалистическую основу экономического труда необходимо подчеркивать особенно теперь, ибо за десятилетия, прошедшие после смерти Маркса, особенно в XX веке, в общей связи с развитием оппортунизма, меньшевизма, реформизма в рабочем движении, в общей связи с меньшевистским опошлением марксистского учения в целом, отказом от него на деле и щеголянием именем Маркса на словах, получила большое распространение и д е а л и с т и ч е с к а я ревизия метода Маркса в целом, материалистических основ «Капитала» в частности. Общие тенденции среди ревизионистов, центристов, социал-фашистов всякого толка соединять в области философии Маркса с Кантом, с Махом получали свое яркое выражение и в трактовке ими метода Маркса в «Капитале». Опошление марксистской философии, отказ от революционной ее сущности получили выражение и в их работах, посвященных «Капиталу» Маркса. Кантианско-махистскую, насквозь эклектически-идеалистическую трактовку марксова метода и содержания «Капитала» мы имеем почти у всех виднейших «столпов» II интернационала, начиная с Каутского, Гильфердинга, Кунова, Отто Бауэра, Макса Адлера и кончая Густавом Экштейном, а также у наших «доморощенных» представителей II интернационала, например у меньшевика-интервента Рубина. Приведем здесь некоторые образцы этого опошления и идеалистической ревизии марксова «Капитала», процветавшей в «ортодоксальный» период на страницах «Neue Zeit».

Вот что писал Отто Бауэр относительно метода «Капитала» в «Neue Zeit» в 1907—1908 гг. в статье, посвященной «Истории Капитала»: «Из нашей классической философии Маркс унаследовал понятие науки (в этом понятии науки, по мнению Бауэра, и сущность труда Маркса как науки. — Ред.). Нам кажется, что понятие науки, как оно было развито идеализмом на критическом исследовании математического естествознания, мы можем найти в наиболее чистой форме в теории познания Канта. Но Маркс, как и все современное ему философское поколение, был слишком чужд Канту, чтобы воспринять свой взгляд на науку непосредственно от критической философии. Его историческим исходным пунктом был, напротив, «абсолютный идеализм» Гегеля. И в гегелевской философии Маркс мог найти общее всякому идеализму понятие науки, но лишь в приданной ему

Гегелем онтологической оболочке. Освободив понятие науки от этой оболочки, Маркс восстановил его, хотя и на другом языке, в существенном в той же форме, в какой оно служило и служит основой и исходным пунктом критической философии».

Мы видим, как Отто Бауэр всячески старается подвести Маркса под Канта, доказать, что понятие науки, положенное Марксом в основу «Капитала», есть понятие идеалистическое, понятие критической философии. Отсюда понятна его трактовка «Капитала» как «первого математического закона движения истории», открытого якобы впервые Марксом и связанного с методом математического естествознания, философским идеалистическим обоснованием которого является как раз неокантианская философия. Отсюда понятна его критика исторической школы в политической экономии, которую он дает в этой статье, базируясь на Канте. Он далее пишет: «И если историческое направление отвергает последние выводы марксовой абстракции на том основании, что они не суть копии эмпирических явлений, то мы можем ответить ему словами Канта, что и здесь не предмет производит понятие, а понятие производит предмет, как предмет нашего знания» (разрядка наша. — *Ред.*).

После всей этой идеалистической ревизии марксова «Капитала» понятно, когда Бауэр заканчивает статью одним из следующих положений: «Итак, каждое поколение, каждая группа людей определенного возраста или определенного уровня имеет своего Маркса». Антимарксистский от начала до конца, насковозь проникнутый влиянием буржуазной философии подход к «Капиталу» — вот что пропагандировал виднейший «австро-марксист» на страницах «Neue Zeit».

Посмотрим теперь махистское течение в среде социал-демократии. В 1909—1910 гг. Густав Экштейн печатал на страницах «Neue Zeit» большую «работу» «О методе политической экономии». В специальной главе этой работы «Методы Эрнста Маха и Карла Маркса» он всячески старается показать полное родство марксова метода в «Капитале» с философией Маха. Правда, он признает, что «в одном существенном пункте» метод Маркса не совпадает с методом Эрнста Маха. Речь идет о том, что Маркс требует раскрытия «внутренних связей» между формами развития и тем самым выходит за пределы простого описания. Однако, поскольку с точки зрения Экштейна у Маркса в политической экономии требуется доказательство «внутренних, т. е. психических связей», то «это требование несколько не противоречит точке зрения Эрнста Маха, ибо последний сам признал для известных случаев правильным внесение анимизма в исследование».

Продолжая дальше работу над «сочетанием» Маркса с Махом, Экштейн пишет: «Маха человек интересуется только как наблюдатель явлений природы; Маркса же прежде всего как действенная сила, как волящий и действующий источник хозяйственных явлений. Маркс превосходит своих предшественников главным образом благодаря тому, что он рассматривает хозяйство уже не как совокупность и движение вещей, товаров, а как комплекс социальных, т. е. психических отношений».

Таков неприкрытый идеализм этого махообразного «марксиста», занимающегося на страницах «Neue Zeit» исследованием метода Маркса в политической экономии. Рассмотрение социальных отношений как отношений исключительно психических — лейтмотив его подхода к вопросу. Раскрытие Марксом существа товарного фетишизма используется Экштейном для приписывания Марксу идеалистической точки зрения. Как мы увидим ниже — это явилось также в известном смысле исходным пунктом для протаскивания в тонко завуалированной форме идеализма меньшевиком Рубиным. Надо сказать, что рассмотрение социальных отношений, производственных отношений как отношений исключительно духовного порядка — важнейший, тезис

и Маркса Адлера, другого австро-социал-фашиста во всех его многочисленных работах вплоть до последнего «Учебника по материалистическому пониманию истории».

Переходя к рубинским «Очеркам по теории стоимости Маркса», необходимо сказать, что они целиком и полностью продолжают эту ревизионистскую линию в вопросах политической экономии, линию идеалистического извращения и опошления великого труда Маркса. Однако Рубин свою «работу» проводил гораздо искуснее, тоньше, можно сказать, филигранно, всячески ее маскируя. Положив в качестве основы своего «анализа» теории стоимости теорию товарного фетишизма Маркса в извращенном истолковании, Рубин проводил последовательный кантианский разрыв между материально-техническим содержанием капиталистического процесса производства и его социальной формой, между вещным материальным отношением и отношением социальным как только отношением формы, не материальным, между вещью как таковой и ее социальной (читай не материальной) функцией, между производительными силами и производственными отношениями, выхолащивая всякое классовое, революционное содержание из учения Маркса. Рубин прямо писал в своих очерках: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т. е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма». Выхолащивая из социальной формы, из совокупности производственных отношений капитализма объективное, материальное содержание, подменяя производительные силы, включая сюда и рабочий класс, техникой, противопоставляя материально-техническую сторону социальной форме, Рубин целиком становился на идеалистическую точку зрения Отто Бауэров, Макс Адлеров и прочих Экштейнов, рассматривающих социальные отношения как духовные. Рубин давал развернутую концепцию формалистического (идеалистического) понимания категорий политической экономии, с которой целиком смыкалась в свою очередь гегельянско-идеалистическая ревизия марксистской философии со стороны деборинской группы.

IV

Выше мы выяснили, что материалистическое понимание истории является теоретической основой «Капитала», что последний представляет собой последовательное от начала до конца материалистическое произведение, что без и вне исторического материализма нет «Капитала». Однако это еще не вполне достаточная характеристика теоретических основ и метода «Капитала» Маркса. В качестве теоретической основы «Капитала» мы имеем материалистическую диалектику, которая находится в органическом единстве с материалистическим мировоззрением. «Выработку метода, лежащего в основе марксовой критики политической экономии, — писал Энгельс, — мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение».

Экономическое учение марксизма представляет собой науку, систематически изложенную в ее внутренней диалектической связи. «Капитал» Маркса представляет собой экономическую науку марксизма, рассматривающую весь комплекс экономических проблем современного общественного строя, исследующую в связном виде развитие, диалектику законов буржуазного производства и обмена. В письме к Энгельсу от 1 февраля 1858 г. Маркс, касаясь Лассалья и своей работы над экономическими вопросами, бросает одно чрезвычайно важное и глубокое замечание: «Он (Лассаль), — пишет Маркс, — собирается в своем втором великом творении изложить по-гегельянски политическую экономию. Он тогда горьким опытом убедится, что одно дело при по-

мощи критики довести науку до такой степени, чтоб ее можно было изложить диалектически, а другое дело — применять готовую отвлеченную систему логики к одним лишь предчувствиям (Ahnungen — намекам) подобной системы».

«Капитал» Маркса как результат колоссальной научной исследовательской работы и представляет собой науку, доведенную при помощи критики предшествующих систем, анализа и критики истории экономических отношений, критики современных экономических отношений до такого уровня, что ее можно было изложить диалектически.

Это систематическо-диалектическое изложение «Капитала» отнюдь не является мертвой абстрактной спекуляцией, отвлеченным манипулированием экономическими категориями, а, наоборот, трудом, не знающим примера по богатству фактического содержания, исторического материала.

В XII Ленинском сборнике мы находим у Ленина следующую замечательную характеристику метода «Капитала».

«[Если Marx не оставил «Л о г и к и» (с большой буквы), — писал Ленин, — то он оставил логику. «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма [не надо трех слов: это одно и то же], взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.] товар — деньги — капитал — производство абсолютной Mehrwert *), производство относительной Mehrwert *).

История капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее.

Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Seyn» в политической экономии). Анализ его, как отношения социального. Анализ двоякий, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости).

проверка фактами respective практикой

есть здесь в каждом шаге анализа

ср. к вопросу о сущности versus явление

— цена и стоимость

— спрос и предложение versus Werth

(=krystallisiete Arbeit **)

— заработная плата и цена рабочей силы

Эта характеристика метода «Капитала», представляющая собой очень глубокий набросок целой программы теоретических исследований и изучения диалектики «Капитала», подчеркивает прежде всего мысль, что Маркс проделал следующую работу в своем труде: 1) он дал нам анализ истории капитализма, 2) анализ экономических теорий, экономических понятий, резюмирующих эту историю, 3) диалектику развития экономических категорий капитализма.

Что собственно означает ленинская мысль о том, что «Капитал» Маркса представляет собой диалектику, логику, теорию познания материализма, примененную к науке о капиталистическом способе производства?

Маркс несомненно дал нам научную историю экономического развития капитализма. Анализ Марксом простой, единичной или случайной формы стоимости, относительной формы стоимости, эквивалентной формы, наконец развернутой и всеобщей формы — денежной формы — и т. п. представляет собой страницы логического анализа, за которым кроется богатый фактический материал, действительная история обмена вплоть до возникновения и развития денежной формы обмена.

*) Прибавочной стоимости.— Ред. (ред. Лен. сб.).

***) Кристаллизованный труд.— Ред. (ред. Лен. сб.).

Знаменитая 24-я глава «Капитала», посвященная историческому анализу первоначального накопления, образования внутреннего рынка для промышленного капитализма, генезиса промышленного капитализма, генезиса капитализма в сельском хозяйстве и капиталистических фермеров, наконец общей исторической тенденции капиталистического накопления, — весь этот исторический материал, дающий картину возникновения и развития современного капитализма, служит фактической иллюстрацией для соответствующих глав «Капитала», в которых дается логический анализ экономических категорий, выражающих эти процессы.

Наряду с этим материалом, критически проработанным Марксом, широко известны «исторические» главы I тома «Капитала», посвященные анализу рабочего дня и классовой борьбы между рабочим классом и капиталистами за установление «нормального» рабочего дня, и наконец главы, посвященные обзору развития производительности труда и способа ее организации, соответствующей данному экономическому строю, а именно, развитие простой кооперации через мануфактуру к современному машинному производству.

Итак, Марксом дана картина действительной объективной диалектики возникновения и развития современного способа производства со всеми противоречиями, со всей той нуждой, невероятной эксплуатацией, грабежом и насилием, отчуждением земельной собственности, гибелью громадных масс трудящихся, на костях которых возник современный рабский капиталистический строй. От возникновения денежной формы обмена до возникновения и развития крупной машинной индустрии капитализма — весь этот исторический процесс со всеми сопутствующими ему явлениями критически проработан и гениально проанализирован Марксом.

Однако глубоко ошибаются те, которые рассматривают «Капитал» исключительно как книгу по экономической истории современного общества или просто истории капитализма как таковой. «Капитал» тем и велик, что он дал нам не просто эмпирическую или описательную историю капитализма как таковую, он дал нам логику развития капитала. Он дал нам анализ и диалектику развития экономических категорий, выражающих основные законы развития капитализма. В этом смысле «Капитал» Маркса представляет собой наиболее развернутую и подлинно научную историю экономических отношений капитализма. «Капитал» Маркса дает в этом смысле образец материалистическо-диалектического решения проблемы соотношения исторического и логического в применении к данной науке.

Энгельс в своей рецензии на «Критику политической экономии», разбирая вопрос о методе «Капитала», следующим образом характеризует вопрос о соотношении исторического и логического метода: «Логический метод исследования являлся поэтому единственно подходящим. Последний однако есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей».

Далее он указывает, продолжая характеризовать этот логический метод, что «если руководиться этим методом, то логическое развитие вовсе не обязано держаться в области чистой абстракции. Наоборот, оно требует исторической иллюстрации, постоянного соприкосновения с действительностью». Как мы видим, эту же мысль подчеркивает и Ленин в приведенной выше цитате, когда говорит о Марксе, что у него «проверка фактами, практикой есть здесь в каждом шаге анализа». Выше мы видели, насколько правильна эта мысль Ленина относительно структуры и содержания «Капитала».

Итак, согласно Энгельсу и Ленину, логический метод, опирающийся на все богатства фактов конкретной действительности, представляет научно исправленное изложение исторического процесса, исправленное не в том конечно субъективном смысле, что субъектом вносится от себя исправление, а

в том смысле, что это изложение, «исправленное соответственно законам, которым нас учит сама действительность» (Энгельс).

Логический метод обладает тем громадным преимуществом, что он в силу своей природы, поскольку он рассматривает и исследует законы развития, изучает всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

В рассмотренных положениях Энгельса мы получили глубокую трактовку соотношения исторического и логического как в общем методологическом смысле, так и на примере «Капитала» в особенности. Метод материалистической диалектики есть следовательно единство исторического и логического на базе исторического, конкретного, практического, единство в рассмотренном выше смысле. Однако общее понимание этого вопроса еще недостаточно для глубокого проникновения в самое существо применения его в экономическом труде Маркса.

Логическое исследование должно в общем развиваться параллельно истории. Встает однако вопрос следующего порядка: как быть с анализом категорий капиталистического способа производства как уже сложившегося способа производства, с отношениями, выражаемыми этими категориями, которые находятся в определенной друг с другом связи; как быть с категориями, выражающими отношения, которые встречаются в других общественных формациях, предшествовавших капитализму; как быть с такими простейшими категориями, которые выражают простейшие отношения, исторически существующие раньше более конкретных; как быть с категориями, которые в своем полном развитии могут встречаться в более сложных общественных формах в то время, как более конкретная категория, выражающая более конкретные отношения, выступает часто в совершенном виде и на предшествующих исторических ступенях развития?

Иначе говоря, встает очень сложный вопрос о том, как применить метод единства логического и исторического анализа в сочетании с важнейшим исходным пунктом исторического материализма — с рассмотрением данной общественно-экономической формации как исторически ограниченного организма с только ей присущими закономерностями?

На эти вопросы Маркс дает развернутый ответ в своем введении «К критике политической экономии». Он писал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражающие его отношения, понимание его организации, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая часто влачить их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам таким образом ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные».

Продолжая развивать эти мысли, Маркс дает непосредственно ответ на поставленные вопросы: «Таким образом совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, прием это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным или соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том шесте,

которое занимают экономические отношения исторически в чередовании различных общественных форм. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» (Прудон), которая есть лишь замаскированное представление исторического процесса. Речь идет об их группировке в рамках современного буржуазного общества.

Многие склонны увидеть противоречие, якобы существующее между положениями Маркса и выше рассмотренными положениями Энгельса по вопросу об историческом и логическом. Некоторые из представителей меньшинствующих идеалистов прямо так и истолковывали эти мысли Маркса. Однако только при полном непонимании этой проблемы или же при сознательном намерении ревизовать Маркса, или при том и другом одновременно можно здесь увидеть противоречие. Не нужно большого ума (некоторый все же нужен) для того, чтобы понять, что смысл положений Маркса состоит не в чем ином, как в дальнейшей конкретизации содержания, данного Энгельсом по вопросу о соотношении исторического и логического. Энгельс дал общую методологическую трактовку соотношения исторического и логического метода исследования. Маркс занимается специально этой проблемой в применении к экономической науке, в применении к анализу социальных отношений капиталистического способа производства. Энгельс указывает, что логический метод требует логически исправленного исторического изложения материала на основе закономерностей самого исторического процесса. Маркс показывает, что означает это логическое исправление в применении к капиталистической общественной формации с присущими ей законами.

* * *

Итак, мы видим, какое глубокое содержание вложено в мысль Ленина о том, что «Капитал» представляет собой диалектику, логику, теорию познания, примененные к экономической науке. Понятно, что только такая подлинно критическая переработка всей экономической науки, единственно возможная с точки зрения диалектического материализма, представляет собой и подлинную теорию познания марксизма. В полном противоречии с априорным критицизмом кантовской теории познания, которая даже по мнению Гегеля является худшим видом догматики, лишенным всяких элементов историзма, в полном противоречии со всякого рода ревизионистскими, социал-фашистскими «истолкованиями» метода Маркса в духе Канта, Маха, в духе новейших «социологических» направлений — подлинная марксистская революционная критика, состоящая в диалектико-материалистической разработке всего комплекса экономических проблем, дает нам единственно верную, единственно последовательную, единственно научную экономическую теорию марксизма, разработанную на основе изучения производственных отношений капитализма.

Критерием правильности любой теории является практика — историческая проверка.

Время, прошедшее после выхода в свет «Капитала», дало лучшую практическую проверку марксовой теории, марксистского познания капиталистических отношений, доказывая лучше многих слов и ученых трактатов правильность, мощь и всеислие экономического учения марксизма.

«Капитал» Маркса дал нам не только теорию развития капиталистического способа производства. Он дал глубочайшее теоретическое обоснование неизбежности пролетарской революции, необходимости установления диктатуры пролетариата, «экспроприрующей экспроприаторов», ликвидирую-

щей эксплуататорские классы и классы вообще и приводящей к бесклассовому коммунистическому обществу. Много материала дает Маркс в «Капитале» по вопросу о плановом хозяйстве, по вопросу о характере экономических категорий в переходный период и т. д. Маркс дал далее экономическое обоснование двух фаз в развитии коммунистического общества.

Хотя Маркс и не ставил себе целью в «Капитале» исследовать специально закономерности переходного периода, однако он дает нам богатейший материал для раскрытия этих закономерностей. Проблема уничтожения противоречий между умственным и физическим трудом, проблема политехнизма и его роль в деле построения социалистического общества, проблема расширенного воспроизводства социалистических отношений, формы организации труда в переходный период, в период социализма и многие другие актуальнейшие вопросы переходного периода получают у Маркса освещение в «Капитале».

«Вся теория Маркса,—писал Ленин,—есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полностью продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма. На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?»

На основании того, что он происходит из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попусту гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении развивается!..» (Ленин, «Государство и революция»).

Приближается пятидесятилетие (1933 г.) со дня смерти великого автора бессмертного «Капитала». Эта дата, как и дата выхода в свет первого тома «Капитала», должна послужить толчком для дальнейшего усиления всей нашей научно-исследовательской теоретической работы в духе Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в неразрывной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции! Эти даты должны послужить толчком для дальнейшей пропаганды марксистского учения в широчайших массах пролетариата и трудящихся.

К характеристике философско-социологических взглядов Франца Меринга

Я. Розанов

Франц Меринг — один из немногих вождей довоенной германской социал-демократии, который перед лицом неслыханнейшего предательства, проявленного такими бывшими деятелями рабочего движения, а ныне злобными ренегатами, контрреволюционерами и интервентами, как Каутский, Гильфердинг, при всех своих политических и теоретических ошибках сумел стать во время империалистической войны одним из организаторов революционно-интернационалистской группы «Спартак». И в прошлом Меринг имеет ряд заслуг в борьбе с ревизионизмом Бернштейна и других неокантианцев. Вот почему ознакомление с философским наследием Меринга приобретает вполне понятное значение для всех, кто интересуется историческим развитием марксистской мысли, ее борьбой с различными представителями буржуазной идеологии, выступающими либо совершенно открыто в качестве официальных мужей кафедральной науки, либо замаскированно — в качестве разнообразных защитников ревизионизма, одержимых желанием «дополнить» марксизм Кантом, Махом или какой-нибудь другой философской концепцией, давно раскритикованной и преодоленной основоположниками научного коммунизма. Статьи Меринга, в течение многих лет (1893—1913) появлявшиеся в большом количестве в страницах «Neue Zeit» (кроме статьи «Из раннего периода немецкого рабочего движения», которая была помещена в «Grünberg's Archiv», 1911), хотя и не являются специально исследовательскими работами, написанными со всем богатством научной аппаратуры, тем не менее представляют несомненный теоретический интерес. Меринг — не только первоклассный ученый-исследователь, но и блестящий публицист, стиль которого, полный сарказма и особой конденсированности, давно уже пользуется заслуженным признанием. Это сочетание научной глубины и боевой публицистической направленности, имеющей своей целью выявить политический эквивалент и классовый смысл каждого философского спора, какого-нибудь очередного «научного» наскока на марксистскую теорию, придает работам Меринга ту высокую идейную ценность, благодаря которой они и в наши дни могут сослужить службу в борьбе со всякого рода проявлениями буржуазной идеологии. Ленин отзывался о Меринге как о человеке, «который в философии и в марксизме кое-что понимает», расценивал его как «человека, не только желающего, но и умеющего быть марксистом»¹⁾. Но даже этот, по выражению Плеханова, «лучший, едва ли, впрочем, и не единственный знаток философии между германскими социал-демократами»²⁾ допустил ряд существенных отступлений от диалектического материализма. В непримиримой борьбе за

¹⁾ В. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. XIII, стр. 204, 200.

²⁾ Г. Плеханов, Основные вопросы марксизма, Соч., т. XVIII, стр. 155.

чистоту марксо-ленинской теории мы должны вскрыть эти уклоны, не умаляя одновременно того действительно ценного, что содержится в философских работах вождя «Спартака».

К Мерингу как одному из вождей немецких левых мы с полным правом можем отнести полные глубокого смысла слова т. Сталина из его исторического письма в редакцию «Пролетарской революции» о том, что если левые из германской с.-д. «имели за собой целый ряд серьезных политических и теоретических ошибок...», так как «они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков», то, с другой стороны, «они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела» («Большевик» № 19 — 20, 1931 г., стр. 14).

Начнем наше рассмотрение с известной работы Меринга — «Об историческом материализме». В ней Меринг в форме полемики с известными буржуазными профессорами Луи Брентано и П. Бартом освещает на живых конкретных фактах ряд важнейших проблем исторического материализма. Написанная более двадцати лет назад работа эта для нашего времени во многих пунктах устарела, тем более, что и для своего времени она грешила известной неполнотой. Это отметил уже Ф. Энгельс, в общем весьма положительно отзываясь об этой одной из ранних работ Ф. Меринга. Вот что мы читаем в письме Энгельса от 14 июля 1893 г. к Мерингу по поводу этой статьи: «Главные факты вы изложили превосходно, и для каждого непредубежденного человека — убедительно». Не соглашаясь с якобы преувеличенной ролью, отведенной Мерингом Энгельсу как одному из творцов теории исторического материализма, Энгельс отмечает далее, что в работе Меринга «кроме того пропущен еще один пункт, который однако так же, как и у Маркса, и у меня недостаточно выдвигался, и в этом отношении мы все одинаково виноваты. А именно — мы переносили и должны были переносить центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов. При этом мы из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону: каким образом эти представления и т. д. возникают. Это дало нашим противникам желанный повод для недоразумений — ярким примером этого является Пауль Барт»¹⁾.

Однако эти недостатки не должны затушевывать те положительные стороны, которые имеются в работе Меринга. Прежде всего Меринг разоблачает новую тактику, которую стали практиковать буржуазные профессора в борьбе с историческим материализмом. Она заключается в том, чтобы уже не замалчивать философско-исторической теории Маркса, а пытаться доказать, что Маркс собственно нового ничего не внес в науку, так как, мол, принципы исторического материализма якобы задолго до Маркса и Энгельса были уже сформулированы другими учеными, и что таким образом Маркс собственно является плагиатором. Таково новейшее открытие патентованного барда буржуазной науки проф. Луи Брентано, возвестившего, что уже известный представитель историко-романтической школы Лявернь-Пегильен еще в 1838 г. будто бы очень близко подошел к основным положениям исторического материализма. Эта близость, по мнению Брентано, якобы заключается в том, что Лявернь-Пегильен подчеркивает решающую роль «форм хозяйства» в процессе развития общественной и государственной жизни. Но у Лявернь-Пегильена речь идет еще и о том, «формами хозяйства» определяются и производство и распределение продуктов, а это

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, под редакцией В. Адоратского, 3-е дополненное изд., «Московский рабочий», 1954, стр. 362.

уже представляет сплошную путаницу и нелепость, ибо, как правильно разъясняет Меринг, «Маркс не признает производства и распределения продуктов явлениями, производными от форм хозяйства, а наоборот, выводит хозяйственные формы из производства и распределения продуктов»¹).

Такая путаница особенно скандальна в устах Луи Брентано, занимающего выдающееся место на небосклоне буржуазной экономической науки. Меринг не ограничивается разоблачением теоретической путаницы Лявернь-Пегильена и его адвоката Луи Брентано, но одновременно вскрывает классовую роль реакционной теории Лявернь-Пегильена, имевшей своей целью идеализацию патриархальной феодальной экономики, выпячивание ее якобы нерушимой жизненной силы. Меринг приводит отзыв Маркса и Энгельса о писателях историко-романтической школы, из коего видно, насколько беспочвенно брентановское открытие о Лявернь-Пегильене, этом новоявленном если не основоположнике, то по крайней мере прямом якобы предшественнике творцов теории исторического материализма. Далее Меринг рассеивает излюбленное обвинение, бросаемое историческим материалистам, в том, что они якобы не признают так называемых высших моральных сил, осуждая человека на какое-то механическое безвольное прозябание. Как известно, это страшно «умное» обвинение особенно усердно выдвигает немецкий профессор Р. Штаммлер. Меринг совершенно правильно доказывает, что нельзя отождествить процесс развития природы с процессом развития общества, в котором действуют люди, одаренные сознанием и волей, и что следовательно «исторический материализм нисколько не отрицает идеальных сил, а только прослеживает их до их источника и уясняет, откуда идея черпает свою силу».

И в первую очередь приходится раз'яснить немецкому филистеру, который еще до сих пор черпает свои философские и моральные убеждения из обвешанных бескровным кантовым идеализмом шиллеровских стихов, что исторический материализм не отвергает ни роли идеальных сил ни моральных норм, но старается их об'яснять и конкретизировать с точки зрения их социального содержания и активной роли в классовой борьбе; что исторический материализм ведет одновременно непримиримую борьбу со всякого рода попытками фетишизировать моральные принципы, выпотрошить из них революционное или реакционное содержание, абстрагируя их от конкретной классовой действительности. Выяснив, что исторический материализм нисколько не отвергает обратной, конечно относительной, но активной роли идеологии в историческом процессе, Меринг с особенной силой подчеркивает, что марксизм унаследовал от величайшего немецкого философа Гегеля идею закономерности исторического развития, которая у Маркса и Энгельса получила научное материалистическое истолкование и обоснование, в результате чего мы наконец получили действительно научное понимание общественно-исторического развития. Меринг тем более считает необходимым подчеркнуть влияние революционно-диалектических сторон гегелевской философии на марксизм, что реставрацией именно реакционных элементов гегельянства, особенно в области проблем философии, истории и государства, сейчас усиленно спекулируют буржуазные социологи. Меринг метко расшифровывает «классовую подоплеку похода против революционных сторон гегелевской диалектики со стороны консервативного немецкого мещанства, которое устами своего философа Шопенгауэра об'явило великого мыслителя просто «шарлатаном». Далее Меринг показывает и классовые мотивы так называемого «гегельянского ренессанса», пытавшегося вытравить из гегелевского наследия его революционные элементы и пропагандировать как раз его консервативные государ-

¹ Меринг, Исторический материализм, сб. «На-страже марксизма», под ред. Г. Баммеля, Гиз, 1927 г., стр. 25.

ственно-политические воззрения. Мы считаем тем более уместным обратить внимание читателей на этот историко-философский экскурс Меринга, что реакционный смысл «ренессанса» Гегеля особенно выявился в наше время обострения классовой борьбы, когда твердыни капитализма стали трещать под мощными ударами пролетарских масс, когда фашистские и социал-фашистские идеологические и политические лакеи и церберы капитализма цепляются за все то реакционное, что таится в философско-политической «системе» Гегеля, трусливо и бесчестно замалчивая или извращая все то, что было революционного в его диалектическом методе.

«По мере того,—пишет Меринг,—как немецкое мещанство превращалось в крупно-промышленную буржуазию, по мере того, как эта буржуазия отказывалась ради классовой борьбы от своих собственных идеалов и спешила укрыться в тени феодального абсолютизма, у нее росла потребность в доказательстве исторической «разумности» этого оригинального попятного движения». «Так как, — продолжает далее Меринг, — гегелевская диалектика была для нее страшилищем по причинам, указанным Марксом, то в ее распоряжении оставались только гегелевские исторические построения. Буржуазные историки открыли в германской империи абсолютную идею, идеализм в милитаризме, глубокий смысл в эксплуатации пролетариата буржуазией, необходимейший институт в ростовщичестве, некую категорию в династии Гогенцоллернов и т. д.».

В этих замечательных словах Меринга найдут свою классовую характеристику и современные идеологи фашизма типа итальянского философа Джованни Джентиле, б. министра народного просвещения фашистской Италии, положившего в основу реформы «народного» образования наиреакционнейшие элементы гегелевского философского наследия и удостоившегося особой признательности со стороны «самого» Муссолини.

Выяснив таким образом, что только современный пролетариат является достойным наследником того великого и революционного, что содержится в материалистически истолкованной диалектической философии Гегеля¹⁾, Меринг переходит к раскрытию той кучи нелепостей, которую нагромоздил по поводу марксистской исторической теории приват-доцент г. Пауль Барт в книге «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann»²⁾. Барт точь в точь на манер покойного Н. К. Михайловского утверждает, что Маркс не дал точной формулировки исторического материализма и что «так называемая материалистическая теория истории есть полустина, которую Карл Маркс высказал в минуту свойственного журналисту легкомыслия и которую он пытался подтвердить посредством мнимых доказательств».

Меринг ловит сего ученого «марксоеда» на полном непонимании, что историко-материалистическая методология и конкретные научные исследования Маркса и Энгельса в области экономики, истории и политики и т. д. представляют единое монолитное целое, чем и объясняется их глубочайшая научная ценность.

¹⁾ См. замечание Энгельса: «Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля». «От утопии к науке», Гиз, 1926 г., стр. 13.

Ср. заключительные слова Энгельса из его «Л. Фейербах» о том, что «немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии». Ф. Энгельс, Л. Фейербах, изд. 3-е, под общ. ред. В. Адоратского, 1931 г., стр. 79.

²⁾ Несмотря на убогое ее научное содержание, книга Барта очевидно имеет свой контингент потребителей, ибо сравнительно недавно была переиздана (в 1925 г.). Спрос на творения Барта несомненно является показателем сильнейшего упадка духовного уровня современной буржуазной интеллигенции.

К сожалению Мерингу не известна была замечательная работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», в которой Ленин дает достойную отповедь Н. К. Михайловскому, выдвинутому аналогичное обвинение по адресу Маркса и Энгельса¹⁾.

Мы не будем останавливаться на смехотворных утверждениях г. Барта и на том определенном содержании, которое он вкладывал в свои рассуждения о примате «политики» перед «экономикой» в условиях классового общества. Период загнивания капитализма, лопающаяся по всем швам система мирового империализма до того ясно обнажили экономические основы внутренней и внешней «политики», что утверждать противоположное может лишь ослепленный ненавистью к марксизму ученый приказчик буржуазии. Мы отметим только, что Меринг очень удачно вскрывает поистине невежественное отождествление земледелия с производственными отношениями, которое допускает г. Барт для того, чтобы дискредитировать историко-материалистическое учение об имущественных формах как юридических формах производственных отношений.

На основе интереснейшего фактического материала Меринг вскрывает экономические основы религии, крестовых походов, церкви, разыгравшую классовую борьбу вокруг тех или иных законодательных изменений, подчеркивая бессилие идеологических интерпретаторов и в частности г. Барта справиться с этими проблемами. Особенно заслуживает внимания высказывание Меринга об относительной роли климата и рас, значение которых Барт особенно выпячивает, приписывая одновременно марксизму будто бы полное игнорирование этих исторических фактов. Меринг рядом удачных примеров показывает падение самостоятельной роли этих факторов под давлением все возрастающей и в конечном счете все решающей роли производственных отношений и классовых противоречий.

Как известно, буржуазно-фашистские и социал-фашистские барды империализма всячески пытаются путем извращенного истолкования действительной роли «географического фактора» оправдать грабительскую политику своей буржуазии «геополитическими» ссылками на необходимость «справедливого распределения земных пространств между людьми» (K. Haushofer, «Gründlagen, Wesen und Ziele der Geopolitik», В., 1928 г., S. 41). «Геополитическими» аргументами пытается каутскианец G. Graf подорвать марксово учение о классовой сущности государства, говоря например, что «государства, хозяйственная жизнь которых строится на ресурсах органической природы, отличаются спокойным, равномерным развитием, без внезапных переломов в их структуре» (G. Graf, «Die Landkarte Europas Gestern und Morgen»). Между прочим сей социал-фашистский «теоретик» нагло клеветает на Маркса, говоря: «Географические проблемы, вопросы об отношении между земными пространствами и развитием культуры явно не входили в кругозор Маркса» (G. Graf, «Geographie und Materialistische Geschichtsauffassung», сб. «Der lebendige Marxismus», 1923 г., S. 563—587). Между тем именно Маркс дал впервые действительно научную оценку роли географической среды. Мы не имеем возможности подробно остановиться на этом вопросе, но, чтобы отличить этого невежественного социал-фашистского клеветника, приведем лишь одно место из Маркса, с исчерпывающей ясностью показывающее, как Маркс действительно глубоко проник в сущность «географической проблемы». Говоря о взаимоотношениях между географическими особенностями различных частей света и промышленным развитием отдельных стран, Маркс подчеркивает, что «единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны не впадут в такую же промышленную, коммерческую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия,

¹⁾ Ленин, Соч., т. I, изд. Ин-та Ленина, 1928 г., стр. 61—65.

Испания и Португалия, является социальная революция, которая, пока еще не поздно, сама преобразует способ производства и обмена согласно потребностям производства, вытекающим из современных производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым смягчат вред, причиняемый географическим положением» (К. Маркс, Соч., т. VIII, стр. 210).

Наша Октябрьская революция и победоносное социалистическое строительство являются убедительнейшим подтверждением приведенной мысли Маркса о роли географической среды и могучего на нее влияния социальной революции.

Мы обращаем также внимание читателя на интересный материал, собранный Мерингом по вопросу об экономических основаниях происхождения разных открытий и изобретений, о которых иные повествуют как о продуктах «самодвижения» «чистого разума», победах саморазвивающегося человеческого интеллекта и т. п., на что в свое время жаловался Энгельс, говоря: «В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки свалились с неба», причем не хотят считаться с тем, что если «техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники»¹⁾.

Особенно возмущается Барт при мысли о том, что исторический материализм раскрывает экономические основы развития и самой философской мысли. Но — увы! — в своей аргументации внеклассовой природы философии Барт обнаруживает такую беспомощность, что приводимые факты опрокидывают его собственные утверждения, и Мерингу ничего не остается, как ограничиться вполне резонным замечанием: «Перед такую глубоко мудрою философией мы, естественно, пасуем».

К неудачливому чемпиону идеалистического понимания истории г. Барту с полным основанием можно применить следующие слова И. Дицгена, весьма сочувственно цитируемые Лениным: «Дипломированные лакеи с речами об «идеальных благах», оупляющие народ при помощи вымученного (geschraubter) идеализма, — «вот что такое профессора философии для И. Дицгена» — со своей стороны добавляет Ленин²⁾.

Поскольку исторический материализм является классово-философско-исторической теорией революционного пролетариата, вполне естественно, что его дальнейшее распространение неразрывно связано с судьбой буржуазного общества. Вот почему Меринг правильно в заключительном абзаце своей статьи подчеркивает, что историческому материализму предстоит еще великое будущее, однако «он никогда не развернет всей своей силы на почве буржуазного общества уже по той причине, что все растущая сила его прежде всего сокрушит это самое общество» и что «только после освобождения пролетариата исторический материализм достигнет своего полного расцвета, история станет наукой в строгом смысле этого слова; она станет тем, чем ей следовало всегда быть — руководительницей и наставницей человечества».

Это научно-политическое предсказание Меринга с исключительным успехом сбывается в нашей стране строящегося социализма, где развернутое наступление социализма по всему фронту и выкорчевывание корней капитализма сопровождается победоносным наступлением историко-материалистического мировоззрения, выкорчевыванием классово враждебной пролетариату идеологии на теоретическом участке классовой борьбы.

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, под ред. В. Адоратского, 3-е изд., стр. 366 (Письмо Энгельса к Штаркенбергу от 25 января 1894 г.).

²⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 278.

Мы считаем необходимым несколько дольше задержать внимание читателей на меринговой критике Барта потому, что кроме вышеупомянутой его книги «О философии истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана» Барт является еще автором ряда философских статей и в особенности большой монографии «Философия истории как социология» (1897), получившей широкое распространение далеко за пределами Германии и неоднократно переиздававшейся как в Германии, так и у нас и наполненной высоко «ученой» пошлятиной по адресу марксизма. Любопытно отметить, что в свое время против бартовской «критики» исторического материализма вынужден был выступить даже известный немецкий буржуазный социолог Ф. Теннис, которого уже никак нельзя заподозрить в излишних симпатиях к марксизму.

Вот почему мы позволим себе привести еще несколько критических замечаний Ф. Энгельса о Барте. Как только появилась книга Барта о гегелевской «философии истории», Энгельс с ней впервые познакомился по поверхностной журнальной рецензии на нее Морица Вирта; впоследствии в письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. Энгельс, отозвавшись в общем отрицательно об этой философской работе, вместе с тем подчеркнул, что среди некоторых молодых социалистических писателей наблюдается тенденция к упрощенному восприятию теории исторического материализма, которую они превращают в пустую фразеологию, без достаточного изучения фактической стороны трактуемой проблемы. Последнее как раз дает разным Бартам основание для громких нападков и дешевого успеха, а потому Энгельс рекомендовал базировать теорию исторического материализма на всестороннем изучении истории экономического развития общества. Особенно отмечал он необходимость всячески не терять из виду и обратного влияния так называемых надстроечных форм на экономику ¹⁾. В следующем письме от 27 октября к тому же самому Конраду Шмидту Энгельс писал: «...если Барт полагает, что мы отрицаем всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на самое движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той о с о б о й роли, которую играют политические битвы и события, конечно в рамках их в с е о б щ е й зависимости от экономических условий; или «Капитал»: например отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна. Сила (т. е. государственная власть) — это есть точно так же экономическое могущество» ²⁾.

Надо заметить, что это непонимание активно воздействующей роли государственной власти в деле изменения экономических отношений, обнаруженное воинствующим противником марксизма г. Бартом сорок лет назад, ныне целиком властвует над умами современного меньшевизма. Последний пытался маскировать свое социал-предательство и лакейство перед капиталистическими хозяевами высоко учеными аргументами о том, что-де с точки зрения марксизма экономика — это все, а следовательно социализм, как зрелый плод, должен сам собой упасть к ногам пролетариата в результате автоматического созревания экономического базиса. Об активном содействии политической диктатуры вызреванию экономических предпосылок социализма — об этом социал-предатели, любящие и ныне еще щегольнуть своей ни к чему не обязывающей их показной преданностью Марксу и Энгельсу, — хранят упорное молчание. Вот почему Ленин как гениальный ученик и

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс Письма, под ред. Адоратского, стр. 334 — 337.

²⁾ Там же, стр. 272 — 273.

продолжатель Маркса и Энгельса гневно бросал по адресу меньшевиков, с самодовольством твердивших, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм»: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»¹⁾. Практика нашего развернутого социалистического строительства на основе пролетарской диктатуры блестяще оправдала этот теоретический анализ Энгельса и Ленина.

Когда же Энгельс наконец ознакомился непосредственно с самой книгой Барта, он совсем в нем разочаровался. «Книга Барта меня очень разочаровала» — пишет Энгельс в письме к К. Шмидту 1 июля 1891 г. Особенно возмутили Энгельса бартова «потешная критика Маркса» и легкомысленная расправа с Гегелем. Энгельс раскрывает излюбленные махинации критиков марксизма, которые сначала малюют карикатуру на марксизм, а потом с победоносным видом принимаются громить созданного их фантазией и невежеством уродца. По стопам сих «критиков» самодовольно шествует Барт. «Сначала, — говорит Энгельс, — он разделяется с материалистической теорией исторического развития человеческого общества в том виде, как она, по его мнению, должна была быть у Маркса, и потом делает открытие, что в сочинениях Маркса дело обстоит иначе. Из этого он делает вывод, что не он, Барт, подсунил Марксу нечто неправильное, а наоборот, что Маркс противоречит себе и не может применять свою собственную теорию»²⁾.

* * *

В заключение нам необходимо остановиться на существенных недостатках и крупных принципиальных ошибках, проявленных самим Мерингом в трактовке важнейших проблем.

Прежде всего Меринг не останавливается на проблеме связи исторического материализма с диалектическим материализмом. Вместо диалектического материализма у Меринга фигурирует так называемый естественно-научный материализм, который он считает лишь составной частью исторического материализма. «Исторический материализм включает в себя естественно-научный, но естественно-научный не включает в себя исторического». Правда, Меринг несколько при этом не скрывает, что сам естественно-научный материализм страдает существенными недостатками, так как он «не считается с тем, что люди живут не только среди природы, но и среди общества», и что поэтому естественно-научный материализм «превращается в свою противоположность, в крайний идеализм» — подчеркивает далее Меринг.

Такая интерпретация естественно-научного материализма далеко не достаточна и потому верна лишь отчасти. Верно, что естественно-научный материализм теряет из виду социальную природу человека и тонет в болоте идеализма, как только переходит к трактовке проблем социально-исторического порядка³⁾. Но не только в этом заключаются методологические недостатки механического материализма (неправильного понимания Мерингом механического материализма нам придется еще коснуться специально немного

¹⁾ В. Ленин, О нашей революции, Соч., т. XXVII, стр. 400.

²⁾ Маркс и Энгельс, Письма, стр. 348.

³⁾ Ср. замечание Маркса и Энгельса о Л. Фейербахе: «Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей, поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист». «Архив Маркса и Энгельса», книга 1-я, стр. 219 (из «Немецкой идеологии»).

дальше). Основной порок Меринга заключается в том, что он сам был по существу механическим материалистом и в качестве такового не сумел правильно, диалектически разрешить проблему соотношения между субъектом и объектом, он превратил субъекта в созерцательного участника жизни и в частности познавательного процесса, не уяснил себе в этом процессе роль революционной практики, которая выступает «и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹⁾.

После той монументальной работы, которая была проделана Марксом, Энгельсом и Лениным²⁾ по очищению материалистической философии от всяческих механических упрощений и извращений, после того, как наша партийная теоретическая мысль разбила попытки «механистов» возродить старую путаницу так называемого естественно-научного материализма, эти крайне ошибочные утверждения Меринга о том, что исторический материализм включает в себя естественно-научный материализм, звучат настоящим анахронизмом. Далее, хотя Меринг постоянно подчеркивает роль классовой борьбы как пружины тех или иных общественно-исторических процессов, тем не менее он не дает более или менее полного освещения теории классов и классовой борьбы. Особенно недопустимым является его игнорирование проблемы пролетарской диктатуры и отсутствие более полного освещения обратного влияния политики на экономику, на что уже в свое время обратил внимание Энгельс в своем письме к самому Мерингу.

* * *

Переходим к статье Меринга «Исторический материализм». Эта статья помещена была в «Neue Zeit», 1910, Bd. 2, стр. 545—552 и посвящена рассмотрению следующих работ: Labriola, «Zum Gedächtnis des Kommunistischen Manifestes». H. Gorter, «Der historische Materialismus». G. Plechanow, «Die Grund — Problemen des Marxismus».

Как в этой статье, в которой Лабриола трактуется лишь как автор известной работы о «Коммунистическом манифесте», так и в специальной статье «А. Лабриола» («Neue Zeit», 1904) по поводу кончины этого деятеля итальянского марксизма Меринг высоко оценивает философскую и историческую эрудицию этого замечательного мыслителя на фронте марксистской теории. Но мысль Меринга о том, что «если бы существовала марксистская ортодоксия, то Лабриола никогда не был бы ее приверженцем, ибо с этим не помирится бы его слишком свободный и независимый дух» («Neue Zeit», 1904, S. 587), заставляет нас настораживаться.

Неужто Меринг забыл, что марксизм по природе своей не терпит мертвящего догматизма. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали это, говоря, что наша теория — не мертвая догма, а руководство к действию, и следовательно несовместима с такой ортодоксией, которая исключает самостоятельность мысли. Подлинно марксистская ортодоксия представляет достаточный простор для самостоятельного движения вперед, но не мирится со всякого рода эклектикой, преподносящей различные идеологические похлебки, вроде философского призыва «назад к Канту», «назад к Фихте», «к Ланге» и т. д., под громким лозунгом борьбы за «свободу мысли», против стесняющих уз «марксистской ортодоксии». Достаточно вспомнить, что П. Струве в начальной стадии своей критики марксизма считал необхо-

¹⁾ В. Ленин, Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и т. д., Соч., т. XXVI, стр. 134—135.

²⁾ Достаточно только вспомнить такие вещи, как «Тезисы о Фейербахе» Маркса, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» и философские тетради Ленина о диалектике.

димым маскировать ревизию «марксизма» громкими фразами о том, что он, Петр фон-Струве, «ортодоксией не заражен»¹⁾.

А между тем сам А. Лабриола на стеснительность марксистской ортодоксии нигде не жалуется. Недаром Энгельс, особенно строго относившийся к профессорам, о Лабриоле отзывался наилучшим образом, считая его строго последовательным марксистом²⁾. Мы можем добавить, что и Ленин высоко расценивал марксистское мышление Лабриолы, изучал его в ссылке, рекомендовал переводить его на русский язык³⁾. В конце 1920 г., перегруженный колоссальной работой по руководству первой в мире Страной советов, он находил время интересоваться работой Лабриолы. Так, в сохранившейся записке к библиотекарше мы читаем просьбу Ленина достать ему на русском и французском языках известные работы Лабриолы «Об историческом материализме и философии»⁴⁾. Что касается другой рецензируемой Мерингом работы, а именно книжки Гортера «Исторический материализм», то хотя Меринг и отмечает ряд спорных в ней мест (стр. 57—58), но все-таки находит возможным ее горячо рекомендовать рабочему читателю. Мы не можем здесь останавливаться на рассмотрении тех искажений марксистской философии, которые содержатся в брошюре Гортера. Достаточно вспомнить, что она вдохновила т. И. Степанова, который в приложенной к этой брошюре статье развернул основные черты своей механистической концепции.

Несколько более внимательно должны мы отнестись к третьей из процензированных Мерингом книжек, а именно: к «Основным вопросам марксизма» Г. Плеханова⁵⁾. Отзываясь чрезвычайно положительно о названной книжке Плеханова, которую Меринг рассматривает как «чрезвычайно содержательное учебное пособие по историческому материализму», Меринг допускает ряд грубейших искажений философских основ марксизма, на что мы должны обратить особенное внимание. Он пишет: «Маркс и Энгельс всегда разделяли философские взгляды Фейербаха, поскольку они не распространяли и не углубляли его, перенося материализм в область истории, короче и проще говоря, в области естественных наук они были такими же механистическими материалистами, как в области общественных наук историческими материалистами». В этой тираде Меринг, как видит читатель, одновременно преуменьшает ошибки как «меньшевиствующего идеализма», зачислившего Маркса и Энгельса в стопроцентных фейербахианцев, так и механистов, вообще считающих, что в механическом естествознании восторжествовала высшая научная мысль.

Вместе с тем Меринг, солидаризируясь с плехановским недостаточно критическим отношением к фейербахианству, обнаруживает также непонимание глубокой органической неразрывной связи между историческим и

¹⁾ П. Струве, К вопросу об экономическом развитии России, 1894 г., «Об ортодоксии» и «Свободе критики» см. Ленин, Некритическая критика, Соч., т. III, стр. 499—501.

²⁾ Ф. Энгельс, Письмо к Зорге от 30/XII 1893 г. См. письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге и др. Пер. с нем., Спб., 1908 г., стр. 411—412.

³⁾ «Читаю сейчас Labriola, «Essais sur la conception materialiste de l'histoire». Чрезвычайно дельная и интересная вещь. Мне пришло в голову, отчего бы тебе не перевести ее». Ленин, письмо к Анюте от 10/XII 1897 г. См. «Письма к родным», Гиз, 1931 г., стр. 73. Прекрасный отзыв Ленина о Лабриоле мы находим в статье Ленина «Перлы народнического прожектерства», в которой о вышеназванной работе Лабриолы «Essais» и т. д. говорится как о «превосходной книге». Соч., т. II, стр. 299 (конец 1897 г.).

Ленину была известна и другая работа Лабриолы, а именно «Socialisme et Philosophie», 1899 г., о которой Ленин упоминает в письме к М. А. Ульяновой от 23/11—VII 1899 г. См. «Письма к родным», Гиз, 1931 г., стр. 221.

⁴⁾ Ш. Манчурьянц, Что и как читал Ленин. «Записки Института Ленина», 1928 г., вып. III, стр. 94.

⁵⁾ Меринг ошибочно указывает, будто эта книжка Плеханова впервые появилась в каком-то русском журнале.

диалектическим материализмом как общефилософской основой марксизма. Сплошным недоразумением являются также утверждения Меринга, что «когда Маркс так или иначе высказывался об абстрактной односторонности механического естественно-научного материализма, то делал это во всяком случае только для того, чтобы обосновать необходимость исторического материализма... Из этого философские умы партии сделали тот вывод, что он вообще отвергал механический материализм» (там же, стр. 550). Поражает читателя упорное игнорирование Мерингом той критики, которую дали Маркс и Энгельс механическому материализму не только во имя научной важности исторического материализма, а вообще диалектического материализма. С аналогичной переоценкой механического материализма и полным умалчиванием о гениальной работе, проделанной Марксом и Энгельсом над дальнейшей переработкой материализма из механического в диалектический, мы встречаемся и в другой статье Меринга «Неоламаркизм и механический материализм» (сб. «На-страже марксизма», стр. 82—94). Ополчаясь в этой последней статье совершенно справедливо против витализма и всякого прочего идеалистического бреда, Меринг опять-таки считает необходимым обстреливать реакционные идеалистические течения в биологии с позиции механического материализма, игнорируя тот факт, что сам механический материализм сплошь и рядом вынужден подать пальцы, а то и всю руку воинствующему мистицизму¹⁾.

Меринг упорно повторяет и в этой статье, что «в сфере естествознания механический материализм является принципом научного исследования, каким в области общественных наук является исторический материализм», и что будто бы всякий, кто отвергает естественно-научный материализм, тем самым должен очутиться в области суеверия, в которой хозяйничают черти австралийских негров, философия бессознательного и «психизм» неоламаркистов».

Меринг не подверг также критике преувеличенное значение, приписанное Плехановым, роли географической среды, в силу чего решающая роль внутреннего «самодвижения» производственных отношений и производительных сил самого общества преуменьшается за счет выпячивания роли внеобщественной, природной среды. Как известно, эта ошибка у Плеханова связана с его общей меньшевистской концепцией, обрекавшей пролетариат на пассивное выжидательство, недооценивая его роли в деле революционного изменения общества. Эту решающую роль внутренней закономерности развития самих производственных отношений, коренящейся в их противоречиях с развитием производительных сил и протекающей в разнообразных формах классовой борьбы, Маркс подробнейшим образом вскрыл для капиталистической формации в своем «Капитале». Эту мысль особенно подчеркнул Ленин уже в «Друзьях народа» (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 62).

Таким образом Мерингу оказалось чуждым понимание важности борьбы на два фронта: против идеализма и механицизма. Кроме неопределенных специфических элементов фейербахианства у Плеханова Меринг не отметил также механистических тенденций, присущих известной пятичленной социологической формуле, развитой Плехановым и вызвавшей вполне правильное критическое отношение в последовательной марксистской литературе. Со своей стороны мы должны добавить, что Меринг не заметил и других дефектов «Основных вопросов марксизма» Плеханова, в частности — отсутствия разработки в этой книжке теории классовой борьбы и в особенности исторической неизбежности пролетарской диктатуры, этих исключительно важных проблем исторического материализма, без которых, как это неоднократно подчеркивал Ленин, марксизм превращается в струвизм и брентанизм.

Непоследовательность в борьбе с кантианством сказывается в замечании

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, Гиз, 1929 г., см. гл. «Естествознание в мире духов», стр. 75—84.

Меринга, что «Энгельс, например, в своей работе о Фейербахе, написанной со свойственной ему точностью исторических горизонтов, все же не заметил паутины, которая плелась около ценной кантовой «вещи в себе» (там же, стр. 550).

Но к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о Канте и неокантианстве в интерпретации Меринга.

* * *

Переходим к статьям Меринга, направленным против разных «критиков» марксизма. Минувя за недостатком места его полемику с неокантианцем Л. Вольтманом, все именуяющим себя «истинным марксистом», мы остановимся на критике Мерингом работы Д. Койгена «О современном философском социализме в Германии»¹⁾. Эта критика для нас интересна тем, что посвящена разоблачению «модной университетской легенды», пущенной в оборот г. Зомбартом²⁾ и подхваченной г. Д. Койгеном, о том, будто Маркс почти что позаимствовал свою социологическую теорию у прусского реакционного профессора Лоренца фон-Штейна, автора работы «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs» L. 1842, содержащей, по утверждению Д. Койгена, «четкое предчувствие исторического материализма» (стр. 102). Меринг вскрывает всю беспочвенность этой легенды, которая до наших дней продолжает упорно гулять по страницам докторских диссертаций, университетских «ученых записок» и отдельных специальных по этому вопросу монографий³⁾.

Легенда сия сфабрикована из нескольких выхваченных фраз о важности экономической основы социального строя, о роли классовой борьбы в деле изменения политических форм. Подобные фразы в изобилии встречаются и в произведениях утопических социалистов и в особенности у Сен-Симона, у французских историков эпохи реставрации (на что между прочим неоднократно указывали Маркс и Энгельс) и которые в примитивно компилятивной форме изложены в названной книге Л. Штейна. Даже комментатор «Коммунистического манифеста», буржуазный французский профессор Ш. Адлер, хотя и должен был признать, что лишь у Маркса и Энгельса мы находим действительно социологическое обоснование того, что у Штейна содержится в виде простых замечаний, тем не менее и он расшаркивается перед «livre profond, bien connu de Marx et estimé de lui» Лоренца Штейна. В свое время эта легенда нашла своего адвоката в лице «ортодоксией зараженного» г. Струве, который пытался доказать, что идея классовой борьбы заимствована Марксом у Штей-

¹⁾ D. Koigen, Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland, 1901, S. 319.

²⁾ W. Sombart, Socialismus und sociale Bewegung im XIX Jahrhundert, 1896. Уничтожающая критика этой книги дана Мерингом в ст. «Politik und Socialismus», «Neue Zeit», XV, 1 Bd. S. 449—455. Десятое переработанное издание этой книги вышло под названием «Der proletarische Socialismus (marxismus)», 1 und 2 Bd., 1924. Этот «труд» является образцом неслыханного искажения марксизма и непревзойденной пошлости.

³⁾ См. G. Adler, Die Anfänge der Marxchen Socialtheorie und Beeinflussung durch Hegel, Feuerbach, Stein und Prudhon. Festgabe für A. Wagner. L. 1905. — Béla Földes. Bemerkungen zu dem Problem Lorenz Steen — Karl Marx. «Jahrb. f. Nat.-ökon. u. Statist. 1914. 102 Bd., 3 n. (März). — E. Grünfeld. Lorenz von Stein und die Gesellschaftslehre. Iena. 1910. — E. Hanmacher. Die Philosophische Ökonomische system des Marxismus. d. 1909. J. Muckle. Henri de S. Simon. Iena, 1908, S. 340—341. — F. Oppenheimer. Lorenz Stein und die deutsche sociologie. «Die Neue Rundschau». 1922. H. IX. — J. Plenge. Marx und Hegel. F. 1911. — P. Vogel. Hegels Gesellschaftsbegrit and seine geschichtliche Fortbildung durch Jorenz Stein, Marx, Engels und Lassalle. B. 1925.

на¹⁾. Стоит только вчитаться в ту уничтожающую характеристику, которую давали Маркс и Энгельс г. Штейну, сему родоначальнику реакционнейшей теории так называемого «государственного социализма», ухитрившемуся прусскую монархию возвести в высший ранг мирового разума, чтобы раз навсегда покончить с профессорскими рассказами о Л. Штейне как учителе Маркса и Энгельса. Мы позволим себе поэтому привести лишь некоторые замечания творцов научного коммунизма, свидетельствующие совершенно противоположное тому, что утверждают «исследователи» идейной генеалогии марксовской социологической теории г. Койген и Андлер.

«Самое же забавное, — пишет Маркс Энгельсу (в письме от 8 января 1868 г.), — что он (т. е. Дюринг. — Я. Р.) сопоставляет меня со Штейном, так как я занимаюсь диалектикой, а Штейн выкладывает бессмысленно набор величайших пошлостей в деревянных трихотомиях, облеченных в кое-какие гегелевские категории»²⁾. Вот в каких словах Маркс выражал свое восхищение мудростью Штейна, «содержательную книгу» которого Маркс, по утверждению Андлера, будто бы «хорошо знал и ценил». Еще в «Святом семействе» Маркс иронически отзывался о «критической критике», черпающей свои познания по истории социалистической мысли из ничтожной и поверхностной компиляции профессора Штейна³⁾.

С неменьшим презрением относился к сему «авторитету» и Энгельс. Так, в одной из ранних своих статей, относящихся к 1846 г., характеризуя печальное положение немецкой социальной науки, Энгельс, касаясь одного из этих жалких представителей этой немецкой науки — г. Кайзера, говорит: «Вот среди них г. Кайзер, который сейчас же использовал «отличное сочинение Л. Штейна» для всемирно-исторической конструкции; жалко лишь, что все положенные в ее основу факты неверны и «что всякий раз немецкая теория ссылается на г. Штейна или другие сомнительные источники»⁴⁾. О мнимо научном характере штейновской компиляции Энгельс отзывался и в своей известной рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» опять-таки в связи с характеристикой убогого состояния оригинальной немецкой социологической мысли к моменту выступления на теоретическую арену Маркса. Д. Койген и Ш. Андлер могли бы заглянуть в рецензию Энгельса и прочесть там, что «профессора и бюрократы, которые взяли на себя теоретическую разработку науки, представляли собой сухих некритических собирателей фактов, как господин Руа, умничающих спекулянтов, переводивших предложения иностранных авторов на язык плохо понятого ими Гегеля,

¹⁾ P. Struve, Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Socialismus. «Neue Zeit», XV. 1 и 2 Bd. и ответ Меринга в ст. «Stein, Hess, Marx, ibid, XV, 2 Bd.;—П. Струве, На разные темы, 1902.

Engel-Reimers, Der Idealismus in der Wirtschaftswissenschaft. 1932. S. 201—202.

J. Oppenheimer, Lystem der Sociologie, 1 Bd. 1 Halband, 1922. S. 40—44. J. Darmstaedter, Bürgerliche und menschliche Gesellschaft. «Arch. f. Rech. u Wirts. Ph.». 1927. XXI Bd. 1 VI (Oktober). S. 69—76, 2 H. S. 229, 234—235.

Siegfried Landshut. Kritik der Sociologie. 1929. S. 96—99. Между прочим усиленно расшаркивается перед Штейном М. Адлер. См. его «Die Staatsauffassung des Marxismus». Wien. 1922. S. 44. О том, что Л. Штейн был агентом прусской полиции, см. H. Zlocisti, Moses Hess. 1921. S. 129.

²⁾ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 5. Между прочим это ядовитое замечание Маркса о Штейне с особенным сочувствием цитируется Лениным в ст. «К. Маркс», Соч., т. XVIII, стр. 12.

³⁾ Маркс и Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 164. См. также К. Маркс, Uber Karl Grün als Geschichtsschreiber des Socialismus (1847), «Neue Zeit», XVIII, 1 Bd. S. 4—10, 37—46, 132—141, 164—172.

К. Маркс и Энгельс. Святой Макс (критика Штирнера), Гиз, 1920, стр. 174, 556—557.

⁴⁾ Ф. Энгельс, Фурье о торговле, Соч., т. V, стр. 86—87.

вроде господина Штейна, или собирателей крошек с чужого стола—беллетристов в «культурно-исторической» области, как господин Риль»¹).

Такова «объективная» добросовестность современной буржуазной профессорской науки, когда речь заходит о марксизме. Надо отдать должное Мерингу, заклеившему сии «ученые» потуги гг. Койгена и Андера.

Не менее интересную отповедь вызвало со стороны Меринга выступление профессора берлинского Философского общества г. П. Нерлиха с попыткой «окончательно» уничтожить Энгельса.

Меринг показывает все невежество профессора Нерлиха, обнаруженное им в ст. «Социализм и немецкая философия» в трактовке отношения Фейербаха к вульгарному материализму Молешотта; вот почему Фейербах относился критически к этому сорту материализма, отмежевываясь от вульгарных материалистов, которых Энгельс впоследствии назвал «разносчиками дешевого материализма»²).

Нерлих ехидно укоряет Энгельса за то, что последний в своей работе «Л. Фейербах», выясняя философский генезис марксизма, игнорирует Руге и его отношение к Марксу и коммунизму очевидно потому, иронизирует сей почтенный профессор, что в этих отношениях якобы содержится много неблагоприятного для Маркса. И чтобы не остаться в долгу перед высоко культурными слушателями (его статья раньше была прочитана как доклад по случаю смерти Энгельса) Философского общества, г. П. Нерлих тут же напоминает, что Руге отзывался о Марксе как о «непристойном» и «нахальном» «еврее», и в этом, по мнению этого просвещенного «исследователя» философских корней немецкого социализма, причина замалчивания Энгельсом имени Руге.

Меринг совершенно правильно замечает, что в духовной эволюции Маркса и Энгельса Руге никакой роли не играл, будучи по сути нулем во всех отношениях, что Маркс и Энгельс в свое время дали уничтожающую характеристику всех сторон деятельности сего неудачливого представителя гнилой немецкой буржуазной оппозиции, закончившего свою политическую карьеру подобострастным припаданием к стопам Бисмарка, этого идола реакционных юнкерских кругов и автора исключительных законов против социалистов. Руге просил денежного вознаграждения за убытки, которые он понес от преследования прусской полицией, добившись в конце концов после настойчивого, надоедливого приставания 3.000 марок «почетного содержания» из «тайного фонда» Бисмарка. Из уничтожающей критики, данной Марксом и Энгельсом в блестящем памфлете «Великие люди эмиграции»³), видно, почему Руге должен был выпасть из поля зрения Энгельса, трактовавшего серьезные проблемы философского развития Германии 40-х годов. «Третий член этого союза, — читаем мы в этом памфлете, — великий Арнольд Руге (также чрезвычайно значительный человек) ярко выделяется над всей прочей эмиграцией своей фигурой фельдфебеля, не получившего еще должности в гражданском управлении». Далее сей фельдфебель доработал до той глубокой моральной аксиомы, что «нужно браком повысить свое значение», и поэтому в молодые еще годы создал себе женитьбой солидную почву. Сей ладзачитный проф. Нерлиха оказался также прикосновенным и к философии Гегеля. «С помощью гегельянских фраз и «солидной почвы» ему удалось сделаться привратником германской философии, в качестве которого он был обязан возвещать как в галлевских, так и в немецких «Jahrbüchern» о восходящих светилах и прославлять их, и он, пользуясь этим, довольно ловко эксплуати-

¹ Ф. Энгельс, О книге Маркса «К критике политической экономии» (1859), см. приложение к книге К. Маркса «К критике политической экономии», Гиз, 1930 г., стр. 38.

² Ф. Энгельс, Л. Фейербах, стр. 50.

³ Памфлет «Великие люди эмиграции», относящийся к 1852 г., впервые опубликован лишь в 1930 г. в 5-й книге «Архива Маркса и Энгельса».

ровал их в литературном отношении». Но — увы! — сей привратник так и не сумел проникнуть в самую суть германской философии. И в результате его поверхностное усвоение Гегеля сводилось к тому, что если ему легко удавалось улавливание противоречий, ему тем труднее было разрешать их, и он питал весьма понятное отвращение к диалектике»¹). Вот за какое «игнорирование» сего ничтожного субъекта обиделся проф. Нерлих, мурлыча что-то бессвязное по адресу «непристойного и нахального еврея» Маркса. Таково научное беспристрастие высокого философского общества. Напрасно председатель этого академического учреждения проф. А. Лассон пытался оправдаться тем, что Философское общество стоит на позициях «чистого познания» и что оно не имело в виду «позорной речью оскорбить память такого человека, как Энгельс». Тот же нерлиховский плод «чистого познания»²), содержит кроме вышеотмеченных антисемитских выпадов еще замечания об Энгельсе как «бывшем приказчике» с «душою торговца», которого надо изгнать из «храма науки».

В несколько замаскированной и более приличной форме пытался атаковать историческую теорию марксизма проф. Ш. Андлер, о котором у нас уже была речь выше. В специальном пространном комментарии к «Коммунистическому манифесту» сей ученый муж обнаруживает непростительное незнание с действительными источниками, под влиянием которых формировалось историческое мировоззрение Маркса и Энгельса. Меринг подчеркивает в двух статьях — «Методологическая проблема» и «Французский Зомбарт»³), что почтенный профессор ищет корни марксизма не там, где они действительно находятся, что особенно непростительно, если вспомнить, что на эти источники неоднократно ссылались Маркс и Энгельс сами. Курьезно, что сей исследователь, взявшись за столь серьезную тему, не удосужился даже ознакомиться со «Святым семейством», из которого он узнал бы, в какой связи находятся воззрения Маркса и Энгельса с французским материализмом, о представителях которого проф. Андлер умалчивает, как и об историках эпохи реставрации и французских утопических социалистах. «Как картезианский материализм привел к естествознанию в тесном смысле слова, так и другое направление французского материализма приводит непосредственно к социализму и коммунизму» — читаем мы в «Святом семействе». И далее Маркс и Энгельс указывают на то, что не требуется большого ума, чтобы понять эту внутреннюю связь между материализмом и коммунизмом⁴). Но — увы! — даже с этим небольшим умом у профессора Андлера дело обстоит далеко неблагоприятно.

Меринг уличает Ш. Андлера в неумении вскрыть диалектику влияния одних идей на другие, например произведений французских историков на Маркса, так как почтенный комментатор стоит на узко хронологической точке зрения, не будучи в состоянии вдуматься в коренные теоретические установки того или иного мыслителя. Для Ш. Андлера как раз и осталось, говорит Меринг, непонятным «именно в чем Маркс и Энгельс отличались от этих писателей». В частности в отношении происхождения теории классовой борьбы Маркс это различие особенно энергично подчеркнул в известном письме к И. Вейдемейеру (от 5/III 1852 г.), говоря, что не ему, Марксу, принадлежит честь открытия закона классовой борьбы, что это было сделано до него буржуазными историками, но что специфически новое, что внесено

¹) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга 5-я, стр. 326—328.

²) P. Nerrlich, Über das Verhältniss L. Feuerbach zu Hegel, Preussische Jahrb., 1895, Bd. 30.

³) «Ein methodologisches Problem», «Neue Zeit», 1902, 1 Bd., S. 449—453. — Ein Französischer Sombart. *ibid.*, S. 793—797.

⁴) Маркс и Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 160—161.

им в историческую науку, заключается в открытии: «1) что существование классов связано лишь определенными историческими формами борьбы развивающегося производства (das die Existenz der Klassen bloss bestimmte historische Entwicklungskämpfe der Produktion gebunden), 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы»¹⁾.

Вот этой основной марксовой идеи исторической неизбежности завершения классовой борьбы, установления пролетарской диктатуры и окончательной ликвидации классов и не понял Ш. Андлер, и потому он ищет прямых предшественников Маркса в лице Прудона, Сисмонди, Листа и Л. Штейна (у последнего между прочим классовая борьба должна быть разумно завершена установлением фантастической «социальной» надклассовой монархии). После такой эрудиции, проявленной г. Ш. Андлером в столь важной области, и суровой критики самого Меринга весьма странно звучат заключительные слова последнего: «Необходимо еще раз напомнить, что этот труд интересно и вдумчиво написан и не лишен любопытных деталей» (1902 г.).

По своей теоретической бессодержательности недалеко ушел от чисто буржуазных «критиков» марксизма родоначальник современного оппортунизма в рабочем движении г. Э. Бернштейн. Ему Меринг посвятил ряд статей, из которых мы рассмотрим лишь ту, которая посвящена защите, как выражается Меринг, «исторической диалектики» от нападок Бернштейна. Меринг охотно пользуется термином «историческая диалектика», под которым он понимает лишь диалектику исторического процесса, но нигде, как мы уже выше это раз'яснили, не связывает этой диалектики с общефилософской основой марксизма, с диалектическим материализмом. Но даже в этих суженных и ошибочных границах своего понимания Меринг довольно успешно опровергает бернштейновские обвинения Маркса в том, что его теория якобы основана лишь на гегелевской триаде и прочих «диалектических красотах», которые всегда затрудняют возможность полного учета значения признанных перемен.

Меринг, ссылаясь на такие произведения Маркса, как «Капитал», подчеркивает, что Маркс и Энгельс не насильственно вгоняли действительность в заранее сконструированные логические схемы на манер Гегеля, а наоборот, «открывали диалектическую связь в действительном ходе истории». Обвинение в гегелевском схематизме марксистам приходится выслушивать не впервые. Еще в июне 1870 г. Маркс жаловался своему другу Кугельману по поводу тех наскоков на марксов метод, которые себе позволил г. А. Ланге во 2-м изд. своего «Рабочего вопроса». «Г-н Ланге, — пишет Маркс, — удивляется, что Энгельс, я и т. д. принимаем всерьез мертвую собаку Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они роог деуг давно его похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь с самой редкой свободой». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, именно диалектического метода»²⁾.

Такое же непонимание единства диалектического метода и реальных процессов, прослеженных Марксом как в «Капитале», так и в других его работах, обнаружил Бернштейн спустя 25 лет после Ланге и Дюринга. Характерно, что по стопам Ланге и Дюринга шли наши отечественные гг. «критики» как в 70-х, так и в 90-х годах. Это отметил Ленин в своей известной критической статье о Бернштейне, написанной им еще в 1899 г., но впервые опубликованной лишь в 1928 г. Указав на то, что Бернштейн хватается за «тенден-

¹⁾ Маркс и Энгельс, Письма, под ред. Адоратского, стр. 68.

²⁾ К. Маркс, Письма к Кугельману, Гиз, 1922 г., стр. 86—87.

циозность», якобы проявленную Марксом при трактовке исторических тенденций капиталистического накопления, Ленин напоминает, что это обвинение истаскано до последней степени: его выставляли и Евгений Дюринг, и Юлиус Вольф, и г. Ю. Жуковский в 70-х годах, и Г. Н. Михайловский в 90-х годах, тот самый Г. Михайловский, который изобличал некогда г-на Жуковского за это обвинение в акробатстве¹⁾.

Чрезвычайно интересны ссылки Меринга на Клаузевица, чьи выдающиеся взгляды в области военного дела в значительной степени формировались под влиянием «диалектических красот» Гегеля. Меринг подчеркивает далее обратное влияние диалектической теории войны Клаузевица на практику военного дела, из которой сама эта диалектическая теория Клаузевица и выведена. Особенно Меринг останавливается на известном диалектическом понимании Клаузевицем войны как продолжения политической борьбы с оружием в руках, что привлекло внимание Ленина во время войны, когда Ленин изучал кроме Гегеля различную философскую литературу, в той или иной степени испытавшую на себе влияние диалектической философии.

В заключительных своих замечаниях Меринг разъясняет Бернштейну, что «диалектическое мышление» нужно изучать, что тот, кто знает законы диалектического мышления, совсем иначе вникает в диалектику действительности, чем тот, кто ломает себе голову над трудно понятными фактами до тех пор, пока более или менее ясно не поймет их действительных взаимоотношений. Эти слова Меринга приобретают тем более глубокий смысл, что сам Бернштейн не скрывает, что он не располагает особым философским багажом. Впрочем это не помешало ему храбро броситься в бой против ненавистного ему «диалектических красот», революционных скачков и прочих беспокойных для оппортуниста теоретических истин. Призыв к изучению диалектической философии был еще в 70-х годах особенно энергично выдвинут Энгельсом. Обнаруживая философскую беспомощность естествоиспытателей, бессильных справиться со все возрастающим громадным эмпирическим материалом, настоятельно нуждающимся в теоретическом обобщении, Энгельс указывал, что этот последний процесс «может быть значительно сокращен, если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах»²⁾.

* * *

Переходим теперь к рассмотрению статей Меринга о Канте и неокантианстве. Эти статьи имеют сейчас особый интерес потому, что в них мы находим характеристику одного из крупнейших умов, сыгравших в свое время выдающуюся роль в истории философской мысли, а также и его запоздалых реставраторов — так называемых «неокантианцев». Последние выступают или с откровенными буржуазными концепциями, как например Г. Коген, Р. Штаммлер, П. Наторп, или же считают себя сторонниками социализма, который они полагают необходимым «обновить» при помощи кантового категорического императива (К. Форлендер, М. Адлер, Штаудингер и др.). «Этические» потуги гг. профессоров и патентованных оппортунистов, ныне доработавших открыто до воинствующего социал-фашизма³⁾, были предметом неоднократной суровой критики со стороны Ленина. Однако и статьи⁴⁾

¹⁾ В. Ленин, Рецензия на «Kaytsky, E. Bernstein und das social-demokratische Programm», Ленинский сборник VII, стр. 20—22.

²⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы. Гиз, 1929 г., стр. 89, см. также стр. 25, 88, 272.

³⁾ Неокантианство устами Форлендера, Бауэра, Адлера и др. провозглашено официальной философской платформой современной фашизированной социал-демократии.

⁴⁾ Статьи Меринга, специально посвященные разоблачению надклассовой кантовой этики, вошли в вышеназванный сборник, стр. 159—174, 179—184.

Меринга сохранили свою определенную ценность (о непоследовательности критики Меринга мы будем говорить ниже). Напомнив, что «как сам Маркс, так и марксисты всегда относились к Канту с должным уважением («Кант и социализм», сб. «На-страже марксизма», стр. 97) как к философскому и политическому идеологу Великой французской революции¹⁾, Меринг особенно подчеркивает огромную заслугу Канта в области теоретического естествознания. Великий кенигсбергский мыслитель впервые внес в эту область историческую точку зрения, до которой, как известно, не мог подняться в свое время даже Гегель, отличавшийся особенной склонностью к историческому мышлению. Ссылаясь на «Всеобщую естественную историю и теорию неба» Канта, Меринг замечает, что в то время как «Ньютон принимал вечное бытие солнечной системы, а относительно господина бога предполагал, что призванием его было однажды завести эти часы, Кант пошел дальше, показав, что механическое происхождение всего мироздания — акт, представляющий исторический процесс» (сб. «На-страже марксизма», стр. 170).

Меринг в этом вопросе повторяет Энгельса, отметившего, что «кантовская теория о возникновении всех теперешних мировых тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника»²⁾. Но эти научные заслуги не могут затушевывать буржуазную суть кантовских идей в области философии, политики и этики.

Основной порок кантовой философии заключается в том, что она есть, как замечает Ленин, «примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений»³⁾. Выступая как идеолог буржуазии на фоне отсталости немецких социальных отношений, Кант не мог преодолеть этот дуализм. Отсюда и собственное признание Канта, что «я должен был отвергнуть знание, чтобы дать место вере» (цитата приведена в сб. «На-страже марксизма», стр. 182).

Первые сокрушительные удары дуалистическая философия Канта получила со стороны Гегеля и окончательно была преодолена в философии диалектического материализма⁴⁾, который в лице Маркса и Энгельса впервые также расшифровал классовую, буржуазную суть кантового политического и этического учения; это учение в нашу эпоху борьбы коммунизма с загнивающим капитализмом является духовным орудием в руках реакционных буржуазных идеологов для подчинения пролетарских масс буржуазному господству. Вот почему лозунг «назад к Канту», выставленный неокантианцами и особенно подхваченный Э. Бернштейном, встречает со стороны Меринга резкое осуждение. Меринг напоминает неокантианцу К. Форлендеру, что уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс с исключительной ясностью показали, что за кантовскими конструкциями «практического разума» и категориями «чистой воли» крылись довольно прозаические интересы французской буржуазии (стр. 116) и что не этим давно отбро-

¹⁾ По образному выражению Маркса, «философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции» (К. Маркс, «Философский манифест исторической школы», Соч., т. I, Гиз, 1929 г., стр. 212), а по словам Энгельса, немецкие социалисты гордятся тем, что ведут свой духовный род как от утопических социалистов, так и от Канта, Фихте и Гегеля. «От утопии к науке», Гиз, 1926 г., стр. 13.

²⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 50—51, см. также и стр. 8, 18 в его «Диалектике природы».

³⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 162.

⁴⁾ «Самые решительные возражения против их (т. е. Юма и Канта. — Я. Р.) взглядов, какие только можно было сделать с точки зрения идеализма, сделал Гегель. Добавочные материалистические возражения Фейербаха более остроумны, чем глубокомысленны. А лучше всего разбиваются эти философские измышления, как и все другие измышления, самой практикой, т. е. опытом и промышленностью» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 13).

шенным философским хламом можно современный социализм вывести на более широкую дорогу ¹⁾

Характерно, что сам Кант и его новоиспеченные реставраторы не скрывают, что с горячей проповедью возвышенного «категорического императива», который как будто бы запрещает рассматривать другого человека как средство, но всегда как самоцель, у них вполне сочетается лишение трудящихся элементарных политических прав; так Меринг цитирует слова столпа неокантианства К. Форлендера, вынужденного лицемерно (вот она, кантовская «возвышенная», а не какая-нибудь пролетарская, марксистская этика!) признать, что «Кант, правда, выступает поборником самой полной законной свободы, равенства и самостоятельности всех граждан государства. Но он считает подмастерьев у купца или у ремесленников, прислугу частных лиц, поденщиков, крестьян-арендаторов и «всех женщин» — словом всех, находящихся на иждивении у какого-либо другого лица, не гражданами государства, а обывателями» (сб. «На-страже марксизма», см. ст. «Кант и социализм», стр. 96—97).

Меринг с большим блеском показывает филистерское убожество шиллеровских поэтических переделов бесплодного кантовского идеализма, от обаяния которого до сих пор не может освободиться немецкий мещанин. Это филистерство в его социал-демократической разновидности прививалось в течение десятков лет рабочему движению открытыми трубадурами лозунга «назад к Канту», не встречая за редкими исключениями решительного отпора. Достаточно вспомнить, что сам К. Каутский, когда волей-неволей должен был выступать против кантовских упражнений Бернштейна, признавался Плеханову, что он, собственно, большой беды от дополнения Маркса не видит ²⁾, всячески намекая Плеханову, что критические статьи последнего против неокантианских откровений Бернштейна и К. Шмидта не так уже интересуют читателей редактируемого Каутским журнала «Neue Zeit» (теоретического органа немецкой социал-демократии того времени, в котором Плеханов помещал свои статьи против кантовской заразы). Это прохладное отношение к материализму со стороны «Neue Zeit» и вообще филистерскую суть неокантианства особенно клеймил Ленин. «Материализм, как философия, — пишет Ленин М. Горькому, — везде у них в загоне»: «Neue Zeit» — самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярким сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков»... И далее: «Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» ³⁾.

Любопытно вспомнить, что филистерская этика Канта, вся проникнутая сухим формализмом и мелочным педантизмом (Кант особенно гордился, что он никому никогда ничего не был должен и что кредиторы никогда поэтому не могли омрачить его невозмутимого покоя), в свое время возмутила, как подчеркивает Меринг, даже такого философского защитника мещанства, как ближайшего духовного преемника Канта, А. Шопенгауэра, с негодованием

¹⁾ Говоря о практической бесплодности сконструированной Фейербахом надклассовой морали, Энгельс указывает: «Она выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний, и именно потому она неприложима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта». «Л. Фейербах», стр. 57.

²⁾ «Во всяком случае, я должен открыто заявить, — писал Каутский Плеханову в 1898 г., т. е. в самый разгар борьбы с неокантианством, — что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии, и хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством» (Каутский, Письмо Плеханову, сб. «Группа «Освобождение труда» № 5, Гиз, 1926 г., стр. 227, см. также и сб. № 6, стр. 256—257).

³⁾ В. Ленин, Письма М. Горькому (от 13/II 1903 г.), Гиз, 1924 г., стр. 16.

говорившего об этике Канта как о «рабской морали». «И вот эту-то рабскую мораль, — восклицает Меринг, — ныне хотят привить пролетарской освободительной борьбе» (ст. «Кант» в сб. «На-страже марксизма», стр. 176).

Между прочим личный моральный ригоризм Канта, о котором усиленно говорят его поклонники, достаточно характеризует то, что через три года после того как он растекался в верноподданности прусскому королю Фридриху в посвященной ему книге по теории мироздания, когда Восточная Пруссия была завоевана русскими войсками, Кант столь же почтительно просит у царицы Елизаветы профессорской кафедры¹⁾.

Меринг отмечает и другой позорный факт из моральной биографии Канта, заключающийся в унижительном обещании королю Фридриху Вильгельму не выступать ни с какими докладами или печатными произведениями по поводу «как естественной, так и боготворенной религии».

И вот после сего приходят неокантианцы и провозглашают Канта, этого типичного идеолога половинчатой, трусливой немецкой буржуазии, устами Г. Когена не более и не менее как «истинным и действительным основателем немецкого социализма» («На-страже марксизма», стр. 96) или же в лице К. Форлендера патетически вопрошают, «можно ли было бы высказать в более простой форме и более ясно основную идею социализма», чем это выражено в кантовском категорическом императиве (там же, стр. 95).

Стремление к духовному подчинению рабочего движения со стороны идеологов буржуазии в связи с обострением классовой борьбы — таков смысл всех ученых рассуждений неокантианцев о социализме. Это достаточно видно из тех духовных ресурсов, которыми например Коген собирался обогатить теорию современного социализма, а именно: идеями бога, права, государства и национальности... «Лишь самодовольный кабинетный ученый, — с негодованием восклицает Меринг (целиком, прибавим от себя, находящийся в лагере реакционной буржуазии), — мог забрать себе в голову, что можно требовать от рабочего класса «глубокого уважения к государству или даже к идее государства, когда суть этой идеи в том, что меньшинство угнетает и эксплуатирует большинство посредством исключительных законов классовой юстиции, налогов на предметы питания, законов страхования и т. д.»

Меринг очень зло высмеивает те поистине смехотворные трудности, которые возникают по мнению третьего неокантианца Штаудингера. В своей книге «Этика и политика» Штаудингер серьезно ломает голову над вопросом, не вступает ли в конфликт со своей совестью социалист, не принимающий участия в процедуре приветствования монарха, который, как он говорит, все же является признанным конституцией представителем нации. До каких чудовищных благоглупостей договорился сей «этизированный» кретин, видно из того, что он морально оправдывает правительственные репрессии против революционеров, говоря: «Кто сходит с почвы конституции, тот не должен роптать, когда к нему относятся сообразно этому» («На-страже марксизма», стр. 104).

Меринг удачно напоминает сему зарпортованному неокантианцу, что сам Кант назвал отказ от своих убеждений мерзостью и что следовательно даже с точки зрения духовного учителя Штаудингера мерзостью будет именно участие социалистов в позорной монархической комедии (там же, стр. 105).

¹⁾ Одиозный этот факт, нам кажется, достаточен, чтобы несколько охладить те восторженные чувства преклонения перед личным моральным совершенством Канта, которые расточает Л. Аксельрод в своих статьях во время войны, когда сего «ортодокса» потянуло «назад к Канту». «И вот в такие тяжелые исторические дни, — писала Л. Аксельрод в 1916 г., — когда, говоря словами романтического поэта, чувствуешь себя подчас «в пустыне бытия», совершенно естественно вспомнить о «критике практического разума», в которой великий автор, вдохновленный своей собственной непреклонной нравственной волей, изобразил нравственное человеческое достоинство». См. сб. «Марксизм и этика», изд. 2-е, Гиз, 1925 г., стр. 224.

Меринг бьет наконечник последнюю героическую попытку спасти кантову этику, предпринятую проф. Р. Штаммлером и заключающуюся в том, «что наряду с причинным объяснением социальных явлений существует также непротиворечащее ему, а лишь дополняющее его телеологическое» («На-страже марксизма», стр. 101). Меринг вскрывает формально механический характер связи между генетической и этической точкой зрения у Штаммлера, говоря, что, хотя эти две точки зрения и различны, но они одновременно проникнуты и определенным единством, при наличии коего и этическая оценка приобретает известную историческую силу. «Доказывая историческую необходимость капитализма,—поясняет Меринг свою мысль,—Маркс отнюдь не восхищался», или что следовательно не этика как система «свободно» поставленных целей является доминирующей силой, а логика исторического развития, продиктованная расстановкой борющихся социальных групп на те или иные классовые позиции, с которых идет та или иная этическая оценка.

Наиболее ярко расшифровал сущность этики и в частности коммунистической морали Ленин в речи на III съезде РКСМ, говоря, что коммунистическая этика — «это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунизма»¹⁾.

Именно эта штаммлеровская формалистическая установка, отрывающая этическую норму от генетического процесса ее исторического возникновения, и дала основание Ленину расценить книгу Штаммлера «как ученый вздор и бесплоднейшую схоластику». «Пытаться воевать с марксизмом,—пишет Ленин,—имея в багаже одни сочиненные глупейшим образом дефиниции, как воюет Штаммлер, писавший раньше только учебники для студентов по римскому праву... слишком уже забавное предприятие»²⁾.

Разоблачив «новаторские» этические потуги гг. неокантианцев, Меринг подчеркивает, что «установить надлежащий моральный принцип пролетарской классовой борьбы не так трудно, чтобы для этого следовало обращаться к Канту», и совершенно правильно объясняет, в чем должен заключаться этот принцип, а именно: «делай так, чтоб каждый твой поступок был направлен на освобождение трудящихся от цепей наемного рабства и чтобы он содействовал такому освобождению».

Показав все идейное убожество этических претензий К. Форлендера, Р. Штаудингера, Г. Когена, Р. Штаммлера и др. неокантианцев, Меринг замечает, что их гносеологические потуги представить кантовскую «вещь в себе» как икс бесконечного уравнения, которое предстоит разрешить безгранично прогрессирующему познанию, представляют не что иное, как стыдливый переход на философские позиции диалектического материализма, который устами Энгельса давно подчеркивал, как под влиянием «успехов естествознания и промышленности» кантовой «вещи в себе» приходит конец, так как она превращается в «вещь для нас»³⁾.

В результате Меринг приходит к выводу, что неокантианство объективно и по существу представляет собою лишь попытку разрушить исторический материализм! («Кант и Маркс» в сб. «На-страже марксизма», стр. 113). Здесь снова обнаруживается уже отмеченное нами выше

¹⁾ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 392, см. также т. I, стр. 292.

²⁾ Ленин, Письма к родным, Гиз, 1931 г., стр. 223.

³⁾ Ф. Энгельс, Л. Фейербах, стр. 13. Ср. слова Ленина: «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней». Соч., т. XIII, стр. 111. И далее: «идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем притти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (там же, стр. 117).

стремление Меринга свести марксистскую философию лишь к одному историческому материализму (а ведь неокантианцы покушаются не только на социологическую теорию марксизма). Кроме того плохо звучит словечко «объективно»; это снисходительное отношение, почти граничащее с оправданием неокантианского ревизионизма, выражено Мерингом и в фразе о том, что «неокантианцы сами не питают таких злостных намерений» (там же, стр. 99, ст. «Кант и социализм») как «удушение всего социализма». Но далее Меринг правильно подчеркивает, что надо раз навсегда покончить с трогательной, но весьма вредной, распространяемой неокантианцами иллюзией о взаимном тяготении между Кантом и Марксом, якобы «протягивающих друг другу руки над «диким разгулом пустых и слепых» (там же, стр. 115), покончить надо поскорее потому, резюмирует далее Меринг, что «пытаться исторически или логически вывести (из кантовой философии. — Я. Р.) социализм очевидная нелепость» (там же, стр. 99) и что в конце концов неокантианство, из каких бы соображений оно ни исходило, может содействовать лишь «затемнению в сознании немецкого рабочего класса с таким трудом добытого им понимания исторических задач» (стр. 107).

* * *

Мы не можем не отметить ряд грубых отступлений от диалектического материализма, которые допустил сам Меринг в своей критике Канта и неокантианства. Идеологическое давление оппортунистических элементов в теоретическом руководстве II интернационала было столь велико, что даже такие философские деятели, как Меринг, не обнаруживали достаточной воинствующей непримиримости к неокантианской ревизии. Ибо, что значит замечание Меринга по поводу неокантианства, что «хоть с ним целиком нельзя помириться, но возможно некоторое сближение», или специально по поводу Штаудингера и Форлендера: «Во всех существенных пунктах они стоят очень близко к социал-демократическим требованиям и только не в состоянии избавиться от окутывающего их голову идеологического тумана» (там же, стр. 105), «а потому,—говорит далее Меринг,—помимо этого соглашение между марксистами и неокантианцами вполне достижимо; социал-демократия так же мало, как и Валленштейн, интересуется идеологическим катехизисом, лишь бы человек сам по себе был дельным, честным» (там же, стр. 105). И хотя тут же Меринг спешит добавить, что «социал-демократия не может допустить, чтобы ясное небо ее научного мирозерцания затемнялось идеологическим туманом» (там же, стр. 105), но определенный гнилой либерализм и беззаботное отношение к засорению чистоты марксистской теории здесь Мерингом допущены.

Столь же странное впечатление производят хвалебные замечания Меринга, неожиданно расточаемые им по адресу литературных творений неокантианцев, как например по поводу крайне поверхностной даже с фактической стороны «Истории философии» К. Форлендера и его же книги «Кант и Маркс» или «Этики и политики» Штаудингера. Последнюю Меринг расценивает как «честную и умную книгу» (там же, стр. 103). И это говорится по адресу того самого Штаудингера, который серьезно мог говорить о таких пустяках, как угрызение совести (!) вследствие воздержания от участия в монархической манифестации!

Лишена также революционной непримиримости и слишком мягка критика Мерингом торжественной речи М. Адлера о Канте, произнесенной им по случаю столетия со дня смерти Канта. Совершенно непонятна в устах Меринга и такая фраза: «Будем однако снисходительны и оставим в покое бога, свободу и бессмертие, как постулаты практического разума, тем более, что неокантианцы признают их так же мало, как и «вещь в себе» (там же, стр. 175). Опять-таки сам Меринг подчеркивал, что духовный вождь неокан-

тианства Г. Коген особенно нападает на идею бога. О том, что будто бы, по Мерингу, Энгельс не разглядел какой-то «драгоценной паутины», которая вилась около кантовой «вещи в себе», мы уже упоминали. Глубоко неверно и следующее положение Меринга: «Следовательно по существу этика у Канта и Маркса одна и та же» (там же, стр. 104), хотя далее Меринг доказывает, что по существу они как раз глубоко противоположны. Такая же непоследовательность проявлена Мерингом в оценке эстетических воззрений Канта, от рассмотрения которой мы вынуждены воздержаться ввиду беглости замечаний самого Меринга в настоящих статьях. Далее, Меринг в известной дискуссии¹⁾, разгоревшейся в 1900 г. между П. Лафаргом и Ш. Раппопортом, отстаивавшим тогда неокантианские позиции, считал почему-то возможным солидаризироваться с Ш. Раппопортом, отвергавшим квалификацию Канта как «буржуазного софиста», защищавшуюся с исключительным остроумием Лафаргом (см. сб. «На-страже марксизма», стр. 164). Эту блестящую аргументацию Лафарга Ленин впоследствии с большим сочувствием использовал в борьбе с махистами, шарахнувшимися вспять еще правее Канта²⁾. Очень уж неудачна ссылка Меринга на замечания Лассалья, по мнению которого будто бы «вся немецкая философия от Канта до Гегеля «подобна ивиковым журавлям», поднявшимся над буржуазией к пролетариату», ибо здесь смазаны классовое содержание и политическая роль философии. Она тем более неудачна, что Меринг неоднократно сам отмечал буржуазные черты Канта и неокантианства, специфическое лицемерие, проявленное Кантом в отстаивании идеи бога в своей «Теории неба», сам квалифицируя аргументацию Канта как «ничтожную софистику».

Последовательную критику Канта и неокантианства после Маркса и Энгельса мы находим только у Ленина. Только Ленин до конца вскрыл философскую и буржуазно-реакционную суть так называемого неокантианского течения в социалистическом движении³⁾; еще во время своего пребывания в ссылке, когда туда докатились первые отголоски неокантианского поветрия, Ленин решительно выступил против кантовского идеализма, доказывая, как об этом повествует Ленин, «что не может быть никаких границ человеческого знанию, которое должно прогрессировать и отделаться от идеалистической, буржуазной шелухи»⁴⁾.

Как известно, Плеханов неоднократно позволял себе иронизировать над якобы философской беззаботностью Ленина⁵⁾. В действительности эта чудовищная легенда опровергается тем, что тот же Плеханов рассказывал, как еще летом 1900 г. Ленин обращался к нему с вопросом, почему он, Плеханов, оставляет без ответа критические упражнения в неокантианском духе г-на П. Струве⁶⁾. Еще раньше, в конце 1898 г., Ленин в письме к Потресову выражал крайнее удивление, почему это автор «*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*» (т. е. Плеханов. — Я. Р.) не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве

¹⁾ P. Lafargue, Le materialisme de Marx et l'idealisme de Kant. «Le Socialiste», 1900 г., от 25 февраля и ответ Ch. Rapoport Kant. était il un sophiste bourgeois. Характерна оппортунистическая заметка M. Zetterbaum об этой дискуссии, помещенная в «*Neue Zeit*» (XX, 1 Bd. S. 542—543) без каких-либо редакционных примечаний.

²⁾ В. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 166—167.

³⁾ В. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII.

⁴⁾ Ф. Ленин. Письма В. И. Ленина по вопросам философии, писанные мне в 1898—1899 г. «Ленинский сборник», I, стр. 194—196. См. А. Шаповалов, Воспоминания об встречах с В. И. Лениным. «Пролетарская революция» № 1, 1929 г., стр. 78—80.

⁵⁾ Г. В. Плеханов. Выбранные места из переписки с друзьями. Соч., т. XIII, стр. 274. Его же. Речь на Лондонском съезде об отношении к буржуазным партиям, т. XV, стр. 392—395.

⁶⁾ Г. Плеханов, *Materialismus militans*, т. XVII, стр. 7.

и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников»¹).

Ленин считал чрезвычайно важным самым решительным образом отмежеваться от «новой струи», говоря, что те ученики Маркса, которые взывают «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выитрыш теории Маркса от «оплодотворения ее кантианством». Более того, продолжает Ленин: «Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс»²). Вполне понятно, Ленин сочувственно встретил специальные выступления Плеханова против дополнения Маркса Кантом. «Вполне прав Плеханов,—писал Ленин летом 1899 г.,—объявляя неокантианство реакционной теорией буржуазии и восставая против Бернштейна»³). Даже в период наиболее острых политических разногласий с Плехановым в декабре 1906 г. Ленин, разоблачая оппортунизм Плеханова, в то же время подчеркивал, что «никакая фракционность» не может снизить ту положительную теоретическую роль, которую сыграл Плеханов в борьбе с оппортунизмом⁴).

Очень важно отметить, что, оценивая положительно теоретическую борьбу Плеханова против неокантианства, Ленин с присущей ему прозорливостью отметил и ряд существенных недостатков в плехановской критике, коренящихся в недооценке Плехановым самой материалистической диалектики⁵), в результате чего мы получаем, что «Плеханов,—как разъясняет далее Ленин,—критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарноматериалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий»⁶). Последовательность ленинской критики кантианства исходит из более глубокого понимания и дальнейшего развития Лениным диалектического материализма. Плеханов и Меринг обстреливали враждебный неокантианский лагерь вообще из недостаточно дальнобойных орудий⁷). Плеханов на склоне своей жизни, в годы империалистической свистопляски, совсем капитулировал перед этическим коллаком кенигсбергского философа, позорным памятником чего являются его известные социал-патриотические статьи, насквозь проникнутые забвением азбуки материалистической диалектики и славословием кантового «категорического императива», мобилизованного на предмет оправдания империалистической политики стран согласия⁸).

Уже при рассмотрении статей Меринга «Об историческом материализме» и против Бернштейна мы уделили внимание и проблеме трактовки Мерингом диалектического материализма вообще и в частности роли Гегеля в подготовке марксизма. Сейчас мы хотим несколько дополнить эти выска-

¹ Ленинский сборник IV, стр. 8. Поводом к этому недоумению Ленина послужила полемика между Булгаковым и Струве о наделявшей много шуму книге Р. Штаммера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории», вышедшей на нем. яз. в 1896 г.

² В. Ленин, Еще к вопросу о реализации, Соч., т. II, стр. 411.

³ В. Ленин, Письма к родным, Гиз, 1931 г., стр. 216.

⁴ В. Ленин, Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского — «Движущие силы и перспективы русской революции», Соч., т. X, стр. 231.

⁵ В. Ленин, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 301.

⁶ В. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, Ленинский сборник IX, стр. 197.

⁷ Несомненно, что таких марксистов, как Меринг, имел в виду Ленин, когда писал: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски» (там же, стр. 199).

⁸ См. об этом полемике в сборнике «Марксизм и этика», под ред. Я. Розанова, 2-е доп. изд., Гиз, 1925 г.

звания Меринга тем материалом, который отчасти встречается в других статьях о Канте. Меринг отмечает, что «время расцвета гегелевой философии было временем политической и социальной реакции» и что поэтому верх взяла в гегелевой философии «консервативная сторона до тех пор, пока экономическое развитие Германии не открыло путь ее революционной стороне» («Кант и Маркс», стр. 110). Упомянув об «исторической диалектике», которая в лице Гегеля завоевала «бесчисленные области духа», и о том, что Гегель «своим принципом эволюции оплодотворил исторические науки в такой мере, в какой кантова философия совершенно неспособна была это сделать» (там же, стр. 110²), Меринг особенно подчеркивает опромное значение гегелевской «Истории философии», с которой по глубине истолкования предшествующих философских течений совершенно несравнима прославляемая буржуазными профессорами философия Канта. Аналогичную высокую оценку гегелевской «Истории философии» мы находим у Маркса и Энгельса³).

Точно так же и Энгельс раз'яснял Конраду Шмидту, что «извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей — это только ее отблеск», но вместе с тем добавил, что «вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений)»⁴). Особенно большое внимание этому произведению Гегеля уделил Ленин. Свидетельством этого являются исключительные по своей глубине критические замечания, содержащиеся в составленном им конспекте на это сочинение Гегеля. Конспект Ленина представляет наглядный пример того, как он умел «читать Гегеля материалистически»⁵), беспощадно вышвыривая «боженьку» и всякую прочую мистику⁶).

Общезвестно, да и сам Меринг неоднократно подчеркивал, что неокантианцам как раз и нехватает действительного понимания того великого, что сделал Гегель для философской подготовки марксизма, и вместе с тем Меринг почему-то находит возможным расточать похвалы ничтожной книжке неокантианца М. Адлера «Маркс как мыслитель» (1908) как «замечательной книжке», в которой автору якобы «удалось прекрасно разрешить поставленную перед ней задачу», и что «особенно заслуживает внимания в его работе — это объективная оценка Гегеля» («Neue Zeit», 1908. Bd. I, S. 310—311).

Зато в короткой рецензии Меринг («Neue Zeit», 1911, Bd. I, S. 143—144) дает уничтожающую критику жалчайшей стряпни г. Пленге «Marx und Hegel». В ней этот, по выражению Меринга, «новый истребитель Маркса» снова пускает в ход глупейшую версию о том, будто бы от своего бывшего гегельянства Маркс освободился под влиянием Л. Штейна, известную компиляцию

¹) Как видит читатель, Меринг упорно твердит лишь об исторической диалектике, упорно уклоняясь от того более глубокого понимания диалектики, которое выражено Энгельсом в следующих словах: «диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах всякого движения. Это означает, что законы ее должны искать силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления». «Анти-Дюринг», Гиз, 1928 г.

²) См. К. Маркс, Письмо Ф. Лассалю от 22 февраля 1858 г. См. Маркс и Энгельс, Письма, изд. 3-е, 1928 г., стр. 97—98. См. также письмо Энгельса к К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. Маркс и Энгельс, Письма, стр. 353—355.

³) Там же, стр. 353—355.

⁴) В. Ленин, Конспект лекций Гегеля по истории философии (Берн, 1915, Лен. сб. XII. См. особенно о «боженьке» по поводу попыток Гегеля сфальсифицировать материалистическую суть Эпикура, где Ленин бросает такое крепкое замечание: «бога жалко. Сволочь идеалистическая», стр. 497).

⁵) Для иллюстрации чудовищного извращения мыслей Маркса, которое практикует сей неокантианец и лидер современного социал-фашизма, мы позволим себе привести одну лишь цитату, а именно: «Etwas nomitche Vernä tnisse ja selbst etwas Geistiges sind, nur als Geistiges überhaupt verstanden werden können». М. Adler. Marx als Denker. 3 Aufl, 1925, S. 57.

которого Плэнге называет «блестящей книжкой», якобы вызвавшей «коренной переворот в мировоззрении Маркса» («Neue Zeit», Bd. 1, S. 143).

Большую марксистскую чуткость обнаружил Меринг и к попыткам «дополнения» марксизма так называемым «дицгенизмом», т. е. тем идеалистическим сумбуром, который тщательно выискивал «неумный и неудачный философский сынок» (по выражению Ленина) Евгений Дицген у своего талантливого отца Иосифа Дицгена, рабочего-философа, открывшего по-своему диалектический материализм¹⁾. Основная суть диалектико-материалистической философии И. Дицгена заключалась в том, что сей немецкий мастер-кожевник, работавший одно время в Петербурге, твердо отстаивал мысль о том, что «человеческий орган познания не испускает никакого метафизического света, а есть кусок природы, отражающий другие природы», или иначе, познавательная способность «это зеркалоподобный инструмент, отражающий вещи мира или природу»²⁾, причем хотя отражение это имеет и относительный характер, но оно объективно и в своем прогрессивном росте к абсолютной истине все приближается³⁾.

Но эти сильные стороны И. Дицгена ослаблялись рядом слабых мест в философских высказываниях, которые состоят, как говорит Ленин, «в отступлениях его от последовательного применения диалектики, от последовательного материализма, в частности от «Анти-Дюринга»⁴⁾. Эти как сильные, так и слабые стороны в свое время были энергично подчеркнуты Марксом и Энгельсом, с большим вниманием отнесшимися к этому кожевнику. В лице последнего «философия», по шутливому замечанию Энгельса, которая ко времени Якова Бема была настоящим сапожником, сделал шаг вперед, приняла образ кожевника⁵⁾. Вскрывая фейербахианские⁶⁾ корни дицгеновского материализма, Маркс и Энгельс неоднократно отмечали также как большой недостаток слабое знакомство Дицгена с диалектикой и в частности с Гегелем. «Недостаток диалектического мышления», «очень для него плохо, что он не изучил Гегеля», «недостаток ясности», «диалектика есть, но больше в виде проблесков, чем в связи»⁷⁾, — вот те критические замечания, которые мы встречаем в высказываниях Маркса и Энгельса о Дицгене. Но вместе с тем Маркс и Энгельс постоянно подчеркивают большие достоинства его самостоятельного философского мышления. Так, Маркс в письме к Кугельману писал, что прочитанная им в рукописи «Способность мышления» Дицгена, «несмотря на некоторую путаницу и слишком частые повторения, содержит много превосходного и — как самостоятельный продукт рабочего — даже достоин удивления»⁸⁾. Вот эту-то путаницу вытащили Е. Дицген, Э. Унтерман, П. Дауге и всяческие махисты — и под громким именем «дицгенизм», «натурмонизм» преподнесли эту путаницу миру в качестве высшей философской истины, которая должна оплодотворить слишком, по их мнению, «узкий марксизм». При всем глубоком уважении к И. Дицгену Ленин ни на одну минуту не затушевывал те отступления от материализма и диалектики, которые содержит в себе так называемый «дицгенизм». «Дицген, — пишет Ленин, — выражает свои мысли расплывчато, неясно, кашеобразно в отличие от Энгельса», «но реакционным философам И. Дицген, —

¹⁾ В. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 203.

²⁾ Цитаты приведены у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме», стр. 201.

³⁾ Там же, стр. 110, 111.

⁴⁾ Там же, стр. 202.

⁵⁾ Энгельс, Письмо к Марксу от 26 ноября 1867 г., Соч., т. XXIII, стр. 473.

⁶⁾ Маркс и Энгельс, Письма, изд. 3-е, 1928 г., стр. 211, 212, 213.

⁷⁾ Влияние Фейербаха отмечает неоднократно и Меринг, стр. 131.

⁸⁾ К. Маркс, Письма к Кугельману (письмо от 5/XII 1868 г., стр. 55—56).

Аналогичное мнение см. у Энгельса в письме к Марксу от 6/IX 1868 г. Маркс и Энгельс, Письма, стр. 212.

продолжает далее Ленин,—мог понравиться потому, что он кое-где путает»¹⁾. А путает он в таких подчеркнутых Лениным формулировках, как например: «Понятие материя надо расширить», включив в него и нашу способность познавать, объяснять²⁾, или: «Но и нечувственное представление чувственно, материально, т. е. действительно»³⁾, или наконец такое утверждение, что наше знание — «прирождено нам. Оно дано вместе с сознанием»⁴⁾. И хотя Дицген после таких явно неверных формулировок спешит сейчас же их ослабить совершенно верными утверждениями вроде таких замечаний, что все же «материя управляет духом»⁵⁾, что все же «опыт подтверждает природное знание»⁶⁾, тем не менее диалектико-материалистическое мировоззрение Дицгена значительно проигрывает в своей последовательности, и Маркс имел достаточное основание, особенно когда Дицген дебютировал со своими наиболее зрелыми философскими введениями, констатировать, что «несчастный» развился вспять и «достиг как раз феноменологии»⁷⁾.

Вот против этого «дицгенизма» энергично выступил Меринг, отбегая с негодованием заподозривания Е. Дицгена, Э. Унтермана с их глашатаем «натурмонизма» в якобы недостаточно достойном научном почтении не к И. Дицгену, имеющему несомненно большие заслуги перед теорией диалектического материализма (что в свое время признал сам Энгельс⁸⁾), а к сочиненному ими «дицгенизму» (см. ст. Меринга об Унтермане и Е. Дицгене в «Neue Zeit», XXVIII, Bd. 2. S. 987—990). Все возмущение глашатаев «дицгенизма» против «узких марксистов», и в частности Меринга, возникло из-за того, что так называемые «узкие марксисты» в немецкой литературе, в первую очередь Меринг⁹⁾, никак не находили необходимым дополнять марксизм «дицгенизмом» и как раз по соображениям высокого почтения к самому И. Дицгену, которого Меринг, так же как и Энгельс, признает автором, самостоятельно и независимо от Маркса и Энгельса развившим «материалистическую диалектику»¹⁰⁾, в чем именно и заключается его преимущество перед Фейербахом. Приведя замечания Энгельса о том, что без знакомства с математикой и естествознанием нельзя как следует овладеть диалектическим материализмом, Меринг правильно отсюда заключает, что хотя Маркс и Энгельс лишь урывками занимались этими отраслями знаний, тем не менее «из тех глав «Анти-Дюринга», в которых Энгельс касается этих вопросов, можно научиться гораздо большему, чем из всех сочинений Дицгена» (стр. 132 русск. текста). Это писалось Мерингом до выхода в свет «Диалектики природы» Энгельса, в свете которой еще курьезнее становятся претензии «дицгенистов», про которых Ленин писал, что за дицгеновскую путаницу ухватились разные

¹⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 201.

²⁾ Там же, стр. 201.

³⁾ Там же, стр. 199.

⁴⁾ Там же, стр. 110.

⁵⁾ Там же, стр. 201.

⁶⁾ Там же, стр. 110.

⁷⁾ Маркс, Письма, стр. 213. Письмо Энгельсу от 5/1 1882 г.

⁸⁾ Энгельс. Л. Фейербах, стр. 60.

⁹⁾ Между прочим, говоря об «узких марксистах», отвергнувших глупые претензии «дицгенистов» на дополнение марксизма «дицгенизмом», Меринг упоминает из русских марксистов лишь Плеханова, о ленинском «Материализме и эмпириокритицизме» Меринг совершенно не упоминает, хотя в этой работе мы имеем наиболее развернутую критику «дицгенизма» и его соратника—механицизма, хватающегося с особенным усердием за свою эту «дицгенистскую» путаницу. Работа Плеханова о Дицгене в свое время вышла в немецком переводе в виде приложения к известной книге Э. Унтермана (E. Untermann, Die logischen Mangel des Engern Marxismus, M. 1910. S. 753. (Ст. Плеханова, стр. 691—718). Работа же Ленина на немецком языке вышла лишь в наши дни. Не этим ли объясняется странное молчание Меринга о работе Ленина по столь тогда интересовавшему Меринга вопросу?

¹⁰⁾ Меринг, Кант, Дицген, Мах и исторический материализм, см. сб. «Настраже марксизма», стр. 131.

неумелые люди (Евгений Дицген в том числе) и конечно наши махисты»¹) и что эту путаницу не следует затушевывать как раз для того, чтобы быть в состоянии последовательнее бороться с современной реакционной философией²), представитель которой сам И. Дицген квалифицировал как «дицгено-мированных лакеев поповщины».

Меринг правильно отмечает недостаточно критическое отношение И. Дицгена к спинозизму (стр. 134) и недопустимое сваливание в одну кучу господ из «Kreuzzeitung'a» Герляха, Лео и Штала с Фейербахом и Марксом, о которых Дицген отзывался с большим уважением, говоря, что они «помогли ему стать на ноги» (там же).

Меринг с совершенно законным презрением говорит об этих жалких эпигонах гегельянства, в качестве феодальных романтиков воспринявших лишь наихудшие, реакционные элементы гегелевского наследия; к тому же «Лео был таким горячим поклонником гегелевской философии, что рекомендовал предавать «гегельянцев», причастных к немецким университетам, «дисциплинарному суду и прокурорскому надзору» (стр. 135). Меринг далее отмечает, что во власти этой легенды о каком-то затирании какими-то марксистами замечательной фигуры Дицгена находится и автор популярной книжки о Дицгене—Генриетта Ролланд-Гольст³). Меринг совершенно резонно недоумевает, кто же эти марксисты-заговорщики против памяти Дицгена, ибо: «мы таких марксистов совсем не знаем» (см. ст. по поводу книги Ролланд-Гольст о Дицгене Меринга в «Neue Zeit», XXVIII (1900 г.), Bd. 2, S. 987—990). Отметив скромные достоинства этой брошюры, которую никак нельзя «поставить в ряд с унтермановскими фарсами», Меринг хоть и находит возможным ее рекомендовать, но с той оговоркой, что «мы не можем согласиться с ее оценкой этой философии для борьбы пролетариата за свое освобождение». Как известно, сам И. Дицген никогда не претендовал на какую-либо оригинальность и в своих высказываниях неоднократно подчеркивал, что действительным основоположником диалектического материализма и научного коммунизма является лишь Маркс. Тем не менее «некоторые из самых реакционных философов буржуазии, отъявленные мракобесы и прямые защитники поповщины», по энергичному замечанию Ленина⁴), в прогательном единении с неудачливым философским дицгеновским сыном из ряда несомненных ошибок простого рабочего-философа состряпали какое-то учение — «дицгенизм» — и храбро бросились в бой с «узким марксизмом», на предмет его такого «дополнения», которое по сути представляло бы неслыханное искажение. В этом отпоре «дицгенизму», данному, правда, в несколько наскоку набросанных заметках, Меринг несомненно проявил больше марксистской выдержанности, чем в других своих работах, что и было особенно отмечено Лениным в период его борьбы с русскими «дицгенистами» и «махистами». Вот что писал Ленин: «Евгений Дицген имел наивность пожаловаться немецкой публике на то, что в России «обидели» узкие материалисты Иосифа Дицгена, и перевел на немецкий язык статьи Плеханова и Дауге о И. Дицгене (см. I. Dietzgen, Erkenntnis und Wahrheit. Stuttg. 1908, приложения). Нажаловался бедный «натурмонист» на свою голову: Фр. Меринг, кото-

¹) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 98.

²) Ленин, К двадцатипятилетию смерти И. Дицгена, Соч., т. XVI, стр. 378—380.

³) Henriette Rolland-Holst, Josef Dietzgens Philosophie, 1919, S. 91. Кстати, сия когда-то заметная фигура голландского марксизма и рабочего движения, после Октябрьской революции склонявшаяся к коммунизму, ныне сама скатилась в болото оппортунизма и мистической чертовщины, которую она когда-то клеймила в своих статьях по литературе («Der Mystizismus in der moderne Literature. «Neue Zeit». XX Bd. 1).

⁴) Ленин, К двадцатипятилетию смерти И. Дицгена, Соч., т. XVI, стр. 378—380.

рый в философии и в марксизме кое-что понимает, написал в своей рецензии, что Плеханов по существу прав против Дауге («Neue Zeit», 1908, № 38, 19 Juni. Feuilleton, S. 432). Что И. Дицген, отступая от Маркса и Энгельса, попадал впросак (S. 431), это для Меринга не подлежит сомнению»¹). Борьба Меринга против ревизионистского поветрия «дицгенизма» должна быть отнесена к лучшим страницам его философской биографии.

Этого нельзя сказать про его трактовку Маха, с которого Меринг пытался снять ответственность за «махизм». Он пишет, что «сам Мах совершенно неповинен в этом «махизме», и он никогда не испытывал потребности «дополнить» исторический материализм, о котором может быть ничего не знает» («Кант, Дицген, Мах и исторический материализм»). Вот почему Меринг, беря под защиту лишь исторический материализм, с этой целью обрушивается на историко-философские благоглупости известного махиста И. Петцольда, не желая считаться с тем, что «махизм» — это воинствующая идеалистическая реакционная установка не только в области социологической мысли, но одновременно и в области философии и естествознания. Между тем, по Мерингу, «Мах для естествознания сделал то же самое, что Маркс сделал для общественных наук». Эти утверждения Меринга, высказанные уже после ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», камня на камне не оставившего от философии этого новоявленного претендента на восполнение Маркса, становятся особенно чудовищными... Ведь Ленин с исключительной научной обоснованностью вскрыл поповский характер махизма, именно в области естествознания, и в частности физики, из которой Мах всячески пытается изгнать понятие материи как «объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»²).

Не Марксом и не Дарвином в области естествознания является Мах, а лишь повторным и далеко не улучшенным изданием епископа Беркли, как это убедительно доказано Лениным³). Напрасно Меринг старается оторвать «махизм», сочиненный якобы лишь зловердными «махистами», от самого Маха, апеллируя к аналогии с теми реакционными социологами и дарвинистами, которые везде протаскивают дарвинистическую точку зрения в область общественных наук. Мах — это не Дарвин, ибо великий английский естествоиспытатель, как это признал Маркс, «дает естественно-историческую основу нашим взглядам»⁴) или, как говорит Энгельс, «впервые сделал грандиозную попытку доказать историческое развитие природы»⁵). А Мах — естествоиспытатель той школы, которая охарактеризована Энгельсом в следующих словах: «Положения, установленные в философии уже сотни лет назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествоиспытателей в виде самоновейших истин, становясь на время даже предметом моды»⁶).

Жертвой этой моды стал сам Меринг, сузив задачу борьбы с махизмом лишь поскольку он вторгается в область истории, а между тем, как это под-

¹) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 203—204.

²) Там же, стр. 105—106.

³) И отчасти Плехановым; в защите материализма Плеханов сам допустил ряд отступлений в сторону агностицизма, выдвинув иероглифическую теорию вместо теории отражений, что и было отмечено Лениным (см. «Материализм и эмпириокритицизм»).

⁴) Маркс, Письмо Энгельсу, Соч., т. XXII, стр. 551. Это не значит, что Маркс и Энгельс не видели слабых сторон дарвинизма как в области естествознания, так и попыток его перенесения в область социологии. Но здесь не место об этом распространяться (см. письмо Энгельса П. Лаврову, «Летописи марксизма», 1928 г., т. V, стр. 34—36).

⁵) Энгельс, Письмо Марксу, Соч., т. XXII, стр. 468.

⁶) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 318.

черкивал Ленин в споре с махистами, речь идет не об историческом материализме, которого наши поклонники махистской моды формально не отрицают, а именно о современном философском материализме, с которым естественно-научная философия Маха ничего общего не имеет.

Недопустимое отступление от марксистской линии в оценке враждебных течений допустил Меринг и в трактовке Ф. А. Ланге, одного из ранних представителей неокантианства, автора широко известных своей отрицательной стороной двух трудов: «История материализма» и «Рабочий вопрос». В ряде отдельных замечаний и в специальной статье «Из ранней эпохи немецкого рабочего движения» («Archiv Grunberg'a», 1911. Bd. 1) Меринг всячески старается смягчить те специфические особенности в идейной физиономии Ланге, в силу которых он особенно неприемлем для марксизма.

Так, его «История материализма», которую Маркс и Ленин совершенно справедливо квалифицировали как «поверхностную болтовню об истории материализма»¹⁾, как фальсификацию действительной истории материализма²⁾, Меринг ценит как «научный труд», в котором Ланге выступает скорее как «ласковый критик, нежели непримиримый враг материализма». В то же время Меринг подчеркивает, что Ланге вместе с тем «даже не подозревал о существовании и тем более о самой сути исторического материализма» («Кант и Маркс», там же, стр. 113), «хотя и углублялся в научные сочинения немецкого социализма» (там же, стр. 113).

Меринг старается смягчить суровое, но вполне справедливое суждение И. Дидгена о Ланге, который, по мнению Дидгена, самым жалким образом барахтается в сетях метафизики («Кант, Дидген, Мах и исторический материализм», там же, стр. 133) и напрасно видит преимущество И. Дидгена перед Ланге лишь в том, что И. Дидген был знаком с историческим материализмом. Меринг недостаточно акцентирует внимание на том, что Ланге прежде всего был невежественным противником материализма, немало содействовавшим своей «Историей материализма» укреплению философских предрассудков против материализма вообще и против марксизма в особенности³⁾. Это тем более должно быть известно Мерингу, что он сам вскрывает буржуазную суть неокантианства и в частности лозунга «назад к Канту», о чем и предупреждал в своей статье «Эпигоны» (сб. «На-страже марксизма», стр. 121—125). Меринг правильно отмечает, что мальтузианско-дарвинистическая концепция, из которой Ланге исходит в своем «Рабочем вопросе», в соединении с беззубой критикой капитализма, при полном нежелании действовать против буржуазного владычества методами классовой борьбы, заранее обрекала проповедь Ланге в рабочей массе на полную неудачу: «Кто указывает рабочим на законы природы как на причину их тяжелого положения,— резюмирует Меринг сущность философско-социальных взглядов Ланге,— тот никогда не найдет слушателей». Но все-таки Меринг находит, что «проповедником в пустыне», каким себя считал Ланге, он все же не был: среди тех, что пришли в рабочую партию из буржуазных кругов, есть много таких, которым серьезные мысли показали правильный путь». Меринг верно отмечает, что ограниченность кругозора Ланге отчасти можно объяснить первоначальным влиянием на него Лассала, в особенности его «Системой приобретенных прав»,—произ-

¹⁾ К. Маркс, Письма к Кугельману, Гиз, стр. 55—56.

²⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 165—231. Убогое представление Ланге о материализме справедливо отметил Плеханов, говоря, что «если Ланге писал в своей «Истории материализма» (ст. 1-я, стр. 349, русск. пер. Н. Страхова, Спб., 1881, где речь идет именно о Гольбахе), что материализм упрямо принимает мир чувственной видимости за мир «действительных предметов», то это объясняется только тем, что он «упрямо» не понимает материализма». Плеханов, Примеч. к «Л. Фейербаху» Энгельса. Гиз, 1928, стр. 118.

³⁾ См. у Плеханова в его предисловии к «Коммунистическому манифесту», Соч., т. XI, стр. 277.

ведение, в котором особенно дает себя чувствовать гегелевский идеализм.

Меринг при этом ставит в один ряд Лассалья, который до конца дней своих так и оставался во власти специфического гегельянства, с Марксом и Энгельсом, действительно поставившими «диалектику Гегеля на ноги»; это значит упорно самому пребывать во власти неизжитых элементов лассальянства, это значит показывать неизжитые черты лица путника из той «пустыни», в которой очевидно не безрезультатно выступал Ланге... Действительную цену расшаркивания Ланге перед Марксом мы узнаем из письма Маркса к Кугельману, в котором читаем: «Господин Ланге (в книге о «Рабочем вопросе» и т. д., 2-е изд.) удостаивает меня больших похвал, но лишь для того, чтобы превознести самого себя». Дальше Маркс раскрывает пустую затею Ланге фетишизировать дарвинов закон борьбы за существование путем обобщения его в абстрактный универсальный закон с перенесением его в область социальных отношений без учета конкретных исторических условий, в результате чего закон этот превращается просто в фразу. Далее Маркс отмечает полное непонимание Ланге ни диалектики Гегеля, ни того переворота, который она претерпела в руках Маркса, ни того, какую плодотворную роль сыграла материалистическая методология в экономических исследованиях Маркса¹). Эта биологизация социологии, сделавшаяся впоследствии излюбленным приемом многих буржуазных социологов типа Л. Гумпловича, Ратценгофера, Кидда, вплоть до идеологов современного фашизма и социал-фашизма²), соблазнившая и наших махистов с Богдановым во главе, пытавшихся подменить исторический материализм «социальной энергетикой», — в свое время встретила уничтожающий отпор со стороны Ленина, который, сославшись на марксову критику Ланге, писал: «Основа критики Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических попыток вообще в область общественных наук есть фраза»³). Мы знаем, что Меринг отвергает эту «фразу», отбрасывает лозунг «назад к Ланге». Но постоянное подчеркивание незнакомства Ланге с историческим материализмом при полном умалчивании о том, что Ланге вообще осталась чуждой вся философия марксизма, выискивание каких-то заслуг перед рабочим классом у этого типичного буржуазного демократа, квалификация его «Рабочего вопроса» как «превосходного труда» (см. сб. «На-страже марксизма», стр. 192) — все это значительно преуменьшает меринговскую критику этого неокантианца, о котором Маркс сказал, «что он никогда не переставал быть пасторским сыном»⁴).

Зато в расшифровке таких буржуазных апостолов, как Ф. Ницше, Меринг обнаружил действительно марксистскую прозорливость. Известно, что некоторые острые словечки против мещанской ограниченности, филистерства и его традиций снискали Ницше авторитет чуть ли не революционного сокрушителя буржуазного мира и тип ницшеанца сделался одно время популярной фигурой в радикально-интеллигентских кругах. Меринг показывает,

¹) Маркс, Письма к Кугельману, стр. 86—87. Поповскую суть «Рабочего вопроса» Ланге с особенной энергией отметил Энгельс в письме к самому Ланге. См. Маркс и Энгельс, Письма, стр. 146—150.

²) Стоит хотя бы заглянуть в «Die materialistische Geschichtsauffassung» (1927, S. 84, 87) Каутского, где сей «ученый» социал-фашистский папа II интернационала открыто становится на точку зрения Гумпловича против Маркса. Впрочем сам Каутский еще на заре своей научной деятельности воспылал особанными симпатиями к реакционному австрийскому социологу, ловко маскировавшему свои биолого-социологические формулировки в почти марксистские облачения и соблазнившего сим маневром кой-кого из малых сил (первой жертвой, насколько нам известно, пал уже знакомый нам П. Барт—см. его «Die Philosophie der Geschichte als Sociologie» 3 u 7, Aufl. 2. 1922, S. 267).

³) Ленин Материализм и эмпириокритицизм, стр. 269.

⁴) Отец Ф. Ланге был профессором и пастором.

что в лице Ницше мы имеем дело всего лишь с ярким идеологом крупного капитала, настолько осознавшего свою силу, что считает возможным либо выступать в ничем не прикрытой грубой форме либо пользоваться какой-нибудь утонченной драпировкой. В этом, нам кажется, и заключается классовая суть ницшеанских парадоксов, приводящих в трепет мыслящую мелкую буржуазию и импонирующих так называемым «сверхчеловекам», т. е. попросту развязывающих руки крупнокапиталистическим дельцам от и без того потерявших какую бы то ни было реальную силу так называемых «демократических принципов», «общественного мнения» и т. п. мелкобуржуазных иллюзий.

«В самом деле, — говорит Меринг, — так как крупному капиталу надлежит выполнить своего рода революционную задачу в мировой истории, то у Ницше встречаются разные фразы, носящие революционный оттенок» («Ницше против социализма» в сб. «На-страже марксизма», стр. 191). Но, как и следовало ожидать, сей философский адвокат все более и более наглежащего крупного капитала обнаруживает всестороннее невежество в понимании действительно трагических для капитализма противоречий буржуазной цивилизации и неизбежности замены ее социализмом. Увы, утонченный философ Ницше в трактовке социализма, этой гигантской проблемы нашего времени, не пошел дальше г. Трейчке, туповатого фельдфебеля на профессорской кафедре, в течение многих лет ведущего борьбу с социализмом при помощи таких глубокомысленных утверждений, что, мол, до сих пор фактическое неравенство между людьми все возрастает, а потому выдвигаемое социализмом требование устранения неравенства неосуществимо. При этом он забывает, что социализм стремится к уничтожению лишь социально-экономического неравенства, а не неравенства вообще, как утверждает Трейчке по невежеству или же нарочито.

С ничем не завуалированной откровенностью Ницше прямо провозглашает, что раз существует тяжелая работа, которая не может быть целиком выполнена одними машинами, то для ее выполнения должны быть сохранены рабочие, и в этом философски-политическом признании Ницше, как указывает Меринг, буквально повторяет реакционного профессора Трейчке. Так что в конце концов все это афишированное и манерное третирование, сострадание, стирание граней между добром и злом и т. п. ламентации не мешают Ницше по сути отстаивать неприкосновенность капитализма, который отлично знает, где залегает грань между реальным для него добром и злом, предоставляя своему пророку маскировать эту грань туманом парадоксальных афоризмов.

Слишком поверхностна трактовка Мерингом Шопенгауэра в ст. «Назад к Шопенгауэру». Меринг вполне правильно считает Шопенгауэра «философом среди филистеров, но и филистером среди философов», но вместе с тем признает за ним какие-то особые заслуги в деле критики кантовой этики только потому, что он отметил ее некоторые теологические черты, или же за его подчеркивание якобы механистичности природы человеческого поведения. Ссылка на авторитет Каутского (см. также хвалебный отзыв о ст. Каутского «A. Schopenhauer» («Neue Zeit», 1899) в ст. Меринга «Ницше против социализма» (в сб. «На-страже марксизма», стр. 190) особенно несостоятельна, если вспомнить, что сам Каутский в своей теоретической деятельности не был свободен от влияния сего философа филистерства, недаром в недавно опубликованном письме Маркса Каутский заклеямен как филистер¹⁾.

В заключение надо сказать несколько слов по поводу статей о Лассале: «Разногласия между Лассалем и Марксом» и «Как я потерял доверие». Обще-

¹⁾ К. Маркс, Письмо к дочери, Дженни Лонге, от 11/IV 1881 г., «Большевик», № 5, 1931 г., стр. 76—78.

известна неверная трактовка Мерингом проблемы взаимоотношения между Марксом и Лассалем, построенная на стремлении во что бы то ни стало заглушать крупнейшие теоретические и политические недостатки Лассалья и лассальянства, тянувших рабочее движение назад, к старым формам, в преодолении которых и заключается гениальнейшая роль Маркса и Энгельса, что неоднократно подчеркивал Ленин, поднявший марксизм на новую, высшую ступень, в свете которой лассальянство особенно выявляет свою идейную отсталость и политический оппортунизм. Мы здесь не можем подробно на этом останавливаться. Мы об этих статьях Меринга о Лассале бегло здесь скажем, поскольку они показывают, до какой степени Меринга покидало последовательное марксистское мышление в столь боевом теоретическом и политическом вопросе, как лассальянство, играющее немалую роль в идейном обиходе современной фашистской социал-демократии. Совершенно неудовлетворительной является апелляция Меринга к Лауре Лафарг как к арбитру, у которого он ищет справедливого решения в пользу своей трактовки проблемы Маркс — Лассаль. При всем нашем уважении к славной дочери великого отца, мы все же считаем, что единственным судьей является современное пролетарское движение, которое под руководством Коминтерна и его основоположника Ленина спор о формах рабочего движения, о его теоретическом вооружении, стратегии и тактике классово-борьбы решило бесповоротно в пользу Маркса и его преемника — Ленина, а не Лассалья ¹⁾.

Таков Меринг со своими сильными и слабыми сторонами. Правда, мы не отметили еще ряд неудачных, неясных, а то и просто неверных отдельных замечаний, которые Мерингом брошены вскользь, без достаточной аргументации, а потому не дающих достаточного материала для развнутой критики. Так например, говоря об одной старой философской книжке Жореса ²⁾, Меринг замечает, «что, судя по выдержкам, даваемым Форлендером, она относится к тому времени, когда Жорес был еще очень далек от исторического материализма» («Кант и социализм» в сб. «На-страже марксизма», стр. 95). Получается впечатление, что будто бы лидер французского оппортунизма когда-либо был близок к историческому материализму, что конечно не соответствует действительности. Совершенно несостоятельной с точки зрения марксо-ленинской истории рабочего движения нужно признать фразу о том, что в 1875 г., т. е. с момента Готского объединительного конгресса, «долгая борьба в немецкой социал-демократии прекратилась навсегда» ³⁾.

Недоумение вызывает также усиленное одностороннее подчеркивание Мерингом, что «законы развития истории и законы развития природы совершенно отличаются друг от друга» (ст. «Кант, Дишген, Мах и исторический материализм», сб. «На-страже марксизма», стр. 128), хотя выше Меринг подчеркивал неразрывную связь между историей природы и историей общества; если эта связь неразрывна, — а это совершенно верно, — то наряду с различием законов природы и общества необходимо было подчеркнуть и их единство. Пренебрежение к теории материалистической диалектики, преклонение перед механическими материалистами и сведение марксистской фило-

¹⁾ В недавно опубликованном письме Маркса и Энгельса к Бебелю, Либкнехту, Брахке и др. от середины сентября 1879 г. мы находим ряд еще новых остро-критических замечаний по адресу лассальянства. См. «Большевик» № 12, 1931 г. и № 10, 1932 г. См. также ряд новых писем в XXIV т. соч. Маркса и Энгельса (переписка), Гиз, 1931 г.

²⁾ Речь идет о диссертации Жореса «De primis Socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel». Toulouse, 1891. Французский перевод вышел в 1892 г. и недавно переиздан Иесем Jauers, Les origines es du socialisme allemand, traduite par A. Veber. Paris.

³⁾ Меринг не называет прямо дату Готского конгресса, но мы косвенно это устанавливаем, поскольку Меринг относит прекращение разногласий к моменту смерти Ланге, следовавшей в 1875 г., т. е. когда состоялся объединительный съезд в Готе.

софии лишь к историческому материализму («исторической диалектике», по Мерингу) со всей силой оказались в этой ошибочной формулировке.

Путанной, механистической оказывается тирада Меринга о том, что Маркс и Энгельс «порвали со всякой философией, но перенесли исторический результат философии—идею исторического развития—в материализм. Внесли они эту идею прежде всего не в природу, а в историю, что субъективно объясняется тем, что они были не естествоиспытателями, а историками, объективно же тем, что материализму здесь необходимо было дать новое обоснование для того, чтобы он не превратился в еще более печальные развалины, чем идеализм».

Во-первых, общеизвестно, что Маркс и Энгельс порвали не со всякой философией и не со всей, а лишь «с философией в старом смысле слова», т. е. такой, которая имела своей задачей строить всеобъемлющие, сверхнаучные системы путем «придумывания связи между явлениями» вместо того, чтобы «открывать ее в самих явлениях» ¹⁾ (стр. 127 русск. изд.). Вот почему Энгельс и подчеркивал, что «из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика, все же остальные входят в положительные науки о природе и истории» ²⁾. Во-вторых, в свете опубликованной «Диалектики природы» Меринг теперь едва ли стал бы защищать мысль о том, что Энгельс не был «естествоиспытателем», а потому и ничего не сделал для внесения идеи исторического развития «в природу» ³⁾.

Необходимо также отметить, что эта трактовка Меринга ошибочна еще и потому, что он оперирует понятием «внесения» идеи развития вместо раскрытия законов движения, присущих самой предметной действительности. Принципы «не привлекаются для приложения к природе и человеческой истории, а выводятся из них» ⁴⁾.

Понятие же «внесение» таит в себе махистское представление об «организирующей» роли мышления по отношению к бытию, закономерность развития которого таким образом утрачивает свою объективную природу. Неясностью отличается и меринговская идея исторического развития (разрядка моя.—Я. Р.). Ленин говорил четко о двух основных концепциях развития: механистической («развитие как уменьшение и увеличение, как повторение») и диалектической—«развитие как единство противоположностей»— («раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними» ⁵⁾).

Эту неверную мысль о каком-то философском нигилизме Маркса Меринг и далее повторяет, говоря, что якобы в трактовке философии «Мах совершенно сходится с Марксом, который совсем исключил философию и духовный прогресс человечества усматривал только в практической работе в области истории и природоведения» (стр. 136). Нужно ли доказывать чудовищную нелепость этой аналогии? Что общего между идеалистом Махом и Марксом, основоположником философии диалектического материализма — единственной научной философии знания и революционной практики, о неразрывном единстве которых Маркс возвестил еще на заре своей деятельности, говоря,

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 40, 78.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 19—20.

³⁾ Точнее говоря, диалектического понимания, ибо, как глубоко разъяснил Ленин, «диалектика включает историчность». Ленинский сборник XI, стр. 384.

⁴⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, 1929, стр. 38.

⁵⁾ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 300.

что «как философия находит в пролетариате свое оружие материальное, так пролетариат находит в философии свое оружие духовное»¹⁾.

Мы с тем большей силой считаем необходимым подчеркнуть выше отмеченные теоретические ошибки Меринга, что они внутренне связаны с целым рядом серьезных политических ошибок, совершенных всеми немецкими левыми, одним из вождей которых был Меринг. Вот почему с такой убедительностью звучат слова т. Сталина о том, что «левые с.-д. во II интернационале и прежде всего в германской социал-демократии представляли слабую и немощную группу, организационно неформленную, идеологически неподкованную, группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»²⁾.

Мы и имели своей целью показать, как эта «идеологическая неподкованность» отразилась в ошибочной трактовке Мерингом ряда коренных вопросов марксистской философии. Что эта недостаточная марксистско-философская подкованность Меринга не бесследно прошла для его политических шатаний между оппортунизмом и революционной тактикой, видно как из его пребывания на общих позициях немецких левых, так и из его настойчивых выступлений в защиту «лассальянства», вызвавших в свое время решительную критику со стороны Ленина, отметившего, что Меринг напрасно «старается смягчить нападки Маркса, как и позднейшие нападки Энгельса, на оппортунистов,— старается, по нашему мнению, несколько чрезмерно»³⁾. Этот политический оппортунизм Меринга пронизывает его «Историю германской социал-демократии» особенно в тех частях, в которых Меринг выражает свое отрицательное отношение к нелегальной организации в годы действия закона против социалистов; характерно, что за эту оппортунистическую трактовку роли нелегальной организации и за авторитет Меринга и цеплялись русские ликвидаторы в борьбе с большевиками, в исключительно тяжелых условиях проводившими работу по восстановлению и укреплению нелегальной партийной организации. Мы не имеем возможности здесь остановиться на рассмотрении других оппортунистических выступлений Меринга, ибо приведенное достаточно свидетельствует, насколько был глубоко прав Ленин, когда, усиленно подчеркивая партийное единство марксистской философии и большевистской революционной политической практики, писал: «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны отклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением», иначе это последнее было бы немарксистским, не общественно-политическим и не течением»⁴⁾.

Мы старались представить философский образ Меринга в его сильных и слабых чертах, памятуя завет Ленина о «практически-политической ценности непримиримой теоретической полемики»⁵⁾. Немало образцов такой полемики нам дал сам Меринг, и с этой стороны он нам особенно близок. Эти его высказывания вполне сохранили свою актуальность. Его же примиренческие установки, его ошибочные трактовки мы отбросим со всей непримиримостью. От многих ошибочных трактовок Меринг, надо думать, сам отказался бы, если бы он дождал до наших дней. Поручкой тому служат его высту-

¹⁾ К. Маркс, Введение к критике философии права Гегеля, Соч., т. I, стр. 412.

²⁾ Сталин, «Большевик» № 19—20, 1931 г., стр. 11.

³⁾ Ленин, т. XI, стр. 168.

⁴⁾ Ленин, Наши упрямдители, Соч., т. XV, стр. 88.

⁵⁾ Ленин, Соч., т. XII, стр. 57—59.

пления в защиту Октябрьской революции и провозглашенной ею советской власти, давшие повод Ленину в июне 1918 г. громко заявить, что Меринг «теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно понимают социализм только большевики»¹⁾). Не будем же за слабыми сторонами деятельности Меринга забывать его сильных и наоборот.

¹⁾ Ленин, т. XXIII, стр. 94.

Приветствуя эти выступления Меринга в защиту большевиков от клеветнических нападок Каутского, Ленин вместе с тем тогда же подчеркивал, что «даже такие люди, как Меринг и Цеткина, отгораживаются от Каутского более «морально» (если позволительно так выразиться), чем теоретически. Каутский-де не нашел ничего лучшего, как писать теперь против большевиков. Разве это довод? Разве можно так ослаблять свою позицию? Ведь это значит только давать оружие в руки Каутскому!! И это вместо того, чтобы писать: Каутский абсолютно не понял и извратил чисто оппортунистически и учение Маркса о государстве, диктатуре пролетариата, буржуазной демократии, парламентаризме, роли и значении Коммуны и т. д.» (см. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 565). Из статей Меринга в защиту большевиков особенно заслуживает внимание ст. «*Marx und die Bolschewiki*», написанная осенью 1918 г., но не пропущенная цензурой и впервые напечатанная в «*Die Internationale*», 1927, Н. 21, S. 678—680.

Механицизм на современном этапе

Ф. Перельман

Механистический материализм осужден нашей партией как ревизия марксизма-ленинизма, как в основном теоретическая база правого уклона. Ошибочность основных положений этого философского направления давно доказана. И все же необходимо относиться с максимальной бдительностью к его проявлениям в той или иной области. Причины тому следующие:

Во-первых, механический материализм, неразрывно связанный с буржуазным естествознанием, имеет глубокие корни в остатках капиталистических классов нашей страны, поставляя для них оформленную идеологию. Во-вторых, механицизм, правда, разоблачен, но не разбит окончательно. Критика меньшевистствующих идеалистов была не по цели, притом сама стояла на ревизионистских позициях. Наконец, в-третьих, механисты до сих пор не признали своих ошибок и даже за последнее время активизируются, поднимая вновь старые, давно решенные споры и отстаивая опять свои старые, давно разоблаченные ошибки.

Но если роль и значение марксистско-ленинской теории всегда были огромны в борьбе пролетариата за свое освобождение, то сейчас эта роль становится еще больше, еще грандиознее.

От правильного теоретического подхода зависит все наше социалистическое строительство во всех областях, зависит вся наша работа как экономическая, так и идеологическая.

Ошибки в теоретической области благодаря возрастающей плановости и расширению культурной революции приносят огромный вред. Вот почему вопрос о научной высоте и чистоте теоретических принципов у нас заострен и подчеркнут с особой силой.

Неверные, немарксистские теории всегда поддерживали враждебную пролетариату политику. Так, теория о невозможности построения социализма в одной стране обосновывала борьбу троцкизма против партийной линии, а сейчас стоит в теоретическом арсенале контрреволюционной буржуазии. А теория об организованном капитализме давно уже служит для оправдания предательской практики социал-шовинизма и сыграла немалую роль в кулацкой политике правых уклонистов. Теоретический фронт всегда являлся одним из серьезнейших участков классовой борьбы. Попытки извратить философию марксизма, притупить его революционную заостренность шли со стороны оппортунистов всех мастей. Выполняя социальный заказ буржуазии, они ревизовали марксизм то «справа» (Бернштейн), то «слева» (Богданов).

И правую и «левую» ревизию мы имели и у нас за последние годы в лице механицизма и меньшевистствующего идеализма. И если важнейшими ошибками меньшевистствующих идеалистов являлись отрыв теории от практики, непонимание партийности философии и недооценка ленинского этапа, то в сущности по той же линии шли ошибки механистов, хотя исходили они из диаметрально противоположных позиций.

Каждый из имевших место философских уклонов теоретически обосновывал уклоны политические.

Связь между философскими убеждениями и политической линией особенно ясна на ошибках т. Бухарина главным образом потому, что т. Бухарин, являясь одновременно и теоретиком и видным политическим деятелем, успел, с одной стороны, изложить с исчерпывающей ясностью свои философские взгляды, с другой—выставить целый ряд политических и экономических теорий, служивших исходным пунктом правого уклона.

Ленин писал о Бухарине: «Его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и думаю никогда не понимал вполне диалектики)».

Действительно, стоит только ознакомиться с его теорией развития¹⁾, чтобы убедиться в совершенной справедливости ленинской характеристики. Все мыслимые случаи развития, по Бухарину, сводятся, как известно, к следующим трем состояниям:

- 1) устойчивое равновесие;
- 2) подвижное равновесие с положительным знаком;
- 3) подвижное равновесие с отрицательным знаком.

Как происходит это «нарушение равновесия», этот переход от одного «случая» к другому, т. е. сущность процесса развития здесь отсутствует. Но самым чудовищным является отождествление Бухариным этой голой схемы по существу покоя, а не движения, с диалектикой. Так, он пишет: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме. Первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом. Нарушение равновесия—антитезисом. Восстановление равновесия на новой основе—синтезисом. Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу (триаду), он и назвал диалектическим»²⁾.

Тов. Сталин показал, что над всеми теориями т. Бухарина тяготет один коренной недостаток, основной пробел: непонимание диалектики, истинных законов всякого развития. Именно поэтому Бухарин не видел основного и главного в каждом процессе: его противоречивости, взаимного проникновения противоположностей, но всякое развитие представлялось ему как процесс эволюционный, гладкий и ровный путь постепенного возрастания либо спадания определенных явлений. Не видит т. Бухарин противоречивости развития мировых капиталистических стран. Он видит только имевшую место стабилизацию, но не замечает внутренних противоречий этой стабилизации, раз'едающих и подкашивающих капитализм, ведущих к кризису. В этом суть теории организованного капитализма. Не видит т. Бухарин и противоречивости нашего развития, но оно представляется ему эволюционным процессом, гладко и постепенно, без классовой борьбы ведущим в социализм. В этом суть теории вращивания кулака в социализм. Непонимание двусторонности происходящих в стране процессов и возникновения новых положений на определенных этапах развития, требующих принципиально нового подхода, вот что характеризует всю политическую линию т. Бухарина.

Тов. Бухарин сознавал свое отступление от обычной (марксистской.—Ф. П.) трактовки предмета в некоторых существенных пунктах и обосновывал это свое отступление аргументами от естествознания. «Мы считаем вполне возможным,—пишет он,—переложить мистический язык гегелевской диалектики на язык современной механики. Против механических обозначений сравнительно недавно были протесты в среде марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах рассматривало их как

¹⁾ Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 66—67.

²⁾ Там же, стр. 65.

обособленные, не связанные с другими, изолированные частицы. Теперь с учением об электронах, об атомах как целых системах наподобие солнечной нет никаких оснований бояться механических обозначений¹⁾. Здесь все перепутано. Выходит, во-первых, что беда Гегеля только в его «мистическом языке», а не в идеалистическом характере его диалектики. Если бы он догадался назвать «антитезис» «равновесием с отрицательным знаком» — все было бы в полном порядке. Выходит далее, что среди марксистов было предубеждение против слов, употребляемых в механике, а не против философской сути механического материализма. Выходит наконец, что с проникновением момента диалектики в атомистику отпадает недостаточность механического материализма как мировоззрения.

По существу же мы имеем попытку заменить диалектический материализм материализмом механическим со всеми вытекающими отсюда последствиями, так как сам т. Бухарин отнюдь не ограничился простой заменой философских терминов терминами механики, но вложил в них присущий им смысл.

* * *

Формально т. Бухарин не был связан с группой механистов, оформившихся вокруг Тимирязевского научно-исследовательского института. Также и механисты, работавшие по преимуществу в области естествознания, не принадлежали к окружавшей т. Бухарина «школе».

Однако вся философская линия механистов полностью совпадала с общепhilosophической линией т. Бухарина, и эта общая философская установка являлась в основном теоретической базой правого уклона.

Как и т. Бухарин, механисты и формально и по существу отрицали диалектику, не понимали поэтому диалектического материализма и подменяли его материализмом механическим. Это сказалоcь с самого начала в постановке вопроса о роли марксистской философии в естествознании. Как известно, т. Степановым было выставлено положение о том, что диалектический материализм конкретизировался в виде исторического материализма в общественных науках и в виде механистического материализма — в науках естественных²⁾. Отсюда следовало отождествление марксистской философии с последними выводами естествознания. «Для марксистов, — писал т. Степанов³⁾, — не существует области какого-то философствования отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксистов — последние и наиболее общие выводы современной науки». Эта концепция т. Степанова встретила полное сочувствие и поддержку со стороны основного коллектива работников Тимирязевского института: тт. Тимирязева, Перова и др. Они полагали, что т. Степанов «совершенно правильно освещает основы механистического естествознания и верно намечает его связь с диалектико-материалистическим мировоззрением»⁴⁾. Мало того. В отдельных выступлениях тогда же были развиты логические следствия из этой теории. Так, т. Боричевский призывает к отказу от философии и в частности от диалектики, которая «положительной науке и даром не нужна». А Боссэ согласен с концепцией Степанова как со «временными мостами». В будущем же, по его мнению, исторический материализм также окажется излишним, ибо «теоретически и в конечном итоге социальные явления также доступны не только качественно-социологическому анализу, но и количественно-физико-химико-биологическому». Действительно, если верно, что механическое

¹⁾ Бухарин, Теория историч. материализма, стр. 65.

²⁾ Дискуссионный сборник Тимирязевского науч.-исслед. ин-та, 1925 г.

³⁾ Степанов, Исторический материализм и современное естествознание, стр. 57.

⁴⁾ Дискуссионный сборник. Резолюция.

естествознание самостоятельным путем утвердило себя как философию марксизма, то, во-первых, марксизму в естествознании нечего делать, во-вторых, столь оправдавший себя в естествознании механический материализм должен был перекинуться и в область социологии, следовательно там можно будет обойтись без исторического материализма.

Надо сказать, что т. Степанов тут же резко отмежевался от Боричевского, назвав его выступление враждебным. Что же касается работников Тимирязевского института, то никаких замечаний с их стороны не было, а в Дискуссионном сборнике от имени редакции это воздержание мотивируется тем, что-де институт как естественно-научное учреждение не компетентен в разрешении этого специально философского вопроса. Речь Боссэ также осталась без ответа. Провозглашенная им «сводимость» общественных явлений к физико-химико-биологическим не встретила принципиальных возражений. Лишь года три спустя тт. Тимирязев, Перов и Варьяш заявляют, что ничего общего со взглядами Боссэ не имеют, так как он является «только популяризатором, более или менее удачно передающим чужие, не всегда правильные, с точки зрения марксизма, мысли»¹⁾. С какими собственно взглядами Боссэ они не согласны—так и не выяснилось. Нельзя же в самом деле считать основным грехом Боссэ то, что он «популяризатор»! Да и как в самом деле сказать и что сказать, если т. Боссэ являлся в свое время редактором упомянутого Дискуссионного сборника? Какие уж тут могут быть разногласия! Поистине т. Степанов явно переоценил марксистскую компетентность научных работников Тимирязевского института.

Начальный этап развития механицизма состоял таким образом в отрицании марксистской философии, в замене ее механическим естественно-научным материализмом. Ошибочность подобной позиции была однако до такой степени очевидна, что от открытой защиты ее механисты вскоре отказались. На словах делались признания о необходимости марксистской философии, необходимости внедрения марксизма в естествознание. Вслед за дискуссионными сборниками выступает журнал Тимирязевского ин-та, носящий громкое и обязывающее наименование «Диалектика в природе». Он показывает, что свое механистическое миросозерцание руководители журнала сохранили в полной неприкосновенности. Они поэтому неспособны были правильно оценить роль марксизма в отношении естествознания. Они не хотели понять, что буржуазное естествознание даже в своей стихийно-материалистической ветви нуждается в марксистской критике и переделке. Ибо это естествознание непоследовательно в своем материализме, ибо оно пропитано рядом буржуазных идей, ничего общего с марксизмом не имеющих, ибо оно, не зная диалектики, попадает в тупик, скатывается к идеализму и агностицизму. Механистам же самая мысль о подобной марксистской критике представляется кощунственной. «Схоластично и непродуманно,—пишут они²⁾,—поступают те марксисты, которые хотят построить какое-то совершенно особое диалектическое естествознание на месте низвергаемого ими механистического естествознания». По их мнению, переделывать-то собственно нечего. «Я и спрашиваю,—пишет т. Тимирязев³⁾,—так ли уж далеки от диалектического метода такие физики, как Больцман и Смолуховский, и так ли уж много придется перестраивать то здание, которое они построили, чтобы оно оказалось согласным с требованием материалистической диалектики?» В таком же стиле выступает и т. Варьяш.

¹⁾ «Диалектика в природе», сб. № 3, 1928 г.

²⁾ См. предисловие к Дискуссионному сборнику, 1925 г.

³⁾ «Диалектика в природе», сб. № 2, «Диалектика природы Энгельса и современная физика».

Таков хвостистский характер подхода механистов к буржуазной науке, упование на стихийность, отказ от руководства. Механисты не замечают, что на деле буржуазное механистическое естествознание не желает идти стихийно и непосредственно к марксизму, но само перерастает в идеализм; что естественно-научный идеализм в свою очередь при всей своей реакционности вовсе не является какой-то пустышкой, лишенной корней и основ, от которой можно отмахнуться, не анализируя и не давая разрешения тех вопросов, на которых сбиваются в идеализм современные естествоиспытатели. Механисты не анализируют сложных процессов, протекающих в современном естествознании! Вместо этого они просто отмахиваются от идеалистической ветви буржуазного естествознания, как от досадной, никому ненужной мистики.

К чему же сводится ими роль марксизма в естествознании, поскольку она признана, если идеалистическая ветвь буржуазной науки не заслуживает вообще никакого внимания, а материалистическая ветвь самотеком, стихийно идет к диалектическому материализму? Эта роль сводится механистами к отыскиванию законов диалектики в различных областях науки, к выявлению диалектичности природы. Но диалектичность всех происходящих в мире явлений и процессов давным-давно доказана, и задача состоит теперь не в том, чтобы констатировать все новые и новые факты скачкообразности и противоречивости развития. Нам нужно, поняв эту противоречивость всего происходящего, суметь найти движущие силы, внутреннюю закономерность каждого конкретного явления со всеми присущими ему специфическими особенностями. Бесконечная же куча примеров отнюдь не составляет сути диалектики.

Меньшевистствующие идеалисты, критикуя взгляды механистов в этой области, сами однако впадали в другую крайность. Ввиду односторонности естественно-научного материализма они отказались не только от его механичности, но и от самого материализма и провозгласили марксистским естественно-научным идеализм. И те и другие не заметили главной отличительной черты буржуазного естествознания — его сугубой партийности. И те и другие не понимали наших задач в отношении буржуазного естествознания. И те и другие шли у него на поводу, отказываясь от самостоятельной роли пролетариата в этой области.

Эти неверные теоретические установки приводили к неверной тактике. Механисты провозгласили союз с механистическим естествознанием, без сохранения руководящей роли марксизма. Меньшевистствующие идеалисты, громя механический материализм за его недостаточность, отказывались от всякого союза с ним и при этом попадали в плен к идеалистической ветви современного естествознания. На самом деле нам действительно нужен союз с теми естествознаками, которые в буржуазном обществе не боятся называть себя материалистами, но такой союз, при котором мы поднимаем мирозерцание наших союзников до уровня мирозерцания передовых элементов рабочего класса.

Пленение мирозерцанием механического материализма вело механистов к протаскиванию целой серии буржуазных идей, ничего общего с марксизмом не имеющих.

*Так, мы встречаем у них отождествление дарвинизма и марксизма, эволюции и диалектики¹⁾. Разницу между ними автор — Козо-Полянский — усматривает лишь в том, что диалектика шире эволюции; диалектика охва-

¹⁾ «Диалектика в природе», сб. № 2, статья Козо-Полянского «К выяснению некоторых наших позиций в дарвинизме».

тывает все, а эволюция есть только диалектика вида. (В сборнике № 4 «Диалектика в природе» т. Дучинский критикует эти взгляды, указывая на существующие между этими понятиями различия. Однако чего стоит эта критика, если в том же сборнике № 4 т. Перов превозносит Козо-Полянского как первого естествознателя, который предпринял разработку диалектики в связи с естествознанием? Чего стоит предложение заменить диалектику математикой, так как-де последняя все более и более пропитывается диалектикой. «Говорят,—читаем мы в статье т. Варьяша,—что математическое познание не улавливает качественного многообразия действительности, но это относится лишь к математике постоянных величин, а не к аналитике бесконечно-малых». Поэтому незачем возражать против «математически-диалектического метода»¹⁾. Тов. Тимирязев²⁾ в свою очередь полагает, что так как диалектика проникает в механику, то не может быть возражений против замены диалектического материализма механистическим естествознанием. Тов. Орлов³⁾ по этому поводу проповедует широкий либерализм. «Нельзя,—говорит он,—ставить вопрос так: или к механике должно свести все существующее, или же она не должна выходить за пределы механики неизменной точки. Не следует быть односторонним «механистом» или «антимеханистом», но надо стать на ту или иную точку зрения в зависимости от конкретных условий».

Тов. Б.⁴⁾ полагает, что «религия возникла... из анимизма, обусловленного биофизическими свойствами наших предков, которые образовались в борьбе за существование в доклассовом обществе». Тов. Б. видимо также не сидится на «временных мостах» и он спешит подвести под социальные явления столь любезный средцу Босса биофизический базис.

А т. Варьяш дает такую оригинальную «критику» Фрейда. Фрейд, как известно, создал теорию возникновения неврозов на почве половых травм, происшедших в детстве, затем забытых, перенесенных в бессознательное.

Эту свою теорию Фрейд распространил на общественные явления, доказывая, что религия например — продукт невроза, а массовые революционные выступления — оживание атавистических влечений первобытной орды. По поводу этой контрреволюционной теории, теории классового врага, т. Варьяш не находит ничего лучше, как заявить: «У Фрейда происходит вопиющее недоразумение: он смешивает массу с ордой»⁵⁾. Фрейд с помощью своей теории бессознательного обосновывает практику американских фашистов, сажающих коммунистов в сумасшедшие дома. А т. Варьяш не находит более сильной критики, чем обвинение Фрейда в том, что он — Фрейд — «сузил марксово понятие бессознательного». «Понятие бессознательного — пишет он⁶⁾, — играет роль в социальной философии Маркса — Энгельса, но у Фрейда это понятие узко-индивидуалистически... Фрейд сузил марксово понятие бессознательного. Из-за узости фрейдовского понятия бессознательного по сравнению с марксовым оно негодно для объяснения общественных явлений».

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 1—2.

²⁾ «Диалектика в природе», сб. № 2, «Диалектика природы Энгельса и современная физика».

³⁾ «Диалектика в природе», сб. № 2, «Механика и диалектика в естествознании».

⁴⁾ «Диалектика в природе», сб. № 4, «Будущее одной иллюзии».

⁵⁾ «Диалектика в природе», сб. № 1, «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма».

⁶⁾ «Диалектика в природе», сб. № 1, «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма».

Причесав таким образом Фрейда под Маркса, т. Варьяш затем скорбит: «Фрейдизм пока (разрядка моя.—Ф. П.) ничего ценного не дал в области анализа общественных явлений», как будто принципиально возможно объяснить социальные явления с помощью какой-либо естественно-научной теории!

Эта достойная пера Козьмы Пруткова концепция пожалуй не нуждается в особых комментариях.

Наконец все механисты сходились на теории «сводимости», понимая под этим принципиальную возможность познать все явления природы как механическое движение материальных частиц. При этом не учитывалось то обстоятельство, что развитие состоит не только в механическом движении, но и в возникновении иных, новых, более сложных форм движения, что смысл всякого развития состоит в возникновении новых качеств, не укладывающихся в рамки старого. Теория сводимости приводила к отрицанию качественных своеобразий явлений. На это обстоятельство указывал уже Энгельс ¹⁾: «яростное стремление свести все к механическому движению, — пишет он, — смазывает специфический характер прочих форм движения. Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?»

Ошибка механистов состояла в том, что они отрицали самый факт возникновения нового. Ошибка Деборина и его учеников состояла в том, что они не видели и не желали видеть ПРОЦЕССА возникновения нового, а ограничивались абстрактным повторением известных формул.

Ни тот ни другой взгляд не отвечает истинной природе вещей и ничего не дает для действительного воздействия на процесс.

* * *

Отрицая ведущую роль марксистской философии, механисты естественно не поняли ленинского этапа в марксизме. Ссылок на Ленина, восхвалений его мы имеем сколько угодно, но если вникнуть в суть дела и посмотреть, за что механисты хвалят т. Ленина, то легко заметить, что они либо не понимают его и потому искажают либо в отдельных случаях прямо извращают ленинские взгляды.

Товарищ Варьяш написал специальную книжку, посвященную Ленину: «Диалектика у Ленина». В одном из сборников «Диалектика в природе» помещен был хвалебный отзыв о ней. Тем самым ответственность за ее содержание ложится не только на т. Варьяша, но и на все б. руководство Тимирязевского научно-исследовательского института. Так вот в этой-то книжке мы имеем недопустимые искажения и извращения ленинизма чуть ли не по всем трактуемым автором вопросам, начиная от отношения Ленина к буржуазному естествознанию и кончая ролью религии в классовом обществе.

Автор сочетает восхваления Ленину в предисловии и заключении, привлечение большого количества цитат из различных его произведений с выхолащиванием истинной роли Ленина как теоретика марксизма. Эта книжка несомненно заслуживает специального внимания и подробной критики, особенно ввиду ее громкого названия. Однако вопрос этот не входит в мою задачу в данный момент. Я поэтому ограничусь лишь несколькими примерами, иллюстрирующими отношение механистов к Ленину. На протяжении текста можно

¹⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы, раздел «Диалектика и естествознание».

встретить ставшие классическими формулировки т. Сталина о ленинизме как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций, но нигде нет конкретного развития этого положения. О том новом, что создано Лениным, о ленинском законе неравномерности развития капитализма, о победе социализма в одной стране, о государстве пролетариата и его советской форме, о путях строительства социализма, т. е. о том, что составляет суть ленинизма, в книжке нет ни слова.

Зато по целому ряду вопросов философии марксизма нам сообщается, что та или иная проблема, «блестяще разрешенная» Марксом или Энгельсом, была «остро сформулирована и развита» Лениным. Что должно означать это «острое формулирование» не вполне ясно, но во всяком случае совершенно очевидно, что никакой самостоятельной теоретической роли это определение Ленину не предоставляет.

Зато на стр. 23 мы узнаем, что «Ленин является не только восстановителем подлинного марксова учения. Он и завершитель его, ибо он сделал те выводы, которые оказались правильными в новой фазе капитализма».

Получается, во-первых, что Ленин лишь «сделал правильные выводы», т. е. усвоил марксизм.

Во-вторых, дело изображается так, что марксизм завершен Лениным и следовательно никакому дальнейшему развитию не подлежит, — концепция, противоречащая самой сути марксистской диалектической философии.

О роли Ленина в естествознании т. Варьяш сообщает, что он «успел усвоить себе достижения современного естествознания, подняться до самостоятельности в обсуждении и философской оценке гигантских результатов за последние десятилетия в этой области» (стр. 5). Или следующая сомнительная похвала Ленину (стр. 150): «И в области естествознания Ленин не оказался простым любителем. Он занимался им с практической целью, а именно для опровержения эмпириокритицизма». Недалека от этой оценки характеристика, данная Ленину т. Тимирязевым (в статье: «Ленин и современное естествознание»).

Приведа слова одного студента: «Что за удивительная голова у Ленина! Ведь он, не будучи физиком, понимает физику так, как понимаем ее мы с вами», т. Тимирязев восклицает: «Не скрывается ли в этих словах смысл ленинизма? Уменьше по немногим фактам учитывать реальную обстановку и найти решающие силы». Стоит только сопоставить эти нелепые и насквозь ошибочные оценки с оценкой Сталина, чтобы стало ясно, что механисты ничего не поняли из того наследства, которое Ленин оставил в области естествознания. В «Основах ленинизма» т. Сталин пишет:

«Ярким выражением того высокого значения, которое Ленин придавал теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антимарксистских течений среди марксистов. Энгельс говорит, что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потеняться над беззаботностью Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи».

Но все это — ничто по сравнению с прямым протаскиванием и подсовыванием Ленину таких теорий, как теория «иероглифов», которое позволил себе Варьяш.

Ленин, как известно, подвергал резкой критике философские ошибки Плеханова, непосредственно связанные с немарксистскими элементами его миросозерцания. Одной из таких ошибок является допущенная Плехановым трактовка наших представлений о внешнем мире как иероглифов т. е. его условных знаков, символов. Ленин показал, что у родоначальника этой иероглифической теории — Гельмгольца — не было ясного понимания отличия между абсолютной и относительной истиной, что поэтому Гельмголец проявил здесь свою непоследовательность, отход от материализма в сторону агностицизма. Действительно «символ» не требует обязательного существования за ним реальных вещей. С другой стороны, «символ» не должен обязательно походить на ту «вещь в себе», символом чего он является. Гельмголец даже именно так и предполагает, что никакого сходства между символом и вещью не существует. Но в таком случае мы становимся на путь непознаваемости вещи в себе, т. е. на путь кантианства.

Эти положения настолько бесспорны, что сам Плеханов вынужден был признать ошибочность термина «иероглифы», формально отказался от иероглифизма, продолжая однако отстаивать эту концепцию по существу в форме так называемой теории соответствия. Но ближайшие друзья и ученики Плеханова продолжали открыто стоять на точке зрения теории иероглифов. В частности Л. И. Аксельрод продолжала защищать этот «иероглифический материализм».

В рецензии на «Материализм и эмпириокритицизм» она подвергает критике взгляды Ленина.

«Теория символов, — пишет она, — утверждая существование и субъекта и объекта, объединяет оба фактора, рассматривая субъект как своеобразный объект, а его ощущения как продукт взаимодействия между двумя объектами, из которых один есть в то же время и субъект. Теория символа связана следовательно с материалистическим объяснением природы самым тесным и неразрывным образом, а отсюда следует, что не Плеханов, а Ильин «сделал явную ошибку при изложении материализма». Ильин отождествил наивный реализм с материализмом. Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективный процесс, их порождающий». От этой точки зрения Аксельрод не отказалась до сих пор. В частности в статье «Мещанский мистицизм», переизданной в 1921 г. в сб. «Проблемы идеализма», полемизируя с субъективным идеализмом, она пишет: «Действительное дерево отличается от представляемого тем, что его можно срубить и трансформировать, а представляемое дерево — лишь знак, по которому мы узнаем действительное дерево».

Аксельрод следовательно полагает, что, во-первых, теория символов неразрывно связана с материализмом, так как она предполагает взаимодействие между объектом и субъектом (причем субъект тоже является неким объектом), продуктом чего и является ощущение; тем самым эта теория утверждает существование независимой от субъекта объективной действительности. Но это не так! Верно только то, что по этой теории действительно предполагается существование действительности, независимо от наших ощущений, и в этой части эта теория материалистична. Но неверно, что теория символов неразрывно связана с этими материалистическими представлениями! Ведь и теория отражения тоже предполагает наличие независимого от нашего сознания мира вещей.

Но в то время как теория отражения, предполагая сходство наших представлений с вызывающими их объектами, утверждает познаваемость этого внешнего мира, теория символов, по которой ощущения «не похожи на порождающие их объективные процессы», не дает никаких путей к познанию

внешнего мира. Не только познать природу действительного дерева, но даже узнать его по какому-то знаку — никак невозможно. Тем самым теория символов является материализмом непоследовательным, материализмом, протягивающим руку кантианству.

Второе возражение, выдвигаемое т. Аксельрод против теории отражения, состоит в том, что эта теория будто бы сводит материализм к наивному реализму, так как она не оставляет места для развития наших представлений от незнания к знанию, но эти представления предполагаются отражающими действительность сразу с абсолютной достоверностью. И это не так! Теория отражения, утверждая сходство отражения с объектом, вовсе не требует немедленного постижения абсолютной истины.

Отражение, вначале менее совершенное, по мере продвижения вперед нашего познания становится все более и более отчетливым, все более и более приближающимся к вызвавшему его процессу, развиваясь от относительной истины к абсолютной. Наоборот, именно теория знаков, или иероглифов, не знает развития. Не все ли равно, каким знаком будет обозначен тот или иной предмет, если этот знак ничего общего с самим предметом не имеет, если он условен? Да и куда, в каком направлении может он развиваться, если он не похож и никогда не может стать похожим на вызвавший его предмет?

Так обстоит дело с теорией иероглифов. Какую же позицию занял т. Варьяш в этом вопросе? А вот какую.

«Диалектический материализм, — говорит он¹⁾, — настаивает на том, что ощущение есть отражение или снимок нашим мышлением внешней действительности. Он строго различает представления и ощущения от отображаемых ими внешних предметов. Ответ на вопрос о сходстве или несходстве наших ощущений с внешними причинами может быть только диалектичен. Мышление похоже на отражаемое им внешнее явление в том смысле, что оно является следствием взаимодействия внешнего мира и нашего тела. Похожи ли водород и кислород отдельно или вместе на воду?»... Уже здесь в несколько увертливой форме видна линия т. Варьяша, ибо — ясное дело — следствие не похоже на причину и никогда не может совпасть с ней, ясное дело, что вода не похожа на водород и кислород, из которых она состоит! Но далее еще более выясняется, что Варьяш спасовал в этом вопросе перед Аксельродом и сдал ленинские позиции. Он пишет: «Беркли своим ядовитым вопросом о сходстве наших ощущений с внешними предметами хочет показать, к каким «нелепым» выводам приходит материализм. Он явно рассчитывает на то, что материалисты окажутся не в состоянии выбраться из подготовленного им тупика». Полагать схожими наши ощущения с вызвавшими их внешними предметами т. Варьяшу кажется нелепым. Он пасует поэтому перед Беркли, как раньше спасовал перед Аксельродом, и спешит заверить всех идеалистов, что марксизм отнюдь не защищает теории схождения.

Самым скверным однако во всей этой истории является то, что Варьяш эти свои взгляды приписывает Ленину. Тов. Варьяш не скрывает от читателя, что Ленин защищал теорию отражения. «Под копией однако, — пишет он, — Ленин понимал вполне определенную вещь, именно — результат действия, вызываемый внешними процессами в нашей мозговой субстанции», причем в зависимости от изменения воспринимающего органа меняется и этот результат.

Таким образом Варьяш значительно ухудшенную плехановско-аксельродовскую концепцию отражения подсовывает Ленину. Ухудшена же Варьяшем концепция Аксельрода потому, что он заменил материалистическое представление об ощущении как результате взаимодействия объекта и субъекта

¹⁾ Варьяш, «Диалектика у Ленина», см. главу: «Теория отражения».

путаным рассуждением насчет «причины» и «следствия», в котором исчез материальный внешний мир. И еще несколько слов по этому вопросу. Излагая теорию отражения, т. Варьяш умудрился ни словом не обмолвиться ни о Плеханове ни об Аксельрод, а теорию символов приписал... «русским махистам» (стр. 45).

Точь в точь такую же операцию т. Варьяш проделал с ошибкой Плеханова в вопросе о махистском понятии «опыт».

Плеханов в предисловии к «Л. Фейербаху» заявил, что противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла, если верно, что для эмпириокритиков опыт есть лишь предмет исследования, а не средство познания. Как указал Ленин, ошибка Плеханова здесь в том, что формальное определение опыта как предмета исследования или как средства познания не вскрывает вовсе сути отличия материалистического и эмпириокритического понимания опыта. Ведь суть-то в том, что для эмпириокритиков об'ектом опыта является не об'ективный процесс действительности, протекающий независимо от нашего сознания, а различные человеческие высказывания. Следовательно эмпириокритицизм, признавая опыт, вкладывает однако и в это понятие свое суб'ективно-идеалистическое миропонимание. Ничего общего поэтому махистское представление об опыте с материалистическим не имеет.

Аксельрод и в этом вопросе не была согласна с Лениным и взяла Плеханова под защиту. В упомянутой рецензии она пишет: «Плеханов не отождествляет понятия опыта эмпириокритиков, как это ему повидимому желяет приписать Ильин, а говорит в этой цитате условно: если верно, что эмпириокритики смотрят на опыт как на предмет исследования, то эмпириокритицизм занимается не теорией опыта, а психологией и поэтому противопоставление эмпириокритицизма материализму равносильно противопоставлению части целому».

Защита, правда, вышла слабой, так как т. Аксельрод обошла суть вопроса, занявшись формальной его стороной. Но т. Варьяш, опять-таки не обмолвившись ни словом ни о Плеханове ни об Аксельрод, считает необходимым примирить обе точки зрения. Он поэтому принимает ленинскую критику. «Путаница в вопросе об опыте у Маха и Авенариуса оттого, что они не принимают существования независимой от нас природы». (Следовало бы впрочем сказать не «путаница», а «идеализм»). Но т. Варьяш согласен и с Плехановым и с Аксельрод (впрочем ухудшив их точку зрения) и поэтому непосредственно за только что процитированной фразой у него следует: «Их термины, правда, могут ввести в заблуждение читателя, ибо они говорят об опыте как о предмете исследования, а не как о средстве познания». Ухудшение в том, что если Плеханов и Аксельрод видели, что противопоставление опыта как предмета исследования опыту как средству познания не имеет смысла, то Варьяш, как и махисты, усматривает здесь некое принципиальное различие в философском мировоззрении.

Чем, спрашивается, отличается эта оценка Ленина механистами от оценки меньшевистствующими идеалистами? По сути дела ничем. Как те, так и другие отрицают роль Ленина как теоретика марксизма и сводят ее лишь к чисто практическим заслугам. Как те, так и другие остаются на почве плехановских теорий во всех случаях, когда Ленин не соглашался с ним. Наконец как те, так и другие, не решаясь выступить открыто против взглядов Ленина, маскируются, выдают свои оппортунистические теории за ленинские и скрывают от читателя истинную суть ленинизма.

* * *

«Ну, хорошо, — скажет читатель. — Все это действительно справедливо и в общем известно! Но как теперь? Какие позиции занимают механисты в настоящий момент? Усвоены ли ими уроки прошлого?».

К сожалению на все эти вопросы приходится дать отрицательный ответ. Ни годы успешного социалистического строительства при сопротивлении правых и «левых» оппортунистов и в борьбе с ними, ни партийные решения, в которых механизм квалифицируется как ревизия марксизма, притом ревизия, составляющая на данном этапе главную опасность¹⁾, ни наконец полный провал теорий механистов в среде широких партийных масс и рабочего студенчества — до сих пор не сумели оказать какое бы то ни было влияние на механистов.

Своих прошлых ошибок они в основном не поняли. Наиболее грубые и неприемлемые из них они пытаются попросту замолчать. Постановление ЦК нашей партии о журнале «ПЗМ» они игнорируют, уверяя, что сказанное там о механистах их не касается, так как-де «механисты» — не они.

Поэтому они не только не считают нужным пересмотреть свои произведения и открыто отмежеваться от прошлого, но продолжают в своей научной работе проводить те же механистические теории. Но теперешний механицизм — это все же механицизм иного этапа развития. И этот новый этап состоит в том, что старые теории облачаются в «диалектический» костюм. Диалектика при этом получается внешняя, формальная, все более приближаясь к диалектике антипода механицизма — меньшевистствующего идеализма.

Механисты за последнее время очень мало выступали в печати. Но те немногие выступления, которые имели место, неопровержимо свидетельствуют о том, что механисты освежили несколько свое теоретическое оружие, подкрасили его под «диалектический» цвет и пытаются вновь пустить его в ход.

Совсем недавно, в конце апреля, состоялся доклад т. Перова с докладом т. Чукичева в Обществе физиологов и биохимиков по вопросу о белковой проблеме. В этом докладе т. Перов развернул не только свои теоретические воззрения о белках, но и свою общефилософскую позицию.

«Созвучность» этой позиции Перова со всеми высказываниями механистов за последнее время позволяет расценивать этот доклад как платформу механицизма на современном этапе его развития.

Общефилософские установки Перова и Чукичева не намного ушли от общефилософских установок первых сборников «Диалектики в природе». Мы опять услышали знаменитый тезис о том, что «нельзя вносить диалектические связи в природу, а надо извлекать их из природы»²⁾. В свое время, установливая научность, соответствие с действительностью законов диалектики, Энгельс писал, что эти законы извлечены из природы, а не навязаны ей. Однако из этого вовсе не следует та позиция «невмешательства», которую проповедают механисты. Так, в «Диалектике природы» Энгельс делает следующее замечание: «Обыкновенно принимают, что притяжение есть необходимое свойство материи, а не отталкивание. Но на основе принципов диалектики можно предсказать, что истинная теория материи должна отвести отталкиванию такое же важное место, как и притяжению. Кометные хвосты материальны и обнаруживают сильное отталкивание». Энгельс не боялся на основе законов диалектики предсказать диалектичность материи, и это его предсказание блестяще подтвердилось. Диалектический материализм именно и должен служить руководством к действию, дать правильное направление исследованию и тем сократить и облегчить путь познания.

¹⁾ В постановлении ЦК ВКП(б) о журнале «ПЗМ» механистический уклон упоминается дважды. Вначале, при оценке прошлой деятельности журнала, за ним признаны «известные достижения по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма». Затем, намечая предстоящую журналу работу указывается, что он «должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма».

²⁾ Из заключительного слова т. Чукичева.

Теория сводимости также сохранена Перовым в полной неприкосновенности. Естественно, что созданная им теория белка является типично механистической.

По Перову все прежние представления о белке аннулируются и дело обстоит следующим образом: во всех белках как растительного, так и животного происхождения имеется тождественное ядро, которое и представляет собой истинный белок: «материнский комплекс». Не существует поэтому белков неполноценных и белков полноценных, но все белки, точнее их «материнский комплекс», полноценны. Отличия же между белками вызываются не различиями в составе или структуре, а исключительно различной дисперсностью частиц.

Тов. Перов утверждает, что его теория непосредственно вытекает из проведенных им экспериментальных работ. Однако это не совсем так! Его экспериментальные работы состоят в том, что он, применяя известную методику обработки белков щелочью и последующего обратного их высаживания кислотой, извлекает из различных белков более или менее идентичные продукты. Они обнаруживают некоторые сходные физико-химические свойства и могут заменить друг друга в различных производственных процессах, а возможно и в питании. Но ведь эти факты совершенно не достаточны для построения упомянутой теории! Длительная обработка щелочью могла изменить белок и даже разрушить его, и извлеченный Перовым продукт вероятно весьма отличен от исходного белкового вещества. Идентичность некоторых свойств и способность заменять друг друга также неудивительны, если иметь в виду, что белок есть белок, каково бы ни было его происхождение, а не углеводород например; и вполне возможно при соответствующей обработке извлечь из различных белков наиболее питательные составные части. Ведь процент-то этих «полноценных» составных частей у различных белков далеко не одинаков и для гороха весьма низок.

Поэтому Перову приходится осложнять свою теорию добавочными гипотезами, вроде того, что все, не извлекаемое щелочью, просто привязано к белку, но не является его необходимой составной частью или что белок вообще не укладывается в химическую формулу, потому что белок есть процесс. Как-будто факт развития белка исключает определенный, пусть изменчивый, химический состав!

Эти экспериментальные данные во всяком случае не укладываются в перовскую теорию! Но в таком случае, что же она дает для понимания природы белка? На вопрос: «Что такое белок?» т. Перов отвечает: «Белок — это материнский комплекс». Но что же такое тогда «материнский комплекс»? На этот вопрос Перов ничего ответить не в состоянии, так как его материнский комплекс еще более таинственен, чем сам белок! В самом деле! Это — нечто, всегда и везде тождественное, не имеющее определенного химического состава, но вместе с тем обладающее различной дисперсностью частиц. Пойми, кто может! Теория белка таким образом не продвинута вперед, но лишь отодвинута, точнее задвинута, так как механистическая концепция о незнакомом ни отличий, ни противоречий, следовательно незнающем развития материнском комплексе не дает никаких путей к его познанию.

Тов. Перов однако настаивает на правильности своей теории, утверждая, что критерий практики ее подтверждает. А критерием практики т. Перов считает тот факт, что извлеченный им из горохового белка препарат нашел применение в промышленности, вытеснив оттуда импортный казеин.

Факт этот сам по себе заслуживает несомненно внимания и поощрения, так как увязка научной работы с нуждами промышленности — дело весьма нужное и ценное. Однако этот факт ничего общего не имеет с критерием практики!

Уже в лаборатории теория т. Перова подверглась практической проверке. Если бы она эту проверку выдержала, то это и был бы «критерий практики». Факт же приготовления из горохового белка препарата, способного заменять казеин в промышленном масштабе, не является каким-то новым, еще нами неучтенным практическим испытанием теории.

Притом, разве мы не применяем в промышленности ряда изобретений и достижений буржуазной науки? Но из этого еще не следует, что теоретические обобщения буржуазных ученых являются марксистскими. Более того!

При известной добросовестности и опыте полученные буржуазным ученым факты могут быть вполне правильными, отвечающими действительности фактами, но базирующиеся на этих фактах теории, построенные немарксистски мыслящими учеными, сплошь да рядом имеют тот или иной изъян, являющийся теориями односторонними. В этом и состоит классовый характер буржуазной науки. Этого не понимают механисты.

Узко практический подход к вопросу: «Какая угодно теория, лишь бы это было полезно для нашей промышленности» — весьма напоминает знаменитый тезис: «Чей угодно, хоть кулацкий, лишь бы был хлеб!» Таков политический смысл перовского «критерия практики».

Механический материализм неизбежно скатывается к идеализму — так мстит за себя игнорирование диалектики, непонимание ее законов. Этой участи не избежали и наши механисты, в частности т. Перов. В его докладе мы имеем некоторые положения определенно идеалистического характера.

Например его заявление, что белок не укладывается в химическую формулу. Или его теория «рабочих гипотез». Оказывается, что свою белковую теорию Перов и Чукичев называют «рабочей гипотезой». Мотивируют они подобное наименование тем, что на основании существующих экспериментальных данных еще нельзя утверждать с полной достоверностью, что мы имеем дело действительно с теорией. Но в таком случае они могли бы назвать ее гипотезой. Почему же они применяют термин «рабочая гипотеза»? Этот термин получил права гражданства в махистской естественно-научной литературе. Махисты употребляют его вместо термина «гипотеза» или «теория» по следующей причине. Доверяя лишь непосредственной «чувственной данности» и отрицая какие бы то ни было теоретические обобщения, в которых всегда содержится нечто, выходящее за рамки непосредственно наблюдаемого, естественник-махист, как и всякое разумное существо, однако не может не мыслить и не руководствоваться своим мышлением в своей экспериментальной работе. Таким руководством к действию и является та или иная теория или гипотеза. Но так как махист принципиально отрицает теоретическое мышление, то он, желая «и капитал приобрести и невинность соблюсти», именует свои гипотезы «рабочими». Этим он, с одной стороны, подчеркивает их временный и относительный характер: они-де нужны лишь для процесса работы и никакого абсолютного значения не имеют; с другой — он сохраняет таким образом необходимую предпосылку всякого научного исследования: определенный путь, по которому предполагается это исследование вести. Но философская непоследовательность мстит за себя. Поскольку махист не относится всерьез к теориям, теории также не относятся всерьез к нему, и он осужден барахтаться в эмпирическом материале, будучи не в силах возвыситься над ним.

Тов. Перову в прениях по его докладу указали на рискованность того пути, на который он встал, на пренебрежительный к теории оттенок, который звучит в термине «рабочая гипотеза». Но т. Перов видно не из тех людей, которые способны признать свои ошибки. Он не только не отказался от этого ошибочного термина, но «углубил» вопрос и нагромоздил целую кучу новых ошибок. Так, он заявил, что «рабочая гипотеза» и «гипотеза» — это одно и то же. Ну, а гипотеза — весьма почтенная категория. Гипотезы строят

и наша партия. При создании нэпа Ленин сказал: «Давайте попробуем». Или при передаче втузов хозяйственным организациям ЦК сказал: «Давайте попробуем». Это тоже были своеобразные гипотезы. Таково мнение т. Перова, и оно находится в трогательном единодушии с мнением т. Стэнна. Известно однако, что наша партия этого мнения не разделяет.

Мы не ползуем эмпириками, как это представляют себе Стэн и Перов. Мы не плаваем без руля и без ветрил по бурному житейскому морю, не отдавая себе ясного отчета, куда следует держать наш путь, чтобы достигнуть желанной цели. Но в отличие от буржуазии и всех ее подголосков мы обладаем единственно научной марксистско-ленинской теорией и руководствуемся ею во всех предпринимаемых нами мероприятиях. Именно в этом секрет успеха большевистской политики, секрет того невероятного с точки зрения буржуазии «везения», которое сопровождает все наши «эксперименты».

Тов. Перов не понял этого и подсовывает партии свое собственное вульгарно-эмпирическое мирозерцание.

Без самокритики, без прямого и честного признания своих ошибок невозможно стать на правильный путь. Но тт. Тимирязев, Варьяш и Перов этого не желают понять и предпочитают идти по пути запирательства, уверток, нарочитого запутывания вопроса ¹⁾.

Они признают, что механицизм — теоретическая база правого уклона. Но они отрицают, что механисты — это они.

Они признают, что Бухарин — механист. Но они отрицают связь, существующую между воззрениями т. Бухарина и их собственным мирозерцанием.

Они признают, что решение ЦК о журнале «ПЗМ» правильно. Но они отрицают, что это решение имеет к ним какое-либо отношение.

Тем самым они по существу не согласны с партийными решениями и противопоставляют линии партии свою собственную оппортунистическую линию.

Я должна сказать, что за все старые, допущенные механистами ошибки считаю себя ответственной не менее, чем тех товарищей, которых я критикую в этой статье. Но единственный партийный путь исправления ошибок — это их разоблачение и критика. Всякий иной путь ведет в сторону от партии. Товарищи Варьяш, Тимирязев и Перов, возглавляющие это философское течение, должны понять, что никакие ошибки меньшевистствующих идеалистов не могут зачеркнуть их собственных ошибок. Они должны понять, что, противопоставляя себя партии, они неизбежно будут служить центром группировки всего антипартийного, всего чуждого. Такова логика классового боя. Пора, давно пора пересмотреть и передумать свои позиции, признать свои ошибки и стать плечом к плечу со всей партией для защиты нашего идеологического фронта, для осуществления партийных решений, для построения социализма в нашей стране, для борьбы за победу коммунизма во всем мире.

¹⁾ См. статью этих тт. в «ПЗМ» № 1—2, 1931 г. «С больной головы на здоровую». Аналогичную позицию занял т. Перов в своем докладе.

К вопросу о материалистическом изучении Гегеля

А. Винокуров

Ленин дал указание материалистически штудировать Гегеля. В статье о значении воинствующего материализма Ленин писал: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много» (Ленин, т. XX, ч. 2-я, стр. 498).

К сожалению это мы до сих пор мало делаем, хотя и много об этом говорим. Это относится ко всем областям философии Гегеля, в том числе к его философии права.

Чтобы материалистически читать Гегеля, нужно вообще иметь возможность читать его, а между тем мы до сих пор, хотя уже отпразднован столетний его юбилей, не имеем нового русского перевода важнейших его сочинений, как «Феноменология духа», «История философии», не имеем совсем на русском языке «Философии права». Старые издания «Феноменологии», «Энциклопедии философских наук» (Логика, Философия природы, Философия духа), «Эстетика» представляют библиографическую редкость и их с трудом можно найти даже в лучших наших научных библиотеках.

Поэтому необходимо выразить пожелание, чтобы главные произведения Гегеля поскорее вышли в свет новыми изданиями на русском языке.

Необходимо помнить, что деборинская группа не только не сумела справиться с задачей материалистической переработки гегелевской диалектики, но скатилась сама на гегелевские, идеалистические позиции. Известно, какое вредное влияние имело это извращение марксистской диалектики.

С другой стороны, у нас, в частности у правовиков, все еще широко распространено предубеждение против Гегеля, непонимание роли и значения гегелевской диалектики как одного из источников марксизма; это—последствие старого влияния позитивной философии, вульгарного механистического материализма.

Поэтому перед нами стоит задача прежде всего сломить имеющуюся в широких кругах недооценку материалистической переработки гегелевской диалектики, усилить внимание к задаче, поставленной Лениным. В этой заметке я и ставлю целью собрать материал, показывающий, насколько Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценили Гегеля, в то же время подвергая уничтожающей критике его идеализм и мистицизм.

I

Если взять изданные сочинения Маркса и Энгельса, их переписку, «Диалектику природы» Энгельса, то обращают на себя внимание многочисленные ссылки на Гегеля.

Я постараюсь привести некоторые, наиболее яркие, отзывы Маркса и Энгельса о Гегеле. В переписке Маркса и Энгельса мы например находим такие места:

В письме к Энгельсу от 14/1 1858 г. Маркс пишет: «У меня порядочные успехи. Например я разрушил все учение о прибыли, как оно было до сего времени. В методе обработки мне сослужило большую службу то, что я перелистал «Логику» Гегеля, случайно попавшую мне в руки... Если когда-нибудь придет время для подобных работ, мне очень хотелось бы в объеме 2-3 печатных листов сделать доступным общему человеческому рассудку то разумное в методе, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил» (письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Изд. 1923 г., стр. 86).

В том же 1858 г. Энгельс писал Марксу: «Пришли мне обещанную «Философию природы» Гегеля. Интересно посмотреть, не предчувствовал ли старик (Гегель) чего-нибудь подобного (открытый в физиологии и сравнительной анатомии. — А. В.)... Клетка есть гегелевское бытие в себе. Она в своем развитии как раз именно проделывает гегелевский процесс, пока из нее не развивается «идея», т. е. законченный организм... Другой результат, которому порадовался бы старик Гегель, — это закон, что при определенных условиях механическая сила превращается в теплоту, теплота в свет, свет в химическое сродство, химическое сродство в электричество, электричество в магнетизм... Гегелевская история с качественным прыжком в количественном ряде тоже очень подходит» (там же, стр. 87—89).

Здесь мы имеем пример постановки гегелевской диалектики на ноги, материалистическое толкование ее в области естествознания.

Материалистическое изучение гегелевской диалектики имеет огромное значение для правильного понимания основного труда Маркса — «Капитал». Ленин высказал афоризм: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и, особенно, его первой главы, не проштудировав всей логики Гегеля» (Ленинский сборник IX, стр. 199). И далее: «Анализ заключений у Гегеля (Е.—В.—А. единичное, особое, всеобщее; В—Е—А etc.) напоминает о подражании Гегелю у Маркса в первой главе «Капитала» (стр. 177).

В письме своем к Марксу от 16/VI 1867 г. Энгельс писал: «Тебе надо было бы обработать эту часть (первые листы первого тома «Капитала» — А. В.), так же, как построена гегелевская энциклопедия... выдвигая каждый диалектический переход особым заглавием («Письма М. и Э.», стр. 165).

«Без Гегеля, — писал Энгельс к Шмидту в 1891 г., — конечно, обойтись невозможно (при изучении марксизма) и притом нужно время, чтобы его переварить... «Краткая логика» и «Энциклопедия» — это прекрасное начало. Главная часть — это учение о сущности... Но вы не должны читать Гегеля для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки... Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное... Вы сделаете хорошо, если посмотрите лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу рекомендовать «Эстетику»... Сравните развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности» (там же, стр. 320—322).

Здесь Энгельс не только устанавливает то положение, что при изучении марксизма нельзя обойтись без Гегеля, но и дает метод материалистического штудирования Гегеля, высказывая мысли, аналогичные тем, которые нами были приведены вначале из статьи Ленина. Здесь же Энгельс указывает

на важное значение «Истории философии» Гегеля, называя это сочинение одним из гениальнейших произведений. Здесь же Энгельс рекомендует «Эстетику» Гегеля.

Особенно часто обращается Энгельс к Гегелю в своей «Диалектике природы» и вообще по вопросам естествознания. Здесь буквально страницы пестрят ссылками на Гегеля. По вопросу о взаимодействии Ф. Энгельс пишет: «В естествознании подтверждается то, что говорит Гегель, что взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей» («Диалектика природы», изд. 1930 г., стр. 17). Или например: «Превращение притяжения в отталкивание и обратно у Гегеля мистично, но по существу он предвосхитил в этом пункте позднейшие естественно-научные открытия» (там же, стр. 6). Здесь Энгельс выражает ту же мысль, что и Ленин, именно, что Гегеля нужно читать материалистически.

По вопросам о вещи в себе, сущности, бесконечности Энгельс так характеризует Гегеля: «Гегель здесь (в вопросе о вещи в себе) гораздо больше решительный материалист, чем современные естествоиспытатели» (там же, стр. 7). «Истинная природа определений «сущности» дана самим Гегелем» (стр. 7). «Истинная бесконечность была уже Гегелем правильно вложена в заповедное пространство и время, в природу и историю» (стр. 10).

Энгельс с большим уважением отзывается о Гегеле.

«Современная естественно-научная теория о взаимодействии сил природы, — пишет Энгельс в письме к Ланге в 1866 г., — есть лишь выражение иными словами или, лучше сказать, положительное доказательство правильности мыслей Гегеля относительно причины, действия, взаимодействия, силы и т. д. Я конечно теперь больше уже не гегельянец, но чувствую все еще большое почтение и симпатию к старому великому парню» («Письмо М. и Э.», изд. 1923 г., стр. 142).

В статье «Диалектика и естествознание» Энгельс пишет о Гегеле: «В конце прошлого столетия, после французских материалистов, материализм которых был, по преимуществу, механическим, обнаружилась потребность энциклопедически резюмировать все естествознание, и за это дело взялись два гениальнейших человека — Сен-Симон и Гегель» («Диалектика природы», стр. 21).

Приведу еще выдержки из «Заметок» Энгельса 1881—1882 гг., касающиеся Гегеля.

По вопросу о познании. Приведя гегелевское деление суждений на суждения наличного бытия, рефлексии, необходимости и понятия, Энгельс говорит: «Насколько эта группировка обоснована не только законами мышления, но и законами природы, можно показать на очень известном примере. Уже доисторические люди знали практически, что трение порождает теплоту. Но прошло несколько тысячелетий, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: трение есть источник теплоты — суждение наличного бытия (простейшая форма суждения. — А. В.). Прошли новые тысячелетия, пока в 1842 г. Майер, Джоуль и Кольдинг... смогли сформулировать такое суждение: всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту... Вот сколько времени и насколько эмпирических знаний потребовалось, чтобы подвинуться в познании от вышеприведенного суждения наличного бытия до этого универсального суждения рефлексии... Три года спустя Майер смог поднять суждение рефлексии на ту высоту, на которой оно находится теперь. Любая форма движения способна превратиться в любую другую форму движения: суждение понятия — высшая вообще форма суждения... То, что у Гегеля является развитием логической формы суждений, выступает здесь как развитие наших опирающихся на эмпирическую основу теоретических сведений

о природе движения вообще» (там же, стр. 127—128). Здесь Энгельс дает нам блестящие образцы материалистического толкования Гегеля в области познания.

Или взять из тех же «Заметок» Ф. Энгельса следующее место о случайности и необходимости: «обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как категории, безусловно исключаящие друг друга. Что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным.

...Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший в естествознание из французского материализма и рассчитывающий покончить с случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Согласно этому воззрению в природе господствует простая, непосредственная необходимость... С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического (разрядка моя. — В.А.) взгляда на природу... Случайность не объясняется здесь из необходимости.

...В противоположность обоим этим взглядам выступает Гегель с неслыханным до того утверждением, что... случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость («Логика», отдел «Действительность»).

Естествознание предпочло игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов, закоснев теоретически в бессодержательности вольфовской метафизики, согласно которой нечто либо случайно, либо необходимо... или в столь же бессодержательном механическом детерминизме (разрядка моя. — А. В.), который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае» (там же, стр. 135—138).

Это место сохраняет все свое значение и в настоящее время и бьет не в бровь, а в глаз нашим механическим детерминистам.

Теперь перехожу к отзывам Ленина о Гегеле.

Выше я уже приводил отзыв Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и особенно первую его главу, не проштудировав всей «Логике» Гегеля. В своих философских тетрадах Ленин неоднократно подчеркивает колоссальное значение Гегеля. «Гегель действительно доказал, — пишет Ленин, — что логические формы и законы не пустая оболочка, а отражение объективного мира» (Ленинский сборник IX, стр. 199). Или «Гегель гениально угадал диалектику вещей (явлений мира, природы) в диалектике понятий» (стр. 229). Ленин указывает на то, что «Маркс непосредственно примыкает к Гегелю, вводя критерий практики в теорию познания, см. тезисы о Фейербахе» (стр. 257) и что у Гегеля «сознание человека не только отражает мир, но и творит его» (стр. 258).

Для правовиков интересны отзывы Маркса и Энгельса о «Философии права» Гегеля. Эти отзывы¹⁾ показывают, что мы не можем пренебрегать этим сочинением Гегеля, хотя оно идеалистично, местами консервативно и реакционно и именно там, где Гегель находится больше всего в плену своей

¹⁾ Здесь я не останавливаюсь на «Критике философии права Гегеля», в которой Маркс дал блестящую критику идеалистической и мистической стороны философии права Гегеля и гегелевской философии вообще. К сожалению найденная рукопись Маркса касается только части главы «Философии права» Гегеля о государстве. Здесь Маркс показывает различные логические «трюки» Гегеля: «переходы эмпирии в умопознание и умопознания в эмпирию», мистическое превращение предикатов в их субъекты и т. д., что дает возможность Гегелю накидывать «спекулятивное покрывало» на существующие отношения «превращать эмпирические факты в метафизическую аксиому».

мертвой системы. И здесь нашей задачей является вылущить рациональное зерно, отыскать, как говорит Энгельс, «под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное», освободить гегелевскую философию от «идеалистических обшивок». В своем сочинении «Людвиг Фейербах» Энгельс пишет: «Гегель строил систему, а философская система должна была вести к абсолютной истине. И тот же Гегель, который в своей «Логике» указывал, что вечная истина есть процесс, тот же самый Гегель увидел себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему закончить систему... Вот почему мы в конце «Философии права» узнаем, что абсолютная идея должна осуществляться в ограниченной сословным представителем монархии, т. е., стало быть, в косвенном господстве имущих классов. Одни внутренние потребности системы объясняют, почему крайне революционный метод привел к очень мирному политическому выводу» (изд. 1919 г., стр. 5).

Это противоречие между диалектическим методом и консервативной системой в «Философии права» Гегеля нужно иметь всегда в виду при материалистическом ее штудировании, чтобы правильно вылущить из нее здоровое рациональное зерно.

В известном «Введении к критике политической экономии», говоря, что правильный в научном отношении метод состоит в том, чтобы исходить из простейшего отношения, Маркс пишет: «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения». Благодаря пренебрежению этим правилом получилась например ошибка одной у нас теории права, которая исходным пунктом взяла не простейшее правовое отношение (владение), а «субъект права» и благодаря этому соскользнула на идеалистические рельсы.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс пишет: «Нас поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика или учение о нравственности есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) бытовые отношения, к которым относится семья, гражданское общество и государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реально содержание. Вместе с моралью она заключает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха наоборот. По форме он реалист; за точку отправления он берет человека, но человек его остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии» (стр. 23).

Это сопоставление Гегеля и Фейербаха показывает, что Энгельс делал различие между идеалистической формой «Философии права» Гегеля и ее реальным содержанием. Здесь Энгельс другими словами и по другому поводу выражает ту же мысль, что и Ленин, когда последний говорит, что Гегель в «Логике» местами близко подходит к материализму.

Это подтверждается также следующим местом из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса. Цитируя Гегеля: «Если право и вытекает из понятия, то все же оно начинает существовать только потому, что оно полезно для потребности» («Философия права», § 209, прибавление), Маркс и Энгельс пишут: «Гегель объясняет существование права из эмпирических потребностей индивидов, спасая понятие только путем голословного утверждения. Мы видим, насколько бесконечно более материалистичен Гегель, чем наше «Я во плоти» — святой Санчо» (т. е. Макс Штирнер. — А. В.) («Сов. гос. и рев. права», 1931 г., № 5—6, стр. 13). Здесь Гегель действительно подходит «кувырком», употребляя выражение Ленина, к материализму.

Интересны ссылки на «Философию права» Гегеля, которые Маркс делает в I томе «Капитала».

В главе «Процесс обмена», говоря о том, что «каждый товар представлял бы только знак, потому что как стоимость он представляет лишь веществен-

ную оболочку затраченного на него человеческого труда», Маркс прямо цитирует аналогичное место из «Философии права» Гегеля: «Исследуя понятие стоимости, мы должны рассматривать самое вещь только как знак, причём эта вещь имеет значение не сама по себе, а лишь как то, чего она стоит» (К. Маркс, «Капитал», т. I, изд. 1929 г., стр. 47, примечание).

В главе «Превращение денег в капитал», в заголовке «Купля и продажа рабочей силы», развивая мысль, что «длительное существование этого рода отношения (договора между собственником рабочей силы и собственником денег. — А. В.) требует, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что если бы он ее продал целиком раз навсегда, то он продал бы вместе с тем и самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар» (стр. 110) — Маркс цитирует следующее место из «Философии права» Гегеля (§ 67):

«На ограниченный срок я могу отчуждить другому лицу пользование отдельными моими телесными и духовными способностями, моими способностями к различного рода деятельности, ибо после такого ограничения они лишь внешним образом относятся к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчуждил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчуждил мою производственную деятельность, как целое, то я сделал бы собственностью другого самую сущность моей деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность».

Это и есть то здоровое, рациональное зерно, которое нужно вылуцивать, как выразился Ленин, «из моря сора и шелухи у Гегеля».

Интересно сравнить аргументацию Маркса в главе «Процесс обмена»: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу, как лица, воля которых обитает в этих вещах», с аргументацией Гегеля из «Философии права» о договоре (§ 71). Здесь Маркс материалистически исправляет Гегеля, говоря, что «это юридическое отношение, формой которого является договор... есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением» (Маркс, «Капитал», т. I, изд. 1929 г., стр. 41). Гегелевскому идеалистическому толкованию воли в правовых вопросах Маркс противопоставляет материалистическое ее толкование, как отражение, как производное экономических отношений. Известно также место из «Манифеста коммунистической партии»: «Ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса».

В заключение я не могу не процитировать следующее место из «Людвиг Фейербах» Энгельса, где он блестящим образом обрисовывает значение главнейших сочинений Гегеля:

«Феноменология духа» (которую можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемым как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), «Логика», «Философия природы», «Философия духа», разработанные в ее отдельных исторических подразделениях: философия истории, право, история философии, эстетика и т. д. — в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составляло эпоху. Нужды «системы» довольно часто заставляли его прибегать к тем насильственным теоретическим построениям, по поводу которых до сих пор так ужасно кричат его ничтожные про-

тивники. Но эти построения служат у него только рамками работы, лесами возводимого им здания. Кто, не останавливаясь около них, проникает в самое здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную стоимость» (Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах», изд. 1919 г., стр. 6).

* * *

Однако высоко ценя Гегеля, Маркс, Энгельс и Ленин вместе с тем критикуют Гегеля и его диалектику и критикуют жестоко за его идеализм, мистицизм и т. п.

В «Критике философии государственного права», относящейся к 1843 г., Маркс сильно бичует Гегеля за идеализм и мистицизм. В параграфе о связи между семьей и гражданским обществом, с одной стороны, и государством, с другой — Маркс пишет: «В этом месте совершенно ясно проявляется логический мистицизм. Действительное отношение семьи и гражданского общества к государству понимается как воображаемая деятельность идеи... По Гегелю, они (семья и гражданское общество) созданы идеей. Их объединение в государство не есть результат их собственного развития, а предопределено развитием идеи... В этом параграфе ярко сказалась вся мистика философии права и гегелевской философии вообще» (т. I, изд. 1928 г., стр. 538—540). В другом месте о мистицизме Гегеля Маркс говорит так: «Именно потому, что Гегель вместо того, чтобы исходить из реального существа (субъекта), исходит из всеобщих определений... носителем этих определений является мистическая идея» (стр. 547).

В наброске «Как нам быть с гегелевской диалектикой» (из подготовительных работ для сочинения «Святого семейства», относящегося к 1844 г.) Маркс критикует идеализм и мистицизм гегелевской диалектики.

Гегель «нашел лишь абстрактное, логическое выражение для движения истории, которое не есть еще действительная история человека» (т. III, стр. 635).

И далее Маркс пишет: «у Гегеля наблюдается двоякая ошибка: 1) он берет их (богатство, государственную власть и т. д. — А. В.) только в их отвлеченной форме. Вся история отрешения и все устранение отрешения есть не что иное, как история производства абстрактного, т. е. абсолютного, логического мышления; 2) у Гегеля чувственность, государственная власть и т. д. являются духовными сущностями... Они являются продуктами абстрактного духа... отвлеченными сущностями... В качестве результата получается диалектика чистой мысли» (стр. 637—638). Маркс едко высмеивает эту идеалистическую диалектику в «Святом семействе». «Критическая критика всюду видит одни лишь категории. Так, имение, неимение, заработная плата, нужда и потребность, труд для потребности, — все это не что иное, как категории. Если бы обществу нужно было освободиться только от категорий имения и неимения, насколько облегчил бы ему работу «преодоления» и «снятия» этих категорий всякий диалектик» (стр. 62). И далее: «Они (рабочие) знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и т. п. представляют далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих, и что поэтому они должны быть упразднены тоже практически и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в мышлении, в сознании, но также в самом бытии, в жизни. Критическая же критика учит рабочих, что они перестают в действительности быть наемными рабочими, лишь только они в мысли перестают для себя быть наемными рабочими, лишь только они в мыслях упраздняют наемный труд... Критическая критика

учит, что они упраздняют действительный капитал, преодолевая в мысли категории капитала» (стр. 74)¹).

Маркс явился творцом материалистической диалектики, не только отличной от гегелевской диалектики, но и, как говорит сам Маркс, прямо противоположной ей (см. послесловие ко 2-му изданию I т. «Капитала»).

Маркс идеалистическую гегелевскую диалектику поставил с головы на ноги, так как в таком идеалистическом виде диалектика носила явно реакционный характер, отвлекая рабочий класс от реальной классово-вой борьбы. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал в 1873 г.: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад... Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой» («Капитал», т. I, изд. 1929 г., стр. XI).

Суровую критику идеализма гегелевской диалектики дает и Ф. Энгельс. В «Людвиге Фейербахе» он писал: «Люди этого направления (связанного с именем Маркса.—А. В.) не довольствовались простым игнорированием Гегеля. Наоборот, они воспользовались революционной стороной его философии, его диалектическим методом. Но этот метод был неприменим в той форме, какую придал ему Гегель. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия... Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие... является у Гегеля простым снимком с поступательного движения понятия, движения самопроизвольного, вечно совершающегося неизвестно где и во всяком случае совершенно независимо от человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей... Диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была поставлена на голову, а лучше сказать на ноги, так как на голове она стояла прежде... Таким образом снова выступила вперед революционная сторона гегелевской философии, освобожденная на этот раз от тех идеалистических ошибок, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение» (изд. 1919 г., стр. 29—30).

Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля, отдавая должное гегелевской диалектике, тоже сильно бичует Гегеля за его идеализм и мистицизм.

Наряду с положительными отзывами мы сплошь и рядом встречаем у Ленина самые резкие отрицательные замечания по поводу идеализма и мистицизма философии и диалектики Гегеля.

«Чушь об абсолюте! Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически. Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т. е. я выкидываю боженку, абсолюте, чистую идею». (Здесь Ленин дает метод материалистического штудирования Гегеля).

«Темна вода»; «Сугубо темно»; «здесь много мистицизма и пустого педантизма у Гегеля»; «из этого (о силе.—А. В.) надо сначала вышелушить материалистическую диалектику, а это на 9/10 шелуха, сор»; «идеалистическое, мистическое, но очень глубокое указание на исторические причины событий»; «у Гегеля тут (о логических формах.—А. В.) идеалистическая нелепость и недоговоренность. Мистика»; «здесь Гегель высунул ослиные уши идеализма, относя время и пространство (в связи с пред-

¹) Ср. также замечательное место из «Святого семейства» о тайне спекулятивной гегелевской конструкции (стр. 78—82).

ставлением) к чему-то ни з ш е м у против мышления... Здесь в понятии времени — идеализм Гегеля».

Все указанное нужно иметь в виду при материалистическом штудировании Гегеля. Иначе можно попасть в сети идеализма и мистицизма. Здесь опасна как недооценка, так и переоценка Гегеля. Во избежание указанного необходимо при чтении сочинений Гегеля и отдельных мест параллельно обязательно читать соответствующие замечания Маркса, Энгельса и Ленина.

Здесь актуальной задачей является составление сводки критики и замечаний Маркса, Энгельса и Ленина о Гегеле.

Нужно также сказать, что нельзя понять Гегеля, читая одно его произведение оторванно от другого, в виду особенностей его языка и терминологии. Поэтому для всякого, засевавшего за марксистское штудирование Гегеля, необходимо прочесть как минимум его «Энциклопедию философских наук», где собраны и логика, и философия природы, и философия духа, и вопросы права, государства, искусства и пр.

Марксистски штудирова Гегеля, необходимо исходить из итогов дискуссии, которая имела место на философском фронте, а именно: из необходимости борьбы на два фронта — против механицизма, отрицающего значение материалистического изучения Гегеля, и против идеалистического извращения материалистической диалектики со стороны меньшевистствующего идеализма.

Здесь руководящим началом должна служить резолюция президиума Комакадемии «о разногласиях на философском фронте», принятая 2/1 1931 г. по интересующему нас вопросу. Эта резолюция говорит: «Несмотря на прямые указания Маркса, Энгельса и Ленина об отношении марксизма к гегелевской философии, эта группа (деборинская) по существу реставрировала Гегеля, воспринимая положения идеалистической диалектики без материалистической переработки, и тем самым впáдала в идеализм» («Вестник Коммунистической академии», 1931 г., № 1, стр. 18).

По поводу механистического уклона резолюция президиума Комакадемии «о положении на фронте естествознания» говорит: «Наибольшей опасностью является механистический уклон от философии диалектического материализма. Механисты выхолащивают все революционное содержание марксизма и заменяют его философией буржуазных естествоиспытателей, реставрируя методологию вульгарного механицизма... Механистические взгляды и вся система механистического мировоззрения являются на данном этапе теоретической и методологической базой правого уклона» («Вестник Коммунистической академии», 1931 г., № 1, стр. 25). В резолютивной части указанная резолюция Комакадемии говорит: «ассоциация естествознания должна перестроить свою работу на следующих началах:... 3) «ведение войны» со всеми враждебными диалектическому материализму направлениями в естествознании... проязив вместе с тем особую бдительность к меньшевистствующему идеализму группы Деборина и др.» (там же, стр. 29).

Эта борьба на два фронта должна постоянно витать перед изучающим по-марксистски Гегеля, дабы избежать Сциллы механистического отрицания и Харибды идеалистического извращения марксистской диалектики.

Все сказанное показывает, насколько важно материалистическое изучение Гегеля. Но повторяю, чтобы прочесть Гегеля материалистически, нужно вообще иметь возможность его прочесть. Между тем мы имеем в новом переводе только «Логику» и «Историю философии». Старые переводы: «Феноменология духа», «Философия природы», «Философия духа», «Курс эстетики», ч. 3-я, нам удалось найти только в библиотеке Института Маркса и Энгельса и Института Ленина. Столетний юбилей Гегеля должен

дать толчок к более скорому выпуску в свет важнейших сочинений Гегеля на русском языке. Нужно, чтобы наши научные кадры дружно взялись за «материалистическое штудирование» Гегеля. Конечно это не легкая задача, принимая во внимание способ изложения Гегеля. Энгельс, когда приступил к изучению вопроса о диалектике в естествознании, писал в 1874 г.: «Я глубоко сижу в учении о сущности» (Гегеля). К Шмидту писал в 1891 г. об изучении Гегеля: «Нужно время, чтобы переварить Гегеля... Если Вы вработаетесь, Вы поразитесь». В другом письме к Шмидту Энгельс в 1892 г. говорит: «Если Вы у Гегеля натываетесь на болота, то Вы на этом не останавливайтесь. Шесть месяцев спустя Вы откроете в этом же самом болоте твердые камни, на которые можно встать и совершенно благополучно перейдете».

Мы должны в плановом порядке возможно скорее выполнить завет Ленина, данный им еще в 1922 г. о материалистическом истолковании Гегеля

Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма

Статья вторая *)

Я. Мушперт

III

Учение о двойственном характере труда и двойственном характере всего капиталистического процесса производства Маркс считал самым лучшим, считал центральным пунктом в «Капитале». От правильного понимания этого учения зависит правильное понимание действительных отношений капиталистической эксплуатации.

«Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною. Так как этот продукт является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно» — говорит Маркс в первой же главе «Капитала». А в письме к Энгельсу (от 24 августа 1867 г.) Маркс еще раз подчеркивает: «Самое лучшее в моей книге («Капитал»): 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории о двойственном характере труда покоится все (подчеркнуто Марксом. — Я. М.) понимание фактов); 2) прибавочная стоимость, рассматриваемая независимо от ее особенных форм, как прибыль, процент, земельная рента и т. д.».

Открытое и обоснованное Марксом учение о двойственном характере труда, создающего товары, и открытое им же учение о прибавочной стоимости — эти два лучших пункта во всем «Капитале» имеют между собой самую неразрывную и непосредственную связь. Процесс производства стоимости и прибавочной стоимости, весь механизм капиталистической эксплуатации может быть правильно понят лишь на основе учения о двойственном характере труда и всего капиталистического процесса производства. Кто не понял или сознательно искажает учение Маркса о двойственном характере труда, тот неизбежно извратит его учение об основах капиталистической эксплуатации. Одно с другим связано неразрывно.

Исходным пунктом своего анализа капиталистической действительности Маркс берет товар. Он берет его как элементарную форму, как экономическую клеточку буржуазного способа производства. Анализ этой клеточки вскрывает в ней зародыши всех противоречий буржуазного общества.

Переходя от анализа товара к анализу труда, создающего товар, Маркс констатирует, что противоречия товара выражают лишь противоречия труда, создающего товар. Двойственная природа товара — результат двойственной природы труда, создающего этот товар. Но противоречия товара и труда — лишь зародыш, элементарная форма противоречий самого

*) Начало см. «ПЗМ» № 3—4.

капиталистического способа производства, в пределах которого и в подчинении которому совершается процесс труда и производство товаров. Сам капиталистический способ производства имеет глубоко противоречивую антагонистическую природу. В противоречиях товара и труда — между стоимостью и потребительной стоимостью, между абстрактным и конкретным трудом, между общественным и частным трудом, между общественно-необходимым и индивидуальным трудом — во всех этих противоречиях в элементарной, зародышевой форме выражаются противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма, между общественным характером производства и частной, капиталистической формой присвоения, короче — между буржуазией и пролетариатом.

Открыв зародыши этих противоречий уже в экономической клеточке буржуазного общества, в товаре, Маркс своим последующим анализом, переходя от товара к капиталу, к производству прибавочной стоимости, показывает, как эти зародыши противоречий, содержащиеся в товаре и труде, вырастают и превращаются в развитые противоречия капитализма, в антагонизмы его классов, в те противоречия, которые являются *memento mori* капитализма.

Вот почему Маркс так усиленно подчеркивал решающее значение его учения о двойственном характере труда для понимания всего его учения об основных противоречиях капитализма.

После всего сказанного выше излишне распространяться о том, почему «теоретики» социал-фашизма так усиленно отрицают реальность противоречий товара, реально существующий двойственный противоречивый характер труда. Это вполне естественно и более чем понятно. Социал-фашистским «бандитам пера» нужно обосновать теорию «организованного капитализма», нужно изобразить капитализм без противоречий, без эксплуатации, без классовой борьбы. Но для всего этого необходимо отрицать противоречия уже в самом их зародыше. Кто хочет представить капитализм непротиворечивым, «организованным», тот должен отрицать противоречия уже в самом их исходном пункте, в товаре, труде, ибо эти противоречия — зародыши противоречий капитализма. Вот почему социал-фашистские «ученые» лакеи так единодушно ополчаются не только против марксова учения о противоречиях классов в их развитом виде, как это мы показали выше, но столь же единодушно ополчаются и против марксова учения о зародышах этих противоречий, заложенных в товаре, выражающихся в двойственном характере труда, короче — ополчаются не только против учения о прибавочной стоимости, но и против учения о двойственном характере труда. Самое лучшее и основное в «Капитале», по признанию самого Маркса, его учение о двойственной природе труда и прибавочной стоимости — подвергается бешеному обстрелу и полному отрицанию.

Вот что говорит например о двойственной природе товара признанный вождь социал-фашистской школы — Гильфердинг: «Противоположность определений товара как потребительской стоимости и стоимости, противоположность натуральной и стоимостной формы выступает теперь перед нами как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является естественной вещью, а с другой стороны, общественной вещью. Здесь таким образом мы действительно имеем дело с дихотомией, когда один член исключает другой и наоборот. **ОДНАКО ЭТО — ЛИШЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ СПОСОБОВ РАССМОТРЕНИЯ. Товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, и ЛИШЬ СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ДВОЙКИМ**»¹).

¹ Р. Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, изд. 1923 г., стр. 18. Разрядка моя. — Я. М.

Таким образом ясно, что реально существующих противоречий товарнокапиталистического общества, выраженных в зародышевой форме в противоречиях товара и труда, по Гильфердингу, нет. Это — не объективные, помимо воли и сознания существующие противоречия самого строя производства, находящие свое выражение в классовых противоречиях. Нет, это — лишь умозрительное противоречие. Так уничтожает Гильфердинг действительные противоречия капитализма уже в самом их зародыше с тем, чтобы перекинуть мост к своей теории «организованного», преодолевшего все классовые антагонизмы капитализма.

Было бы странно, если бы за Гильфердингом не следовали ученики его школы. Меньшевик Финн-Енотаевский почти буквально повторяет Гильфердинга:

«Наши мнимые диалектические материалисты (этот иронический эпитет «мнимые» по мысли социал-фашиста Финна должен быть убийственным для нас, марксистов-ленинцев. — Я. М.) не видят того, что из самого факта, что потребительная стоимость — условие создания стоимости, вытекает, что труд, создающий меновую стоимость, — тот же конкретный труд, только рассмотренный не со стороны его особых общественно полезных свойств, но со стороны общих общественно-материальных признаков»¹⁾.

Разве не ясно, что реально существующих противоречий в труде, объективно существующего двойственного характера труда нет? Это — лишь субъективное противоречие, противоречие точек зрения, противоречие в результате различного рассмотрения товара с его «двух сторон».

Более четко это же идеалистическое извращение Маркса выражает меньшевик Рубин:

«Потребительная стоимость и стоимость — это не два различных свойства вещи, как думает Бем-Баверк. Противоположность между ними вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения»²⁾.

Опять-таки — почти буквальный пересказ Гильфердинга. Опять-таки — не объективно существующая противоположность, не реальное противоречие самого строя производства, выражающееся в двойственной природе товара, а лишь умозрительное, субъективное противоречие как результат противоположного рассмотрения товара с точки зрения двух различных методов. Это конечно — полный идеализм. Но одновременно это также социал-фашистская апологетика капитализма. Ибо только ценою отрицания реальных классовых противоречий капитализма, ценою отрицания их элементарной зародышевой формы, выраженной в товаре и труде, создающем товар, можно притти к отрицанию капиталистической эксплуатации, к утверждению теорий «организованного капитализма».

Финн-Енотаевский в той же статье об этом прямо заявляет: «Было бы смешно, если бы марксисты (Финн говорит здесь о себе и своих братьях по партии социал-интервентов. — Я. М.) сейчас отрицали существование организованности и планомерности в капиталистическом хозяйстве после того, как Энгельс на это указывал сорок лет назад. С тех пор и особенно за последние послевоенные годы капитализм сделал крупные шаги в направлении организации, рационализации и планирования»³⁾.

Как видим, связь между отрицанием капиталистических противоречий в исходном пункте анализа Маркса и утверждением «теориек» «организован-

¹⁾ «Соц. хозяйство» № 1—2, 1930 г., стр. 61. Разрядка моя.—Я. М.

²⁾ И. Рубин, Очерки, стр. 37.

³⁾ «Соц. хозяйство» № 1—2, 1930 г., стр. 61.

ного капитализма», лишенного этих противоречий и антагонизмов, — прямая и непосредственная, с циничной откровенностью договариваемая ее авторами.

Двойственная природа товара, порождаемая двойственным характером труда, его создающего, выражает двойственный характер самого капиталистического процесса производства.

«Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости» — говорит Маркс¹⁾.

Двойственность капиталистического процесса производства заключается в том, что он есть одновременно процесс труда и процесс созидания стоимости и прибавочной стоимости.

Труд как целесообразная деятельность человека, как процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой, следовательно труд как созидатель потребительных стоимостей, — такой труд «является независимым от всяких общественных форм условием существования людей, вечной естественной необходимостью. без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»²⁾. Труд в этом своем качестве как условие воспроизводства материальной жизни одинаково необходим во всех общественно-экономических формациях.

Маркс говорит, что если рассматривать процесс производства с точки зрения простого процесса труда, то рабочий относится к средствам производства, как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. Здесь «комбинированный, коллективный рабочий или общественный трудовой организм является развивающим деятельностью субъектом, а механический автомат (средства производства вообще. — Я. М.) — объектом»³⁾. Рабочий здесь применяет машины, средства производства как необходимое условие своей целесообразной производительной деятельности.

Эта характеристика взаимоотношения рабочего и средств производства правильна лишь для характеристики простого процесса труда. Но она совершенно не достаточна и следовательно неправильна для характеристики капиталистического процесса производства и процесса труда на капиталистической фабрике. Маркс в своих работах беспощадно высмеивал и разоблачал излюбленную манеру буржуазных экономистов — апологетов капитализма — отождествить эти простые абстрактные определения процесса труда с характеристикой капиталистического процесса производства. Ибо с точки зрения последнего меняются коренным образом как характеристика самого процесса труда, так и отношения рабочего к средствам производства.

«Иное получается, — говорит Маркс, — если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости (т. е. капиталистический процесс производства. — Я. М.). Средства производства тотчас же превращаются в средства впитывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего»⁴⁾. Здесь средство труда «во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее»⁵⁾.

Капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости. Труд здесь совершается не просто как целесообразная производительная деятельность рабочего, он здесь совершается в условиях, в которых

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 127.

²⁾ Там же, стр. 7.

³⁾ Там же, стр. 321.

⁴⁾ Там же, стр. 230.

⁵⁾ Там же, стр. 324.

он создает стоимость и прибавочную стоимость. Поэтому средства производства здесь рабочему противостоят не просто как средства его целесообразной деятельности, а противостоят как капитал, как «материальное средство его эксплуатации» (Маркс). Процесс производства здесь не простое взаимодействие производящего человека с природой, в котором регулируется обмен веществ между обществом и природой, — он одновременно здесь выступает как процесс создания стоимости и прибавочной стоимости, как процесс производства и воспроизводства тех классовых антагонистических отношений, которые этот непосредственный процесс производства характеризуют как капиталистический. В этом и заключается двойственный характер всего капиталистического процесса производства. Маркс говорит: «Как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»¹⁾.

Учение Маркса о двойственном характере капиталистического процесса производства имеет решающее значение для правильного понимания производственных отношений капитализма. Маркс установил, что труд рабочего имеет двойственный характер. Он создает потребительные стоимости, производит материальные вещи. Но одновременно этот же труд рабочего создает стоимость, производит капитал, создает богатство буржуазного общества.

«Рабочий хлопчатобумажной фабрики, производит ли он только хлопчатобумажные ткани?» — спрашивает Маркс и отвечает: «Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы распоряжаться его трудом и при посредстве последнего создавать новые стоимости»²⁾.

Маркс здесь дает наиболее яркую характеристику двойственности всего капиталистического процесса производства, двойственного характера тех отношений, в которых совершается труд рабочего в капиталистическом производстве. Производя материальные продукты и материальное богатство в условиях капитализма, рабочий класс одновременно производит господство капитала над собою, производит власть и богатство класса капиталистов, короче говоря — «производит само капиталистическое общество» (Маркс).

Отношения рабочего в капиталистическом производстве носят двойственный характер соответственно двойственности всего капиталистического производства. Это — отношение непосредственного процесса труда как выражение активного отношения человека к природе. Но в то же время это же самое отношение есть отношение производства стоимости и прибавочной стоимости, есть отношение капиталистической эксплуатации и угнетения. Единство этих двух моментов образует капиталистическое отношение производства. Определяющим, создающим классовую антагонистичность всего процесса производства является отношение производства прибавочной стоимости. Именно оно сообщает капиталистический, антагонистический характер всему процессу производства. Отношение простого процесса труда здесь существует и выступает лишь как отношение производства прибавочной стоимости, следовательно как отношение капиталистической эксплуатации.

«Капиталистическое производство основано на том, — говорит Маркс, — что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу как свой товар и что в руках капиталиста она функционирует потом просто как элемент его производительного капитала. Эта сделка — продажа и купля рабочей силы — не только служит введением к производственному процессу, но и определяет *implicite* его специфический характер. Производство потребительной стоимости и даже товара... здесь является лишь средством для производства абсолютной и относительной прибавочной стои-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 135.

²⁾ К. Маркс, «Наемный труд и капитал», стр. 51.

мости для капиталиста. Поэтому при анализе процесса производства мы видели, как производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости определяет... весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства»¹).

Мы уже показали выше, как отрицается, искажается и уничтожается двойственный характер производственных отношений капитализма социал-фашистскими «теоретиками». Отношения капиталистического производства социал-фашистами изображаются как отношения простого процесса труда. Отношения капиталистической эксплуатации и классового угнетения социал-фашистами изображаются как отношения простого «технического» сотрудничества, как отношения «хозяйственной демократии» и дружного распределения произведенного продукта между «автономными товаровладельцами» — рабочим и капиталистом. Классово-экономическая характеристика производственных отношений капиталистического производства ими замазывается и перекрывается их характеристикой как отношений «технических», некласовых, как отношений простого процесса труда и классового сотрудничества. Это — старая вульгарная, буржуазно-апологетическая точка зрения. Она высмеяна и разгромлена еще Марксом в «Капитале». Социал-фашизм ее снова сделал своим «теоретическим» знаменем. Классовый смысл этой совсем несложной операции ясен. Она имеет своей целью отрицать наличие капиталистической эксплуатации, отрицать классовую борьбу, короче говоря, примирить пролетариат с капиталистическим строем наемного рабства, сохранить капитализм. Лакейский смысл этой апологетики капитализма совершенно ясен.

Но марксово учение о двойственном характере капиталистического производства и эксплуататорском характере производственных отношений капитализма извращается и в нашей, марксистской среде.

IV

Полным искажением учения Маркса о двойственном характере капиталистического процесса производства и соответственно противоречивом характере капиталистических отношений производства являются развиваемые рядом товарищей взгляды о так называемых «технических» производственных отношениях и «техническом» разделении труда. Капиталистические отношения производства, имеющие противоречивый характер, авторами этих теорий механически разрываются на две части: на отношения «социально-экономические» и «технические». Каждой группе их дается совершенно различная классовая характеристика. «Социально-экономические» отношения — это отношения капиталистической собственности, отношения между классами в противовес отношениям «техническим», как отношениям непосредственного процесса производства, складывающимся на основе техники капиталистического способа производства. Некоторые товарищи вслед за Плехановым думают, что отношения последнего рода не выражают классового характера организации производства при капитализме и поэтому могут быть одинаковыми в различных экономических формациях.

Откуда взялись эта классификация и такое рассечение производственных отношений капиталистического способа производства? Каков классовый смысл этого рассечения производственных отношений капитализма на имущественно-экономические и «технические», «трудовые»?

Надо прежде всего категорически заявить, что у Маркса, Энгельса, Ленина мы не находим даже слова «технические» производственные отношения. И это разумеется более чем понятно. Ибо как можно говорить о «техническом» отношении там, где речь идет об отношениях людей и прежде всего классов!

¹) Маркс, «Капитал», т. II, стр. 276. Разрядка моя. — Я. М.

Деление это несомненно берет свое начало от А. Богданова. Последний является творцом антимарксистской теории классов, выводимой из «организаторских» и «технических» функций различных классов в производстве. Капиталист — «организатор» производства, пролетарий — «технический» исполнитель этого производства. Эта различная роль в самом процессе производства является для него основой классового деления общества. Отсюда Богдановым выводится вся его антимарксистская теория классовой борьбы.

Богдановская концепция происхождения классов во всем существенном воспроизведена в работах т. Н. Бухарина. Тов. Бухарин вслед за Богдановым тоже делит производственные отношения капитализма на две группы, на два разреза, как он выражается, хотя и подчеркивает «единство» и «связь» между ними: на «социально-классовые» и «технически-трудовые». Первые выражают отношения между классами. Вторые — отношения, складывающиеся на основе техники и ею определяемые. «Отношения между людьми в трудовом процессе определяются высотой технического развития» — утверждает он¹⁾.

Если «социально-классовые» отношения характеризуют капиталистический способ производства, выражают его антагонистический классовый строй производства, то «технически-трудовые» отношения, по т. Бухарину, уже носят технический (определяемый техникой) характер. Поэтому они могут быть одинаковыми при капитализме и, скажем... социализме, если уровень техники не изменился. Невероятно? Ислушаем самого т. Бухарина:

«Необходимо искать элементов нового общества в производственных отношениях старого (разрядка Бухарина. — Я. М.). Другими словами, вопрос необходимо поставить таким образом: какой вид производственных отношений капиталистического общества в общем может лечь в основу новой производственной структуры?»²⁾.

Каков объективный смысл этой постановки вопроса? Очевидно тот, что есть определенная группа производственных отношений капитализма, которые не имеют капиталистической, антагонистической классовой природы, которые следовательно пролетарской революцией не уничтожаются, которые мирно «ложатся в основу» нового социалистического строя. Это и есть, по Бухарину, так называемые «технически-трудовые» отношения. Впрочем нам нет надобности гадать, ибо т. Бухарин сам ясно говорит не об уничтожении, не о взрыве пролетарской революцией производственных отношений капитализма как отношений эксплуатации и угнетения, а говорит об их... простой перегруппировке.

«Преобразование (в условиях диктатуры пролетариата. — Я. М.) процесса создания прибавочной ценности в процесс планового удовлетворения общественных потребностей находит свое выражение в ПЕРЕГРУППИРОВКЕ производственных отношений...»³⁾.

Разумеется, о «перегруппировке» производственных отношений капитализма можно говорить только при том условии, если признать, что классовый характер этих отношений одинаков как при капитализме, так и в условиях диктатуры пролетариата, иначе говоря, если признать, что капиталистическое отношение производства «прибавочной ценности» не является... капиталистическим!

Ленин при чтении «Экономики» т. Бухарина берет под беспощадный обстрел все вышеприведенные места. Против фразы Бухарина о «перегруппировке» производственных отношений Ленин ставит два вопросительных знака, а самое слово «перегруппировка» обводит двумя чертами. Против

¹⁾ Н. Бухарин, Теория истмата, стр. 153.

²⁾ Н. Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 52.

³⁾ Там же. Разрядка моя. — Я. М.

фразы Бухарина, направленной по адресу К. Каутского, в которой Бухарин пишет: «Логически это связано с непониманием (Каутским. — Я. М.) того, что производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения социально-классовые и технически-трудо-вые», Ленин, выделив то и другое словосочетание т. Бухарина, замечает:

«Как раз терминология и неверна: не бывает классовых не социальных. Надо бы сказать проще и вернее (теоретически): забыл классовую борьбу».

Ленин утверждает, что т. Бухарин совершенно непоследовательно и недостаточно критикует Каутского, не отмечая у него забвения классовой борьбы. Ленин одновременно отмечает уродливую, немарксистскую терминологию т. Бухарина, ибо «не бывает классовых не социальных» отношений. Уродливая, немарксистская терминология т. Бухарина искажает ясную для марксистов мысль: производственные отношения капитализма одновременно суть отношения классов и классовой борьбы. «Не бывает классовых не социальных» отношений. Это замечание Ленина буквально уничтожает все построение Бухарина о двух группах отношений, ибо в классовом обществе не может быть «технических», внеклассовых отношений в противовес «социальным». При капиталистическом антагонистическом способе производства не бывает также «социальных» — неклассовых отношений. Забвение этого есть забвение классовой борьбы и наших задач в ней. Но дело здесь конечно не только в уродливой терминологии т. Бухарина. Дело здесь также в совершенно немарксистской группировке и понимании самих производственных отношений. Нет «технически-трудо-вых» неклассовых отношений. В противовес социал-фашистам, стремящимся отрицать или прикрасить капиталистическую эксплуатацию и классовый гнет посредством изображения отношений капиталистического производства как отношений простого «технического» сотрудничества и «технической» организации, мы, марксисты-ленинцы, должны с особенной силой подчеркивать решающий тезис Маркса-Ленина: все производственные отношения капитализма являются — и не могут не быть в антагонистическом обществе — отношениями капиталистической эксплуатации, угнетения и утонченного наемного рабства.

«Категория производственных отношений, — говорит т. Бухарин, — есть всеобщая категория, касающаяся общественного строения: сюда входят и отношения социально-классового характера (отношение рабочего и капиталиста) и отношения другого типа (например отношения между двумя предприятиями, отношения сотрудничества, т. е. так называемой кооперации)»¹).

Как видим, т. Бухарин последовательно констатирует два типа производственных отношений, устанавливая между ними качественное различие, ибо второй тип отношений прямо противопоставляется классовым отношениям. Коренная ошибка т. Бухарина состоит в том, что он игнорирует двойственный, внутренне противоречивый характер производственных отношений капитализма, которые, будучи отношениями труда, отношениями «сотрудничества» рабочего коллектива, в то же время являются отношениями капиталистической эксплуатации, стало быть являются классовыми отношениями.

Тов. Бухарин фактически уничтожает двойственный характер производственных отношений капитализма тем, что механически их разрывает на две части. Он очевидно не учитывает того, что противопоставлять «технически-трудо-вые» отношения или отношения непосредственной кооперации, как неклассовые, отношениям «социально-классовым», — а в таком противопоставлении весь смысл бухаринской группировки, — есть грубое, недопусти-

¹) Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 41. Разрядка моя.—Я. М.

мое искажение учения Маркса—Ленина, есть полный разрыв с их учением об основах капиталистической эксплуатации. Ибо «технически-трудовые» отношения, отношения «простой кооперации» есть отношения непосредственного производства и следовательно отношения непосредственной эксплуатации. Изображая эти отношения просто как «технические» или как отношения простой трудовой кооперации, т. Бухарин тем самым, независимо от своего субъективного желания, замазывает эксплуататорский, капиталистический характер отношений непосредственного процесса производства. «Социально-классовые» отношения, оторванные и противопоставленные «технически-трудовым», т. е. отношениям непосредственного производства, в построении т. Бухарина теряют свой производственный характер, превращаются в «социальные» «правовые» отношения. С другой стороны, «технически-трудовые» отношения, изображаемые как отношения простой кооперации, противопоставленные «социально-классовым», теряют свой классовый, антагонистический характер.

Налицо полное искажение марксистско-ленинского учения о производственных отношениях капитализма. Оно прямо и непосредственно ведет в объятия буржуазной «социальной школы» с ее «социально-правовыми» и «этическими» отношениями «суб'ектов хозяйства», выдумываемых учеными лакеями современной буржуазии взамен эксплуататорских противоречивых отношений капитализма (см. например писания Амона, Петри, Рубина и т. п.).

Бухаринское понимание производственных отношений имеет еще и другой не маловажный результат. Оно ведет т. Бухарина «неволью к этим грустным берегам... «организованного» капитализма. В самом деле. Продолжая излагать свое понимание производственных отношений, т. Бухарин пишет:

«Совокупность производственных отношений обнимает собою не только отношения между людьми, организованными по предприятиям: существует и другой разрез этих производственных отношений, поскольку мы говорим об отношениях между классами»¹⁾.

Отношения «по предприятиям», как видим, не выражают собою отношения между классами. Для последнего, по т. Бухарину, нужен «другой разрез» производственных отношений. Это к сожалению не простая обмолвка у т. Бухарина. Она—одна из основных установок в теоретической концепции т. Бухарина. Эта два разреза производственных отношений выражают совершенно различный тип отношений. Они имеют, по Бухарину, различную закономерность в своем развитии. По мере развития капитализма один из этих разрезов все более вытесняет другой — в этом факте находит свое выражение рост... организованности капитализма.

«Технически-трудовые» отношения выражают собою «техническое» разделение труда внутри предприятия, в противовес общественному разделению труда между предприятиями. Тенденция развития капитализма по мере концентрации и централизации капитала такова, что «техническое» разделение труда вытесняет, с'едает общественное его разделение. В этом сдвиге находит свое выражение процесс преодоления анархии капитализма.

Вот как формулирует т. Бухарин эти сдвиги в производственных отношениях капитализма на империалистической стадии его развития: «Менювая связь, выражающая общественное разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические «предприятия», заменяется техническим разделением труда внутри ОРГАНИЗОВАННОГО «народного хозяйства». В результате такой замены «товарное хозяйство... внутри страны... либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь ОРГАНИЗОВАН-

¹⁾ Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 34.

НЫМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ»¹⁾. Отсюда известный тезис т. Бухарина о том, что «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран».

К этому антиленинскому выводу т. Бухарина привело его антимарксистское понимание изменения производственных отношений. В основе этого тезиса лежит его утверждение, что монополия вытесняет, с'едает конкуренцию или, что, по т. Бухарину, то же самое, что общественное разделение труда, выражающее анархическую природу капитализма, вытесняется «техническим» его разделением, выражающим организованность капитализма.

«Математическим пределом данной тенденции (к централизации. — Я. М.) является превращение всего «народного хозяйства» в абсолютно сплоченный комбинированный трест, где все отдельные «предприятия» перестали быть предприятиями, а превратились лишь в отделения этого треста, где следовательно общественное разделение труда превратилось в его техническое разделение»²⁾.

Эти сдвиги в разделении труда должны лишь выражать соответствующие сдвиги в производственных отношениях. Это значит, что вытеснение «техническим» разделением труда общественного его разделения означает одновременно вытеснение... «социально-классовых» отношений капитализма его «технически-трудовыми» отношениями.

Если бы т. Бухарин был последовательным до конца, то, оставаясь на своих теоретических позициях, он неизбежно должен был бы сказать, что преодоление «производственной анархии» капитализма есть одновременно преодоление его классового антагонизма. Подход к такому выводу у т. Бухарина есть, но самого вывода он однако не делает. Вот его многозначительная постановка:

«В выше приведенном анализе мы рассматривали организационные формы, путем которых капиталистическая структура отдельных стран приспособлялась к новым условиям существования всего мирового капитализма в целом. Но мы рассматривали все изменения под углом зрения преодоления производственной анархии. Теперь нужно сказать несколько слов о социальной анархии... И по этой линии должна была произойти реорганизация отношений, ибо иначе вся система оказалась бы в высшей степени непрочной и недолговечной»³⁾.

Как видим, постановка вопроса у т. Бухарина прямо-таки поразительная! Она органически вытекает из всей его концепции производственных отношений, из его расщепления производственных отношений на два разреза. Раз изменилась, пережила крупнейший сдвиг одна группа производственных отношений, выражающая производственную анархию капитализма, значит соответственно должна измениться и другая группа, выражающая «социальную» анархию. Почему? Да потому, что «иначе вся система (капитализма. — Я. М.) оказалась бы в высшей степени непрочной и недолговечной».

Бухаринская концепция в своих основных установках ведет не только к утверждению, что капитализм уничтожает анархию производства, становится организованным. Эта его установка неизбежно, неотразимо ведет и к другому выводу: капитализм преодолевает не только производственную анархию, но ведет и к преодолению или во всяком случае к значительному смягчению классового антагонизма буржуазного общества. Такова внутренняя логика построения у т. Бухарина. «Кто сказал а, должен сказать и б». Какой же другой смысл может иметь его фраза о «реорганизации классовых отно-

¹⁾ Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 34 и 11.

²⁾ Там же, стр. 34.

³⁾ Там же, стр. 34.

шений», в результате которой только и удержалась, по Бухарину, капиталистическая система.

Известно, что т. Бухарин такого вывода не делает. Утверждая, что капитализм на современной стадии развития «уничтожил анархию производства», «преододел свою анархическую природу» и т. д., он одновременно утверждает, что классовые противоречия выросли и обострились. Тем самым он сам до конца обнажает величайший внутренний порок и антимарксистский характер всего своего построения.

В самом деле, как можно утверждать, что капитализм преодолевает свои экономические противоречия при одновременном углублении классовых противоречий. Для марксиста-ленинца такое утверждение абсолютно исключено.

Для т. Бухарина это вполне возможно. Возможно только потому, что для него экономические противоречия оторваны от классовых, потому что для него отношения производства и отношения классов расположены в двух различных плоскостях, потому что у него существуют две группы, два разреза производственных отношений, развивающихся с различной закономерностью. «Отношения по предприятиям», как мы видели, не являются для т. Бухарина одновременно классовыми отношениями, не выражают классовой борьбы. Только при помощи такого разрыва классовых отношений от отношений «по предприятиям», разрыва между «социально-классовыми» и «технически-трудовыми», неклассовыми отношениями, можно было притти к антиленинскому выводу, что капитализм преодолел производственную анархию.

Антимарксистский характер всего этого построения т. Бухарина совершенно очевиден. По Марксу, Энгельсу, Ленину производственная анархия является не чем иным, как выражением классовых антагонизмов. Противоречия производства выражают антагонизм классов буржуазного общества. Противоречия производственных отношений — есть противоречия классов, выражают противоречивую структуру самого капиталистического способа производства. Вот замечательный тезис Ленина на этот счет:

«Анархия производства», «отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения?» — спрашивает Ленин, и отвечает: «О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения»¹⁾.

Капиталистическая анархия производства классово обусловлена, выражает классовую структуру капитализма. Она не простая «техническая» невозможность капиталистов сговориться насчет размеров производства и рынков сбыта, которая в конце концов при капиталистических монополиях может быть достигнута, как утверждают социал-фашистские пошляки. Анархия производства и все вытекающие из нее последствия есть лишь результат и выражение капиталистического присвоения. Анархия производства существует и неустранима, пока существует капитализм, капиталистическое присвоение. Тот, кто утверждает, что устранима анархия производства при капитализме, тем самым говорит одновременно, что капитализм возможен без... капиталистического присвоения! Анархия производства выражает собою частно-капиталистическое присвоение продуктов общественного производства. А частное капиталистическое присвоение есть не что иное, как основа классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом. «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением

¹⁾ Ленин, т. II, стр. 198.

проявилось в антагонизме между пролетариатом и буржуазией» — говорит Энгельс.

Тов. Бухарин построил теорию производственных отношений капитализма, находящуюся в вопиющем противоречии с теорией Маркса—Ленина. Его теория ведет к смазыванию классовых противоречий, существующих в самом капиталистическом производстве, к смазыванию капиталистической эксплуатации посредством противопоставления отношений непосредственного производства («технически-трудовых») как якобы «технических» неклассовых классовым отношениям. Стало быть его теория неизбежно ведет к выводу о смягчении классовых противоречий капитализма. Но такой вывод есть полный разрыв с марксизмом-ленинизмом.

Неправильное представление о производственных отношениях капитализма и классовых противоречиях, ими выражаемых, приводит т. Бухарина к неправильным взглядам в вопросе о закономерностях гибели капитализма.

Теория т. Бухарина объективно недооценивает экономические и классовые противоречия капитализма, недооценивает внутренние противоречия самого экономического строя капитализма. Поэтому для того, чтобы прийти к выводу о неизбежности гибели капитализма, т. Бухарин ищет причины его краха не там, где его искали и нашли Маркс, Энгельс, Ленин. В результате анализа всех противоречий капиталистического общества Маркс пришел к своему знаменитому выводу, что производительные силы капитализма пришли в непримиримое противоречие с его же производственными отношениями. Последние стали оковами развития производительных сил. От этого основного противоречия и должен погибнуть капитализм, согласно Марксу—Ленину. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями капитализма выражается как классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом. Величайшая производительная сила человечества — сам революционный класс, пролетариат. Эта главная производительная сила восстает против капитализма и уничтожает его.

Тов. Бухарин конструирует другую концепцию гибели капитализма. Основное противоречие, от которого должен погибнуть капитализм, по Бухарину, — это не противоречие между производственными отношениями и производительными силами капитализма, а противоречие между производственными отношениями и... техникой капитализма. По Марксу—Ленину, против капиталистических порядков восстает главная производительная сила человечества — революционный класс. По т. Бухарину, против капитализма должна восстать... техника!

В самом деле. Вот некоторые основные положения т. Бухарина на этот счет из самой последней его экономической работы:

«Организационные формы капитализма не могут не отражать тенденции технического развития. Но а) они отражают их непосредственно, б) они вступают в противоречие с этими тенденциями, причем в последнем счете ЭТОТ конфликт взрывает капиталистическую оболочку»¹⁾.

Итак запомним, что именно конфликт между тенденцией развития техники и организационными формами капитализма взрывает капиталистическую оболочку.

Но может быть это только неудачный оборот речи? Приведем еще ряд положений т. Бухарина:

«Капиталистическая антитеза между производством и потреблением достигает небывалого напряжения (в современном капитализме. — Я. М.).

Но эта антитеза по существу есть иная формулировка противоречия между техникой и экономикой, выражения того решаю-

¹⁾ Академик Н. И. Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, 1932 г., стр. 26. Разрядка моя. — Я. М.

щего факта, что современная капиталистическая техника заходит в свой экономический тупик»¹).

«Всеобщий кризис капитализма демонстрирует с поразительной силой противоречие между своей технической базой и общественной экономикой»²).

Наконец последнее по счету, но не по важности положение т. Бухарина:

«... Создается всеобщая техническая тенденция монополистического капитализма... Она в своем развитии, будучи принципиально несовместима с капитализмом и взрывая капиталистическую форму общества, означает превращение всего общества с его технической стороны в единый технический комбинат и т. д.»³).

Как видим, тут дело не в ошибочных формулировках, а в глубоко порочной и ошибочной установке автора.

Нет никакого сомнения в том, что между техникой и экономикой современного капитализма существует глубочайшее противоречие. Но это противоречие само есть результат и выражение внутренних противоречий самой экономики капитализма. Противоречие между экономикой и техникой существует только потому, что существует принявшее чудовищные размеры противоречие между производительными силами (куда входит и техника как составная часть) и производственными отношениями капитализма. Тов. Бухарин эти внутренние противоречия самой экономики игнорирует, противопоставляя экономике капитализма, взятой в целом, ее технический базис. Такой обход внутренних противоречий самой экономики, составной частью которых является также противоречие между экономикой и техникой, обход внутренних классовых противоречий, вырастающих из противоречий экономики капитализма и оформляющих эти противоречия, — такой обход имеет своим печальным результатом тщетную надежду т. Бухарина, что не рабочий класс, а «тенденция универсального технического комбинирования», «взорвет капиталистическую форму общества» (стр. 24).

Тов. Бухарин передоверил всемирно-историческую задачу пролетариата — уничтожение капиталистического способа производства — бломингам, автоматам и силовым установкам современного капитализма потому, что он держится совершенно неправильных взглядов о производственных отношениях капитализма. Ставка т. Бухарина на технику — не более как очередной вариант автоматического крушения капитализма, якобы погибающего под ударами им же созданной мощной техники.

Политический вред и теоретическая ошибочность этой установки т. Бухарина одинаково очевидны. Приходится к сожалению констатировать, что в итоге развернутой партийной критики его теоретических взглядов т. Бухарин очень малому научился и столь же мало позабыл из своего антимарксистского теоретического багажа. Преодоление его антиленинских установок тем более настоятельно необходимо.

V

Известно, что концепция т. Бухарина подверглась всесторонней критике в нашей партийной литературе. Его теоретические взгляды по целому ряду основных теоретических вопросов вполне правильно квалифицировались как антидиалектические, как механистические. Известно также, что бывшая деборинская школа меньшевистствующего идеализма стремилась себя изобразить чуть ли не монопольным критиком теоретических взглядов Бухарина. По-

¹) Академик Н. И. Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, 1932 г., стр. 26.

²) Там же.

³) Там же, стр. 24.

смотрим поэтому, с каких же позиций критиковали некоторые «семинарцы» бывшей дебординской группы механицизм т. Бухарина. Возьмем такую видную фигуру бывшей школы меньшевистствующего идеализма, как т. Гони́кман. Его, как известно, сами дебординцы объявляли чуть ли не единственным «диалектиком», который еще с 1921 г. ведет борьбу с механицизмом Бухарина.

Тов. Гони́кман выпустил недавно учебник «Исторический материализм», очевидно долженствующий заменить механистический учебник т. Бухарина. Посмотрим «диалектику» самого т. Гони́кмана по разбираемому нами вопросу.

На первый взгляд может показаться странным, но нужно прямо заявить, что положения, развиваемые т. Гони́кманом по вопросу о производственных отношениях, являются почти полным воспроизведением взглядов... т. Бухарина. В самом деле. Тов. Гони́кман тоже делит производственные отношения на две обособленные группы: на «социально-экономические» и «технические». Тов. Гони́кман также противопоставляет «социальные» отношения «техническим», отрывает одну группу от другой.

«Социально-экономические производственные отношения — это те отношения в процессе производства, которые вытекают из отношения к средствам производства» — говорит т. Гони́кман.

А что такое «технические» производственные отношения? «Технические производственные отношения — это такие отношения людей между собой в процессе производства, которые непосредственно вытекают из специфического характера каждой отдельной трудовой операции и необходимости непосредственного совместного воздействия на предмет труда»¹⁾.

Различие между этими двумя группами т. Гони́кман видит в том, что одна группа определяется распределением средств производства, отношением к средствам производства, а другая определяется лишь специфическим характером каждой отдельной трудовой операции. Стало быть вторая группа отношений никакого отношения к распределению средств производства, т. е. к классовому строю производства, не имеет, является группой внеклассовых производственных отношений. Отсюда само название: «технические» в противовес классово-экономическим производственным отношениям. В применении к капитализму это значит, что производственные отношения, вытекающие из совместного воздействия на предмет труда в капиталистическом предприятии, являются внеклассовыми, стало быть некапиталистическими отношениями. Это разумеется — полнейший разрыв с Марксом—Лениным и, хочет или не хочет этого сам. т. Гони́кман, довольно точное повторение того, что говорят... Гильфердинг, Рубин и тому подобные лакеи «его величества» — капитала.

Существуют ли в самом деле отношения производства, которые определяются лишь совместным воздействием на предмет труда и не зависят от отношения к средствам производства, не зависят от всего классового строя производства? По Гони́кману, как видим, существуют. Но это он может утверждать, лишь полностью игнорируя Маркса. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс как бы специально для т. Гони́кмана пишет: «Определенной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенное расчленение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе»²⁾.

Итак, определенное отношение человека к природе или то, что т. Гони́кман так неправильно называет «техническими» производственными отно-

¹⁾ С. Гони́кман, Исторический материализм, 1931 г., стр. 183.

²⁾ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 250. Разрядка моя.—Я. М.

шениями, по Марксу, определяется всей общественной формой производства, т. е. всем данным классовым строем общественного производства. Воздействие на предмет труда происходит не в безвоздушном пространстве. Оно всегда совершается внутри и в пределах данной системы производственных отношений.

«Всякое производство, — говорит Маркс в другом месте, — есть присвоение индивидуумом предметов природы внутри определенной общественной формы и посредством нее»¹⁾. Это значит, что воздействие на предмет труда всегда общественно обусловлено. При капитализме такое воздействие всегда происходит лишь в подчинении капиталу. Классовый характер такого совместного отношения, классово обусловленную организацию этого совместного воздействия на предмет труда т. Гоникман выбросил из своего определения «технических» отношений. Только таким путем мог он договориться до признания неклассовых отношений производства при капитализме.

Но выхолостив из отношений непосредственного производства их определяющий классовый характер, т. Гоникман может сказать, что так называемые «технические» отношения одинаковы для общества, в которых совершенно противоположна вся классовая организация производства. Иначе говоря, он может сказать, что отношения внутри производства при капитализме и в нашей стране... одинаковы. Гоникман так и делает. Он, что называется, это договаривает полным голосом. Вот это поистине чудовищное в устах коммуниста место:

«Мы видим, что при некотором сходстве технических производственных отношений на «Треугольнике» (дореволюционном, капиталистическом.—Я. М.) и на «Красном треугольнике» социально-экономические производственные отношения на них противоположны»²⁾. К тому же нужно отметить, что т. Гоникман под «техническими» производственными отношениями понимает не только отношения рабочих между собою, но и отношение мастеров и инженеров к рабочему коллективу³⁾.

Разве не ясно из этих утверждений т. Гоникмана, что с точки зрения непосредственных отношений производства ничего особенного не случилось, разве только «перекрасили фасад»? К слову «Треугольник» просто приставили еще словечко «Красный». Внутризаводские отношения между самими рабочими, между рабочими и мастером и инженером остались такими же. Они сходятся с отношениями старого капиталистического «Треугольника»...

Естественно возникает вопрос: «как дошел до жизни такой» т. Гоникман?

Его основная ошибка заключается в игнорировании учения Маркса о двойственном характере отношений капиталистического производства. Тов. Гоникман видит, что рабочие воздействуют на предмет труда, и ему кажется, что такое отношение может быть названо просто «техническим». Но он не видит, что те же рабочие при капитализме производят не только материальный продукт, но производят капитал, что им противостоят в процессе производства не просто средства производства, а противостоит капитал. Короче говоря, т. Гоникман не понимает, что отношение воздействия на предмет труда при капитализме одновременно есть отношение производства капитала, отношение капиталистической эксплуатации.

Двойственный характер труда, двойственный характер капиталистического процесса производства, стало быть двойственный характер самих от-

¹⁾ Маркс, К критике политической экономии, изд. ИМЭ, 1929 г., стр. 20.

²⁾ С. Гоникман, Исторический материализм, стр. 192. Разрядка моя.—Я. М.

³⁾ Там же, стр. 190.

ношений производства, т. Гоникман не понимает или забыл. Однако именно на этом понимании двойственного характера капиталистических отношений покоится все понимание фактов.

О простом «техническом» отношении нельзя говорить прежде всего потому, что, согласно Марксу, рабочему на капиталистическом предприятии противостоит не просто машина, а капитал, ибо машина приняла форму капитала. Она противостоит ему как враждебная, чуждая сила, которая высасывает его прибавочный труд для капиталиста. Рабочий производит здесь не просто продукт,—он производит капитал он производит прибавочную стоимость. В этом и состоит двойственный противоречивый характер отношений капиталистического производства. Эти антагонистические общественные отношения, в которые рабочий поставлен в процессе производства, отношение к средствам производства как к капиталу и отношение к нему капиталиста как персонифицированного капитала выражают невыносимый режим капиталистического производства—эксплоатацию, деспотизм, произвол, характеризующие каждое капиталистическое предприятие. Просто смехотворно говорить, что здесь отношения производства являются не классовыми, не капиталистическими, а «техническими» отношениями людей вокруг машины в процессе их воздействия на предмет труда.

Все отношения рабочего коллектива в процессе производства противопоставлены капиталу, деспотически стоящему против рабочего класса и определяющему все его действия. Средство производства здесь одновременно материальное средство эксплуатации рабочего.

Маркс говорит, что совместная работа наемных рабочих на капиталистическом предприятии «есть результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно». Поэтому нанятые и эксплуатируемые данным капиталом рабочие вступили не просто в какое-то «техническое» отношение к машине, к предмету труда и друг к другу, а вступили в определенное классовое отношение к данному капиталу. «Как независимые личности рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, НО НЕ ДРУГ К ДРУГУ»¹⁾.

Маркс в своих еще неопубликованных тетрадях о технике неоднократно подчеркивает, что противоположность труда и капитала в процессе производства находит себе не только открыто классовое, но и, как он выражается, технологическое выражение.

«Господство прежнего труда над живым получает не только социальное выражение в отношениях капиталиста и рабочего, но еще так сказать технологическое подтверждение».

Это—прямо-таки программные положения Маркса для характеристики классового характера и классового антагонизма отношений капиталистического производства. Ведь согласно этому тезису Маркса ясно, что в производстве мы имеем не просто «техническое» отношение группирующихся вокруг машины людей.

Маркс говорит, что капитал группирует вокруг себя людей в процессе производства. «Связь их (т. е. наемных рабочих.—Я. М.) функций, их единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе»²⁾.

Связь данного коллектива рабочих на капиталистическом производстве создается не просто интересами совместного воздействия на предмет труда,—

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 248—259. Разрядка моя.—Я. М.

²⁾ Там же, стр. 248.

эта связь создается капиталом и следовательно есть выражение капиталистического отношения.

Поэтому свести производственные отношения данного рабочего коллектива на капиталистическом предприятии к «техническим» отношениям, к «сознательной организации», к «техническому разделению труда», короче говоря — выдвигать моменты техники и затушевывать классовую обстановку, в которой эта техника применяется, забывать, что организация труда на капиталистическом производстве есть лишь классовая организация капитала в целях эксплуатации, совершенно недопустимо. Таким выхолащиванием классового характера отношений производства заняты теперь социал-фашистские теоретики. Мы, марксисты-ленинцы, должны разоблачать их, а не содействовать им распространением подобных антимарксистских теорий.

Тот, кто пытается капиталистическое отношение производства, имеющее двойственный характер — оно есть одновременно отношение труда и отношение капиталистической эксплуатации, — изобразить как простое «техническое» отношение, лишенное классового характера, тот, кто пытается капиталистическое производственное отношение изобразить как отношение простого процесса труда, тот скатывается на старую, осмеянную Марксом позицию буржуазных апологетов.

Из всего сказанного ясно, что рабочему далеко не безразлично это отношение производства. Не безразлично именно потому, что рабочий на капиталистической фабрике поставлен не просто в «технические» производственные отношения, а в отношения капиталистической эксплуатации. Маркс поэтому говорит, что тот классовый режим, который господствует как в обществе, так и внутри предприятия, делает «для рабочего невыносимым не только отношения к капиталисту, но и самый труд»¹⁾.

Этот вывод Маркса имеет решающее значение для понимания того факта, почему при капитализме немислимы соревнования, ударничество, для понимания того факта, почему все эти формы социалистического труда возможны только у нас, в системе социалистических производственных отношений. «Ничего подобного не может быть при капитализме» — говорит т. Сталин про социалистическое соревнование. Это исключено самой классовой структурой соединения рабочего со средствами производства при капитализме.

Все отношения капиталистического общества и капиталистического предприятия носят на себе классовую печать и классовый характер капитала. Они являются отношениями капиталистического рабства, деспотизма и эксплуатации. Маркс поэтому не говорит о «технических» отношениях, не говорит также о «техническом» разделении труда. Он говорит о «разделении труда в мануфактуре» (читай на капиталистическом предприятии вообще. — Я. М.), которое носит не только «технический», но и классовый характер, которое обусловлено всей классовой структурой производства и разделением труда в обществе. Говоря об этом, Маркс устанавливает чрезвычайно важный для нас вывод, а именно:

«...анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства»²⁾.

Этот вывод Маркса имеет решающее значение для объяснения отношений, существующих в самом производстве.

В недавно опубликованной рукописи Маркс прямо говорит о капиталистическом разделении труда внутри предприятия:

¹⁾ Маркс и Энгельс, Архив, т. I, стр. 241.

²⁾ Маркс, т. I, стр. 269.

«Развитое разделение труда, которое представляется случайным внутри общества, и КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ разделение труда внутри мастерской взаимно обуславливают и производят друг друга»¹⁾).

Внутри капиталистического предприятия мы имеем капиталистическое разделение труда, определяемое всем капиталистическим способом производства. Отсюда ясно, что гуляющая в некоторых учебниках теория «технического» разделения труда, якобы существующего внутри предприятия, в противовес общественному разделению труда в обществе ничего общего не имеет с подлинным учением Маркса — Ленина. Она — пережиток богдановщины, сознательно подогреваемой меньшевиками (см. например, Рубина и Финн-Енотаевского) в целях обоснования социал-фашистской теории «хозяйственной демократии» на капиталистическом предприятии.

В этой связи необходимо отметить грубую ошибку Г. В. Плеханова по данному вопросу. Плеханов в своей полемике против Струве допускает грубую ошибку, льющую воду безусловно на меньшевистскую мельницу.

Он пишет: «... организация труда в современной механической мастерской (т. е. на капиталистическом предприятии вообще. — Я. М.) определяется нынешним состоянием техники и характеризует собою состояние производительных сил, а вовсе не хозяйственный порядок нынешнего (капиталистического) общества, который характеризуется прежде всего и главным образом свойственными ему имущественными отношениями»²⁾.

Совершенно правильно, что «хозяйственный порядок» капиталистического общества характеризуется имущественными производственными отношениями. Это верно. Но совершенно не правильно, что организация труда на капиталистическом предприятии не характеризует хозяйственного строя капитализма. Это и значит признать неклассовый, некапиталистический характер организации труда при капитализме, признать ее «технической» организацией, «техническим», а не классово-экономическим отношением.

Столь же неправильно, что организация труда определяется только состоянием техники. Одна техника здесь ничего еще не решает. При наличии одного и того же уровня техники может быть и бывает принципиально различная организация труда. Сравните например социалистическую организацию труда на наших последовательно социалистических предприятиях с капиталистической, часто при одинаковом уровне техники, и коренная ошибка Плеханова сразу станет ясной. Она состоит в игнорировании того основного факта, что внутри предприятия организация труда определяется не только техникой, стало быть не есть просто «техническое» его разделение, а определяется всем классовым строем капитализма, определяется распределением средств производства, следовательно является капиталистическим разделением труда, как говорит Маркс. Плеханов упустил ту классовую форму, тот строй производственных отношений, в пределах которого и внутри которого всегда применяется техника. Организация труда определяется данной классовой формой производственных отношений общества и данным уровнем техники. Поэтому организация труда, будучи определяема данным строем производства, сама носит на себе печать данной классовой организации и следовательно характеризует хозяйственный порядок капиталистического общества.

Плеханов оторвал организацию труда в капиталистическом предприятии, отношения непосредственного производства от всего хозяйственного

¹⁾ «Большевик» № 5—6, 1932 г. Разрядка моя. — Я. М.

²⁾ Плеханов, Собр. соч., т. IX, стр. 160. Разрядка моя. — Я. М.

строю, от классовой структуры капитализма и тем самым допустил грубейшую ошибку. Этот отрыв дает о себе знать самым роковым образом в той же статье Плеханова. Оторвав организацию труда от всего общественного строя, от имущественных отношений, Плеханов дальше утверждает, что по мере развития капитализма вступает в противоречие с производительными силами лишь некоторая часть производственных отношений, а именно—«имущественные» отношения. Плеханов утверждает, что есть группа производственных отношений, которые «изменяются параллельно развитию производительных сил», и есть вторая группа отношений, которая «отстает от этого развития, обуславливая своей отсталостью необходимость радикального общественного переворота»¹⁾. Соответственно этому Плеханов конструирует понятие производственных отношений в «узком» и «широком» смысле. Производственные отношения в «узком смысле»—это имущественные отношения. Они отстают от роста производительных сил, и из-за их отставания, по Плеханову, собственно и необходима пролетарская революция. Производственные отношения в «широком смысле»—это имущественные отношения и «также те непосредственные отношения производителей в процессе производства (например организация труда на фабрике и мануфактуре)»²⁾. Плеханов утверждает, что «непосредственные отношения производителей в процессе производства» развиваются параллельно росту производительных сил и поэтому не вступают с ними в противоречия. Это вполне последовательно с точки зрения Плеханова, ибо соответствует его основному тезису, что отношения на фабрике определяются лишь состоянием техники и не характеризуют хозяйственного строя капитализма.

Эта группировка Плеханова является полным искажением марксизма. Критикуя буржуазного либерала Струве за подмену основного противоречия капитализма между производительными силами и производственными отношениями «противоречием» между производственными отношениями и правом, Плеханов в своей положительной аргументации несомненно исказил марксистское представление о противоречиях между производительными силами и производственными отношениями капитализма. А правильное представление об этом действительно генеральном противоречии, как подчеркивает сам Плеханов, имеет решающее значение для правильного понимания предпосылок пролетарской революции. Меньшевизм Плеханова берет свое начало также от искаженного понимания этого противоречия.

Плеханов фактически построил два этажа производственных отношений: «имущественные», отстающие от роста производительных сил, и «отношения непосредственного производства», развивающиеся параллельно производительным силам. Плеханов утверждает, что хозяйственный порядок капитализма определяется имущественными отношениями. Но сами эти имущественные отношения им противопоставляются отношениям непосредственного производства, отрываются от последних как качественно другие отношения. Это — полный разрыв с учением Маркса о производственных отношениях капитализма и противоречиях, ими выражаемых.

Для марксиста-диалектика абсолютно недопустимо разрывать отношения собственности (имущественные отношения) от отношений непосредственного производства. Самое имущественное отношение есть, согласно Марксу, не что иное, как юридическое выражение отношений производства, отношений труда и капитала, как они существуют в непосредственном процессе производства. Существующим распределением средств производства между классами определяются отношения в самом производстве. Имущественные

¹⁾ Плеханов, т. XI, стр. 170.

²⁾ Там же, стр. 168.

отношения — не более как юридическое выражение этого отношения производства, целиком определяемое последним.

Производственные отношения капитализма являются одновременно отношениями непосредственного производства и отношениями капиталистического присвоения, отношением имущественным и отношением труда. В этом единстве суть двойственного характера капиталистических отношений производства. Маркс всегда подчеркивал, что распределение средств производства «есть одновременно подведение индивидов под определенные производственные отношения»¹⁾. Маркс прямо говорит, что «разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения»²⁾. Одно с другим связано неразрывно, одно другое определяет прямо и непосредственно. Плехановская классификация производственных отношений уничтожает эту реально существующую двойственность капиталистического отношения. Тем самым Плеханов делает крупный шаг к тому, чтобы недооценить или замазать реальные противоречия капиталистического способа производства, выражающиеся в двойственном характере капиталистических отношений.

Построение Плеханова ведет к искажению и недооценке реальных противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Неудивительно, что некоторые товарищи, принимающие это построение Плеханова, подменяют противоречие между производительными силами и производственными отношениями противоречием... между названными двумя группами производственных отношений. Согласно Марксу, пролетарская революция — это результат противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Согласно концепции этих товарищей, развивающих лишь дальше установки Плеханова, революция — результат противоречия между «имущественными» и «технически-трудовыми» отношениями. Хороший «комментарий» к Марксу, нечего сказать!

Ошибка т. Гоникмана является не чем иным, как повторением и дальнейшим развитием этой ошибки Плеханова. Задача состоит в том, чтобы эти ошибочные установки преодолеть до конца, ибо они, искажая учение Маркса — Ленина, одновременно льют воду на мельницу наших классовых врагов.

В самом деле. Маркс говорит о двойственном характере капиталистических отношений производства. Это одновременно отношение труда и отношение капиталистической эксплуатации. Это учение Маркса заменяется, как мы видим из выше сказанного, учением о двух качественно различных группах отношений — «технических» и «имущественных». Противоречия капитализма выражаются только второй группой. Такой разрыв производственных отношений имеет своим неизбежным результатом то, что одна группа отношений капитализма, а именно отношения, существующие в непосредственном производстве, объявляется внеклассовой, лишается своего антагонистического эксплуататорского характера.

Объективно это есть не что иное, как замазывание и прикрашивание капиталистической эксплуатации. Объективно это есть не что иное, как недооценка и смазывание тех глубочайших антагонистических условий, в которых совершается капиталистический процесс производства. А такая недооценка действительных противоречий капитализма имеет своим результатом искажение перспективы пролетарской революции. Искажённое понимание противоречий капитализма, в первую очередь основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями, неизбежно ведет к ошибкам в вопросах пролетарской революции.

¹⁾ Введение к «К критике политэкономии».

²⁾ «Архив», т. I, стр. 222.

Наша страна окончательно укрепилась на новом социалистическом пути развития. Рабочий класс в прочном союзе с колхозным крестьянством разгромил капиталистические элементы в городе и деревне и обеспечил окончательную победу социалистических форм хозяйства. Буржуазные теории возврата СССР к капитализму тем самым окончательно развеяны в прах.

Важнейшая задача экономистов-ленинцев наряду с разработкой очердных проблем социалистического строительства во второй пятилетке состоит также в том, чтобы теоретически проанализировать громадные преимущества нашей социалистической системы хозяйства, чтобы показать новый социалистический тип соединения рабочего со средствами производства в нашей стране. Если рабочему при капитализме противостоит машина, являющаяся одновременно материальным средством его эксплуатации, стало быть выступает против него как враждебная рабочему сила, то в наших условиях рабочему противостоит машина как средство его целесообразного производительного труда, как классовая собственность всего пролетарского государства, беречь и охранять которую заинтересован каждый трудящийся Советской страны. Здесь мы имеем новый тип сочетания рабочих со средствами производства, стало быть имеем новые социалистические отношения производства. Их нужно теоретически осмыслить, объяснить, одновременно противопоставляя эти новые, лишенные классового антагонизма социалистические отношения антагонистическим производственным отношениям капитализма. Такова одна из самых боевых задач нашей марксистско-ленинской политэкономии сегодня.

Что может дать для выполнения этой задачи теория «технических» производственных отношений применительно к капитализму, мы уже показали на примере Плеханова, Бухарина и Гоникина. Но можно сослаться еще на один такой пример вульгаризации Маркса — Ленина по этому же вопросу применительно к нашему советскому хозяйству. Существуют «теоретики», которые утверждают, что в нашей стране с поступательными победами социализма мы имеем не процесс дальнейшего развития новых социалистических и коммунистических отношений производства, а имеем процесс превращения общественных отношений производства в... технические отношения. Автором этой поистине редкой путаницы является т. Колоколкин.

«Как идет формирование новых производственных отношений?» — ставит вопрос т. Колоколкин. Вот некоторые его основные тезисы:

«Следовательно тогда, когда уничтожаются владельцы (!) средств производства и остаются только производители, технические отношения исчерпывают производственные отношения вообще»¹⁾.

Стало быть процесс революционного уничтожения старых производственных отношений капитализма, отношений частной собственности, эксплуатации и классового гнета не есть одновременно процесс создания новых, социалистических производственных отношений, как утверждает марксизм-ленинизм. По т. Колоколкину, это есть процесс утверждения «технических» отношений в господствующей роли. При капитализме эти бедняжки были в загоне, теперь пролетарская революция их утверждает в господствующем положении.

«Мы стоим в начале этого процесса превращения технических отношений в общественные производственные отношения. Уже сейчас (сказано в 1931 г. — Я. М.) технические отношения... складываются на фабрике и за-

¹⁾ Бюллетень заочной консультации ИКП № 8, 1931 г., стр. 53.

воде, в совхозе и колхозе, становятся решающими для процесса всей вообще общественной жизни»¹).

Два вывода заслуживают быть отмеченными в этом тезисе т. Колоколкина. Во-первых, то, что «технические» отношения не есть общественные отношения, ибо они лишь начинают превращаться в общественные. Но ведь именно «техническими» отношениями исчерпываются «производственные отношения вообще», согласно автору. Выходит, что мы добились решающих побед социализма не потому, что социалистические отношения окончательно победили как в городе, так и в деревне, а потому, что общественные отношения превратились в «технические». Социализм без победы социалистических отношений, больше того: при помощи их ликвидации — таков итог т. Колоколкина!

И второй вывод: уже сейчас в нашей стране «технические» отношения являются решающими для всей общественной жизни. Во всей стране, в колхозах, в совхозах, на фабриках и заводах решающими являются «технические» отношения. Тем самым задача борьбы рабочего класса за построение бесклассового общества, за коллективизацию и социалистическую реконструкцию деревни, короче — за выполнение политических и хозяйственных задач второй пятилетки, снимается. Классовую борьбу и классовые отношения т. Колоколкин перекрыл «техническими», необщественными, стало быть неклассовыми отношениями. Смешно говорить с точки зрения этой «теориейки» об обострении классовой борьбы и о задачах рабочего класса в ней. Такая «теорияка» непосредственно ведет к право-оппортунистической установке.

В основе ее лежит по существу полное непонимание принципиальной противоположности производственных отношений капитализма и социализма.

Кто хочет пойти по линии выхолащивания классового характера производственных отношений как при капитализме, так и в нашем социалистическом хозяйстве, кто хочет «технизировать» отношения классов, того неизбежно ждет эта же самая незавидная судьба. Тов. Колоколкин лишь договорил до конца применительно к нашему хозяйству то, что следует из всех построений «теорийки» «технических» производственных отношений. Если в применении к капитализму эта технизация производственных отношений имеет своим результатом отрицание антагонистического эксплуататорского характера производственных отношений капиталистического способа производства, то в наших условиях она ведет к смазыванию и отрицанию нового социалистического характера производственных отношений нашей страны, представляя наши отношения последовательно социалистического производства лишь как продолжение производственных отношений капитализма. В одном случае такая «теорияка» есть база для прикрашивания отношений капитализма, в другом — она база для меньшевистского извращения социалистического характера производственных отношений нашего хозяйства. И в том и в другом случае она обнаруживает свой враждебный марксизму-ленинизму характер.

Хотя сам автор писал уже об ошибках, допущенных им в указанной нами статье — однако такие «теорияки» живучи в антипартийных кругах и должны быть разоблачены и преодолены до конца. Это — необходимое условие развернутого наступления нашей марксистско-ленинской теории по всему фронту.

¹) Бюллетень заочной консультации ИКП № 8, 1931 г., стр. 58.

Экономическая концепция Троцкого*

И. Дворкин

Теория циклов и кризисов Троцкого

Одним из основных оселков экономической теории Троцкого наряду с определенным толкованием закона неравномерности развития капитализма является теория «больших циклов». Наиболее рельефно и кратко свою теорию «больших циклов» Троцкий изложил в интервью, помещенном в «Неей фрайе прессе» (15 мая, 1932 г.): «История капитализма является серией колебаний внутри больших циклов — в предыдущую эпоху кривая поднималась вверх, теперь она спускается вниз». По Троцкому, капитализм проходит через эпохи подъема и упадка, исчисляемые десятилетиями. При этом в пределах этих больших линий подъема и упадка («больших циклов»), проходят десятилетние циклы подъема, кризисов и депрессий, которые Троцкий называет «малыми циклами».

Чем же определяется движение «больших циклов»? В чем их отличие от «малых циклов»? В письме в редакцию «Вестника Соц. академии» за 1923 г. Троцкий писал: «Периодичность малых циклов обусловлена внутренней динамикой капиталистических сил, проявляющей себя всегда и везде, раз налицо рынок. Что же касается крупных отрезков капиталистической кривой... то их характер и длительность определяются не внутренней игрой капиталистических сил, а теми внешними условиями, в русле которых протекает капиталистическое развитие. Приобщение к капитализму новых стран и материков, открытие новых естественных богатств и вслед за этим большие факты «надстроечного» порядка, как войны и революции, определяют характер и смену подъемных, застойных или упадочных эпох в капиталистическом развитии»¹⁾.

Капитализм конечно невозможен без рынка, но на заре своего развития капитализм не знал регулярных циклических смен кризисов, депрессий и подъемов. Для того, чтобы капиталистическая промышленность начала свой циклический бег, необходимо было, чтобы основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, порождающее кризисы, достигло известной остроты и напряженности, известной высоты развития. Полного своего развития противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения достигает лишь на основе развития крупной промышленности. Циклическое движение капитализма могло начаться лишь с того момента и пункта, когда капиталистическая промышленность достигла известной степени развития.

* Глава из работы «Экономическая теория троцкизма», подготовляемой к печати.

¹⁾ Л. Троцкий, О кривой капиталистического развития, «Вестник Соц. академии» № 4 за 1923 г., стр. 29. Разрядка наша.

«Своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, — говорит Маркс, — был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно шло совершенствование техники и еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно... Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность, когда благодаря ей внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии и Австралии; когда наконец промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными, — только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый⁴⁾».

Троцкий же для того, чтобы создать видимость соответствия своей теории фактам, распределил весь ход капиталистического развития таким образом, что объявил «малые циклы» результатом действия только внутренних сил капитализма, а большие циклы — внешних сил. Внешняя торговля относится у Троцкого к внешним условиям. Открытие капитализмом для себя мировых рынков, колоссальных областей сбыта в Америке, Азии и Австралии точно так же относится, по Троцкому, к внешним условиям. Никакого влияния и определяющего действия внешняя торговля и открытие новых рынков Америки, Азии и Австралии не могли, по Троцкому, оказать на образование циклического движения современной промышленности. По схеме Троцкого, эти «внешние условия» определяют собою лишь большие волны («циклы») капиталистического развития.

Из приведенного нами выше места из первого тома «Капитала» видно, что как раз эти «внешние» условия, которые, по Троцкому, должны определять собою большие циклы, являются определяющими моментами в деле образования и развития циклического движения современной промышленности в марксовом понимании этого слова или «малых циклов» по терминологии Троцкого.

Искусственное деление Троцким условий капиталистического развития на внутренние и внешние, имеющие своей задачей создать видимость теоретического обоснования для его теории больших циклов, ничего общего с действительностью не имеет. Вместо конкретного анализа реального развития Троцкий создает априорную схему, под которую он искусственно подгоняет действительную историю капитализма. Прокрустово ложе схем удобно тем, что создает видимость объяснения и избавляет человека от необходимости трудиться над изучением конкретного хода капиталистической действительности в ее противоречивом развитии.

Доводы Троцкого, обосновывающего свою теорию «больших циклов» открытием новых рынков и естественных богатств, как мы видели выше, были опровергнуты уже Марксом в I томе «Капитала». Остается еще довод от войн и революций. Если следовать теории Троцкого, что для существования циклическости достаточно наличия капиталистических отношений и внутреннего рынка, то циклический бег в промышленности должен был бы начаться конечно не в XIX в., а еще со времени нидерландской буржуазной революции и уже во всяком случае — буржуазной английской революции XVII в. Но, как известно, ни нидерландская революция XVI века ни английская революция XVII в. не создали никакого циклического движения для капитализма, и даже сам Троцкий не решается утверждать, что, скажем, со времен английской

⁴⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 504. Разрядка наша.

и нидерландской революций началось движение «больших» и «малых» циклов капитализма.

Пойдем однако дальше. Ни Великая французская революция ни наполеоновские войны непосредственно не создали, как известно, никакого циклического движения современного капитализма. Бесспорно, что буржуазные революции очищали свои страны от феодального хлама, расчищали путь развитию производительных сил капитализма. Но выводить отсюда утверждение, что буржуазные революции определяли существование каких-то больших циклов в развитии капитализма, нелепо. Революции 1848 года в Германии, Австро-Венгрии и Франции дали мощный толчок к развитию капитализма в этих странах. Но никакой особой волны длинного цикла они не создали.

Неверно было бы отрицать огромное влияние буржуазных революций в той или иной стране или войны между двумя или больше странами на промышленное развитие соответствующих стран. Пять миллиардов контрибуций, полученных Германией от Франции в результате победоносной франко-прусской войны в 1870—1871 гг., бесспорно содействовали ускорению капиталистического развития в Германии. Но одному аллаху ведомо, как это франко-прусская война могла открыть собою какие-то длинные циклы в развитии капиталистического общества, как она могла определить повышательную или, наоборот, понижательную «кривую» развития всех стран капитала на длительный исторический отрезок времени.

Австро-прусская война 1866 г. содействовала созданию национального германского государства. Ее результаты в значительной степени определили развитие Германии по капиталистическому пути под руководством Пруссии. Война Италии против Австрии за независимость содействовала созданию национального буржуазного итальянского государства. Тем самым результаты войны содействовали развитию капитализма в Италии. Но если Троцкий пустит в ход даже весь арсенал своей софистики, подтасовывания исторических фактов и подгонки их под свою схему, он никак не сможет доказать, что австро-итальянская война определяла повышательную волну большого цикла, через которую, по Троцкому (как мы увидим ниже), в тот период проходил капиталистический мир. Итало-австрийская война была войной лишь между двумя государствами, удельный хозяйственный вес которых в капиталистическом мире был ничтожен.

Гражданская война в Америке между Севером и Югом своими результатами оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие САСШ. Она освободила Соединенные штаты от рабовладельческих отношений и дала серьезный толчок развитию промышленности и сельского хозяйства этой страны. Но Троцкий никак не сможет доказать, что война между Южными и Северными штатами в 1862 г. определила собою движение большого цикла под'ема, через который, по Троцкому, в то время уже проходил капиталистический мир, или определила движение большого цикла понижения, в который вступил, по Троцкому, капиталистический мир в 1873 г.

Пойдем однако дальше. Троцкий говорил в уже упомянутом нами интервью, помещенном в «Нейе фрайе прессе», что длинный цикл складывается из «серий» колебаний конъюнктурных волн. В чем суть этой теории серий, он излагает в вышеупомянутом письме в редакцию «Вестника Соц. академии». «Торгово-промышленные циклы,—говорит он там,—имеют в разные периоды различный характер. Главное различие их определяется количественным соотношением между кризисом и под'емом внутри каждого отдельного цикла. Если под'ем с избытком возмещает то, что уничтожено или сокращено во время предшествующего кризиса, то капиталистическое развитие идет вверх. Если кризис, знаменующий разрушение или по крайней мере сжатие производительных сил, превышает по силе своего действия соответственный под'ем,

то мы имеем в результате упадок хозяйства, если наконец кризис и подъем имеют приблизительно одинаковую силу, то мы получаем временное застойное равновесие хозяйства. Исторически мы наблюдаем, что однородные циклы группируются сериями. Бывают целые эпохи капиталистического развития, когда ряд циклов характеризуется ярко выраженными подъемами и слабыми, скоропроходящими кризисами. Это дает в результате резкое повышательное движение основной кривой капиталистического развития. Бывают застойные эпохи, когда эта кривая через частные циклические колебания сохраняет в течение 10 лет приблизительно один и тот же уровень. И наконец в некоторые исторические периоды основная кривая, проделывая, как всегда, циклические колебания, в общем идет вниз, знаменуя упадок производительных сил¹⁾.

Троцкий здесь дает объяснение того, как складываются длинные циклы. Они, оказывается, складываются из серий одинаковых по характеру малых циклов.

Прежде всего необходимо отметить эклектичность и противоречивый характер всего теоретического построения Троцкого. Мы видели выше, что Троцкий объясняет наличие больших циклов действием ряда внешних условий, тогда как «внутренней деятельности» капиталистических сил предоставлено право создавать малые циклы. Теперь все это разделение на внешние и внутренние силы полетело к черту. В противоположность тому, что он выдвинул раньше, он объявляет, что большие циклы определяются исключительно тем, как складываются в одинаковые «серии» «малые циклы» конъюнктуры. Внешние обстоятельства, определяющие, как мы уже знаем, образование и движение «больших циклов», теперь, оказывается, никакого влияния на «большие циклы» не оказывают. Здесь даны два противоречащих друг другу обоснования одной и той же теории. Но не будем слишком строги к Троцкому. Последовательность не бывает достоинством эклектиков.

«Большие циклы» складываются, оказывается, из «малых циклов», одинаковых по длине своего движения. Торгово-промышленные циклы, по Троцкому, отличаются друг от друга только количественным соотношением между кризисом и подъемом внутри цикла. По Троцкому, целые исторические полосы капиталистического развития характеризуются тем, что кризисы разрушают производительные силы настолько, что это сжатие производительных сил превышает по силе своего действия соответственно следующие за ними подъемы, которые не устраняют общего сокращения производительных сил. Где Троцкий видел такие странные подъемы и такие странные кризисы в капиталистическом развитии до войны 1914 г.? Где, с другой стороны, Троцкий видел, чтобы циклы характеризовались «ярко выраженными подъемами и слабыми скоропроходящими кризисами»?

Мы знаем из Маркса и конкретной истории капиталистического развития, что чем сильнее подъем, тем сильнее кризис. Азбукой марксизма является то обстоятельство, что кризис подготавливается как раз соответствующим подъемом и что чем сильнее подъем, его интенсивность, тем острее кризис.

Где это Троцкий встречал такие «малые» циклы (до периода всеобщего кризиса капитализма), где подъем не компенсировал бы сокращения производства, достигнутого предыдущим кризисом?

Законом всего капиталистического развития до войны было то обстоятельство, что максимальное падение производства в период кризиса ни-

¹⁾ Л. Троцкий, О кривой капиталистического развития, «Вестник Соц. академии» № 4, 1923 г., стр. 7—8.

когда не достигает того уровня производства, с которого начинается предыдущий расцвет. Больше того, «максимум последнего периода расцвета перед кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, затем поднимается до нового более высокого максимума»¹⁾.

Только кризисы в эпоху всеобщего кризиса капитализма характеризуются тем, что снижают уровень производства далеко назад по сравнению с предыдущим исходным уровнем производства в период подъема. Нынешний, длящийся почти три года, мировой экономический кризис отбросил уровень капиталистического производства назад на многие десятилетия. Но это—специфическая особенность периодических кризисов всеобщего кризиса капитализма, когда вся капиталистическая система приближается к своей гибели.

Для всего же предыдущего существования капитализма характерно повышение производства от подъема к подъему, в результате чего имел место неравномерный рост капиталистического производства от одного цикла к другому. Но это прямо противоположно тому, что говорит Троцкий. Ни в каком соответствии с его теорией больших циклов упадка и подъема капитализма это не находится.

Какое конкретное обоснование дает Троцкий в своей теории больших циклов? «Кривая развития капитализма,—писал Троцкий в 1922 г.,—представляет не однообразно восходящую линию, а восходит она таким образом: первая—производительные силы почти не растут, скажем, лет пятьдесят или возьмем время до 1849 г. Потом, с 1849 г. они начинают быстро расти вверх до начала 70-х гг. С 1873 г. до 1895—1896 гг. задержка—производительные силы развиваются очень медленно. Затем, с 1896 г. до 1913 г. линия идет бешено вверх, почти до самой последней войны. Мало того, линия эта все время колеблется, как струна. Это—волны десятилетий. В 1913 г. наступил несомненно... глубокий перелом и если бы не было войны, то в 1914 г. все равно был бы капиталистический застой. Развитие капитализма спускалось бы вниз, продолжая колебаться»²⁾.

В другом месте Троцкий еще более уточняет, как он представляет себе развитие больших циклов: «Если мы подробно проанализируем кривую развития, то найдем, что она делится на пять частей, пять различных периодов. С 1781 г. по 1851 г. развитие идет очень медленно: движения почти нет. Мы видим, как в течение 70 лет внешняя торговля (Англии.—И. Д.) с двух фунтов стерлингов на человека поднялась только до 5. После революции 1848 г., раздвинувшей рамки европейского рынка, наступает поворот. С 1851 г. по 1873 г. кривая развития резко подымается. За 22 года внешняя торговля дошла с 5 до 21 фунта стерлингов, а количество чугуна за этот период возросло с 4½ килограммов до 13 на человека. Затем с 1873 г. идет стадия депрессий. С 1873 г. и почти до 1894 г. мы замечаем в английской торговле застой... понижение с 21 до 17,4 фунта стерлингов — в течение 22 лет. Затем опять подъем до 1913 г. с 17 до 30 фунтов. Наконец с 1914 г. начинается пятый период»³⁾.

Таким образом, по Троцкому, выходит, что капиталистический мир пережил пять периодов, пять волн больших циклов—две повышательные, три понижательные. С 1914 г. началась резко понижательная волна. Троцкий обосновывает свою теорию больших волн всего-навсего двумя рядами цифро-

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 39.

²⁾ Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 439—440.

³⁾ Там же, стр. 159—160.

вых данных, данными по внешней торговле Великобритании с 1783 по 1920 г. и данными по мировому производству железа на человека. Обосновывать теорию больших циклов, касающихся всего капиталистического мира, данными по внешней торговле одной страны по меньшей мере смешно.

Посмотрим, как выглядит теория «больших циклов» при проверке ее данными статистики. Рассмотрим цифры внешней торговли, на основании которых, да и то только на основании одних английских данных, Троцкий пытается обосновать свою теорию. Возьмем прежде всего внешнюю торговлю с лишним раз. В то же самое время с 1850 до 1870 г. ввоз увеличивается в Великобритании. С 1820 по 1850 г. ее ввоз вырос в 4 раза, а вывоз — в 2 в 3 с лишним раза, а вывоз — в 2 с лишним раза. Темпы роста внешней торговли Великобритании в «застойный», по Троцкому, период 20—50-х гг. оказываются выше, чем темпы роста внешней торговли в период «подъемной» волны большого цикла. Ввоз французский вырос в два раза, а вывоз — в два с лишним раза. Ввоз в Соединенных штатах с 1820 по 1850 г. вырос в два раза, а вывоз — в три раза¹⁾.

Цифры внешней торговли, которыми Троцкий пытался обосновать свою теорию больших циклов, при ближайшем рассмотрении оказываются ярким опровержением теории «больших циклов». Ни о каком застое в период 20—30-х гг. эти цифры не говорят. Наоборот, происходит рост внешней торговли.

Возьмем данные о производстве железа по ряду важнейших капиталистических стран (с 1821 по 1895 г.) и посмотрим, действительно ли они доказывают то, что хочет доказать Троцкий.

Производство сырого железа в XIX столетии

По пятилетиям²⁾

В тысячах метрических тонн

	1821—1825	1826—1830	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855
Великобритания	2,326	3,450	4,700	5,918	7,628	9,971	14,456
Германия	196	226	464	839	880	1,055	1,583
САСШ	—	640	998	1,368	1,540	2,142	3,061
Россия	753	852	863	887	913	1,002	1,125
Франция	777	1,127	1,250	1,686	2,063	2,406	3,250
Всего по этим странам . . .	4,052	6,295	8,275	10,698	13,024	16,576	23,475

	1856—1860	1861—1865	1866—1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885	1886—1890	1891—1895
Великобритания	18,558	22,102	26,082	32,829	33,773	40,794	39,477	46,819
Германия	2,448	3,993	6,229	9,723	10,935	17,060	21,073	25,362
САСШ	3,702	4,068	7,318	11,242	12,876	21,857	36,118	41,312
Россия	1,338	1,430	1,595	1,958	2,141	2,454	3,282	6,060
Франция	4,545	5,631	6,222	7,323	7,589	9,497	8,464	9,041
Всего по этим странам . . .	30,589	37,224	47,446	63,075	67,314	91,662	108,364	118,594

¹⁾ См. Wagemann, Struktur und Rythmus der Weltwirtschaft, S. 388—89.

²⁾ См. Woytinsky, Die Welt in Zahlen, книга 4-я, стр. 169.

Приведенная нами таблица относится как раз к производству железа, опираясь на которое, Троцкий пытается обосновать свою теорию больших циклов. Троцкий, как мы видели выше, относит период 1821—1851 гг. (и даже еще раньше) к понижающейся волне «большого цикла», в период которой, по Троцкому, производство должно колебаться примерно вокруг одного уровня. Приведенные данные показывают как раз обратное. В период 1821—1851 гг. производство железа из пятилетия в пятилетие повышается во всех этих странах, являющихся важнейшими странами по производству железа. Общий итог по пяти приведенным странам показывает также постоянное повышение производства железа из пятилетия в пятилетие. За 30 лет производство железа по этим пяти странам поднялось примерно в 4 раза.

В следующие 20 лет — 1851—1871 гг., которые, по Троцкому, являются периодом большого цикла под'ема, точно так же растет производство железа из пятилетия в пятилетие. Общая сумма произведенного железа по этим странам за эти 20 лет поднялась с 23.475 тыс. тонн до 47.446 тыс. тонн, т. е. немного больше, чем в два раза. Следуя своей теории, Троцкий должен был бы скорее поменять этикетки над двумя периодами развития, объявить 1851—1871 гг. периодом понижающейся волны «большого цикла» и, наоборот, период 1821 — 1851 гг. периодом повышающейся волны большого цикла. Но ни то ни другое не соответствовало бы действительности. В противоположность теории Троцкого, в оба эти отрезка времени имел место неравномерный под'ем производительных сил.

Перейдем наконец к периоду 1871—1895 гг., который, по Троцкому, является периодом большой волны снижающейся кон'юнктуры. Производство в этот период должно, казалось бы, колебаться на одном уровне. На деле мы имеем иное. В одной лишь Англии мы имеем падение производства железа в период 1881—1895 гг. На причинах этого явления мы остановимся ниже. По всем же остальным странам мы имеем непрекращающийся, неравномерный рост производства железа. За двадцатипятилетие (1871—1895 гг.) производство железа возросло с 63.075 тысяч тонн до 118.594 тыс. тонн, т. е. почти в два раза. Рост объема производства железа в 1871—1895 гг. немного меньше, чем за «бурный», по Троцкому, период 1851—1871 гг. Если же вычесть Англию, где сокращение производства в 1871—1895 гг. имело особые причины, то мы получим общий рост производства железа в эти годы не меньший, чем за предыдущие 20 лет.

Таким образом данные о производстве железа, на которые пытается опереться Троцкий для обоснования своей теории больших циклов, говорят против этой теории, опровергают ее.

Рассмотрим далее данные по производству стали.

Производство стали во второй половине XIX столетия

По пятилетиям

В тысячах метрических тонн

	1861—1865	1866—1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885	1886—1890	1891—1895	1896—1900
Великобритания	—	1,302	2,864	5,223	10,008	16,617	15,652	23,716
Германия	300	691	1,592	2,617	5,436	9,092	14,404	17,487
Франция	224	369	844	1,541	2,459	2,549	3,547	6,688
САСШ	76	164	1,031	4,083	8,404	16,719	23,749	42,946
Россия	18	35	48	70	1,163	1,328	2,191	5,703
В с е г о	—	2,561	6,379	14,171	27,470	46,305	59,543	96,540

В Англии мы имеем рост производства стали (и довольно быстрый) за исключением пятилетия 1891—1895 гг., когда имело место сокращение производства стали примерно на миллион тонн.

В остальных странах, в частности в САСШ и Германии, мы имеем за период мнимого (по Троцкому) большого упадка производительных сил бурный подъем производства стали. За десятилетие 1876—1885 гг. производство стали например повысилось в четыре раза. Никак не похоже на застой в производительных силах! А ведь размеры производства стали и железа и степень роста этого производства определяют степень развития производственных сил страны.

Общий итог производства стали по приведенным пяти странам также опровергает теорию больших циклов Троцкого. В застойные (по Троцкому) 70—90-е гг. быстро растет производство стали из пятилетия в пятилетие. За 1871—1895 гг. производство стали увеличилось по этим странам почти в 8 раз, а если вычеркнуть Англию, с ее упадком производства стали в 1891—1895 гг., то и больше чем в 8 раз.

На застой в производительных силах никак не похоже!

Рассмотрим далее данные по мировому производству угля с 1801 г. по 1888 г.

Мировое производство угля с 1801 г. по 1888 г.

В миллионах метрических тонн

1801—1820	1821—1840	1841—1850	1851—1860	1861—1870	1871—1880	1881—1888
277	566	637	1,593	1,873	2,855	3,300

За тридцатилетие мнимого большого цикла упадка производительных сил мы имеем быстрый рост добычи угля. Она увеличилась за этот период почти в 2½ раза, тогда как за период 1851—1870 гг. (мнимого большого цикла подъема) она выросла всего на 20 проц. В период же мнимого большого цикла упадка производительных сил за 18 лет (1871—1888 гг.) добыча угля повысилась по сравнению со средней добычей угля за десятилетие 1861—1870 гг. на 76 проц.

Рассмотрение данных по внешней торговле, по производству стали и железа в важнейших странах капиталистического мира и данных по мировому производству угля опровергает теорию больших циклов Троцкого. Чтобы не утомлять большим количеством цифр, приведем еще данные о развитии промышленности в САСШ¹⁾.

Годы	Выплавка чугуна		Добыча угля		Потребление хлопка		Обороты внешней торговли	
	(в тысяч. метрич. тонн)	Коэффициент прироста или упадка	Мил. метрич. тонн	Коэффициент прироста или упадка	Мил. фунт.	Коэффициент прироста или упадка	Мил. долларов	Коэффициент прироста или упадка
Среднее за десятилетие								
1770—1800	36	—	0,2	—	—	—	63,9	—
1801—1810	47,5	+ 1,4	—	—	11,8	—	9,8	+ 1,5
1811—1820	82,2	+ 1,7	0,5	+ 2,5	27	+ 2,5	74,3	+ 0,8
1821—1830	145,0	+ 1,8	0,9	+ 1,8	77,8	+ 2,9	117,7	+ 1,6
1831—1840	235,0	+ 1,6	1,6	+ 1,8	126,0	+ 1,6	192,2	+ 1,6
1841—1850	425,0	+ 1,8	4,9	+ 3	288,4	+ 2,3	228,4	+ 1,2

¹⁾ Данные взяты у Герценштейна, «Большие циклы конъюнктуры», из Ком. академии, 1929 г.

Все данные по хлопку, углю, чугуну в Соединенных штатах дают систематический прирост промышленной продукции из десятилетия в десятилетие как раз в период, который, по Троцкому, должен быть периодом упадка производительных сил¹⁾. Систематически и неравномерно растут из десятилетия в десятилетие добыча угля, выплавка чугуна, потребление хлопка, обороты внешней торговли. Посмотрим данные по экономическому развитию САСШ в последующие годы XIX века

Г о д ы	Выплавка чугуна		Добыча угля		Потребление хлопка		Средний годичный прирост нац. дох. на душу насел. в процентах
	В тыс метрич. тонн	Коэффициент прироста или упадка	В тыс метрич. тонн	Коэффициент прироста или упадка	В млн. центнеров	Коэффициент прироста или упадка	
1850	560	+ 1,9	8,0	+ 4,4	2,6	+ 2,1	0,14
1860	821	+ 1,5	13,0	+ 1,6	3,8	+ 1,5	0,22
1870	1,665	+ 2,0	29,5	+ 2,3	4,6	+ 1,7	3,12
1880	3,835	+ 2,3	6,8	+ 2,2	8,3	+ 1,8	2,28
1890	9,203	+ 2,4	140,9	+ 2,2	11,6	+ 1,4	3,30

В период 70—90 гг. прирост национального дохода в САСШ, выплавка чугуна и стали дают значительно более высокие показатели, чем в 50-х, 60-х и 70-х гг. В то время как коэффициент прироста выплавки чугуна в 50-х гг. составляет 1,9, в 60-х гг. — 1,5, в 70-х гг. — 2,0, 80-е и 90-е гг. дают ускоренный прирост. Данные по углю, потреблению и росту народного дохода говорят о неравномерности развития по отдельным годам, по отдельным отраслям производства.

Таким образом все данные по мировому производству, по производству в отдельных странах промышленности опровергают теорию «больших циклов» Троцкого. Нет нужды приводить новые и новые ряды цифр.

Конкретный анализ темпов развития капиталистического производства опровергает схему Троцкого насчет подъемных и застойных волн больших циклов. Действительные (а не подтасованные и надуманные) данные о развитии промышленного производства в важнейших странах доказывают отнюдь не наличие больших циклов, а свидетельствуют о другом. Они свидетельствуют о том, что с развитием капитализма и по мере перехода к империализму усиливалась, ускорялась неравномерность развития капитализма отдельных стран.

Троцкий попытался противопоставить ленинскому закону неравномерности развития капитализма и его обострения в период империализма свою теорию больших циклов, которая у Троцкого является альфой и омегой капиталистического развития. Впоследствии, когда вопрос о неравномерности капиталистического развития был поставлен партией и т. Сталиным во весь рост в связи с вопросом о возможности построения социализма в одной стране и со всей борьбой против троцкизма, Троцкий на время спрятал свою теорию больших циклов для того, чтобы выдвинуть ее, как мы видели из интервью, помещенного в «Неее фрайе прессе», с особой силой в качестве противовеса марксо-ленинской теории кризисов, ленинской теории империализма, ленинской теории закона неравномерного развития капитализма вообще, в эпоху империализма в частности.

¹⁾ Конечно данные по десятилетиям здесь, как и приведенные нами выше данные, являются показателями среднего прироста за ряд лет, так что они скраывают влияние кризисов на движение производства.

На основании цифровых данных и их анализа мы показали несоответствие теории «больших циклов» Троцкого конкретным фактам капиталистического развития. Теперь подвергнем эту теорию проверке со стороны соответствия ее общему ходу капиталистического развития вообще и истории экономических кризисов в частности.

По Троцкому, примерно, в течение 50 лет, т. е. с 1800 г. до 1850 г. производительные силы почти не растут. Этот период означает для него полосу снижающейся волны большого цикла. В угоду своей схеме он фальсифицирует факты самым бесшабашным образом.

Период с 1800 по 1815 г., даже по Троцкому, не может являться составной частью большого цикла по той простой причине, как мы видели, выше, что большие циклы у него складываются из серий «малых» циклов.

Начало XIX века — период закладывания основ крупной промышленности в Англии. Темпы развития промышленности были сравнительно медленные, так как быстрое ускорение развития может иметь место лишь на основе машинной техники. Бег современной промышленности начался с 1815 г. Важнейшей промышленной страной капитализма, его промышленной мастерской в тот период была Англия.

Период с 1815 по 1849 г. характеризовался четырьмя экономическими кризисами: в 1815, 1825, 1837 и 1847 гг. Это был период роста производительных сил и довольно быстрого роста. Но в это время основной английской промышленностью была текстильная промышленность. Лишь постепенно на первый план выходят чугун, машиностроение, уголь и железнодорожное строительство. Это — период, когда производительные силы берут серьезный разгон.

В Германии в этот период развитию капитализма ставились серьезные препятствия, и для уничтожения значительной части феодальных перегородок необходима была революция 1848 года и бисмарковская революция сверху — в 60-х гг. Лишь в 40-х гг. XIX столетия Германия начинает втягиваться в орбиту капиталистического развития.

Именно период 20—40-х гг. есть период втягивания в русло промышленного развития целого ряда крупных стран. Это — период роста производства и торговли, и ни о каком периоде депрессии в развитии говорить, как это мы уже видели при анализе статистического материала, нельзя.

С 1867 г. до 90-х гг. XIX века произошли некоторые изменения в характере циклического движения. До 1867 г. средняя продолжительность цикла равнялась 10—11 гг. Кризисы регулярно возникали: в 1815, 1825, 1836, 1847, 1857 и 1867 гг. Следующий кризис разразился в 1873 г. Между этим годом и девяностыми годами и произошли изменения в характере кризисов и в ходе циклов.

Энгельс так характеризует наступивший период: «Со времени последнего большого всеобщего кризиса здесь (т. е. в движении и развертывании цикла. — И. Д.) совершилось некоторое изменение. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила повидимому место более хронической, затяжной и притом затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно коротких и слабых периодов оживления и сравнительно длинных, не разрешающихся периодов угнетения»¹⁾.

И Энгельс ставит вопрос о новом взрыве кризиса огромной силы. «Не находимся ли мы в периоде подготавливания нового мирового краха неслыханной силы. На это повидимому указывает многое».

Изменение хода циклического движения — факт бесспорный. Его наблюдал Энгельс и констатировал в 1894 г. Особенностью этого периода (1866—

¹⁾ Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 27, примечание Энгельса.

1890 г.) является усиление неравномерности развития отдельных стран, потеря Англией своего монопольного положения на мировом рынке в качестве господствующей и почти единственной страны крупной промышленности.

До сих пор развивавшаяся промышленность стран Западной Европы и Америки зависела полностью от английского машиностроения, английской промышленности вообще.

Движение цикла в Англии, имевшее классическую четкость и определенность, имело своей материальной основой смену основного капитала. Важнейшей отраслью английской промышленности была текстильная. В дальнейшем (30—40 гг.) на сцену выступило железнодорожное строительство, которое вызвало к жизни растущую металлургию и машиностроение. Развитая международная торговля Англии должна была вовлечь в орбиту своего движения другие страны, хотя и вступившие на путь капиталистического развития позже Англии, но развивавшие свою промышленность также, как мы видели, довольно бурно. Благодаря такому ходу капиталистического развития кризисы в Англии совпадали с мировыми кризисами (кризисы 1847, 1857, 1867 гг.), вернее, даже английский кризис означал мировой кризис. После 1867 г. положение изменилось.

Чем же вызвано было изменение почти 10—11-летнего циклического движения, которое было характерно для капиталистической промышленности?

Причины этого надо искать в первую очередь во внутренних условиях развития такой страны, как Англия. Текстильная промышленность играла огромную роль в производстве этой страны до 1870 г. К этому времени значение ее падает в первую очередь благодаря развитию текстильной промышленности в Америке и Европе.

Вторым китом английской промышленности были металлургия и машиностроение. Значение этих отраслей ходом технического и экономического развития выдвигалось на первое место. Развитие этих отраслей промышленности обуславливалось в Англии в первую очередь развитием железнодорожного строительства, но после 1867 г. железнодорожное строительство в Англии падает.

Рассмотрим данные о ходе железнодорожного строительства в Англии.

Ежегодный прирост железнодорожной сети в Англии

1840—1850 гг.	931 км.	1880—1890 гг.	344 км.
1850—1860 "	631 "	1890—1900 "	280 "
1860—1870 "	821 "	1900—1908 "	208 "
1870—1880 "	386 "		

Резкое падение строительства железных дорог вызвало в Англии угнетенное состояние всей, по тому времени огромной, промышленности, обслуживавшей это строительство. Смена основного капитала, которая раньше давала толчок и была исходным пунктом перехода к подъему, замедлилась как в текстильной, так и в металлургической промышленности. К 60-м гг. XIX в. рост технических изобретений в текстильной промышленности резко замедлился. Время мощных технических переворотов в этой отрасли прошло. Основные типы машин в текстильной и ткацкой промышленности установились. Изменения производились только в деталях. Моральный износ текстильной промышленности замедлился. Интенсивность использования машин мало увеличилась вследствие замедления в расширении сбыта текстильной продукции. Систематическое падение цен на основные продукты промышленности и в первую очередь на уголь, металлы и текстиль, привело к падению нормы прибыли. Наряду с этим издержки производства падали медленно.

Движение индекса цен в Англии на все товары шло таким образом:

1871 г.	135,6	1878 „	131,1	1888 „	125,9
1873 „	151,9	1879 „	125,0	1884 „	144,1
1874 „	146,9	1880 „	129,0	1885 „	107,0
1875 „	144	1881 „	126,6	1886 „	101,0
1876 „	137,1	1882 „	127,7	1887 „	98
1877 „	140,4				

Дальше идет под'ем от 3 до 8 пунктов с 1887 г. до 1892 г. и дальнейшее и систематическое падение цен вплоть до 1900 г. ¹⁾

Таков ряд факторов, обуславливающих изменение хода цикла в Англии в период 70—90-х гг.

В других странах изменение хода цикла объяснялось рядом других обстоятельств. «Колоссальный рост средств сообщения — океанические пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, Суэцкий канал впервые создали действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала производство, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; затратам избыточного европейского капитала во всех странах света раскрылись бесконечно более обширные и разнообразные области, так что капитал разветвляется гораздо сильнее и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинству старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено» ²⁾.

Период 70—90-х гг. был периодом быстрого развития капитализма в ряде прежде отсталых стран, экономическое развитие которых задерживалось наличием сильных феодальных пережитков. В этот период капитализм втягивал в орбиту своего влияния новые области. Период 70—90-х гг. был периодом превращения, перехода капитализма свободной конкуренции в капитализм монополистический. Капитализм начинал охватывать своими щупальцами весь земной шар, проникая во все части света, подготавливая будущие войны за передел мира.

Это развитие капитализма в ряде новых стран создало возможность раздвинуть границы рынка, создавать капиталистические предприятия одновременно в разных странах, подготавливая почву для грядущего еще более интенсивного развития промышленности в период империализма, подготавливая острые кризисы империалистической эпохи.

Это не значит, что цикличность была снята. Она лишь изменила форму своего движения. Кризисы стали более хроническими, затяжными, под'емы — более слабыми. Это не исключало того, что кризисы в течение этого периода вспыхивали в очень острой форме в отдельных странах. 1873 г. был годом кризиса для Германии и Австрии, 90-е гг. озаменовали вступление в порочный круг циклического движения Южной Америки, Японии, России, переживших острейшие кризисы перепроизводства. 1890 г. был годом острого кризиса в Аргентине. В 1893 г. разразился кризис в Австралии и Америке — результат бурного развития этих стран, и в первую очередь Соединенных штатов.

Таким образом это был период усиления неравномерного развития капитализма, накопления противоречий, превращения закона неравномерного развития капитализма в решающую силу капиталистического развития. Это был период накопления противоречий, спорадически доходивших до своего апогея и разражавшихся кризисами в отдельных странах, период подготовки и новых технических переворотов

¹⁾ Данные о движении цен взяты у Спектатора, «Мировое хозяйство до и после войны», т. 1, стр. 102—103. Падение цен на уголь, металлы и текстиль было еще более резким.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, часть 2-я, стр. 27, примечание Энгельса.

и создания новых отраслей промышленности, период перехода к империализму. Именно переходный характер этого периода составляет его специфическую черту.

В этом процессе 90-е гг. были годами переломными. Эти годы означают непосредственную подготовку циклического бега начала XIX в. В 90-х гг. развиваются и достигают большого развития новые отрасли промышленности: химическая, газовая и электротехническая. Аграрный кризис, длившийся два десятилетия и бывший результатом конкуренции дешевого заокеанского хлеба, производившегося с гораздо более низкими издержками производства, нежели европейский хлеб — на землях, не плативших абсолютной ренты, с одной стороны, дешевого хлеба русского и индийского крестьянина — с другой, имел серьезное влияние на падение покупательной способности крестьянства европейских стран. Это не могло не оказать влияния на ход циклического развития.

90-е гг. характеризуются прекращением падения с.-х. цен. Начался период вздорования на почве отставания сельского хозяйства в своем развитии от быстро растущей промышленности. Началось развитие монополий и неравномерный рост цен. Капитализм достиг той ступени развития, когда он мог начать новый лихорадочный бег.

Мы постарались дать конкретный анализ причин изменения форм циклического движения 70 — 90-х гг. прошлого века, что отнюдь не означает конечно, будто циклическое движение было снято.

Ленин также говорит о кризисах этого периода: «Перепроизводство, периодически наступавшее в капиталистических странах, сначала в среднем каждые десять лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени»¹⁾.

Но означало ли изменение формы циклического движения и то, что кризисы наступали в период 70—90-х гг. через более продолжительные и менее определенные промежутки времени, то обстоятельство, что это был период упадка капитализма, что этот период составил большой цикл падающей кривой капитализма. Мы уже видели из анализа статистических данных, что это не так. Это был период быстрого развития капитализма, более быстрого, чем в период 50—60-х гг., период охвата капиталистическим развитием целого ряда новых стран, создание в этих странах крупной промышленности. Это был период окончания раздела мира, подготовки империалистической стадии развития капитализма, период роста и развития производительных сил не только в Англии, а еще в большей мере, чем в Англии, в ряде других стран Европы и Америки. На путь капиталистического развития вступила и Япония. Это свидетельствовало о постепенной потере Англией своей прежней промышленной монополии на мировом рынке и в то же время о росте и укреплении международных рыночных связей, росте и расширении мирового рынка. Это был период бурного создания акционерных обществ, которые в дальнейшем стали одной из главнейших форм мобилизации капитала. Троцкистская схема «больших циклов» не обладает и тенью достоверности.

Перейдем теперь к рассмотрению последней длинной «понижательной волны», когда, по Троцкому, налицо упадок производительных сил послереволюционного периода.

Троцкий характеризует период после мировой империалистической войны как период разрушения производительных сил. После войны капиталистический мир вступил, по Троцкому, в полосу упадка, длительность которой он исчисляет в 20—30 лет. «Если предоставить стихийным силам так работать дальше...», то «через 20—30 лет создастся новое капиталистиче-

¹⁾ Ленин, т. XII, ч. 2-я, стр. 331.

ское равновесие»¹⁾. Правда, Троцкий рисует восстановление капиталистического равновесия через 20—30 лет ценою гибели целых поколений, если пролетариат не установит свою победоносную диктатуру на всем земном шаре. «Если допустить, что рабочий класс не поднимется на революционную борьбу, а даст возможность буржуазии в течение долгого ряда лет, скажем, 2—3-х десятилетий, править судьбами мира, то несомненно, что установится некоторое новое равновесие. Европа сильно осадит назад, а Соединенным штатам придется заново ориентироваться на мировой рынок, перегруппировать свою промышленность, осаживать назад на продолжительный срок. После того, как таким болезненным путем в течение 15—20—25 лет установилось бы новое мировое разделение труда, могла бы начаться новая эпоха капиталистического под'ема»²⁾.

На языке Троцкого «восстановление капиталистического равновесия» означает наступление после длинной полосы застоя и упадка производительных сил полосы нового бурного расцвета и роста производительных сил капитализма.

Троцкий предвещает наступление новой эпохи капиталистического расцвета, который должен наступить через 20—30 лет после окончания мировой войны. Так же, как он метафизически ставит вопрос об абсолютном застое и непрерывном падении производительных сил после мировой войны на протяжении 20—30 лет, он так же метафизически, механистически и апологетически по отношению к буржуазии ставит вопрос о неизбежности нового грядущего большого цикла расцвета производительных сил капитализма. Он делает это в полном соответствии со своей теорией «больших циклов».

В своей критике проекта программы Коминтерна в 1928 г. он ставит вопрос еще более определенно: «Может ли буржуазия обеспечить себе новую большую эпоху капиталистического роста и могущества?» И отвечает: «Отрицать начисто такую возможность было бы просто пустосвятством... Нынешнее состояние неустойчивого классового равновесия в странах Европы именно потому, что оно, это неустойчивое равновесие, не может длиться без конца»³⁾.

Троцкий таким образом предрекает неизбежное наступление новой волны большого цикла, волны бурного расцвета производительных сил капиталистического мира.

Такова «философия эпохи» Троцкого. На основании своей теории перманентной революции он предрекает неизбежность гибели пролетарского государства, невозможность построения социализма в одной стране, гибель пролетарской страны от неизбежности столкновения с крестьянством. Обратной же стороной этой самой теории перманентной революции является апологетика капитализма, предсказывание неизбежности новых бурных под'емов капитализма, новой волны большого цикла расцвета капитализма.

Так как этот пункт чрезвычайно важен, разберем его подробнее. Теория неизбежности наступления новой эпохи бурного расцвета капитализма, новой волны большого цикла под'ема является лишь конкретным приложением троцкистской теории-больших циклов. Эта теория является прямой противоположностью ленинской теории империализма и ее исключает.

«Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не хочет понять всей разницы

¹⁾ Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 318.

²⁾ Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 168.

³⁾ Л. Троцкий, Проект программы Коминтерна, Критика основных положений, стр. 53.

между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим, она не поднимает экономической сущности империализма и смешивает между собою две различных фазы капитализма — фазу доимпериалистическую с фазой империалистической»¹).

Для Ленина империализм является последней стадией капитализма, стадией его умирания. Она характеризуется наличием и ростом загнивания капитализма. Монополия не исключает конкуренцию, наоборот, конкуренция сочетается с монополией, усиливая анархию и хаотичность, свойственные капитализму вообще.

Одной из важнейших характерных особенностей монополистического капитализма является растущее загнивание капитализма, которое отнюдь не исключает возможности роста производительных сил в отдельные периоды, в отдельных странах и в отдельных отраслях. С ростом монополистического капитализма все больше и больше берет верх тенденция к загниванию и застою производительных сил. Империализм является эпохой, когда целый ряд основных свойств капитализма стал превращаться в свою собственную противоположность.

Для Троцкого же как раз период 1904 — 1913 гг., т. е. именно период империализма, есть период исключительно бурного расцвета производительных сил, без наличия каких-либо особых, свойственных современной эпохе, препятствий этому бурному расцвету.

Эпоха империализма есть эпоха, когда производительные силы приходят в особенно острое противоречие с производственными отношениями. Загнивание, технический застой, не исключающие рост на отдельных участках производительных сил являются свидетельством того, что капитализм пришел в непримиримое противоречие с развитием производительных сил и должен уступить место новому строю общественных отношений, который обеспечит простор развитию производительных сил.

Основной задачей капитализма было развитие производительных сил, создание мирового рынка. Вступление капитализма в эпоху империализма означает, что капитализм вступил в эпоху, когда он завершает свой жизненный бег. Империализм — последняя стадия капитализма. Он является эпохой империалистических войн и пролетарских революций.

Теория больших циклов Троцкого вообще снимает проблему загнивания в эпоху империализма. По этой теории загнивание свойственно не только империализму, но свойственно капиталистическому строю вообще в известные периоды его развития. Чем же другим является его теория больших циклов, утверждающая, что капитализм пережил две эпохи упадка и застоя производительных сил и сейчас проходит третью, которая должна будет смениться новой повышательной волной?

Для Ленина и большевистской партии «империализм есть капитализм, загнивающий и умирающий, он есть последний этап капиталистического развития вообще, он есть канун мировой социалистической революции».

Международная пролетарская революция вытекает таким образом из условий развития капитализма вообще и его империалистической фазы в особенности.

«Капиталистическая система в ее целом приходит к окончательному краху. Диктатура финансового капитала гибнет, уступая место диктатуре пролетариата» (программа Коминтерна).

¹ И. Сталин, Об оппозиции, Гиз, 1928 г., стр. 511. Разрядка наша.

Для троцкистской теории больших циклов чужда такая постановка вопроса. Контрреволюционный троцкизм отрицает победу пролетарской революции в отдельных странах в эпоху империализма и тем самым по существу вообще снимает вопрос о победе мировой социалистической революции в империалистическую эпоху капитализма. По Троцкому, капитализм может еще проходить «большие циклы» расцвета и упадка. Само собой разумеется, что возможности победоносной пролетарской революции в п р е д с т о я щ и е, по его мнению, «циклы расцвета» капитализма исключены. Допуская все же возможность революционных взрывов в отдельных странах в течение «цикла упадка», он решительно считает их заранее обреченными на неизбежное поражение и гибель. Революции, возникающие в отдельных странах, по Троцкому, гибнут под тяжестью якобы существующих в них неразрешимых внутренних противоречий, которые усугубляются ударами извне, со стороны окружающего капиталистического мира. Такова по существу социал-фашистская «теория революции» троцкизма.

Для прикрытия этой социал-фашистской теории марксистской фразеологией у Троцкого конечно имеется пара-другая софизмов из того же затхлого меньшевистского арсенала, в котором почти всю свою жизнь прожил этот злейший враг ленинизма. Таким софизмом является положение Троцкого, что победа мировой пролетарской революции может наступить лишь при условии одновременного натиска пролетарских революций в целом ряде передовых капиталистических стран. Без этого условия, т. е. без одновременной поддержки революции в одной какой-либо стране победоносными революциями в других, притом непременно передовых странах, поражение революции неизбежно и она в конце концов должна погибнуть. Этот софизм о необходимости одновременного наступления революции в ряде капиталистических стран в качестве обязательного условия для победы пролетарской революции в эпоху империализма не дает ничего нового в сравнении с ходячими социал-фашистскими теориями II интернационала. Этот гнусный софизм Троцкого был разоблачен Лениным еще в 1915 г. в его статье «О Соединенных штатах Европы», представляющей ответ на троцкистскую теорию о невозможности победы социализма в одной стране.

Теорией «больших циклов» Троцкий защищает старый-престарый меньшевистский хлам о невозможности победы пролетарской революции в эпоху монополистического капитализма, старую свою теорию, направленную против теории Ленина и Сталина, против Коминтерна, против того, что мировая война положила начало всеобщему кризису капиталистической системы, и з которого капитализму уже не выйти до самой своей гибели. «Всемирная история вступила в новый фазис своего развития, фазис длительного общего кризиса капиталистической системы» (программа Коминтерна). Троцкистская теория исключает утверждение программы Коминтерна, что «мировая империалистическая война потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса».

Что означает всеобщий кризис капиталистической системы? В своем докладе на XVI съезде партии т. Сталин дал классическую формулировку того, что это означает. Всеобщий кризис капитализма «означает прежде всего, что империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма (разрядка наша.—И. Д.) и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает далее, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устой империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает дальше, что во время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных»¹⁾.

Конкретному диалектическому анализу своеобразия и особенностей послевоенного капитализма, характеристике этого капитализма как всеобщего кризиса этой системы, из которого последнему уже не выйти, Троцкий противопоставляет свою тощую, худосочную, жалкую схему больших циклов капиталистической конъюнктуры.

Важнейшим признаком наличия всеобщего кризиса капитализма является возникновение, существование, развитие и быстрый рост, наряду с капиталистической системой, принципиально противоположной ей системы социалистической в лице СССР.

Капиталистический мир после Октября 1917 г. раскололся на две непримиримых противоположных друг другу системы, взаимно исключающих друг друга, мир социализма и мир капитализма, мир пролетарской диктатуры и мир буржуазной диктатуры. Выключение одной шестой части земного шара из системы капиталистических отношений, рост промышленности в колониях, чудовищное обнищание масс и снижение вследствие этого их покупательной способности, превращение резервных армий безработных в постоянные — все это неизбежно приводит к замедлению темпов развития капитализма, хронической недогрузке предприятий. Монополистическому капитализму в эпоху всеобщего кризиса капитализма присущи кризисы такой глубины и продолжительности, которых не знал довоенный капитализм. Капитализму эпохи его всеобщего кризиса свойственно изменение характера подъемов, депрессий и кризисов и соотношения между ними.

Эти особенности присущи только монополистическому капитализму эпохи всеобщего кризиса капиталистической системы. Из этого периода всеобщего кризиса капитализму уже не выйти до самого конца своего жизненного пути.

Существование всеобщего кризиса капиталистической системы означает далее расшатывание устоев капитализма в колониях и зависимых странах. Это означает неизбежность возникновения в эту эпоху человеческой истории мощных колониальных восстаний, сливающихся с пролетарскими революциями.

Троцкистская теория больших циклов, представляющая себе развитие капитализма как простую смену больших циклов упадка и подъема капитализма, абсолютно исключает существование всеобщего кризиса капитализма. В самом деле, если для большевиков, для Ленина, для Сталина, для всего Коминтерна вступление капитализма в полосу своего всеобщего кризиса означает, что из этого кризиса капитализму уже не выйти, что капитализм неизбежно гибнет в пределах этой фазы своего развития, то для Троцкого капитализм может выйти на широкую дорогу расцвета и развития производительных сил после окончания большого цикла их упадка. О каком же всеоб-

¹⁾ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 609—610. Разрядка Сталина.

щем кризисе может идти речь для троцкизма, для которого пролетарская диктатура в СССР вероятнее всего окажется простым эпизодом в развитии капиталистической системы, как, скажем, Парижская коммуна.

Троцкистская теория больших циклов является буржуазной теорией. Целый ряд буржуазных ученых (Зомбарт и др.) развивал эту теорию до войны. На «точке зрения» больших циклов стоит ряд буржуазных ученых, в первую очередь такой, как Кондратьев, который развил теорию больших циклов для того, чтобы доказать, что капитализм уже вступает в полосу нового подъема своих производительных сил, нового расцвета и предвещал поэтому неизбежность гибели СССР. По Кондратьеву, развивавшему свой вариант теории больших циклов в 1923 г., послесвоенный кризис означал лишь проявление понижательной волны больших циклов капиталистической конъюнктуры, волны, которая, по Кондратьеву, в 1923 г. уже заканчивалась.

Наступление капиталистической стабилизации для Кондратьева уже означало наступление конца понижательной волны. Кондратьев выступал как идеолог остатков побитого революцией класса, надеясь, что наступление периода расцвета капитализма обеспечит гибель Советской республики. Троцкий оказался на позициях Кондратьева.

«Разница» между Троцким и вредителем Кондратьевым заключается в том, что Троцкий смену большого цикла упадка капитализма большим циклом его нового расцвета отодвигает на несколько более поздний срок. Разница эта следовательно не принципиальная, а «практическая», в сроках наступления нового большого цикла подъема. По Троцкому, наступление нового большого цикла подъема капитализма будет иметь место через 20, самое позднее 30 лет после окончания мировой войны, т. е. самым крайним сроком наступления нового цикла развития капитализма он считает сороковые годы.

Вообще же говоря, как видно из приведенной нами выше цитаты, Троцкий считал вероятным наступление нового большого цикла расцвета уже через 15 лет после мировой войны. По иронии истории дело сложилось как раз таким образом, что именно в 1929 г., который, по Троцкому, должен был бы быть по всей вероятности годом наступления нового большого цикла расцвета капитализма, был годом наступления чудовищного экономического кризиса, который тянется уже почти три года и тяжесть которого определяется тем, что этот периодический кризис монополистического капитализма развивается на основе всеобщего кризиса капиталистической системы.

Теория больших циклов Троцкого — типичная буржуазная социал-демократическая теория¹⁾. Подобно Троцкому, социал-фашисты отрицают наличие всеобщего кризиса капитализма. Подобно Троцкому, они считают (Каутский, Гильфердинг, Блюм и др.), что капитализм неизбежно вступит в полосу нового бурного расцвета и подъема своих производительных сил.

¹⁾ На позициях теории больших циклов стоит и Спектатор (см. его книгу «Капитализм во время и после войны»). Спектатор обосновывает свою теорию больших циклов на утверждении, что срок жизни основного капитала в производстве средств производства настолько долог, что смена основного капитала не может быть основой смены фаз «малого» цикла. Из этого методом исключения делается вывод, что в основе «малых» циклов лежит перепроизводство средств потребления. Смена же «больших» циклов подъема «большими» циклами упадка и наоборот объясняется сменой периодов обновления основного капитала (тогда имеет место «большой цикл» подъема производительных сил капитализма) периодами окончания переоборудования основного капитала и наступления затишья в этом процессе переоборудования.

Нет нужды подвергать здесь специальному разбору эту разновидность теории «больших циклов». Ее немарксистский характер явствует из всего нашего изложения. Она является такой же реформистской социал-демократической по своему характеру, как и теория «больших циклов» Троцкого. Обоснование лишь несколько иное, чем у последнего.

Троцкий на словах не хочет наступления эпохи расцвета капитализма, но ожидает ее подобно социал-демократам. Наступление этого нового большого цикла расцвета он считает неизбежным в кратчайший исторический срок. Отсюда его политика сверхчеловеческих скачков, политика авантюризма, перепрыгивание через неизжитые еще этапы развития, его волюнтаризм. Спешите, пока не поздно, иначе скоро наступит новый большой цикл подъема производительных сил капитализма,— такова его философия эпохи.

Теория больших циклов Троцкого — разновидность социал-демократической программы наступления нового расцвета капитализма.

Империализм и мировая война 1914—1917 гг. Послевоенный капитализм

Мы видели уже в главе о теории больших циклов, что вся эта теория неизбежно ведет к затушевыванию различий между империализмом и домонополистическим капитализмом. Реформистская сущность теории больших циклов сказывается именно в том, что она смазывает противоречия империализма, его особенности, его своеобразие, его отличие от капитализма периода свободной конкуренции.

Это отнюдь не значит, что у Троцкого отсутствует своя «теория» империализма.

Возьмем характеристику империализма Троцким. Он писал: «Помимо пробужденной капитализмом национальной демократии, которая стремится к сплочению возможно большего числа элементов наций в одну экономическую культурную общность, остается самый этот капитализм, который стремится всюду, где он пустил корни, раздвинуть как можно шире пределы внутреннего рынка, найти как можно более благоприятные выходы к мировому рынку, наложить свое господство на области с аграрным складом хозяйства»¹).

Троцкий таким образом прежде всего характеризует империализм как стремление развитых капиталистических стран подчинить себе аграрные страны и области. Но это как раз и есть, как известно, каутский и анская концепция империализма.

Посмотрим, как Каутский определяет империализм: «Империализм есть продукт высоко развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинить себе все большие аграрные области без отношения к тому, какими нациями они населены»²).

Троцкий таким образом прямо повторяет без каких бы то ни было изменений определение империализма, данное Каутским. Что приведенное нами выше определение Троцким империализма не обмолвка и не хлесткая фраза, пущенная в оборот ради красного словца, видно из того, что в другом месте он дает развернутое обоснование своему определению. «Поскольку капиталистическому развитию становилось тесно в рамках государства, это последнее дополнялось аннексиями и колониальными пристройками. Борьба из-за колоний, т. е. погирание экономической и национальной независимости отсталых стран, составляла главное содержание внешней политики так называемого национального государства. Соревнование из-за колоний привело к борьбе капиталистических государств между собой, производительным силам окончательно стало тесно в рамках государства»³).

¹) Л. Троцкий, Соч., т. IX, стр. 212. Разрядка наша.

²) Цитировано у Ленина, т. XIII, стр. 307. Разрядка наша.

³) Л. Троцкий, Соч., т. IX, стр. 214. Разрядка наша.

Таким образом Троцкий изображает империализм не как определенную ступень развития капиталистического хозяйства, не как последнюю стадию капитализма, а как политику «национального» государства, направленную на борьбу за захват отсталых аграрных стран. Подобно Каутскому, Троцкий произвольно подчеркивает один только национальный вопрос, который конечно очень важен сам по себе и приобретает особую важность в период империализма. Но Троцкий связывает национальный вопрос только с промышленным капиталом, аннектирующим другие нации, попирающим их экономическую и национальную независимость.

Критика Лениным каутскианского определения империализма целиком относится к определению империализма Троцким. Ленин писал, цитируя приведенное нами определение Каутского: «Это определение совершенно неправильно, ибо оно односторонне, т. е. произвольно выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно, неверно увязывая его только с промышленным капиталом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексии аграрных областей. Империализм есть стремление к аннексии, — вот к чему сводится политическая часть определения Каутского. Она верна, но крайне не полна, ибо политический империализм есть вообще стремление к насилию и реакции»¹).

Неверно, что для империализма характерно стремление к захвату одних только аграрных областей. Империализм стремится к захвату не только аграрных областей, но и промышленных областей. Борьба за раздел и передел отсталых колониальных стран выражает лишь одну из сторон империализма. Империализм означает также борьбу империалистических государств за захват промышленных областей. Результаты мировой войны, Версальский договор являются блестящим опровержением каутскианского учения об империализме как о политике промышленного капитала, направленной на захват отсталых областей. Аннексия Эльзас-Лотарингии французским империализмом, оккупация этим же империализмом Саарской области, оккупация Рура французским империализмом в 1923 г., аннексия польским империализмом промышленно развитой Верхней Силезии и Польского коридора являются практическим доказательством неверности определения Каутским и Троцким империализма. Это определение смазывает, скрадывает то обстоятельство, что империализм есть не только борьба за захват новых территорий, но и борьба в первую очередь (так как все основные территории уже распределены между империалистическими государствами) за передел мира. Это определение скрадывает далее, что для империализма существенно стремление крупнейших капиталистических держав не только захватить территории непосредственно и прямо для себя, но и стремление к своей гегемонии путем захвата земель для ослабления противника и подрыва его гегемонии: «Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике и противопоставляя ей другую возможную, будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала... получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма»²).

Тогда как для Ленина империализм означает тенденцию к загниванию и застою вследствие того, что империализм является монополистическим капитализмом, для Троцкого «империализм представляет капиталистически-хищное выражение прогрессивной тенденции экономического развития

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 307. Разрядка всюду Ленина.

² Там же, стр. 308—309. Разрядка наша.

построить человеческое хозяйство в мировых размерах, освободив его от стесняющих оков нации и государства»¹⁾.

Троцкий скрывает тот факт, что империализм представляет собой загнивающий капитализм, что в период империализма резко обостряется неравномерность развития. Он выпячивает односторонне тот факт, что империализм представляет собой якобы только «выражение прогрессивной тенденции экономического развития». Империализм конечно отнюдь не исключает развития производительных сил. Больше того, до мировой войны капитализм развивался быстрее, чем в эпоху доимпериалистическую. Но характерным для империализма является именно тенденция к застою и загниванию. «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»²⁾.

Всеобщий кризис капиталистической системы, в который вступил капитализм со времени мировой войны, означал замедление темпа капиталистического развития в целом. Это — то изменение, которое внес всеобщий кризис капиталистической системы в развитие капитализма. Одностороннее подчеркивание Троцким того, что империализм представляет собою прогрессивную тенденцию экономического развития, затушевывает как раз самые глубокие противоречия империализма, противоречия между конкуренцией и монополией, то обстоятельство, что империализм является загнивающим капитализмом.

В то же время, как видно из приведенного выше определения Троцким империализма, Троцкий, в полном соответствии с Каутским, неправильно решал и национальный вопрос, объявляя национальную идею, «противостоящую империализму», реакционной. Голое объявление национальной идеи реакционной теоретически оправдывало для Троцкого отрицание прогрессивности национальной революционной борьбы и необходимости поддержки пролетариатом национального движения угнетенных народов, направленного на освобождение от империализма. Здесь находится один из теоретических корней троцкизма, отрицающего своеобразие колониальных революций, которые являются революциями угнетенных империализмом народов колоний против угнетающего их империализма. Определение Троцкого означает осуждение колониальных революций, отрицание их величайшего революционного значения.

Вслед за Каутским Троцкий определяет империализм не как особую стадию капитализма, а как политику капиталистических держав. Он писал (в 1919 г.): «Война эта (т. е. война 1914—1918 гг.) началась как свалка великих капиталистических хищников во имя захвата и раздела мира — в этом и состоит империализм»³⁾. В другом месте он пишет: «Капитализм развился в империализм, в стремление к миродержавному господству»⁴⁾. Итак, империализм — не стадия капитализма, по Троцкому, а лишь политика капитализма, стремление к господству, к «миродержавному господству».

Смазывая экономическую суть империализма, Троцкий целиком и полностью следовал Каутскому. «Критика империализма» у Троцкого получи-

¹⁾ Л. Троцкий, Соч., т. IX, стр. 208—209.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 333.

³⁾ Л. Троцкий, Соч., т. XIII, стр. 8.

⁴⁾ Л. Троцкий, Соч., т. XIII, стр. 9. Разрядка наша.

лась как раз такая, которая имела и имеет место у Каутского. Поэтому к Троцкому относится следующее место из ленинского «Империализма», непосредственно направленное против Каутского: «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой стороны, и т. д.»¹⁾

Что же удивительного, что Троцкий стоял на позициях мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что во всех основных политических вопросах Троцкий стоял на позициях каутскианства. Одинаковая теория вела к одинаковой политике. Что же удивительного в том, что Троцкий, даже будучи в рядах ВКП(б) и Коминтерна, изо всех сил стремился сохранить свою собственную, отличную от ленинской, линию. Что же удивительного в том, что Троцкий после того, как оказался выброшенным за пределы коммунизма, во всех основных вопросах продолжал вести свою политическую линию, являющуюся разновидностью социал-демократической политической линии?

Троцкистская теория империализма — типично каутскианская теория. Свою каутскианскую теорию империализма Троцкий провел через мировую войну, через Октябрьскую революцию, вплоть до наших дней. В «Критике программы Коминтерна» Троцкий попрежнему повторяет свое утверждение о том, что империализм есть политика передовых промышленных стран, направленная на захват остальных стран. «Империализм, — пишет Троцкий, — еще несравненно быстрее и глубже связывает отдельные национальные и континентальные сосуды, ставя их в самую тесную жизненную зависимость друг от друга, сближая их хозяйственные методы, общественные формы и уровни развития. В то же время он достигает этой своей «цели» такими антагонистическими методами, такими львиными прыжками, такими налетами на отсталые страны и области, что осуществляемые им объединения и нивелировка мирового хозяйства нарушается им же более и более бурно и конвульсивно, чем в предшествующие эпохи»²⁾.

Оставляя в стороне разбор других положений этой цитаты, обратим внимание на подчеркнутое нами место. Для Троцкого прошли даром все уроки мировой войны и послевоенного развития. Этот человек ничего не забыл и ничему не научился. Он попрежнему долбит старое каутскианское определение империализма как политики капитализма, направленной на захват отсталых стран, стремясь прикрыть это свое отставание каутскианской теорией империализма словечком о «налетах» на отсталые страны.

Но Троцкий — эклектик. Отставание позиции Каутского в вопросах империализма не мешает ему в то же время стоять на позициях Гильфердинга в этих же вопросах. Уже в своем выступлении в Промакадемии в 1926 г. Троцкий объявил Гильфердинга своим учителем, а его «Финансовый капитал» — величайшим марксистским произведением после «Капитала». В своей «Перманентной революции» он в ряде вопросов скатывается на позиции Гильфердинга. «Теория» империализма Троцкого есть эклектическое соеди-

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 328. Разрядка наша.

²⁾ Л. Троцкий, Проект программы Коминтерна. Критика основных положений.

нение гильфердинговщины и каутскианства при преобладании каутскианской теории.

«Отличие» Троцкого от Каутского и Гильфердинга в вопросах империализма состоит только в том, что он дополняет смесь каутскианско-гильфердинговских положений (при преобладающем и определяющем каутскианском характере его теории), которую составляет его теория империализма, теорией больших циклов. Он писал в октябре 1922 года: «Я уже сказал, что в течение 17 — 18 лет от 1896 до 1913 г. капитализм дал невероятный скачок вверх... Ему стало тесно в националистических государствах, и отсюда выросла империалистическая война 1914 г. Правительства, дипломатия, буржуазия, военные сферы стали тем более нервными и ускорили конфликт кровавым событием в 1914 г., потому что с 1913 г. была заминка на мировом рынке. Эта заминка означала глубокий перелом. Если бы не было войны, то в 1914 г. все равно был бы капиталистический застой, развитие капитализма спускалось бы вниз, продолжая колебаться. Империалистическая война явилась результатом бешеного развития капиталистических сил в течение знаменательных в истории капитализма 17 лет» (т. е. с 1896 до 1913 г.)¹⁾.

Таким образом мировая война 1914 г., по Троцкому, явилась не результатом действия всех противоречий капитализма на его империалистической стадии, а лишь формой перехода от большого цикла подъема к большому циклу упадка в развитии производительных сил капитализма.

Больше того, по Троцкому, буржуазия сознательно организовала мировую войну только для того, чтобы избежать вступления в большой цикл упадка производительных сил. Это кажется невероятным. Но это факт. Послушаем самого Троцкого. «В данный момент капитализм вступил в период длительной и глубокой депрессии. Собственно говоря, эта эпоха должна была наступить еще в 1913 г... Гиганты капиталистического развития (германский, английский капитализм и капитализм САСШ. — И. Д.) отдавали себе в этом полный отчет. Они сказали себе: чтобы избежать этой длительной многолетней депрессии, мы создадим острый военный кризис, уничтожающий противника, безраздельно овладеем ставшим слишком тесным рынком»²⁾.

Мировая буржуазия, изволите ли видеть, действовала по рецепту, прописанному ей теорией больших циклов. Все дело оказывается в том, что буржуазия боялась смены большого цикла подъема большим циклом депрессии, а отсюда, по Троцкому, и мировая война. Эта мистическая галиматья Троцкого является конкретным применением его схемы больших циклов к освещению таких вопросов, как вопрос о причинах возникновения мировой войны.

Мировая война была необходимым этапом в развитии империализма, потому что империализму присущи империалистические войны, потому что империализм есть эпоха мировых войн и пролетарских революций. Мировая война была этапом борьбы империалистических государств за раздел и передел мира. Она была выражением всех противоречий империализма и закона неравномерного развития капитализма как решающей силы в эпоху империализма в первую очередь, и теория Троцкого о том, что буржуазия сознательно организовала мировую войну 1914—1918 гг., чтобы избежать перехода к большому циклу упадка производительных сил капитализма, является идеалистической болтовней.

В то же время она является не чем иным, как теорией организованного капитализма, теорией ультраимпериализма. Ультраимпериализм и организо-

¹⁾ Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 440.

²⁾ Там же, стр. 164. Разрядка наша.

ванный капитализм с необходимостью вытекают из каутскианской и гильфердингской концепции империализма, которых одновременно умудряется придержать Троцкий.

Теория ультраимпериализма и организованного капитализма является немаловажным моментом во всей экономической концепции троцкизма. Больше того, из этой экономической концепции, из троцкистского понимания законов неравномерности капиталистического развития теория ультраимпериализма и организованного капитализма вытекает с абсолютной необходимостью.

Ставя вопрос о том, «почему произошла война», Троцкий отвечал: «Стремление империалистического капитала состояло в том, чтобы устранить государственные границы и весь земной шар захватить себе, устранить таможенные перегородки, стесняющие развитие производительных сил. В этом — экономическая основа империализма и причины войны»¹).

Оказывается таким образом, что экономическая основа империализма заключается в стремлении к ультраимпериализму, к организованному капитализму, а смысл войны заключался в том, что этот ультраимпериализм, т. е. единый организованный в мировом масштабе империализм, организовать. Война не была оказывается острым взрывом империалистических противоречий. Она выросла не на почве борьбы между империализмом германским, французским, английским, русским и др. за передел мира, а потому и только потому, что империалистический капитал ставил себе целью упразднить государственные границы, захватить себе весь земной шар, устранить таможенные перегородки, создать единое мировое организованное хозяйство.

Ультраимпериалистическая теория Троцкого находит свое обоснование в троцкистском понимании закона неравномерности капиталистического развития. Троцкизм отрицает ленинское понимание закона неравномерности развития капитализма, согласно которому эпоха империализма означает резкое обострение действия этого закона.

Для Ленина закон неравномерности развития становится решающей силой в эпоху империализма. Именно на почве неравномерности развития и приобретения законом неравномерного развития решающего значения в условиях империализма и выросла мировая война. Для Троцкого неравномерность развития была острее, и больше всего в период домонополистического империализма. Период же империализма означает ослабление действия и равномерности развития и нивелировку мирового хозяйства.

Раз империализм осуществляет объединение мирового хозяйства, осуществляет нивелировку и ослабляет неравномерность развития, то это означает не что иное, как утверждение, что империализм осуществляет переход к единому организованному мировому империалистическому тресту. Если говорить о «чисто экономических» условиях перехода финансового капитала, как об исторически конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультраимпериализма» является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Разговор Каутского об ультраимпериализме поощряет между прочим ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их²).

¹) Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 172. Разрядка наша.

²) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 309. Разрядка Ленина.

Что отрицание ленинского понимания закона неравномерности развития империализма и замена его троцкистским пониманием неизбежно приводят к ультраимпериализму, блестяще показал т. Сталин.

«Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других. Быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодический передел уже поделенного мира (разрядка Сталина. — И. Д.) в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах.

В чем состоят основные элементы закона неравномерности развития при империализме? Во-первых, в том факте, что мир уже поделен между империалистическими группами, «свободных», незанятых территорий нет больше в мире, и для того, чтобы занять новые рынки, источники сырья, для того, чтобы расширяться, надо взять у других эту территорию силой. Во-вторых, в том, что небывалое развитие техники и усиливающаяся нивелировка в уровне развития капиталистических стран создали возможность и облегчили дело скачкообразного опережения одних стран другими, дело вытеснения более могучих стран менее могучими, но быстро развивающимися странами. В-третьих, в том, что старое распределение сфер влияния между отдельными империалистическими группами приходит каждый раз в столкновение с новым соотношением сил на мировом рынке, что для установления «равновесия» между старым распределением сфер влияния и между новым соотношением сил необходимы периодические переделы мира путем империалистической войны.

Отсюда — усиление и обострение неравномерности развития в период империализма. Отсюда — невозможность разрешения конфликтов в лагере империализма мирным порядком. Отсюда — несостоятельность kautскианской теории ультраимпериализма, проповедующей возможность мирного разрешения этих конфликтов.

Но из этого следует, что оппозиция, отрицающая факт усиления и обострения неравномерности развития периода империализма, скатывается на позиции ультраимпериализма»¹⁾.

В полном соответствии со своей теорией отрицания обострения неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, в полном соответствии со своей схемой больших циклов и теорией ультраимпериализма Троцкий развивает теорию абсолютной стагнации.

По Троцкому, со времени мировой войны капитализм вступил в эпоху абсолютного застоя своих производительных сил. «Не война, — писал Троцкий, — поставила точку в развитии производительных сил в Европе, а война возникла из невозможности производительным силам развиваться в Европе при условии капиталистического хозяйства... Война только углубила и обострила этот кризис, который вытекал из факта абсолютной невозможности дальнейшего хозяйствования... В 1913 г. капитализм для Европы уже означает абсолютный застой и распад»²⁾.

Троцкистская теория абсолютной стагнации есть не что иное, как теория организованного капитализма, тесно увязывающаяся с его теорией ультраимпериализма. В самом деле, утверждение, что производительные силы

¹⁾ Стеногр. отчет VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна по докладу «Внутрипартийные вопросы ВКП», заключ. слово т. Сталина, т. II, стр. 318—319. Разрядка наша.

²⁾ Л. Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 529—530. Разрядка наша.

капитализма после войны переживают абсолютный застой, означает утверждение, что послевоенный капитализм исключает конкуренцию, что налицо монополистический капитализм без конкуренции, что закрыты всякие возможности к техническим изменениям, к развитию производительных сил.

«Мы видели однако, — писал Троцкий в 1924 г., — что и при сохранении основ капитализма производительные силы до войны довольно быстро росли не только в Америке, но и в Европе. В этом состояло относительное «оправдание» существования самого капитализма. Со времени империалистической войны мы уже видим совершенно иную картину: производительные силы не растут, а разрушаются... И после войны мы видим, что дело может идти лишь о восстановлении разрушенного, но никак не о дальнейшем развитии производительных сил»¹⁾.

На дискуссии по докладу т. Варга о стабилизации капитализма в Госплане СССР в 1925 г. Троцкий в ответ на вопрос, в чем перемена, происшедшая во время мировой войны и после нее, ответил: «В том, что производительные силы Европы перестали развиваться и что мы имеем стагнацию (застой, задержку)»²⁾.

Бесспорно, что мировая война означала огромное разрушение производительных сил капитализма. В результате Октябрьской революции одна шестая часть земного шара составляет принципиально иной строй производственных отношений. Всеобщий кризис капитализма, величайшее обнищание масс в результате войны и всеобщий кризис капиталистической системы привели к сужению рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала. Тенденция к загниванию резко усилилась. Все это — совершенно бесспорные вещи. Но все это отнюдь не исключало того, что производительные силы могли и могут развиваться в определенных пределах и в период послевоенного капитализма, так как конкуренция и анархия производства резко усилились. Тенденция к застою и загниванию производительных сил отнюдь не исключает возможности роста производительных сил. И действительно послевоенный период, в частности период частичной стабилизации капитализма, вплоть до начала мирового экономического кризиса ознаменовался развитием производительных сил Европы и Америки. Производство во Франции и в других странах капиталистической Европы развивалось, внешняя торговля росла, хотя относительно, по сравнению с довоенным капитализмом, значительно медленнее. Начнем с Соединенных штатов:

Следующая таблица показывает рост производительных сил в САСШ

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Индекс физического объема промышленности	100	95	123	143	133	148	152	150	157	167
Индекс физического объема горной промышленности	100	99	104	148	135	139	152	151	149	162
Индекс экспорта в ценах 1913 г.	100	119	112	115	129	137	145	157	164	171

1921 г. был годом кризиса. После этого года производство растет до 1924 г., когда имел место частичный кризис, на причинах которого мы здесь останавливаться не можем. Дальше идет новое расширение производства до

¹⁾ Л. Троцкий, Европа и Америка, стр. 8. Разрядка наша.

²⁾ К вопросу о стабилизации мирового империализма, изд. Госплана СССР, 1925 г., стр. 32—33.

нового частичного кризиса 1927 г., когда так же, как в 1924 г., наступило сокращение производства. После 1927 г. до начала мирового экономического кризиса — дальнейший рост производства. Общий объем производства в САСШ повысился к началу мирового кризиса на 67 проц., количество добытого угля — на 62 проц., внешняя торговля — на 71 проц.

Как видим, послевоенное развитие САСШ до мирового кризиса никак не похоже на задержку в развитии производительных сил, на большую волну угадка, через которую, по Троцкому, проходит мир. Это никак не похоже и на абсолютную стагнацию производительных сил.

Но обратимся к Европе, на которую Троцкий особенно нападает. Послевоенная Англия вплоть до мирового экономического кризиса находилась в состоянии стагнации. Это является одним из выражений всеобщего кризиса капитализма. Но это никак не относится к остальным европейским странам.

Во Франции развитие промышленности шло следующим образом:

Индекс физического объема продукции

1919 год	1920 год	1921 год	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год	1926 год	1927 год	1928 год	1929 год
57	62	55	78	88	109	108	126	110	127	139

Франция после разрушений, вызванных войной, вплоть до 1924 г. имела объем промышленности значительно ниже довоенного. С 1924 г. — первого года относительной стабилизации капитализма — она переходит за довоенный уровень, и в 1929 г. объем ее производства превышал довоенный на 39 проц.

Послевоенная Франция точно так же не имеет абсолютной стагнации, которая должна быть, по Троцкому, присуща ей, как и всей Европе.

Возьмем, далее, Германию, развивавшуюся после 1919 г. в условиях, поставленных ей Версальским договором.

Основные показатели конъюнктуры хозяйства Германии

в тысячах метрических тонн

Средние месячные данные	Добыча каменного угля	Производство чугуна	Вылавка стали	Внешняя торговля	
				Импорт	Экспорт
1913 год	11,729	910	993	0,90	0,84
1925 "	1,052	841	1,004	1,03	0,77
1926 "	2,108	803	1,028	0,83	0,87
1927 "	12,800	1,091	1,347	1,18	0,90
1928 "	2,572	984	1,210	1,17	1,02
1929 "	13,820	1,117	1,354	1,12	1,12

Германское хозяйство со времени вступления в полосу относительной стабилизации переживает неравномерный рост до 1929 г. В 1925 г. оно перешло за довоенный уровень в производстве стали, каменного угля и импорта. В 1927 г. Германия пережила частичный кризис. В 1929 г. накануне мирового экономического кризиса германская промышленность и внешняя

торговля ушли по сравнению с довоенным уровнем, как показывают цифры, на довольно значительное расстояние.

Возьмем наконец Италию.

	1913 г.	1929 г.	1913 г. = 100
	Тысячи тонн		
Потребление хлопка	394	520	132
Производство стали	989	2.150	217
Потребление угля	11.300	15.157	134

Обороты внешней торговли Италии, повысились с 6.157 млн. лир в 1913 г. до 7.531 млн. лир в 1929 г. (в ценах 1913 г.). Значительно выросло потребление хлопка и угля, а еще более — производство стали.

Все показатели хода промышленного производства в послéвоенной Европе и Америке опровергают теорию абсолютной стагнации, равно как и теорию «больших циклов».

Утверждение Троцкого о наличии абсолютной стагнации, абсолютного застоя производительных сил означало, что наступил конец конкуренции в Европе, что Европа вступила в полосу организованного капитализма.

Послевоенное развитие Европы характерно очень неравномерным развитием производительных сил. Но именно это неравномерное развитие производительных сил и было предпосылкой острого экономического кризиса, который наступил во всем капиталистическом мире в 1929 г., который главным своим очагом имел Америку, самую мощную и богатую страну капиталистического мира.

Теория абсолютной стагнации Троцкого — не только теория «организованного» капитализма, исключая конкуренцию и всякую возможность технических изменений и развития производительных сил, — эта теория исключает возможность наступления периодических кризисов перепроизводства. С точки зрения этой теории глубокий экономический кризис, потрясающий весь капиталистический мир в течение вот уже трех лет, совершенно незаконномерен и непонятен.

В самом деле, периодические экономические кризисы перепроизводства являются результатом действия противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения продуктов общественного производства. Для того, чтобы наступил периодический экономический кризис, необходимо, чтобы развивающиеся производительные силы уперлись в ограниченную покупательную способность трудящихся масс. Раз налицо абсолютная стагнация, раз производительные силы ни в коем случае не развиваются, раз налицо абсолютный застой в движении производительных сил, в размерах и уровне производства, то ни о каком кризисе перепроизводства речи быть не может. Вполне закономерно поэтому Троцкий отрицал возможность наступления периодических экономических кризисов перепроизводства в эпоху после империалистической войны. Он утверждал, что для послевоенного капитализма характерно «экономическое дерганье, спазмы, резкие и острые колебания, отсутствие правильной периодизации экономической кон'юнктуры», что налицо «неправильность, нецикличность, непериодичность кон'юнктурных колебаний»¹⁾.

¹⁾ Л. Троцкий, Выступление по докладу Варги о стабилизации капитализма (в Госплане, 1925 г.).

Троцкий не отрицал возможности «конъюнктурных колебаний». Но эти конъюнктурные колебания для него исключали всякую возможность периодических кризисов перепроизводства, поскольку налицо абсолютный застой, абсолютное загнивание, абсолютная стагнация производительных сил. Неудивительно после этого, что как раз тогда, когда мировой экономический кризис был уже в разгаре, Троцкий упорно отрицал возникновение мирового экономического кризиса.

В январе 1930 г., когда экономический кризис в САСШ уже был в разгаре, когда он захватил уже подавляющее большинство капиталистического мира, Троцкий гадал на кофейной гуще, считая маловероятным наступление мирового экономического кризиса. Он считал возможным следующие основные «варианты» дальнейшего экономического развития всего мира.

Один вариант: «Биржевой крах не вызывает непосредственно торгово-промышленного кризиса, а имеет своим последствием лишь временную депрессию. Удар по биржевой спекуляции приводит к более правильному соотношению между курсом бумажных ценностей и торгово-промышленной деятельностью, как и между этой последней и реальной покупательной силой рынка.

После депрессии и полосы приспособления торгово-промышленная конъюнктура снова поднимается вверх, хотя и не так круто, как за истекший период. Этот вариант не исключен. Резервы американского капитализма велики. Не последнее место среди них занимает государственный бюджет (заказы, субсидии и пр.)»¹⁾.

В полном соответствии со своей теорией кризисов Троцкий считал возможным вступление мирового хозяйства в полосу депрессии (а не кризиса), после которой он ожидал под'ема производства, повышения конъюнктуры. Теоретик организованного капитализма твердо верил в «резервы американского капитализма».

Капиталистический мир, уже содрогавшийся под ударами чудовищного экономического кризиса, нашёл в лице Троцкого своего восторженного утешителя. Он утешал мировую буржуазию возможностью быстрее истощения наступившей «депрессии» при новом наступлении благоприятной конъюнктуры.

Другой возможный, по Троцкому, вариант развития, таков: «Отлив средств от американской спекуляции оплодотворяет торгово-промышленную деятельность в Европе. Дальнейшая судьба этого оживления будет в свою очередь зависеть как от чисто европейских, так и от мировых причин. Даже и в случае острого экономического кризиса в САСШ, в Европе может продержаться в течение известного времени под'ем, так как немислимо все же представить себе, чтобы капитализм САСШ мог в течение нескольких коротких месяцев перестроиться для решительного наступления на мировом рынке»²⁾.

По этому варианту Троцкий предполагал, что если даже наступит острый экономический кризис в САСШ, в Европе неизбежно наступление экономического под'ема. Эту теорию в начале экономического кризиса усердно пропагандировали социал-фашистские газеты «Фюрвертс» и «Арбейтерцейтунг». Ее, как мы видим, горячо подхватил Троцкий.

Третий вариант: «Нью-Йоркский биржевой кризис оказывается предтечей торгово-промышленного кризиса в САСШ, который уже в ближайшие месяцы достигнет большой глубины. Капитализм в САСШ оказывается вынужденным сделать решительный сдвиг в сторону внешнего рынка. Открывается эпоха бешеной конкуренции. Американские товары прокладывают себе дорогу ниже себестоимости. Европейские товары отступают перед этим не-

¹⁾ Л. Троцкий, Бюллетень оппозиции, № 8, стр. 11.

²⁾ Там же, стр. 1.

«обузанным натиском. Европа вступает в кризис позже САСШ, но зато европейский кризис принимает чрезвычайную остроту»¹⁾).

Даже допуская наступление глубокого экономического кризиса в САСШ, он опять-таки считает возможным для САСШ быстрый выход из кризиса за счет отступления европейских товаров под натиском американской конкуренции. В лучшем случае он утверждал, что Европа вступит в кризис, отступая под натиском САСШ. Таков наиболее радикальный вариант экономического развития, который предусматривал Троцкий. Он считал исключенным наступление длительного мирового экономического кризиса, который имеется сейчас, кризиса, который имеет своим главным очагом САСШ, которым потрясен весь капиталистический мир и который приводит к чудовищному обострению всех противоречий капитализма, кризиса, который является наиболее длительным и глубоким из всех когда-либо имевших место периодических экономических кризисов капитализма. Он считал такой кризис исключенным потому, что это не находится ни в каком соответствии с троцкистской теорией абсолютной стагнации и теорией больших циклов.

Четвертый вариант Троцкого: «Действительный ход развития может пройти между намеченными выше вариантами и дать равнодействующую в виде колеблющейся прерывистой кривой с вялыми уклонами вверх или вниз».

Так рисовал себе будущее экономическое развитие мира в ближайшее время в январе 1930 г. Троцкий. Это определение перспектив экономического развития было блестящей иллюстрацией бесплодности и апологетической сущности троцкистской теории. Троцкий блестяще сел в лужу со всей своей теорией абсолютной стагнации и больших циклов.

Троцкий не понимает и не хочет понимать, что капитализм вступил в полосу своего всеобщего кризиса и что это обстоятельство не может не привести к тому, что периодические кризисы перепроизводства, которые неизбежно должны сопровождать капитализм до самой его смерти, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, развертываясь на основе этого всеобщего кризиса, не могут не носить исключительно тяжелого, длительного и глубокого характера.

Троцкий решил быть пророком с мудрым расчетом, что приведет все мыслимые варианты будущего развития. Так как, по его мнению, хоть один из этих вариантов должен был осуществиться, то этим цель была бы достигнута — ленинизм посрамлен, троцкизм оправдал бы себя как объяснение конкретной действительности. На деле мудрый пророк из всех мыслимых вариантов, которые он себе представил, исходя из своей экономической концепции, не привел единственно правильного «варианта» развития, что капиталистический мир уже вступил в полосу периодического кризиса, охватывающего все капиталистические страны, кризиса, который неизбежно будет исключительно острым, глубоким и самым продолжительным из всех имевших место до сих пор.

Такой вариант развития исключался троцкистской теорией абсолютной стагнации, для которой если конъюнктурные колебания и существуют в пределах большого цикла упадка, то это лишь конъюнктурные колебания, но не периодические кризисы перепроизводства.

Сев блестяще в лужу со своим «анализом» экономического кризиса, Троцкий после января 1930 г. нигде уже не возвращается к анализу современного мирового экономического кризиса. Обжегшись на молоке, он дует на воду. И в потоке его произведений, пасквилей на Советский союз, на мировой пролетариат, на Коминтерн, в бесчисленной «литературе», которой он затопил рынки буржуазных стран, литературе, служащей для удовлетворения нужд контрразведок и буржуазной прессы в деле травли Советского союза,

¹⁾ Л. Троцкий, Бюллетень оппозиции № 8.

Троцкий ничего не написал по вопросу о современном мировом экономическом кризисе. Он для него почти не существует. Лишь изредка, кое-где, мимоходом и нехотя, он указывает, что капиталистический мир переживает тяжелый экономический кризис. Этим ограничивается все его отношение к кризису.

Троцкий, как и полагается идеалисту-волонтаристу, провозглашает с гордым видом: «раз кризис не находится в соответствии с моей теорией, противоречит ей, то тем хуже для кризиса, для фактов». Троцкий гордо игнорирует мировой экономический кризис, потому что кризис игнорировал троцкистскую теорию. Каждый сам по себе. Но это лишний раз подчеркивает банкротство всей экономической теории троцкизма, ее буржуазно-апологетический характер, прикрывающий и смазывающий реальные противоречия.

На примере «анализа» кризиса, данного Троцким в самом начале кризиса, видна действительная познавательная ценность экономической концепции Троцкого. Троцкизм стал авангардом контрреволюционной буржуазии, а его экономическая теория — теорией, усердно обслуживающей потребности и нужды буржуазии, идеологически ее вооружающей для борьбы с рабочим классом, с пролетарской революцией. При этом особенная ценность этой теории для буржуазии заключается в том, что она зачастую имеет по внешности очень «левый», очень «революционный» характер. Ближайший анализ показывает, как мы это видели выше, социал-демократический контрреволюционный характер этой теории.

Недаром Троцкий утверждал, что после войны капитализм не знает и не может знать периодических кризисов, очевидно вплоть до новой большой волны экономического под'ема, в которую он вступит, если не будет уничтожен в течение сравнительно небольшого исторического промежутка времени (15—20—30 лет) после мировой войны.

Мировой экономический кризис обрушился на мировую буржуазию и на троцкистов в одинаковой степени неожиданно. В то время как Коминтерн предвидел неизбежное наступление и приближение мирового экономического кризиса, а т. Сталин еще на XV съезде партии указывал на неизбежное и близкое наступление мирового периодического экономического кризиса, Троцкий отрицал возможность наступления большого экономического кризиса даже и тогда, когда он наступил, упорно долбил с возможности и вероятности в ближайшие месяцы экономического под'ема. Весь ход событий, весь процесс дальнейшего разворота и углубления кризиса блестяще опроверг установки Троцкого.

Против меньшевизма в рационализации

В. Исаков

Борьба за теорию социалистической рационализации приобретает все более острые формы. Разоблачение теорий, прикрывающих марксистскими терминами меньшевистствующий идеализм и механицизм, протаскивающих в работу по рационализации всякого рода буржуазные и мелкобуржуазные установки, является первоочередной задачей на фронте этой борьбы.

Настоящая статья посвящена критическому разбору концепции достаточно известного по своим работам в области рационализации О. А. Ерманского. Книга последнего «Теория и практика рационализации» (4-е изд.) требует особенно тщательного анализа, так как в ней мы находим, с одной стороны, протаскивание механистических взглядов в теорию рационализации, а с другой — ярко выраженный меньшевистствующий идеализм. Демагогически прикрываясь именем Ленина, Ерманский все еще продолжает отводить критику своих ошибочных теоретических установок со стороны коммунистов-рационализаторов. Поэтому прежде всего необходимо проанализировать высказывания Ленина о книге Ерманского и, исходя из них, развернуть критику позиций автора.

О книге Ерманского мы имеем три заметки Ленина. Их нужно будет напомнить и рассмотреть в хронологическом порядке, ибо только такой подход поможет нам разобраться в якобы существующем на первый взгляд «противоречии» в высказываниях Ленина, — противоречии, которое на самом деле является только видимым, ибо Ленин во всех трех заметках высказывает и подчеркивает по существу одну и ту же основную мысль.

Вот первый документ, в котором дается оценка работы Ерманского:

«Тов. Аванесов! Вчера я переговорил с т. Свидерским и убедился, что он тоже придает важнейшее значение «Отделу нормализации». Собрать литературу он поручил Ерманскому. Я немного сомневаюсь, выполнит ли удачно Ерманский. Он меньшевик, и в его книге видна некоторая злость (хотя книга все же хорошая)» (Лен. сб. т. VIII, стр. 89. Письмо к Аванесову от 1/IX 1922 г.).

Здесь прежде всего подчеркивается основное. Это — меньшевизм Ерманского, и, исходя из этого, Ленин сомневается, сможет ли Ерманский удачно выполнить порученную ему работу; «удачно» конечно не в смысле литературной обработки, это Ерманский умеет, а именно «удачно» в смысле идеологической выдержанности, в смысле полезности его работы для советской власти; вместе с тем отмечается, что книга его все же хорошая.

Приблизительно в это же время (конец августа — начало сентября) Ленин начинает писать о книге Ерманского рецензию «Ложка дегтя в бочке меда». Рецензия не закончена. В ней он пишет следующее:

«Г-н О. А. Ерманский написал очень полезную, очень хорошую книгу: «Научная организация труда и система Тэйлора»... В целом книга вполне

годится, по моему мнению, для того, чтобы быть признанной обязательным учебником для всех профшкол и для всех школ 2-й ступени вообще».

То, на что здесь в этой незаконченной рецензии Ленин обращает наибольшее внимание, вскрывается следующей фразой текста:

Научиться работать, это — теперь главная, действительно общенародная задача советской республики».

И поскольку книга Ерманского «дает нам подробнейшее изложение системы Тэйлора, при том, что особенно важно, и ее положительной и ее отрицательной стороны...», постольку Ленин считает книгу ценной.

Мы знаем, что Ленин, отмечая в системе Тэйлора «угонченное зверство буржуазной эксплуатации», вместе с тем рекомендует использовать то, что есть в этой системе из «богатейших научных завоеваний», для того, чтобы научиться работать. Следовательно, отмечая положительное в книге Ерманского, Ленин именно исходил из этого основного. Но самое название рецензии — «Ложка дегтя в бочке меда» — ставит перед нами вопрос, в чем же Ленин видел этот «деготь», не сказав о нем в рецензии.

Однако эта незаконченная рецензия не является последним высказыванием Ленина о книге Ерманского: через год Ленин снова возвращается к той же теме и дает исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос, подводя как бы итог своим прежним высказываниям о работах Ерманского.

В статье «Лучше меньше, да лучше» мы читаем:

«Объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого. В основу можно положить имеющуюся уже у нас книгу Ерманского, хотя он, в скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для советской власти» (т. VIII, ч. 2-я, стр. 130).

Что здесь подчеркивается Лениным как основное? Это опять-таки и прежде всего меньшевизм Ерманского, исходя из чего Ленин и считает Ерманского непригодным «для составления учебника, подходящего для советской власти». Вот это-то высказывание, являющееся итогом ленинских взглядов на работы Ерманского, имеет для нас глубоко принципиальное значение.

Говоря о меньшевизме, Ленин говорит прежде всего о меньшевизме в широком смысле этого слова, беря всю совокупность меньшевистской методологии, а мы знаем, что приблизительно в это же время, когда писалась статья «Лучше меньше, да лучше», Ленин пишет статью «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова), где далеко конечно не в первый раз дает характеристику основного в меньшевизме: «Решающего в марксизме они (меньшевики.—В. И.) совершенно не поняли: именно его революционной диалектики» (т. XVIII, ч. 2-я, стр. 117, изд. 1-е).

А не поняв этого «решающего в марксизме», они извратили марксистско-ленинское учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, активно борясь против Октябрьской революции и советской власти. Вот, исходя из этого основного, Ленин и подчеркивает, что Ерманский, как меньшевик, не может написать учебника, годного для советской власти. Меньшевистская методология его неизбежно скажется, а это как раз и есть именно то главное, что необходимо разоблачить в работах Ерманского.

I

Только исходя из ленинских позиций, возможно дать правильную критику «теории» Ерманского. Но прежде чем приступить к разбору теоретических построений автора, нам придется несколько отвлечься, обратившись к той развернутой критике враждебных марксизму философских течений, которую Ленин дал в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» (т. X, изд. 1-е). Необходимо это потому, что основа методологии

Ерманского целиком извлечена из реакционной философии, которую в свое время развивал А. Богданов, и сущность «теории» Ерманского нельзя понять, не зная философии Богданова, оказавшего значительное влияние на целый ряд рабстников в области рационализации.

А. Богданов, как известно, был крупным представителем так называемой эмпириокритической школы в философии, с которой Ленин вел жестокую борьбу как с прикрытым идеализмом. Богданов ввел чрезвычайно много схематических понятий в область вопросов организации, и многие теперешние уклон и ошибки в области теории рационализации восходят своими корнями именно к идеалистической философии Богданова. В вопросах методологии Ерманский является по существу последователем Богданова.

Богданов в своей теории в развернутой форме сформулировал законы «всеобщей организационной науки», пытаясь таким образом создать основы «учения о строительстве», или, как он это геллертерски называет, «тектологии», которая являлась бы всеобщей универсальной наукой, одинаково применимой и к организации предприятия, и к организации общественно-политической жизни, и к организации солнечной системы, — вплоть до строения атома и электронов.

Поможет ли нашим рационализаторам такая теория и можно ли применить на практике основы этой «всеобщей организационной науки»? Конечно, нет.

Здесь уместно будет вспомнить, как Энгельс (в «Анти - Дюринге») дал исчерпывающую критику таким теоретикам, которые из своей головы стремятся конструировать различные принципы—универсальные принципы всякого знания. Он писал: «...откуда берет мышление эти основные начала? Из себя самого? Нет... Логические схемы могут относиться только к формам мышления; здесь же дело только о формах бытия, внешнего мира, а этих форм мышление ни в коем случае не может творить и выводить из себя, но только из внешнего мира... Принципы оказываются не исходным пунктом, а конечным результатом исследования; они не привлекаются для приложения к природе и человеческой истории, а выводятся из них; не природа и царство человека направляются по принципам, а принципы правильны лишь постольку, поскольку они согласуются с природой и историей. Это — единственное материалистическое понимание дела, а противоположное, принадлежащее господину Дюрингу, идеалистично; оно ставит дело совершенно на голову и конструирует реальный мир из мыслей»... (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», изд. 1931 г., стр. 30). То же самое умозрительное построение теории мы видим у Богданова и его последователя Ерманского.

Для Богданова не существует объективного развития, идущего путем противоречий. Наоборот, вся его система построена на конструкциях, созданных чисто умозрительным путем, которые он затем пытается навязать объективно реальному миру, предписывая таким образом последнему сконструированные им самим «законы». Но это есть истейший идеализм. Вот как сам Богданов определяет значение своей универсальной науки — «тектологии»: «Она стремится систематизировать организационный опыт человечества в целом и выясняет самые общие организационные закономерности; при этом она поднимается до универсальных законов сочетания каких бы то ни было элементов. Для нее организация вещей, организация людей, организация идей — техника, экономика, идеология — лежит не в обособленных плоскостях, а выступает как структурные комбинации вообще. Это вполне аналогично тому, как для математика счет миров, атомов, единиц, энергии, людей, представлений является частным случаем счета вообще и подчиняется одним и тем же законам» («Труды I всероссийской конференции по НОТ», вып 1 — 2-й, стр. 9).

Развитие основ теории А. Богданова получило свое завершение в его «Всеобщей организационной науке» («Тектологии»), вышедшей в первом издании в 1912 г., где он, формулируя тектологический, т. е. универсальный, закон «системы равновесия», пишет: «Системой равновесия можно назвать такую, которая сохраняет свое данное строение в данной среде. Обычная иллюстрация—весы в их спокойном состоянии. Если на одну чашку их произведено давление, например положена гирька, то эта чашка начинает опускаться, а другая подниматься, и коромысло из горизонтального становится наклонным: структурное изменение. Но по мере того, как оно происходит, в самой системе возникает противодействие ему: чашка с гирькой падает с замедлением и только до известного предела, за которым начинается обратное движение, и после ряда колебаний устанавливается новое измененное равновесие, определяемое простыми механическими условиями» («Тектология», ч. 1-я, стр. 253, изд. 3-е).

Этот закон механики Богдановым распространен и на социальные явления. Сформулированные им «законы» стали, как известно, теоретическим оружием классовых врагов. Достаточно напомнить, какую роль играла «теория равновесия» в руках вредителей и правых оппортунистов. «Закон равновесия» является основным для буржуазных экономистов, которым конечно важно, хоть как-нибудь, «по-ученому», обосновать устойчивость и неизбежность капиталистического хозяйства. Так, в гуверовском двухтомнике специально целый раздел посвящен обоснованию этого закона: «Наша сложная и запутанная экономическая машина может производить, но для того, чтобы она производила непрерывно, ее необходимо сохранить в равновесии. В течение последних нескольких лет равновесие поддерживалось вполне удовлетворительно. Мы не теряли зря рабочих часов в забастовках или локаутах. Вплоть до недавнего времени мы не отвлекали сбережений из производительных отраслей в спекуляцию. Между экономическими силами было равновесие — несовершенное равновесие, но все же такое, которое позволяло сложной машине производить и служить нашему народу» (т. I, стр. 16, русск. изд.).

Сколько самохвальства и тупости в этой напыщенной буржуазной учености доктрине, выдуманной для того, чтобы скрыть истинную природу антагонистического процесса развития капиталистического хозяйства. Эту же теорию изо всех сил старались навязать нам и вредители, отражая этим самым классовую, буржуазную сущность своей идеологии. Начиная с первого идеолога и вождя вредительства Пальчинского, все вредители сходились на этой общей точке — «теории равновесия». Именно Пальчинский всегда особенно подчеркивал значение «равновесия» между производительностью и спросом. Широко пропагандируя у нас идеи гуверизма, он тщательно старался замазать их классовую сущность. Он писал, что обследованием потерь «не имелось в виду искать виновников устанавливаемых явлений» и вообще обвинять кого-либо, будь то «лицо, группа или класс» (статья Пальчинского в сборн. «Методика обследования промышленных предприятий», стр. 36).

Конечно смешно было бы думать, что капиталисты и их слуги — буржуазные экономисты и инженеры — станут искать этих «виновников», т. е. самих себя. И здесь-то на сцену и выплывает всеобщая для буржуазного идеолога спасительная идея «теории равновесия». На службе у буржуазии «закон равновесия» оказывается чрезвычайно гибким средством. Пальчинский доходил до смехотворных утверждений, что убытки из-за больших потерь в американской металлической и текстильной промышленности будто бы происходят оттого, что «здесь металлическая и текстильная промышленность являются антагонистами в отношении друг друга, какими они оказываются и в отношении своего значения в мировом хозяйстве и политике» («Методика обследования», стр. 43), в то время как этот антагонизм, возникший

в голове буржуазного идеолога, есть не больше, как отражение его слепого преклонения перед «законом равновесия», который он стремится накладывать на реальную действительность капиталистической системы хозяйства, раздираемой растущими противоречиями.

«Теория равновесия», направленная против темпов индустриализации, привела по существу к сближению взглядов правых оппортунистов и троцкистов с установками «трудовой крестьянской партии» и «промышленной партии» в вопросе о темпах индустриализации. Лидеры контрреволюционной партии — Огановский, Кондратьев, Юровский и др. — прямо говорили о том, что «теория равновесия» была руководящим принципом их контрреволюционной вредительской деятельности, являясь лучшим теоретическим орудием в борьбе против индустриализации.

Реакционность богдановской философии уже не приходится доказывать — она очевидна, и чтобы установить это, достаточно самого поверхностного знакомства с фактами, имевшими место в той ожесточенной классовой борьбе за последние годы, где знаменем борьбы в стане классовых врагов была «теория равновесия», «Закон наименьших» и вывод из него — «Равнение на узкие места».

Развивая «закон наименьших», Богданов писал: «... во всякой системе, состоящей из ряда взаимно необходимых звеньев, решающее значение принадлежит наиболее слабому звену. Например, если в экономике общества все отрасли нуждаются в железе, а производство железа упало ниже нормы, то все они вместе могут работать лишь в таком масштабе, на какой хватает добываемого железа, не более того» («Всеобщая организационная наука», ч. 1-я, стр. 274).

Это же по существу и до сих пор развивает в своей «теории» Ерманский. Он пишет: «Этот закон обыкновенно формулируется так: прочность цепи определяется прочностью ее слабейшего звена...» «Этот закон верен конечно не только для механических сил, но и для любого рода сил, находящихся между собой в сочетании, во взаимной зависимости или цепной связи...» «По поводу этого совершенно естественного, неоспоримого и весьма важного закона у нас недавно получилось досадное недоразумение. Кое-кто пытался истолковать закон цепной связи в смысле нарочитого минимализма в области социальной жизни, — в смысле требования того, чтобы приспособлять все передовые силы к отсталым элементам» («Теория и практика рационализации», стр. 320, изд. 4-е).

По Ерманскому, с законом «равнения на узкие места» получилось лишь «досадное недоразумение». Иначе говоря, закон верен, да его неправильно истолковали. Здесь Ерманский открыто встает на защиту основного тектологического «закона наименьших». Богдановская «тектология» — фундамент его теории рационализации.

II

Возьмем основной стержень «теории» Ерманского — принцип оптимума — и попытаемся проследить его родственную связь с «теорией равновесия» А. Богданова.

Что такое «принцип оптимума» и в какой связи он вытекает из «теории равновесия»? В своем исходном положении Ерманский рассуждает так: «Производственные процессы, как и все вообще виды деятельности человека, сводятся к взаимодействию различных сил природы и человека, который сам является составной частью природы. Рациональная организация производственных процессов имеет целью увеличить их полезный результат путем внесения изменений в существующее соотношение сил или элементов производства. Под силами мы тут должны понимать очевидно не только энергию

работающего человека, но и энергию, воплощенную во всех факторах производства: двигателях, станках, инструментах, зданиях с их оборудованием и пр. Здесь, стало быть, энергия может быть представлена в различных формах — механической, химической, физиологической и т. д.» (стр. 23).

Исходя из этого основного положения, согласно которому все сводится к энергии, Ерманский дальше строит всю свою систему взглядов. Может ли для нас быть приемлемо это исходное положение автора? Конечно, нет, ибо такая постановка вопроса означает, что Ерманский с самого же начала становится на точку зрения «энергетической» философии, которую Ленин в свое время подверг уничтожающей критике.

Посмотрим, как Ленин решал этот вопрос в своей критике «путаника», как он называл Оствальда, выдвинувшего понятие об энергии как основе всего существующего, подменяя ею материю. Вот что писал Ленин: «У Богданова его философские злоключения начались собственно раньше его знакомства с Махом, начались с тех пор, как он поверил крупному химику и мелкому философу — Оствальду, будто можно мыслить движение без материи» (Ленин, т. X, стр. 225). Далее Ленин приводит цитаты из Оствальда и Богданова. На стр. 394 «лекций» Оствальда читаем: «Все внешние явления могут быть изображены как процессы между энергиями, это обстоятельство проще всего объяснить тем, что именно процессы нашего сознания сами являются энергетическими и таковое свое свойство передают (aufprägen) всем внешним опытам» (Ленин, т. X, стр. 227 — 228). «Материал мира для нее (энергетики Оствальда) безразличен; с ней вполне совместим и старый материализм и панпсихизм», т. е. философский идеализм. И Ленин тут же добавляет: «Богданов пошел от путаной энергетики не по материалистической, а по идеалистической дорожке» (Ленин, т. X, стр. 229).

Таким образом Богданов превратил понятие энергии в «чистый символ», что сделал вслед за ним и Ерманский, который, принципиально разделяя точку зрения Оствальда, пишет: «Всем известен оствальдовский «энергетический императив», гласящий: «Не расточай энергию, а используй ее». Императив явно неполный и неточный, он требует существенного дополнения: «Используй ее по принципу оптимума» (О. А. Ерманский, «Теория и практика рационализации», стр. 46).

И как мы увидим потом, энергия для Ерманского действительно превратилась в фетиш — на этом фундаменте он строит всю свою теорию, механистически перенося законы физики в социальную область трудовых и производственных процессов.

«Принцип оптимума» и все другие основные «принципы» своей «теории» Ерманский, так же как и Богданов, толкует тектологически, т. е. как универсально-применимые на всякий случай жизни. Здесь в построении формально-логических схем кроются методологические корни меньшевистского идеализма всей системы взглядов Ерманского, являющейся несовместимой с диалектическим материализмом. Ерманский все время прикрывается, как в свое время делал и Богданов, «марксистскими» терминами. Вы часто встретите у него ссылки на Маркса, Ленина, но мы знаем, что многие очень часто клялись марксизмом и ленинизмом, протаскивая вместе с тем антимарксистские взгляды в науку и общественной жизни. Если же вдуматься в сущность его системы, то видно будет, что она ничего общего не имеет с марксизмом и своими корнями уходит в эмпириокритицизм Маха и Авенариуса.

Положив в основу своей теории в качестве важнейшего принципа «принцип оптимума», Ерманский предлагает его в качестве единственного критерия при разрешении всякой конкретной рационализаторской задачи. Во всей своей «теории» он развивает этот принцип в качестве одного из универсальных. По Ерманскому получается, что если вы не следуете всюду прин-

ципу оптимума, то тем самым вы поступаете нерационально. Он неоднократно подчеркивает, что «без принципа оптимума нет подлинно научной организации труда, «принцип оптимума» является стержнем проблемы рационализации» и т. д. («Теория и практика рационализации», стр. 39—40).

Что же такое «принцип оптимума» по Ерманскому? Приведем одну из формулировок самого автора: «Принцип оптимума требует, чтобы наименьшее количество энергии тратилось на каждую единицу полезного результата». Ерманский дает при этом математическую формулировку своего закона в виде формулы:

$$\frac{R}{E} = n,$$
 где числитель R должен означать затраченную энергию (в калориях), а знаменатель E — полезный результат (в килограммах). Отношение этих двух величин дает показатель n , который в данном случае должен быть наименьшим. Задачей рационализатора является отыскать наилучший из всех показателей, его-то Ерманский и называет «оптимумом», предлагая в качестве критерия рациональности. Внешне получается стройная схема, но это только схема.

Схематическое мышление всегда являлось неотъемлемым свойством всякой механистической и меньшевистско-идеалистической теории. Ленин в своей книге, направленной против реакционной философии «эмпириокритицизма», уже в свое время дал исчерпывающую критику принципа экономии сил, или, как называет его Ерманский, принципа «оптимума».

Интересно отметить, что формулировка этого принципа у Ерманского по существу своему совпадает с формулировкой русских махистов. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин приводит эту формулировку: «В градации законов, регулирующих мировой процесс, частные и сложные законы сводятся к общим и простым, — и все они подчиняются универсальному закону развития, — закону экономии сил. Сущность этого закона состоит в том, что всякая система сил тем более способна к сохранению и развитию, чем меньше в ней трата, чем больше накопление и чем лучше трата служит накоплению. Формы подвижного равновесия, издавна вызывающие идею объективной целесообразности... обращаются и развиваются именно в силу сбережения и накопления присущей им энергии — в силу их внутренней экономии. Закон экономии сил является объединяющим и регулирующим началом всякого развития неорганического, биологического и социального» (Ленин, т. X, стр. 280 — 281, изд. 1-е). Есть ли у Ерманского по существу какое-нибудь расхождение с этой формулой? Конечно, нет. Мы уже показали, что Ерманский центральное место в своей методологии отводит «принципу оптимума», который есть не что иное, как стержневой всеобщий принцип, сформулированный на основе универсального «закона экономии сил».

Сам Ерманский говорит об этом в своей другой, более ранней книге — «Научная организация труда и система Тэйлора». Вот что он пишет: «Рациональная организация ведет к одному: с наименьшей затратой достигаются наибольшие результаты, осуществляется принцип всякой организации — экономия сил» (Ерманский — «НОТ и система Тэйлора», стр. 15, изд. 4-е). Правда, Ерманский в своих последних работах дал несколько другую формулировку принципа «оптимума», но по существу формулировка осталась той же самой, что была и раньше.

Установив природу этого универсального принципа, весьма родственную реакционной философии эмпириокритицизма, перейдем к той уничтожающей критике этого «закона», которую в свое время дал Ленин и которую целиком можно отнести и к этому стержневому принципу «теории» Ерманского. Ленин писал: «Замечательно легко пекут «универсальные законы» наши «позитивисты» и «реалисты»! Жаль только, что законы-то эти ничуть не

лучше тех, которые так же легко и быстро пек Евгений Дюринг. «Универсальный закон» экономии сил, по меткому определению Ленина, — «такая же бессодержательная напыщенная фраза, как и универсальные законы Дюринга. Попробуйте применить этот закон к первой из трех указанных автором областей: к неорганическому развитию. Вы увидите, что никакой «экономии сил» по м и м о закона сохранения и превращения энергии сюда применить и притом «универсально» применить вам не удастся... Возьмите вторую область развития — биологическую. Универсален ли здесь, при развитии организмов путем борьбы за существование и подбора, закон экономии сил или «закон» расхищения сил? Не беда! Для «реально - монистической философии» можно понимать «смысл» универсального закона в одной области так, а в другой иначе, например, как развитие высших организмов из низших. Нужды нет, что универсальный закон становится от этого пустой фразой, — зато соблюден принцип «монизма». А для третьей области (социальной) можно в третьем смысле понимать «универсальный закон», как развитие производительных сил. На то и «универсальный закон», чтобы под него можно было подвести что угодно» (Ленин, т. X, стр. 281—282, изд. 1-е).

Когда перечитываешь эти строчки, написанные Лениным еще в 1908 г., го невольно поражаешься глубине его мысли, которая и сейчас служит для нас самым острым оружием в борьбе с механистически-идеалистическими теориями, букетом, расцветающим в частности в нашей рационализаторской литературе.

Сказанного достаточно для того, чтобы видеть всю несостоятельность теории, в основу которой положен так называемый «принцип экономии сил», или, говоря терминами Ерманского, «принцип оптимума». Ерманский в своей теории рационализации часто хочет опираться на Маркса, выдать себя за марксиста. Но слова Ленина и сейчас каленым железом жгут эту идеалистическую меньшевистскую болтовню. Ленин писал: «Нет, Маркс не клал в основу своей теории никакого принципа экономии сил. Это—пустяки, придуманные людьми, которым не дают спать лавры Евгения Дюринга. Маркс дал совершенно точное определение понятию роста производительных сил и изучал конкретный процесс этого роста» (Ленин, т. X, стр. 382, изд. 1-е).

III

Посмотрим, как Ерманский предлагает практически применить его «принцип оптимума» в конкретной области установления научно обоснованных норм выработки в производстве. Несмотря на то, что сами физиологи признают, что они еще недостаточно глубоко проникли в изучение трудового процесса и сейчас делают только первые шаги к более широкому применению методов физиологии в производстве в виде опытов, Ерманский требует выбросить из употребления при определении норм хронометраж и применить методы, добытые лабораторными исследованиями физиологов. Но было бы практически невозможно и с методологической точки зрения неправильно механически переносить лабораторные выводы в производственную практику и проводить рационализацию, руководствуясь универсальным принципом всякой организации — «принципом оптимума». Ерманский же всю свою критику методов нормирования, применяемых в практике у нас, строит именно на этом своем основном коньке «физиологического оптимума», и на данных, которые получались в результате лабораторных исследований физиологов, пытается сорвать практическую работу по нормированию.

В среде самих специалистов по психо - физиологии сейчас идет принципиальный спор о научной значимости работ Амара, Ацлера и других исследователей, рассматривающих человека исключительно как машину, которых так усиленно пропагандирует Ерманский. У нас же в среде физиологов пробивает себе дорогу новая струя, направляющая работу на путь диалектиче-

ского материализма в области физиологии как на единственный научный путь. По Ерманскому же получается так, что современная физиология уже настолько совершенна, что мы можем сейчас же приступить к проведению методов нормирования на основе физиологических экспериментов. Он встает на путь открытой борьбы против методов нормирования, которые мы практически применяем и вынуждены будем применять в нашей промышленности потому, что нам нельзя дожидаться, когда научные лаборатории, изучающие труд, дадут практические методы более научного совершенного нормирования. Ерманский уверяет и доказывает, будто бы эти методы уже есть, не считаясь с тем, что эти методы даже в среде специалистов - физиологов труда встречаются серьезную критику. Ни в какой мере не отрицая значения физиологии для изучения процессов труда, следует отметить, что исследования физиологов Амарэ, Ацлера и других в условиях капиталистического способа производства направлены к тому, чтобы выжать больше прибавочной стоимости как источника прибыли капиталиста. Это действительно опрокидывает всякие моральные и физические границы рабочего дня путем чрезмерной интенсификации труда. Все эти исследования имеют большой интерес в том, что на них как нельзя лучше можно было бы, критически подходя к вопросу, показать эксплуататорскую сущность всякой науки при капитализме, в том числе и психо-физиологии. «Теория» Ерманского, наоборот, не стоит в противоречии с выводами Ацлера и других буржуазных физиологов. Напротив, сам Ерманский восторгается «научными» достижениями буржуазных физиологов, идет дальше по этому пути и фетишизирует оптимум использования физиологической энергии, отрывая работу человека от исторически данных специфических общественных условий.

Одна из реакционных сторон всех буржуазных физиологических «теорий» — в том, что в них человек рассматривается как машина. Под этим флагом пытаются протащить идею о приспособлении законов развития машины к законам развития организма человека. Работа Ацлера и проповеди Ерманского таким образом через исследования работы «верчения колеса» тащат нас назад к ремесленничеству, где действительно господствующим принципом является «субъективный принцип», который на первой ступени развития машины продолжительное время сковывает развитие самой машины, что Маркс показал на примере пудлингования. Он писал: «Рабочий пудлинговщик, занятый тем, чтобы освободить чугун от углерода, должен выполнять ручной труд такого рода, что величина печи, которую он в состоянии обслуживать, ограничивается его личными способностями, и эта граница задерживает в настоящее время (1874 г.) тот изумительный подъем, который начался в металлургической промышленности с 1780 года, со времени изобретения пудлингования» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 637, изд. 1920 г.). Этот классический исторический пример, показывающий ярко ограниченную личную способность рабочего, достаточно убедительно показывает всю нелепость якобы научных исследований физиологов типа Ацлера, которые проповедывает Ерманский, подчеркивая их «практическое» и особенно «методологическое» значение для «нормирования различных работ» и даже для установления «наиболее рациональных условий производства тех или иных видов работы» (Ерманский, «Теория и практика рационализации», стр. 63, изд. 4-е). Заметим лишь кстати, что история сыграла злую шутку над «ученым» профессором Ерманским, который, выступая в свое время против т. Гастева, особенно обрушиваясь на его ремесленнические установки, сам с другого конца подошел с той же ремесленнической идеологией, которую он прикрыл фиговым листком «научных методов», позаимствованных у Ацлера, тогда как т. Гастев усиленно заговорил о машине.

Нашим физиологам при постановках их опытов на предприятиях приходится часто сталкиваться с возражениями против применяемых ими мето-

дов лишь потому, что где-то Ерманский, читая лекции, говорил другое. Конференция физиологов, созванная НОТ, заслушав специальный доклад и подвергнув критике научно-методологические основы физиологической школы рационализации — школы Амара, Ацлера, и «теорию» Ерманского вынесла следующую резолюцию: «Конференция, отмечая факт широкого распространения «теории» Ерманского среди рационализаторов, работников по НОТ и физиологии труда, считает необходимым особенно подчеркнуть не только ее ненаучность, выражающуюся в сведении человека к машине и в подчинении социальных закономерностей биологическим, но и ее реакционность, которая на практике приводит к ограничению возможностей повышения производительности труда фетишизированным «оптимумом» и становится препятствием для развития ударничества и соцсоревнования, «снимающих» чисто биологический, а тем более механический подход к «оптимальным» условиям организации труда». Международная психо-техническая конференция в Москве также осудила подобные механистические взгляды физиологов, рассматривающих человека как машину.

Эту оценку, данную неоднократно авторитетными и компетентными коллективами специалистов по психо-физиологии, конечно можно противопоставить «теории» Ерманского, который и сам когда-то в предисловии к первому изданию своей книги «НОТ и система Тэйлора» откровенно писал, что в его работе ему не раз приходилось выходить «за пределы своей компетенции» как экономиста. «В особенности,—писал он,—пришлось серьезно остановиться на вопросах физиологии и психологии труда. Конечно у меня в этой специальной области психо-физиологии процессов труда окажутся ошибки. Не беда, — их укажут и исправят компетентные специалисты». Но вот уже и в 1931 г., после целого ряда изданий своей книги, Ерманский все же не считает необходимым сознаться и исправить свои ошибки и даже больше того, — чтобы подкрепиться авторитетом физиологов, он в своем четвертом издании неоднократно ссылается на тот же научный Институт охраны труда. Приведенный выше пункт из резолюции конференции, созванной этим институтом, дает вполне достаточную отповедь Ерманскому.

Сделав себе из этих реакционных теорий оружие в борьбе с нашей политикой нормирования и клеймя знахарством все то, что не согласуется с предлагаемыми им методами, Ерманский навязывает свой принцип оптимума, отвлекаясь от тех конкретных задач, которые мы себе ставим.

Ерманский провозглашает, что «рациональная организация не есть теория, побуждающая нас во что бы то ни стало выгонять елико возможно больше продукции. Рациональная организация не есть также теория ничего неделания, лодырничания, побуждающая тратить поменьше энергии. Нет, рациональная организация есть теория наилучшего оптимального использования видов энергии, всех факторов производства». И дальше Ерманский говорит о том, что «руководящим принципом рациональной организации служит принцип оптимума. Для выполнения его требования не годится обывательская мудрость, упирающаяся в хищнический лозунг выкачивания максимума продукции, либо в лозунг мешанской экономики минимального расходования сил, либо в самое вредное соединение обоих лозунгов» («Теория и практика рационализации», 1931 г., стр. 39, изд. 4-е).

Вот, оказывается, в чем дело! Максимальные темпы и максимальные нормы, которые выдвигают наши ударники, все это, по Ерманскому, не больше не меньше, как «обывательская мудрость». Это всегда так бывает, когда подобного рода «ученые» мужи приходят возвещать миру сконструированные ими у себя в голове «принципы». Это же случилось и с Ерманским. Вот здесь особенно ярко проглядывает та меньшевистская злостность, о которой предупреждал Ленин. Но обратимся непосредственно и к тому «научному фун-

даменту», на котором Ерманский обосновывает свою теорию. Обратимся непосредственно к Амару, автору книги «Человеческая машина».

Физиолог Амар производил свои опыты над рабочим, работающим на тормозном велосипеде. Это было приспособление, напоминающее велосипед, на котором рабочий должен производить работу, преодолевая сопротивление тормоза. При этом определялась механическая работа, произведенная данным рабочим, и одновременно методом газообмена устанавливался расход энергии работающего, а затем высчитывался коэффициент полезного действия, т. е. «коэффициент производительности».

Амар дает определение, что «производительность есть отношение произведенной машиной механической энергии к энергии израсходованной». Конечно такое определение при первом же его рассмотрении выявляет всю свою несостоятельность. Об этом нам говорят даже те цифры, которые приводит Амар как результат своего опыта. Приведем их здесь.

Скорость (в мин.)	Работа (в кг/м).	Чистая производительность (в %/%)
70 ударов педали	32.079	25,10
I 80 " "	38.592	26,7
90 " "	48.481	28,4
90 " "	66.661	30,6
II 100 " "	71.636	25,8

Амар производил этот опыт при различных скоростях работы, т. е. ускоряя работу велосипедиста каждый последующий час. Сначала он взял 70 ударов в минуту, затем 80 ударов, 90 ударов и 100 ударов в минуту. В зависимости от этого изменялся и коэффициент полезного действия. При 70 ударах в минуту коэффициент полезного действия получался 25,10 (отношение затраты энергии в калориях к произведенной работе в килограммометрах), при 80 ударах — 26,7 (повысился), при 90 ударах — 28,4 и второй раз при 90 ударах получился 30,6, а при 100 получилось опять падение до 25,8. Таким образом мы видим, что наилучший коэффициент полезного действия получается с точки зрения расхода энергии, при скорости 90 ударов—он достиг до 30,6, а потом, когда в ускорении темпов работы перешли известную степень (90 ударов), сразу получился скачок вниз, так как коэффициент полезного действия при 100 ударах оказался почти таким же, как и при 70 ударах.

Значит, интенсивность, или «производительность», по Амару, можно повышать только до известного предела, но где этот предел? По Ерманскому, он получается равным 90 ударам. Взяв ряд коэффициентов полезного действия — 25,1 — 26,7 — 30,6 и 25,8, он провозглашает, что работа будет самой рациональной при 90 ударах, т. е. берет один наиболее выгодный коэффициент с точки зрения расхода энергии на единицу полезного результата — 30,6, который и является по его определению «оптимумом». Но результаты опыта даже в том их виде, как они получены Амаром, уже наводят на мысль о том, что при одинаковой интенсивности труда, под которой Амар понимает «чистую производительность», получается совершенно различный результат работы, выраженной в килограммометрах. В первом случае при 70 ударах в минуту работы получается 32 079 килограммометров, а при 100 ударах — 71.636 при почти одинаковом коэффициенте полезного действия, т. е. отношении количества полезной работы (R) к количеству расходуемой энергии в калориях (E). Здесь более производительной с точки зрения полезного результата оказалась как раз большая скорость работы в сравнении с меньшей скоростью, а интенсивность осталась почти неизменной.

На самом деле, применяя эти расчеты в производстве, кому придет в голову получать результат, равный 32.079 килограммометрам работы, когда при том же почти коэффициенте расходования энергии на единицу полезного результата можно получить 71.636 килограммометров, иначе говоря, увели-

чить производительность в 2,3 раза. Пусть даже по Ерманскому это будет и «обывательской мудростью». Да и в пределах «оптимальной» скорости в 90 ударов мы видим все же значительное колебание: при первом опыте при скорости в 90 ударов «чистая производительность» дает показатель 28,4 проц., а во втором — 30,6 проц. Это получилось при одном и том же испытуемом рабочем. А если этот опыт применить в производственной практике, то прежде всего потребовалось бы очень много испытаний, чтобы установить желаемый Ерманскому «оптимум» для каждого рабочего, но и установив таковой, мы бы очевидно столкнулись с тем, что этот «оптимум» не есть какая-то постоянная величина, а следовательно и его научное и практическое значение для нормирования было бы весьма сомнительным. Здесь основная ошибка Ерманского заключается в той путанице, которую он внес в вопрос о производительности и интенсивности труда, отождествляя скорость работы с напряженностью, т. е. интенсивностью («скорость, или что то же — напряженность работы». «Теория и практика рационализации», стр. 72). Как мы видели даже и из опыта работы на тормозном велосипеде, скорость и интенсивность отнюдь не одно и то же. Из приведенного примера очевидно, что напряженность труда, или, по Ерманскому, количество энергии на единицу полезного результата в единицу времени, оказалась почти одинаковой в 1-м и 5-м испытаниях (25,1 проц. и 25,8 проц.), тогда как скорость или, правильнее, количество ударов в минуту при этом было в первом случае 70, во втором 100. Конечно это отнюдь не означает, что это одно и то же, но все же из тех данных, которые приводятся у Амара, нельзя было сделать тех выводов, которые сделал Ерманский. Подобный этому же пример получился с Ерманским в его анализе работ физиолога Ацлера. Но об этом уже писалось (см. И. М. Бурдянский, «Против механицизма в рационализации», стр. 22).

IV

Ерманский кичится тем, что он придумал «научный критерий рациональности» в виде физиологического оптимума, который он предлагает положить в основу нормирования. Но этот «критерий» рациональности он рассматривает вне времени и пространства. О том, что время и пространство отнюдь не играют последней роли, а во многих случаях являются решающими моментами, он забывает или умалчивает.

Вот что он пишет в своей книге: «Коренной порок подавляющего большинства всех вообще книжек, трактующих этот круг вопросов, в том и состоит, что они не имеют ответа на вопрос: что является критерием рациональности работы? Вернее, они молча принимают за такой критерий либо время либо пространство, т. е. формы бытия, жизненных явлений, а не их суть. Суть же всех жизненных явлений, в том числе и трудовых процессов, составляет взаимодействие сил, их то или иное сочетание и использование» («Теория и практика рационализации», стр. 146).

Для Ерманского время и пространство — формы, рассматриваемые им в отрыве от тех процессов, которые являются их содержанием (трудовые, производственные процессы и т. д.). Упрекая рационализаторов за то, что они пользуются временем и пространством как критерием рациональности и поэтому имеют «неправильный» критерий, как говорит Ерманский, он сам выпрыгнул из пространства и времени, забыв очевидно, когда и для кого он пишет свою книгу.

Споткнувшись на этом вопросе, Ерманский делает и дальнейшие свои ошибки, отвлекаясь от исторического процесса развития и его социальной сущности. Он пишет, что «по существу можно трудовую теорию стоимости

Маркса изложить в энергетических терминах. В основе стоимости лежит расход энергии» (стр. 147). Допуская далее, что при капиталистическом способе производства «продолжительность времени рабочих процессов играет большую роль,—прежде всего в отношении скорости оборота капитала», признавая, что для капиталиста «удлинение времени производственных процессов равносильно увеличению накладных расходов», Ерманский все же для наших условий отвергает это, говоря, что «грубейшей ошибкой было бы сделать продолжительность времени рабочей операции критерием ее рациональности». Вдумайтесь, что означает такая «теория». Не сводится ли она к тому, чтобы подвести «научную» базу под оправдание минималистских темпов работы. Хотя Ерманский пытается застраховать себя от подобного обвинения, говоря, что он не признает «лозунга мещанской экономии, минимального расходования сил», но это только на словах, а на деле именно эта «научная» теория может послужить «символом веры» для каждого оппортуниста, которому тоже равным счетом наплевать на пространство, время и наши темпы. Для Ерманского безразлично (а может быть и не безразлично), будет ли выполнен наш план в намеченный срок.

Для Ерманского неважно, скоро ли мы осуществим задачу «догнать и перегнать», в 5, 10 или 100 лет, а важно, как мы ее будем осуществлять—по оптимуму или по максимуму. Для капиталистов он допускает максимум — им можно, для нас же он рекомендует «оптимум», уверяя, что это единственный принцип рационального хозяйствования.

Вводя целый ряд улучшений в процессы работ, американцы, как известно, пользовались в качестве критерия рациональности «кратчайшим временем». Конечно «человеческое представление о пространстве и времени относительно», и на этой основе рождалась система «потогонщины», но из этого никак нельзя было делать выводы, которые делает Ерманский, когда он говорит, что как «время не может служить критерием рациональности трудовых процессов, так им не может служить и пространство» (стр. 148). Нельзя забывать здесь классовой стороны вопроса и говорить о какой-то бесклассовой рационализации, о какой-то «рационализации вообще».

Чтобы показать нелепость такого утверждения, возьмем пример из производственной практики Тэйлора. Тэйлор установил, что для каждого вида работы требуется соответствующая лопата, так как при подеме груза, который берется на лопату, вес груза не должен быть произвольным, т. е. слишком малым или большим. Если этот груз превышает определенный вес, то работа производится не так быстро, а следовательно и не так производительно; например, если возьмем железную руду, то далеко не все равно, будем ли мы нагружать ее небольшой лопатой или большой, которой можно наваливать материал более легкий, чем руда, например снег. Конечно производительность при различных лопатах будет разной. Значит каждой работе должна соответствовать определенная лопата. Будем ли мы иметь дело с рудой, с углем, песком и т. д., нам нужно определить, какая лопата нужна для этой работы. Нормальную лопату для каждой данной работы Тэйлор определял конечно не на основе физиологического оптимума, а на основе изучения ряда моментов, в том числе и времени, и поэтому смешно отрицать, является ли время критерием рациональности.

Сам Ерманский считает, что Тэйлор и Гильберт поступали рационально, точь в точь по оптимуму, когда они применяли при работе «определенную» нормализованную лопату для каждого различного рода работ. Тэйлор например установил, что наилучшей лопатой будет такая, на которую рабочий сможет положить 21 фунт груза, и поэтому для различного рода работ имел 11 лопат. Гильберт ввел в употребление при кладке кирпича также специально «нормализованную» лопатку, которая служила для того, чтобы

поднять на стену раствор для 21 кирпича, не погружая каждый раз лопатку в цементный раствор.

Или возьмем другой пример. Сколько бы мы ни давали удобрения земле, мы должны давать его в таких количественных соотношениях, при которых применение его дает наибольший результат. Если например земля требует больше фосфора, а мы даем азот, то конечно этим мы не улучшим плодородия земли. Точно так же, давая фосфор, мы должны давать его в определенном количестве. Если мы станем принимать порошки, которые врач рекомендует принимать в определенном количестве, по 10 порошков зараз, то этим мы не повысим качества лечения, а скорее получим обратный результат.

Никто конечно не собирается отрицать практическое значение принципа оптимума, возможности его применения для разрешения той или иной рационализаторской задачи. Но в практической работе, в технических и в экономических расчетах мы не можем применить «оптимум» по какой-то раз навсегда установленной формуле. Мы рассчитываем например оптимальный вариант пятiletки, отнюдь не равняясь на низкую производительность и интенсивность труда. Не то получается у Ерманского, для которого принцип «оптимума» — всеохватывающий, универсальный закон, единственный научный принцип рационализации. Для своих доказательств он по-своему истолковал результаты лабораторных опытов буржуазных физиологов и открыто выступает и «научно доказывает», что мы неправильно организуем труд, когда сознательно делаем ставку и на высокую интенсивность. Ерманский не стесняется делать выводы, которые не сделали, да и не могли бы сделать, сами физиологи, так как полученные ими результаты отнюдь не говорят в пользу оптимальной интенсивности, по Ерманскому.

Некоторые товарищи отрицают положение, что принцип оптимума взят Ерманским из арсенала богдановской тектологии и что этот принцип — «оригинальное» произведение самого автора. Это неверно. Правда, в системе Богданова мало говорится о принципе оптимума, но если взять стержень его теории, а именно — закон «равновесия», то принцип «оптимума» — винтик этой системы.

Существование какого-то «оптимума» как основного принципа организации, на котором строится «равновесие» всей системы, еще ранее Ерманского провозгласил именно А. Богданов. Мы читаем у него: «Если дезорганизующие противоречия возникают из расхождения частей системы, то ослабить или устранить их может то, что уменьшает или уничтожает это расхождение», «чем слабее расхождение, тем менее энергична перестройка и тем меньше она способна дать новых организационных комбинаций, новых приспособлений. Очевидно, должен существовать некоторый «оптимум», т. е. наилучшее соотношение» («Очерки всеобщей организационной науки», стр. 153, 162, изд. 1921 г., Самара).

Богданов был последовательным идеалистом, а Ерманский, и до сего дня не сознаваясь, что он ортодоксальный богдановец, продолжает рекламировать свои «основные принципы рационализации», представляющие лишь жалкие осколки богдановской тектологии. «Теория» Ерманского, схематически построенная на надуманных, вымышленных, универсальных организационных принципах, якобы «монистических» вечных законах, является теорией, насквозь реакционной, объективно становится орудием в руках врагов революционного пролетариата. Эта «теория» тем опаснее, что она внешне прикрыта марксистской фразеологией, в то время как ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет.

Ерманский счел за благо на I всероссийской конференции НОТ сказать несколько туманных слов о теории Богданова. В заключительном слове Ерманского мы читаем: «Повторение той несомненной истины, что в социальной организации целое больше, чем сумма составляющих ее частей, звучит на настоящей конференции как что-то безжизненное. Оно лишь затушевывает стоящую у нас на очереди задачу и ни на шаг не подвинет вперед дела конференции» («Труды конференции НОТ», 1931 г., стр. 57, вып. 1-й). Непонятным на первый взгляд кажется, каким образом эта, хотя и несомненная, но «безжизненная» истина стала все же одним из основных принципов теории Ерманского, которую он повторяет вот уже в течение десяти лет. В 4-м издании книги «Теория и практика рационализации» он приводит этот принцип как основной и формулирует так: «Основной закон организации... гласит: организационная сумма больше арифметической суммы сил, ее составляющих» (стр. 26). Многогое непонятное становится ясным при рассмотрении в историческом разрезе. Помня слова Ленина о том, что нет беспартийной, бесклассовой науки, мы задаем себе вопрос: откуда растет идеология Ерманского? Ответ можно найти в его прошлой политической деятельности.

V

В период ожесточенной борьбы пролетариата против самодержавия Ерманский (меньшевик-ликвидатор) выявил себя самым услужливым агентом буржуазии, а сейчас, в период диктатуры пролетариата, он хочет показать себя самым услужливым рабочелюбцем.

По вопросам рационализации Ерманский стал писать лишь в начале революции. В его первой книге «Система Тэйлора», появившейся в 1918 г., он подверг обстоятельной критике эту систему. Но, как мы уже знаем, критику этой системы начал у нас не он, а другие авторы, и прежде всего Ленин в своих статьях, относящихся к 1913 и 1914 гг. Однако Ерманский в своей критике исходил не из этих статей Ленина, а из положений, высказанных еще в 1913 г. тем же А. Богдановым в его брошюре «Между человеком и машиной» (о системе Тэйлора).

В критике системы Тэйлора, которую дает Ерманский, мы находим полемику, по существу своему острейшую направленную против высокой интенсивности труда в период строительства социализма. Учась по Ерманскому, мы не в состоянии были бы выполнить указания Ленина о том, что нам надо изучать систему Тэйлора, приспособлять ее к советским условиям, взяв из нее все то хорошее, прогрессивное, что в капиталистическом обществе не могло найти своего полного применения.

Например Ерманский, рассматривая сдельную оплату и премиальную систему как отрицательные стороны тэйлоризма, продолжает борьбу против этих форм и в наших условиях. В своей книге «Теория и практика рационализаций» он пишет: «Приходится учесть тяжелое недавнее положение нашей государственной промышленности и преобладающее участие деятелей старой формации, сложившейся в условиях дореволюционной эксплуатации труда, в управлении нашими промышленными предприятиями. Это обстоятельство создает положение, в котором кроется опасность направления сдельной формы зарплаты и у нас в сторону чрезмерной интенсификации труда» (стр. 186). Ерманский по-меньшевистски изобразил природу нашего управления. У него получается так, что в нашем государственном аппарате «преобладающее значение имеют люди «старой формации», т. е., иначе говоря, эксплуататоры, которые стремятся к «чрезмерной интенсификации труда», и что они как будто бы определяют нашу политику.

Ерманский, механически разорвав систему Тэйлора на две ее стороны, берет только одну сторону как безоговорочно приемлемую в наших условиях и совершенно отбрасывает другую, продолжая с ней борьбу, невзирая на конкретные условия и формы, в которых она проявляется.

Интенсификация труда в условиях капиталистического способа производства и труд в условиях социалистического способа производства — это не одно и то же. Этого упорно не хочет понять Ерманский. Как «положительную», так и «отрицательную» сторону тэйлоризма в форме ее капиталистического применения мы одинаково не приемлем, так как должны рассматривать эти две стороны в их развитии, в их живой связи.

Разрабатывая теорию социалистической рационализации, мы не мыслим себе создания ее по каким-то кусочкам, взятым из различных систем, хотя бы даже это и были их «положительные» стороны. Здесь необходим анализ той конкретной действительности в ее историческом развитии, в которой создавались, применялись и развивались эти «системы». Если Ерманский, развивая свою теорию, рекомендует отказаться от сдельных плат и применения систем премирования (хотя он об этом прямо не говорит, но это целиком вытекает из его критического разбора «отрицательных» сторон тэйлоризма), то другое мы видим в работах Ленина. По этому вопросу он в 1918 г. в статье «Очередные задачи советской власти» писал: «На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д...

Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее» (т. XV, стр. 209, изд. 1-е).

Не случайно, что Ерманский, прикрываясь борьбой против тэйлористов, в данный момент по существу борется против генеральной линии нашей партии. Он до сих пор видит у нас опасность «чрезмерной интенсификации» техническим и экономическим путем. Он не хочет считаться с тем, что пролетариат, встав у власти, совершенно по-новому, как подчеркивал Ленин, ставит вопрос об организации труда, создавая совершенно новые формы этой организации.

Почему мы должны работать менее интенсивно, чем нас заставляли когда-то под палкой капиталисты и помещики? Почему германские, американские и другие наши товарищи-рабочие, которые работают не на себя, а на капиталистов, должны работать больше, чем мы, а наши рабочие, став истинными хозяевами своего производства, должны работать менее интенсивно? Откуда это вытекает? Из принципа «оптимума» Ерманского? Какова цена такому принципу, который оказывает услугу нашим классовым врагам? В борьбе за социализм рабочие уже достаточно показали, что они умеют поднять на такую высоту свой трудовой энтузиазм, о котором и мечтать не могут в странах капитализма. И в то время когда пролетариат решает свою историческую задачу, вокруг него ходит Ерманский — знаток и теоретик рационализации — и заботливо предупреждает: «интенсификация труда — враг рациональной организации» или «конечно, можно и повышенную в сравнении с нормальной интенсивность выдержать в течение некоторого более длительного (но не очень продолжительного) времени. Можно, но с каким результатом? Первый результат будет — разрушение здоровья рабочих; второй — увеличение количества несчастных случаев при работе; третий — понижение качества продукции» («Теория и практика рационализации», стр. 187). А где доказательства, что это имеет место у нас в СССР? Ведь уже четвертый год пошел, как написаны эти строки. Никто не станет отрицать, что интенсивность труда у нас сейчас не ниже, чем в 1924 г., а

где же подтверждение всех тех пророчеств, которые изрекает Ерманский? В 1931 г., выпуская свою книгу в 4-м издании, он не потрудился привести хотя бы несколько цифр о том, уменьшается ли у нас продолжительность жизни рабочих, увеличиваются ли несчастные случаи и т. д. Цифры показали бы нам иное, чем то, что говорил Ерманский. Если бы он исходил из конкретных фактов и цифр, то очевидно, с ним не получилось бы такого конфуза, что он, «большой знаток» рационализации, вместо того чтобы помочь разработке этой проблемы на деле в наших советских условиях, создал лишь тормоз на этом пути, развивая свою теорию рационализации. Хотел он того или не хотел, но его теория во многом противоречит той практике рационализации, которая проводится рабочей властью, превратившись на деле в «защиту рабочих» от мероприятий коммунистической партии и советского государства. Вот краткая политическая характеристика его теории. Это и есть тот меньшевизм, на который неоднократно указывал Ленин.

Если бы мы попробовали строить организацию труда, исходя из принципа «оптимума» по Ерманскому, то было бы очень трудно говорить о высоких темпах, а это для нас сейчас основная историческая задача. Мы берем максимальные темпы, так как для нас совершенно ясно, что тот срок, в который мы должны «догнать и перегнать» капиталистические страны (вместо 100 лет в 10 лет), поставлен перед нами самой историей. Только меньшевистское мышление, свойственное Ерманскому, опирающемуся на тектологию Богданова, и может привести к тому, что в решающий год пятилетки Ерманский осмеливается с ученым видом прямо заявлять, что лозунг «максимум продукции» — это «обывательская мудрость»! Что это значит? Это значит, что рабочий должен работать, не стремясь выполнить и перевыполнить промфинплан потому, что это, по «научной теории» Ерманского, не выгодно. Вместо того чтобы вооружить нас в борьбе на фронте социалистической стройки положительной разработкой практических проблем рационализации, Ерманский, наоборот, разоружает нас. На какие социальные слои может опираться такая «теория»? Очевидно лишь на классово чуждые пролетариату элементы. Наши рабочие в социалистическом соревновании уже показали образцы «доблести и геройства», которых не видят только слепые.

Кстати о соревновании. Еще Маркс и Энгельс в свое время по существу уже вскрыли тот закон, над которым сейчас практически работают наши физиологи и психологи, понимающие сущность марксистско-ленинского метода. В работах Маркса мы находим ответ, почему массовая сила комбинированного труда создает повышение его производительности. В главе «О кооперации» мы читаем: «...Результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение много более продолжительного времени; или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц» («Капитал», т. I, стр. 313—314, изд. 1920 г.).

Но в теории Ерманского вы найдете и необходимые лазейки для того, чтобы отвертеться от ответа. Можно быть уверенным, что, прочитав только что приведенную цитату из Маркса, он воскликнет: «Позвольте! да ведь это же я и говорю, когда формулирую основной закон организации: «организационная сумма больше арифметической» и т. д. и т. п. Но если вдуматься

глубже в сущность всей его теории, то такая оговорка лишь подчеркнет всю ее глубоко реакционную сущность.

В настоящее время мы являемся живыми свидетелями и участниками того великого исторического процесса развития производительных сил, о котором писали Маркс, Энгельс и Ленин. Кажется, не стоило бы много тратить времени на споры с Ерманским. Уж слишком карликовой и ублюрдочной кажется вся его теория для нашего времени в свете марксистско-ленинского учения о развитии производительных сил, рост которых идет через ожесточенную классовую борьбу, ломку старых форм общественных отношений, сковывавших развитие производительных сил при капитализме, и создание новых форм социалистических производственных отношений, когда труд человека, отчужденный при капитализме на основе частного присвоения от своего носителя — рабочего, снова становится творческой жизненной силой самого человека.

Ерманский развивает в своей теории одно, а практика социалистического строительства, развиваясь в условиях ожесточенной классовой борьбы, диктует другое. Ерманский, сам чувствуя несостоятельность своего основного принципа «оптимума», пишет: «Курс на некоторую интенсификацию труда был в свое время взят и у нас. И он тогда (1921—1924 гг.) имел свой смысл, по крайней мере он исходил из резонных стремлений. Наш Союз республик находился в чрезвычайно тяжелом положении...» «Но в наших промышленных предприятиях поднятие производительности труда путем рационального использования элементов производства было делом непривычным. При таких условиях естественно было ухватиться за другое, более легкое средство — повышение интенсивности труда. Так и возник курс на интенсификацию...» «Но в том-то и дело, что всерьез и надолго двигаться к этой цели путем интенсификации труда невозможно...» «...Одним повышением интенсивности труда можно двигаться вперед лишь в очень узких пределах...» и т. д. и т. п. Все это знакомые песни из той же самой оперы, «как бы чего не вышло». Рабочие-передовики уже хорошо привыкли разбираться в этом хоре.

В то время как «теоретик» Ерманский изрекал свою премудрость, по всей стране поднималось широкой волной социалистическое соревнование и рабочие массы показывали невиданные образцы трудового энтузиазма. Ерманский пророчил: «Чрезмерное повышение интенсивности труда рано или поздно привело бы к ее роковому падению по сравнению с нормальным уровнем. Мы шли бы в одну дверь, а попали бы в другую, прямо противоположную» (стр. 187). И в качестве аргумента Ерманский приводит в пример Англию, где после войны последствия чрезмерной интенсификации сильно сказались на понижении выпуска продукции. Лучшего примера очевидно не нашлось у Ерманского, как сравнение труда в нашем Союзе с трудом рабочего капиталистической Англии, где действительно налицо антагонизм между производительностью и интенсивностью труда, где чрезмерная интенсификация труда диктуется самой природой капиталистического производства, построенного на эксплуатации. Может ли у нас иметь место вообще чрезмерная интенсификация, не говоря уже о каком-то «курсе на интенсификацию», от которого предостерегает нас Ерманский? Конечно, нет! Это может утверждать лишь тот, кто не понимает или упорно не хочет понять, что происходит у него на глазах.

VI

Необходимо подвергнуть критике основную методологическую установку проф. Ерманского. Это вопрос о соотношении производительности и интенсивности труда. Ерманский правильно считает, что в этот вопрос должна быть внесена ясность, так как многие зачастую не проводят ника-

кого разграничения между этими двумя категориями, смешивают их в одно, подменяют одну другой и т. д. Но сам Ерманский в свою очередь настолько запутал этот вопрос, что придется на этом остановиться более подробно.

Во-первых, он внес путаницу, выдвинув термин «успешность» труда. Откуда появился этот термин в теории Ерманского? В своей первой книге «Система Тэйлора», выпущенной в 1918 г., термин «успешность» он рассматривал наравне с термином «производительность труда»: «То, что окончательно выделило человека из мира остальных животных, это — изготовление орудий труда и пользование ими для большей успешности работы, для большей производительности труда» (стр. 11).

У Богданова мы встречаем этот же термин еще раньше, чем у Ерманского. В своей брошюре «Между человеком и машиной» (1913) он также употребляет термин «производительность» наравне с термином «успешность»: «Когда удастся упростить работу, как в упомянутых опытах Гильберта с кладкой кирпича, уменьшить число нужных движений, то опять-таки получается повышение производительности, т. е. успешности труда; а оно полезно для развития общества» (стр. 9). Дальше во всех работах Ерманского этот термин «успешность труда» вводится им как особая категория, которой он «обогастил» теорию рационализации для того, чтобы запутать вопрос о производительности и интенсивности труда в том их значении, которое они имеют в работах Маркса, Энгельса и Ленина.

Правда, Ерманский уверяет нас, что он и в этом вопросе опирается на Маркса: «Нечего говорить, что глубокий анализ Марксом экономических явлений не мог обойти это методологически крайне важное различие: оно и легло в основу марксова исследования во многих случаях» (стр. 156). Он приводит целый ряд цитат из Маркса, но при этом использует их таким образом, что получается впечатление, будто его схематические построения толь в толь совпадают с тем, что говорил Маркс. По существу же получается нелепое и з в р а щ е н и е марксистского учения о разв и т и и производительной силы труда.

Ерманского не удовлетворяет такая постановка вопроса, какую мы находим у Маркса, где основными моментами процесса труда с точки зрения его результата являются, с одной стороны, средства производства (предмет труда и орудия труда) и, с другой стороны, сам производительный труд. Его интересует главным образом другое: доказать, что рабочий должен менее интенсивно работать, чем это он делает на самом деле. Он пишет: «...но такая классификация не может быть признана удовлетворительной с интересующей нас точки зрения: сама рабочая сила и ее использование представляются для нашей цели совсем не в виде одного целостного, однородного фактора. Его необходимо разложить на две части, имеющие различное значение для рациональной организации трудовых процессов» («Теория и практика рационализации», стр. 153, изд. 4-е).

Эти «две части», которые имеет в виду Ерманский, — производительность и интенсивность труда — представляют, по его выражению, «две категории факторов успешности труда. К одной категории принадлежат качество, подготовка и рациональность использования как средств производства, так и рабочей силы; к другой категории принадлежит количество энергии, расходуемой рабочим, степень напряжения его сил. Первая категория факторов носит чисто качественный характер, вторая — количественный. Первая категория факторов требует рациональной постановки дела, вторая — большого напряжения сил» («Теория и практика рационализации», стр. 153).

Легко заметить, что у Ерманского игра в словечки «качество» и «количество» ничего общего не имеет с диалектикой, а по существу — это та же

схематика, которая лишь запутывает вопрос. Вся теория Ерманского — яркий образец диалектизаторства.

Вместо того чтобы рассматривать явления в их движении, в их конкретном развитии Ерманский поступает наоборот — он строит напыщенную «ученостью» формально логическую схему, чтобы доказать одно: что интензивная работа не выгодна с хозяйственной точки зрения, подхода к вопросу лишь с точки зрения расхода энергии на единицу продукта.

Вся беда в том, что Ерманский всю свою теорию строит на голых формулах, а не на конкретном анализе материалов производственной практики. И поэтому с ним чрезвычайно трудно спорить.

У Маркса в его экономическом исследовании производительность и интензивность выступают в том единстве, как они даются нам в их конкретном историческом развитии. А Ерманский это основное положение Маркса не только обходит, но стремится в своей теории доказать, что выставленные им положения об интензивности и производительности в равной мере применимы и к условиям капиталистического способа производства и к условиям социалистического способа производства.

Возьмите его схему, которую он преподнес в виде классификации факторов производительности и факторов интензивности.

§§ Факторы пр—ства	Их техн. роль	Их эконом. роль	Требования, к ним пред'являемые (для успешн. труда)	Характеристика	Организ. роль
1. Материал	Средства производства	Постоянный капитал	Хорошее качество, подбор и подготовка; рациональное использование	Качественные улучшения дают большой результат при том же и даже меньшем ра холье энергии	Факторы производительно-сти труда
2. Орудия труда					
3. Рабочая сила	Рабочая сила	Переменный капитал	Хорошее качество, подбор и подготовка; рациональное использование		
			Известное количество расходуемой энергии	Лишь количественное увеличение расхода сил дает большой результат	Факторы интензивности труда

(„Теория и практика рационализации“, стр. 155).

Что мы видим в этой схеме?

Первые два фактора производства — материал и орудия труда — Ерманский целиком относит к факторам производительности труда; третий же фактор производства — рабочая сила, — который по существу является основным фактором, носителем производительной силы, в схеме Ерманского разорван на две части. По схеме Ерманского получается, что рабочая сила не является производительной силой, — эта нелепость очевидна при первом же рассмотрении схемы.

Но посмотрим дальше. Утверждая, что труд при машине становится менее интенсивным, Ерманский также рассматривает этот вопрос вне определенной исторической и экономической обстановки. Он здесь также пытается рассматривать развитие производительных сил вне времени и пространства и утверждает, что «все историческое развитие человека и человеческих обществ имеет в своей основе не рост интенсивности труда, а рост его производительности» (стр. 161). Далее, Ерманский, отрицая рост интенсивности труда считает, наоборот, что исторический процесс ведет нас к «все большему облегчению труда, к возможности и неизбежности в будущем все меньшей затраты человеком физиологической энергии на производственные процессы...» В своих рассуждениях Ерманский заходит весьма далеко, утверждая, что «в настоящее время даже в чисто капиталистических обществах не степень интенсивности труда является мерилем их развития» (стр. 162). Непонятно, как вяжется это положение, выставленное Ерманским, с другим, не менее путанным его положением, что «по существу можно трудовую теорию стоимости Маркса изложить в энергетических терминах. В основе стоимости лежит расход энергии» (стр. 147, примечание). Здесь автор даже для себя не связал концы с концами.

Посмотрим, как Маркс ставил вопрос о росте интенсивности труда при машинах, рассматривая развитие капиталистического производства.

«Если машина является наиболее могущественным средством для того, чтобы увеличить производительность труда, т. е. сократить рабочее время, необходимое для производства товаров, то как носительница капитала она становится прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности наиболее могущественным средством для того, чтобы удлинять рабочий день дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны,—создает новые мотивы, обостряющие его неутолимую жажду чужого труда». «Средство труда становится само по себе промышленным «перпетуум мобиле» (постоянно движущимся предметом), которое производило бы непрерывно, если бы оно не наталкивалось на известные границы в своих помощниках — людях, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, а в качестве такового автомат имеет в капиталисте свое сознание и волю, как капитал средство труда одушевлено стремлением свести до минимальных размеров, это противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы и «с того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать свыше его средних сил» (Роберт Оуэн)» («Капитал», т. I, стр. 396, изд. 1920 г.).

Ярким примером этого в наше время являются фордовские заводы, где в погоне за сверхприбылью Форд довел интенсивность труда при конвейере до максимальных размеров; до того, что «сборка автомобиля, состоящего приблизительно из 5.000 частей, производится в течение 12 минут» (Генер-мейер, «Фордовская компания моторов», стр. 15).

Таков капиталистический путь механизации.

С введением машин в условиях капиталистического способа производства ненасытная жажда накопления и погоня за прибылью приводят неизбежно к увеличению рабочего дня до тех пределов, где он переходит физиологические границы. Маркс пишет: «Капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и строй общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит,—отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных

машинами,— избыточное рабочее население, вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то замечательное явление в истории современной промышленности, что машина ниспровергает все моральные и естественные границы рабочего дня.

Производительный труд, о котором говорит Маркс, только при социализме находит свой полный расцвет.

Понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно «включает» в себя также специфическое общественно-исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие» («Капитал», т. I, стр. 510).

Вот с этой точки зрения можно ли хоть в какой-нибудь степени проводить сопоставление наших условий с условиями капиталистического производства? Очевидно, нет.

Уже многие набили себе шишки на лбу, пытаясь доказать, что в нашей стране существует прибавочная стоимость, а следовательно и эксплуатация. Ерманский очень тонко подходит к этому вопросу. Зная, что в наших условиях нельзя говорить об абсолютной и относительной прибавочной стоимости (сейчас такого теоретика просто бы высмеяли), он идет обходным путем, «обогащая» науку еще двумя придуманными им терминами: «абсолютной» и «относительной» интенсификации труда. Здесь как будто есть что-то общее с абсолютной и относительной прибавочной стоимостью, о которых Ерманский не решается говорить открыто. Говоря же об «абсолютной» и «относительной» интенсификации труда, он относит ее не только к капиталистическим странам, но в равной мере и к нашему Союзу. И здесь опять Ерманский, прикрываясь марксистской терминологией, старается протащить все ту же свою основную мысль о том, что интенсивность труда является тормозом производительности.

Вопрос об абсолютной и относительной интенсификации он также рассматривает вне времени и пространства, вне конкретной исторической обстановки, хотя в некоторых случаях и пытается опереться на историю. Но неизвестно, на основании каких исторических данных он пишет, что «абсолютная интенсификация труда — метод, которому принадлежало господство в капиталистической практике периода первоначального накопления капитала. Тогда излюбленным способом более интенсивного выжимания соков из рабочих было, как известно, безмерное удлинение рабочего дня. Абсолютная интенсификация, вообще говоря,— метод технически отсталых хозяйственных форм» (стр. 166). Таким образом по Ерманскому получается, что в наше время капиталисты, идя как будто по пути «относительной интенсификации», не стремятся удлинить рабочего дня. «Относительная интенсификация» — это тот путь, по которому идут капиталисты, когда стала невозможна «абсолютная интенсификация», т. е. когда можно «в течение более короткого рабочего дня» извлечь из рабочего столько же или даже больше труда, чем прежде при более длинном рабочем дне» (стр. 171).

Конечно неверно, что капиталисты отказались от возможности удлинения рабочего дня.

Вот что писал Маркс по этому вопросу: «В течение такого переходного периода, пока машинное производство сохраняет своего рода монопольное положение, прибыли достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать этот «медовый месяц» посредством наивозможного удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша» («Капитал», т. I, стр. 400). Эти слова

Маркса еще в большей степени можно отнести к капитализму эпохи империализма.

Для чего Ерманскому понадобилось запутать этот вопрос? Опять-таки для того же, чтобы доказать недопустимость у нас «интенсификации труда», показав, что такие например методы, как «ускорение работы машин и станков», «увеличение размеров механизма», «принцип многих обрабатываемых вещей в одной машине», «принцип многих инструментов в одной машине», «принципы многих машин в руках рабочего», т. е. основные тенденции современного технического развития, вскрытые Марксом в условиях капиталистического способа производства, направлены к тому, чтобы путем относительной интенсификации увеличить чрезмерную эксплуатацию. Это конечно правильно, что капиталисты, пользуясь этими методами, доводят степень эксплуатации рабочей силы до крайних пределов, но из этого никак не вытекает, что сами эти методы ускорения производственных процессов не должны быть применимы в наших условиях. Ерманский же отвергает их как технические методы интенсификации труда.

Далее, говоря об интенсификации производства, он дает по существу ту же классификацию: «Абсолютная интенсификация производства» и «относительная интенсификация производства». При этом Ерманский считает, что «непрерывка», «круглосуточное» производство есть по сути дела абсолютная интенсификация производства. Таким образом, не говоря прямо о том, что мы проводим «абсолютную» интенсификацию труда, он предпочитает говорить об «абсолютной» интенсификации производства. Но можно ли вообще отрывать процесс труда от процесса производства и чем другим, как не высокой интенсивностью труда, можно объяснить увеличение выпуска продукции, если это происходит «при том же оборудовании, при том же составе рабочей силы»? Здесь конечно, если бы Ерманский был более последователен, он должен был бы сказать, что мы проводим интенсификацию труда. Но как только он подходит к этому узловому вопросу, так снова начинаются его рассуждения о том, «что интенсификация производства вовсе не обязательно требует интенсификации труда». «Принципиально возможна огромная степень интенсификации производства без самой малейшей интенсификации труда. И в разумно устроенном обществе интенсификация производства, давая огромные практические результаты, этим самым может и должна в большей мере ослабить необходимость интенсификации труда» (стр. 170).

Все это как будто бы «принципиально» возможно, допустимо; но ведь мало рассуждать — надо практически организовать производство. А как это сделать? Следуя Ерманскому, надо было бы увеличить количество рабочих на каждом предприятии и еще больше сократить рабочий день. Мы делаем и то и другое, но не в одном предприятии, а для всей нашей промышленности, производя это на основе все более и более растущей производительности. Пусть, по Ерманскому, это будет не совсем «разумно устроенное общество», но обойтись без высокой интенсивности труда мы не можем. По нашему мнению как раз наоборот, крайне «неразумной» является именно та теория, которая стремится навязать пролетариату в период, когда он стал полноправным и единственным хозяином страны, мысль о том что не надо работать усиленными темпами, хотя бы это и приближало нас к скорейшему завершению постройки здания социализма, когда в победоносном строительстве создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства.

В этом отношении мы имеем совершенно ясные указания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и твердый непоколебимый путь, намеченный нашей партией. Только на основе этого мы безошибочно можем пройти намеченный нами путь.

Маркс в своем анализе развития капиталистической экономики уже на-

бросал совершенно точные контуры и будущего социалистического производства. Вот что он писал: «Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство средств своего существования или их эквивалент. Абсолютная минимальная граница рабочего дня определяется вообще этой его необходимой, хотя и сократимой составной частью. Если бы к этой последней свелся весь рабочий день, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно при режиме капитала. Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом, однако при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления».

«Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда» («Капитал», т. I, стр. 533).

Возьмем пример в условиях капиталистического производства. Можно ли считать, что Тэйлор поступал нерационально, когда он стремился довести производственную дисциплину до ее высшего предела? Конечно, нет. С точки зрения производства капиталистического это является неизбежным, так как направлено к возможно большему увеличению прибыли. Рабочий же от этого при относительной эксплуатации получает уменьшенную долю, а при безработице совершенно ее не получает.

Совершенно иначе дело обстоит у нас, где нет ни абсолютной ни относительной прибавочной стоимости. У нас рабочий стал тем самым производительным рабочим, быть которым у нас составляет счастье, а отнюдь не проклятье. Тов. Сталин очень ярко подчеркнул именно эту сторону, когда говорил, что «только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик...»

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах» (Сталин, «Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 49, Гиз, 1930 г.). Процесс труда в условиях социалистического способа производства является сознательным творческим процессом. Это блестяще доказали рабочие-ударники в социалистическом соревновании, в сознательном отношении к труду, в повышении интенсивности своей работы, в борьбе за новую технику. Повышение интенсивности труда у нас сопровождается улучшением условий труда, неуклонным ростом материального благосостояния и культурности масс. Ерманский старается не замечать эти «ростки нового», наоборот, он открыто проповедует свою «теорию», направленную острием против социалистических темпов, глубоко чуждую и враждебную социалистическому строительству. Поэтому мы должны и будем бороться против «теории» Ерманского.

Каутский о возникновении классов и государства

П. Вышинский

I

В предисловии «К критике полит. экономии» Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹⁾.

Эта классическая формулировка справедливо считается краеугольным камнем материалистического понимания истории. Всякое уклонение от этого принципа или его извращенное понимание отбрасывает исследователя на позиции идеализма и метафизики, на позиции буржуазного мирозерцания.

В лице ренегата Каутского мы имеем образчик такого буржуазного извратителя марксизма. Здесь мы хотим дать несколько критических замечаний к первым разделам недавно появившегося в русском переводе II тома книги Каутского, по недоразумению называющейся «Материалистическое понимание истории»... В действительности мы имеем дело с идеалистической интерпретацией движения человеческой истории со стороны отупевшего в упрямой борьбе с большевизмом идеолога контрреволюционного социал-фашизма, с метафизиком и софистом, фальсифицирующим как марксизм, так и подлинную историю в интересах фашизирующей буржуазии и ее главной социальной опоры — современной социал-демократии II интернационала.

Марксистское учение о производительных силах и производственных отношениях как основе исторического развития, учение о базисе и надстройках, переворачиваются Каутским с ног на голову. Вся история человечества рассматривается как история развития познания и знания, проявления прирожденных инстинктов, потребностей и т. д. и т. п., от которых, по мнению Каутского находится в зависимости все то, что мы, марксисты, называем базисом.

¹⁾ К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1930 г., стр. 86—87.

В вопросе о возникновении классов и государства Каутский защищает ту точку зрения, что не способ производства обуславливает собою процесс социальной, политической и духовной жизни вообще, но что эта последняя (духовная жизнь, познание), и в частности политическая власть, лежит в основе способа производства или производственных отношений. По Каутскому, следовательно общественное бытие определяется общественным сознанием, или, точнее, сознанием индивидов, составляющих общество.

На место диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений Каутский пытается под флагом марксизма и материалистического понимания истории протащить эклектическую теорию взаимодействия двух факторов: постоянного и переменного. Постоянный фактор — природные инстинкты человека, некая «вещь в себе», переменный — различные материальные и организационные формы проявления этого инстинкта.

Самое важное — не инстинкт сам по себе, предупреждает Каутский. Главное — это переменный фактор человеческой истории, движение которого единственно должно нас интересовать. Выдвинув конкретных носителей знания — «первобытную интеллигенцию» — в роли движущей силы исторического развития общества, Каутский заявляет: «Наследственные способности представляют из себя постоянный элемент, приобретенное же знание — тот переменный элемент, который как раз и интересует нас в нашем исследовании»¹).

Для объяснения любого явления Каутский находит два «фактора», антагонистически взаимодействующие и порождающие всякое дальнейшее движение. Антагонизм сил является следовательно началом начал. Стало быть и самые первые доклассовые общественные отношения должны быть антагонистическими.

Двухтомник Каутского — отнюдь не пособие по древнейшей истории. Он заострен на жгучих вопросах современности. И лишь для объяснения современного общества в желательном для Каутского смысле он отправляется далеко назад, «в глубь веков», похваляясь тем, что «Материалистическое понимание истории» в каутскианском понимании начинается почти с первобытных животных — с протистов (стр. 635).

В первой половине второго тома Каутский исследует вопрос о возникновении классов и государств и прослеживает развитие первых государств и классового общества вплоть до индустриального капитализма.

По Каутскому, история классового общества может быть понята лишь из предыдущего, бесклассового периода развития. Доисторические времена, по его мнению, являются ключом к пониманию человеческой истории. Для объяснения исторического факта мы должны знать, говорит Каутский, «те условия, которые предшествовали его появлению и вызвали его к жизни» (стр. 315).

Спорить с этим положением не приходится. Изучение истории (возникновения и развития) фактов, событий разумеется необходимо в любой области исследования. Совершенно необходимо также и изучение доклассового общества на основе данных, добытых новейшей наукой. Начало такому изучению положил, как известно, Энгельс своей работой «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако не в таком изучении смысл пропагандируемого Каутским «метода». Этот метод при ближайшем ознакомлении оказывается не чем иным, как систематическим сведением всех явлений к их внешним условиям и вне их лежащим причинам и систематическим растворением высших форм и ступеней развития в низших, предшествующих. Историзм подменяется здесь перенесением

¹ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 23.

объяснения в другую область. Это «сведение» получает характер дурной бесконечности, ибо любая самая ранняя ступень любого явления имеет еще более раннюю свою причину и свои условия и т. д. до бесконечности. Механическое сведение сразу приводит Каутского к метафизическим поискам первопричин и агностицизму.

Полную противоположность представляет подход Ленина, действительно диалектический и исторический. «Для того, — писал Ленин, — чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу (о государстве), надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (речь Ленина с государстве, приложение к брошюре «Государство и революция», стр. 7).

Каутский, как мы увидим ниже, не только неспособен в силу своей природы буржуазного апологета возвыситься до исторической точки зрения и не только сам неспособен научно ориентироваться в массе исторических фактов, но нарочно и сознательно уводит читателя в горы фактического материала для того, чтобы подавить его сознание извращенными представлениями об исторической связи явлений и тем самым доказать надисторический характер капиталистического строя и буржуазного государства.

II

Каутский иронизирует по поводу того, что Маркс—Энгельс, писавшие в «Ком. манифесте» в 1847 г., что «история всего предшествовавшего общества была историей борьбы классов», должны были позже сами себя поправлять, добавив «вся писаная история», т. е. такая, о которой существуют письменные свидетельства. Как же так, торжествуя ухмыляется Каутский: подавляющую часть всей прошлой истории человечества составляет доклассовый период, и вдруг Маркс и Энгельс интересовались лишь писаной, т. е. известной нам, историей! Эту «ошибку» надо немедленно поправить!

Каутский приводит из астрономических и археологических справочников выписки и цифры: 80.000 лет длилось доклассовое состояние, и только в «последнее время», всего «каких-нибудь» 10.000—20.000 лет, человечеству известна классовая борьба! Этот последний период Каутский считает возможным исследовать и понять, лишь изучив предшествовавший 80.000-летний период. Соответственно этому он в своей книге доклассовому периоду уделяет 6 разделов в 360 страниц¹⁾, а периоду классового общества 2 раздела в 180 страниц. «Наше исследование,—хвалится Каутский,—началось почти с первобытных животных — с протистов и дошло до преддверия государства будущего» (стр. 635).

С широты эволюционных перспектив набрасывает Каутский картину развития человечества. Проблема классового общества в общей эволюции человечества сразу отодвигается на задний план, на ступень скромной частной проблемы ничтожного (по сравнению с доклассовым) отрезка времени. Это Каутскому необходимо для того, чтобы законы классовой борьбы изобразить как несущественные и малозначительные, подчиненные другим, более общим, действующим в истории законам. Более того, он хочет доказать,

¹⁾ Сюда еще надо прибавить 10 разделов в 700 страниц на ту же тему из I тома.

что законы классовой борьбы (законы материалистического понимания истории)—выдумка... большевиков.

Но Маркс и Энгельс говорили о писаной, т. е. более или менее известной нам, истории. Поскольку стали известны факты, следует изучать и доклассовое общество. Если Каутский хотел доказать, что государство возникает не в классовом обществе, но до него,—он должен был показать это, и тогда бы он в этом пункте опроверг марксизм. Как же поступает Каутский? Как мы уже указали, он подходит в делу агностически и подменяет не могущее осуществиться исследование произвольно конструированными схемами и художественными описаниями первобытного уклада жизни. Все позволено, лишь бы опозлить и извращать в интересах буржуазии марксизм.

Догматически утверждая (вопреки марксизму), что государство возникло не из классовой борьбы и не на основе определенных отношений производства и распределения, утверждая, что государство было исходным пунктом и основой для возникновения классов и производственных отношений, Каутский в то же время пишет:

«Мы не имеем никаких сведений о происхождении первых государств... Происходило ли образование государств таким образом, что племя завоевателей прежде создавало центральную государственную власть, которая соединяла вместе различные покоренные племена, или же государство возникало вследствие того, что завоеватели уже находили в наличности центральную власть, опиравшуюся на добровольное объединение, и только овладевали этой властью,—это мы не в состоянии знать» (стр. 207).

Но в таком случае (*ignoramus et ignorabimus!*) почему неправ марксизм?

В одном из своих романов Ан. Франс рассказывает о споре ученых из Академии надписей. Один из них говорит своему молодому коллеге—филологу бесследно исчезнувшего этрусского языка: «Мой дорогой собрат, вы знаете, что не знаете этрусского языка и вследствие этого вы—почетный ученый и благомыслящий человек»...

Каутский напоминает нам подобного почтенного историка неизвестной истории. Поскольку Каутский сам признается в этом, он—«благомыслящий» человек. Но почему все же неправ марксизм? И не заменяет ли Каутский осторожные («вся писаная история» и т. д.), но верные положения материалистического понимания истории беспочвенными утверждениями, списанными, кстати заметить, у буржуазных позитивистов-агностиков, которые по-своему и неизменно идеалистически объясняли различные «обломки прошлого»?

Схематизм, однобокий, поверхностный и предвзятый подход всегда были связаны с агностической философией. Только диалектика дает возможность познать предмет всесторонне, во всех его связях и опосредствованиях: в его возникновении, движении и развитии. Подход Каутского уже при первом употреблении дает осечку, обнаруживая свою полную непригодность.

На сотнях страниц расписывает Каутский, точно художник, картинки быта первобытных племен, обильно цитирует различных путешественников, ездивших «от письменного стола к экватору» за экзотикой, восхищавшихся «культурой» номадов, их «высокой интеллигентностью» и т. д., что впрочем мы охотно допускаем: иные миссионеры капитала иногда находили в себе крупицу честности для откровенного признания высокой культуры дикарей в сравнении с «цивилизованными» белыми колонизаторами.

«Лекари капитализма» хотят отвлечь внимание от картины разложения

¹ «Vom Sxhrisch rum Aequator» — так называется книга Фребениуса, цитируемая Каутским.

и гниения буржуазной культуры, а потому они утешают безработных, как и буржуазных бездельников, баснями, что и жизнь дикаря имеет свои прелести, что и среди дикарей можно найти «культуру» и «демократию по-веймарски». Что касается Каутского, то у него замысел еще шире. Он, как буржуазный доктринер проповедует иллюзию, что «естественные отношения» людей были по существу буржуазно-демократическими и что следовательно естественными являются существующие отношения. Каутский обманывает рабочих фальсифицированной историей для оправдания существующего порядка вещей. Читая написанные Каутским страницы о первобытной демократии, нельзя отделаться от впечатления, что он здесь вместо действительной первобытной демократии в иных терминах рисует (в упрощенном и неразвитом виде) современный капиталистический строй и буржуазную демократию!

Между прочим на стр. 417 Каутский пишет: «Поскольку человек чувствует себя центром вселенной, он склонен вообще всякое общество представлять себе по образу и подобию того общества, в котором он живет».

Это неосторожное замечание попадает не в бровь, а прямо в глаз прежде всего самому Каутскому. Именно он поступает так, как только что невзначай сам признался в этом. Но дело разумеется не в антропоцентрических чувствах людей. Исследователи, владеющие диалектическим методом, стоящие на позициях пролетариата, никогда не страдали отмеченным недостатком. Наоборот, это всегда составляло порок апологетики. «Нет ничего характернее для буржуа, — говорил Ленин, — как перенесение черт современных порядков на все времена и народы» ¹⁾. Каутский — буржуазный апологет, и именно поэтому (а не в силу какой-нибудь другой причины) у него на каждой странице, о чем бы он ни писал, проглядывает современная буржуазная демократия. Позднейшие и притом буржуазные порядки и соответствующие им понятия он систематически переносит на первобытный мир. Этим он хочет увековечить капитализм, показать, что капитализм существовал «с самого начала». С целью преодоления исторического (диалектического) понимания общественных явлений Каутский мобилизует против Маркса, Энгельса и Ленина всю буржуазную науку и весь сонм «ученых приказчиков буржуазии» — Генриха Кунова и Макса Вебера, Гумпловича и Оппенгеймера, Маха и Родбертуса, становится во главе их как ученый оберприказчик буржуазии и II интернационала и отправляется «в глубь веков» на археологические раскопки.

Уже Ленин отмечал у Каутского эту «склонность упорно поворачиваться задом» к XX веку, к современности, к нелицеприятным фактам острейшей классовой борьбы текущих дней, к факту существования диктатуры пролетариата в СССР и грядущей ее победе во всем мире.

«Известна, — писал Ленин, — склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствования и деспотизма есть или крайняя глупость или весьма неискusstvenное мошенничество» ²⁾.

В этих словах Ленин вскрывает, что Каутский древность «любит по расчету»: посредством лекций о древнем мире он хочет уклониться («отлынивает») от прямой постановки жгучих вопросов современности, он хочет по-своему, т. е. в духе социал-фашизма и капиталистической апологетики разрешить вопросы современности.

¹⁾ Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

²⁾ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. XXIII, стр. 340.

И было бы ошибкой думать, что во II томе «Материалистического понимания истории» Каутский занимается первобытной этнографией и философией этнологии из интереса к этим наукам. Нет, умысел иной тут был! Не чистая любовь к науке, но злобная ненависть к коммунизму воодушевляет старика!

Длинейшие описания первобытного состояния служат для Каутского лишь канвой, фоном для расписывания в духе буржуазного мировоззрения политических проблем современности.

Так например в разделе о первых государствах встречается вдруг глава «Империализм», в которой доказывается, что империализм—отнюдь не специфическое явление нашей эпохи, что империализм возник с первыми государствами и существовал всегда и что следовательно является ошибочной «существующая экономическая теория» (читай: ленинская теория империализма как последней и высшей стадии капитализма!), теория, которая «связывает империализм с новейшей формой капитализма, а именно с финансовым капиталом» (стр. 139). Империализм—не стадия капитализма, доказывает Каутский, но дух, дух экспансии, расширения, захвата ¹⁾. Этот дух вечен и присущ государству, в с я к о м у г о с у д а р с т в у (стр. 140). Каутский хочет навести читателя на мысль, что империализм присущ также и советскому государству... в противоположность «Современной Европе», где империалистические стремления не проявляются так остро, как в довоенный период. «Мы имеем основания ожидать в «Современной Европе» прогрессирующего ослабления этого стремления к завоеванию... и перехода к ультраимпериализму» (стр. 140)—пишет Каутский. Так обосновывается рожденная в недрах II интернационала подлая легенда о «красном империализме» наряду с восхвалением таких поистине ультраимпериалистических организаций, как Лига наций! Не борьбы с империализмом требует Каутский, но вполне парламентской, законной, легальной и на сессиях Лиги наций «борьбы» за реформирование империалистической политики, т. е. за усовершенствование империализма в деле лучшей организации интервенции с целью «демократизации» СССР.

«Пролегарият, — писал Ленин против Каутского, — борется за революционное свержение империалистической буржуазии, мелкая буржуазия за реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при подчинении ему» ²⁾.

Это один пример скачка из глубокой древности в нашу эпоху. Но это далеко не единственный пример.

Одну и ту же причину гибели устанавливает Каутский для Дария (полководец пятого века до нашей эры) и для наполеоновских походов в 1812 г. Мир после Пелопонесской войны сравнивается с Версальским миром (стр. 345). Подобная пустая игра в аналогии выдается Каутским за «марксизм» и за «науку».

Из анализа первобытной демократии вдруг делается прыжок в современную Германию и заключается с приведением множества архивных документов доказательств, что «социалисты-марксисты (т. е. социал-фашисты.— П. В.) не имеют оснований относиться отрицательно к (буржуазной.— П. В.) республике» (стр. 330).

¹⁾ Война для Каутского так же, как и империализм, с которым он ее отождествляет, есть вечное явление, не связанное с историческими формами производства и внутренней политики. Каутский всякое завоевание считает империализмом и на этом основании находит империализм уже в первобытных обществах.

«Чем отличается конкуренция завоеваний от империализма?»—спрашивает Ленин и отвечает: «Конкуренция завоеваний была всегда, во всех государствах, ибо все государства—органы классового господства. Но не все войны между государствами вызывались конкуренцией завоеваний! Это раз. И не с обеих сторон. Это два» (Лен. сб. XIV, стр. 333).

²⁾ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 378.

Отношение демократии к государству, по Каутскому, должно быть таким, что демократия должна бороться не с буржуазным государством, не за его свержение и установление пролетарского государства, но лишь с монополией государства на знание и внешнюю политику (стр. 264) (предполагается, что во внутренней политике тон задает демократия), оставляя неприкосновенным самое буржуазное государство.

Спартанское государство сравнивается с военным коммунизмом (стр. 128), а большевики объявляются «привилегированным классом в государстве» (стр. 258), хозяйственное положение Римской империи накануне ее падения сравнивается с восстановительным периодом нэпа в СССР (стр. 354)!

Каутский занимается софистической игрой в подобные аналогии (называя эту игру «наукой») неспроста. Он хочет историей всего предшествующего развития и прежде всего историей дикости и варварства оправдать современное «цивилизованное» капиталистическое варварство и дикость.

«О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги!»¹⁾

С другой стороны, филиппики Каутского против большевиков, его злобные выпады, которые, разумеется, постоянно бьют абсолютно мимо цели, выдают однако тайну того, зачем Каутскому понадобилось так глубоко залезать в древность. Каутскому не удалось «утаить шила в мешке», не удалось скрыть того, что его книга всем острием направлена против большевизма, против революционного марксизма. Он, этот бывший марксист, обратился к древней истории для того, чтобы оглушить социал-демократического читателя своей ученостью, подавить его просыпающееся от отравления оппортунизмом классовое сознание объемом материала и сыпать ему ученый песок, архивную пыль в глаза для того, чтобы вытравить из западноевропейских рабочих симпатии к большевизму. Он набил «фактами» свой ученый мешок подобно тому, как солдат на войне запасается мешком песка, за которым прячется от неприятельских пуль. Каутский прячется от убийственных для него большевистских аргументов, от ленинской критики каутскианства. На почве современной действительности, которая для Каутского нелицеприятна и противоречит его концепциям, ему невыгодно принимать бой. Поэтому он предпочитает нацепить на себя щит «науки» и «опровергать» большевиков этнологией, дневниками Марко Поло, Фукидидом и цитатами из библии.

III

«Каутский отрекся от марксизма, забывши, что всякое государство есть машина подавления одного класса другим и что самая демократическая буржуазная республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией»²⁾ — так писал Ленин на основе высказываний Маркса и Энгельса и анализа государства эпохи империализма.

«Античное государство, — писал Энгельс, — было преимущественно государством рабовладельцев, основанным для учреждения и повиновения рабов; феодальное государство было органом дворян для подчинений и обуздания крепостных и зависимых крестьян; а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом»³⁾.

Каутский не только на всем протяжении двух томов критикует марксизм, но помещает (во II томе, 2-м разделе) особую главу: «Критика гипо-

¹⁾ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. XXIII, стр. 348.

²⁾ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 220.

³⁾ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1932 г., стр. 174.

тезы Энгельса». Он выступает против общеизвестных положений марксизма, что государство есть организация классового господства одного класса над другим, что государство возникло не раньше классов и не вместе с ними, но на той ступени развития общества, когда классовые противоречия обострились в своей непримиримости настолько, что понадобилось насильственное их разрешение сильнейшим из классов в свою пользу.

«Классовый антагонизм, — писал Энгельс, — лежащий в основании до сих пор существовавших обществ, вызвал необходимость государства, т. е. организации данного класса эксплуататоров, для охранения общих условий производства, следовательно и для насильственного удержания эксплуатируемого класса на той ступени подчинения, которая требовалась данным способом производства (в рабстве, крепостном состоянии или в положении наемных рабочих)»¹).

Государство как политическая надстройка является следовательно продуктом экономического развития. Оно есть продукт непримиримости классовых противоречий и никоим образом не представляет собой силы, навязанной обществу извне.

Классом, организованным в государственную власть и в своих интересах (т. е. в интересах того способа производства, которым они управляют и живут) осуществляющим насилие над другими классами, оказывается обычно класс, владеющий средствами производства, т. е. занимающий господствующее положение в производстве. Здесь находит свое блестящее подтверждение ленинское положение, что нельзя разрывать политику и экономику, что политика есть концентрированное выражение экономики. «Так как государство, — писал Энгельс, — возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникало в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»²).

Что касается насилия, то марксизм не только не отрицает насилия, но, наоборот, придает ему совершенно исключительное значение, конечно понимая его основания, объясняя его роль и происхождение. Маркс говорил, что революционное насилие является повивальной бабкой истории. Революционное насилие необходимо было и будет, пока есть классы. Сами эксплуататорские классы могут быть изжиты лишь в результате революционного насилия.

Тем более смешными и убогими кажутся рассуждения Каутского о насилии, его «теория насилия», которой он объясняет возникновение классов и государств в противоположность марксизму. Самое государство есть не что иное, как насилие одного класса над другим, и поэтому Каутский, противопоставляющий насилие экономическому развитию, сбивается здесь на тавтологию: насилие возникло из насилия.

По выражению Маркса, насилие само есть «экономическая потенция» прежде всего потому, что формы насилия (завоевание, грабеж, захват и т. д. и т. п.) всегда оказываются исторически обусловленными и определяются экономическими условиями, условиями способа и характера существующего производства. Прежде чем может осуществиться захват, должен быть произведен объект захвата — те или иные материальные блага. Прежде чем возникло рабовладение — первое классовое деление общества, — должны были

¹) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 265.

²) Энгельс, Происхождение семьи частной собственности и государства, стр. 173—174.

созреть экономические условия для применения рабов. Лишь с этого момента война стала служить источником получения рабской силы. Следовательно из способа производства материальных благ возникает определенная политика внешнего насилия, войны. Эта «внешняя политика» есть следовательно не что иное, как продолжение иными средствами внутренней политики господствующих групп или классов данной общины или государства. «Таким образом, — заключает свой анализ этого вопроса Энгельс, — насилие вместо того, чтобы господствовать над экономическим положением, служит хозяйственным целям». «Теперь ясно, какую историческую роль играет насилие по отношению к экономическому развитию... Всякая политическая сила опирается вначале на экономическую общественную функцию» (там же, стр. 167—169). «И наконец,—писали Маркс и Энгельс,—захвату повсюду очень скоро приходит конец, а когда уже нечего более захватывать, то нужно начать производить. Из этой, скоро наступающей, необходимости производства вытекает, что принимаемая оседающими завоевателями форма общественной организации должна соответствовать ступени развития найденных у покоренных народов производительных сил, а если это не так в самом начале, то должна изменяться в соответствии с производительными силами» (Архив М. и Э., кн. 1, стр. 292—293, нем. изд.).

Из этого с полной ясностью следует, что марксизм связывает возникновение классов и государства с определенной степенью развития производительных сил. Только в этой связи может быть понята и роль насилия (завоеваний войн, захватов и т. д.) в процессе образования государств. Если следовательно Маркс и Энгельс отрицают решающую роль внешнего и, так сказать, внеэкономического насилия в деле образования классов и государств, то тем яснее и убедительнее обрисовывают они значение насилия и политической власти и показывают диалектику экономики и политики в связи с процессом разделения труда, возникновения частной собственности и экономической дифференциации внутри общины. Энгельс писал об этом так:

«Увеличение производства во всех областях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневно количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, семейной общины или отдельной семьи. Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов. Первое крупное общественное разделение труда при данных общих исторических условиях вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно богатства и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью влекло за собой и рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»¹).

Следовательно из общественного разделения труда, повышения его производительности и т. д., а не из войны возникло первое классовое деление. Конечно Энгельс отдавал себе отчет в громадном значении военного насилия, но оно для Энгельса на определенной ступени развития производства само становится «регулярной функцией народной жизни». Именно, «война, которая раньше велась только для отмщения за нападения или

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162.

для расширения ставшей недостаточной территории, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»¹⁾).

Более того, процесс возникновения и развития частнособственнических отношений внутри общины происходил отнюдь не каким-то спокойным и мирным путем — в этом процессе насилие было необходимым ферментом классовобразования, но опять-таки оно вытекало не из какой-то «воинственности», или, точнее, самая «воинственность» племен есть продукт определенных социально-экономических условий в их историческом развитии. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Дело в том, что новейшие исследования по истории права установили, что как в Риме, так и у германских, кельтских и славянских народов развитие собственности имело исходным пунктом общинную или родовую собственность и что настоящая частная собственность возникла повсюду путем узурпации»²⁾).

То же подчеркивает и Энгельс в своем «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Не из таинственных «государственно-образующих сил», столкнувшихся в побоище племен, возникает государство. Оно возникает в результате внутреннего развития общины.

«Государство таким образом, — делает Энгельс вывод из своего исследования (в котором, как говорит Энгельс, «Капитал» Маркса будет столь же необходимым, как и книга Моргана, — в то время как для Каутского достаточно описаний буржуазных путешественников и этнологов!), — никак не представляет собою силы, извне навязанной обществу»³⁾. Этот вывод диаметрально противоположен теоретическим измышлениям Каутского.

Каутский делает вид, будто он не замечает, что позиция Маркса — Энгельса оказывается в самом непримиримом противоречии со взглядами Каутского по этому же самому вопросу. Но метод Каутского в обработке цитат и его обращение с произведениями классиков марксизма уже давно известны, они были в свое время вскрыты и разоблачены Лениным.

Каутский выдвигает свое собственное решение, опирающееся на его собственную эклектическую теорию, что превращает все его исследование, идущее под флагом претенциозных заявлений о «дальнейшем развитии» материалистического понимания истории, в издевку над марксизмом.

Каутский считает неправдоподобным объяснение возникновения классов и государства из различий в силе между двумя людьми внутри общины, из которых сильный подчиняет своей воле слабого. Недостатком такого объяснения Каутский считает то, что в общине не один человек противостоит другому, но один — многим и как бы силен ни был этот один, он все же слабее множества других. Вопрос, о какой силе идет речь, Каутский предусмотрительно обходит. В чем же он видит правильную постановку вопроса? В том, что подменяет «одного» и «другого», «сильного» и «слабого» племенами, общинами! (стр. 58—59). Вместо подобного «насилия» внутри общины Каутский выдвигает столь же негодную и механистическую теорию насилия одного племени над другим. Образование классов и государств есть, по Каутскому, не процесс внутри самой общины, неразрывно связанный с процессом развития производственных отношений, но результат воздействия извне.

В общественном разделении труда, в появлении богатства и нищеты, частной собственности и эксплуатации Каутский как буржуазный апологет не хочет видеть процесса дифференциации общины на классы. Он наоборот уверяет читателя, что это богатство, накапливаемое у отдельных лиц, имело

¹⁾ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162.

²⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4-я, стр. 235.

³⁾ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 171.

благодетельное значение для всей общины и не давало своим владельцам никаких преимуществ, принося одни хлопоты. Непонятно лишь, почему находились люди, стремившиеся к владению богатством, собственностью. Но Каутскому такое положение необходимо утверждать для того, чтобы скрыть факт эксплуатации с самого начала и до современности включительно. Посмотрите, сколько теплой заботливости к тревожной жизни господ капиталистов проявляет этот их ученый камердинер (читайте стр. 464 и сл. II тома).

Относительно античных времен Каутский бесстыдно утверждает, что тогда «несчастливые» богачи сами эксплуатировались пролетариями.

«Пролетарии тогда эксплуатировали богачей, а не наоборот» (стр. 68).

«Существовало странное положение: бедные эксплуатировали богатых» (стр. 339).

Каутский не может дать вразумительного раз'яснения этой «странности», потому что она выдумана им самим с целью доказать благодетельный характер капитализма спокон и во веки веков. Вследствие этого он сам попадает в «странное положение» по отношению к самому себе. Ибо он утверждает, что в то время, когда внутри общины уже были бедные и богатые, еще не было классов! А классов не было потому, что отношения между бедными и богатыми будто бы регулировала столь милая Каутскому «первобытная демократия».

«Попытки об'яснить возникновение классового государства (как будто может быть «бесклассовое» государство! — П. В.) из факторов, действующих внутри первобытной общины, не дают удовлетворительных результатов. Несостоятельными оказываются не только наивные теории насилия, но и гораздо более квалифицированные попытки (т. е. теория Маркса — Энгельса. — П. В.) найти во внутреннем экономическом развитии общины причины, ведущие к возникновению классового государства» (стр. 76).

Каутский воскрешает «теорию насилия» Дюринга, разбитую в свое время Энгельсом («Анти-Дюринг»). В результате военного набега и порабощения побежденных возникает, по Каутскому, государство и тем самым одновременно классы. Начинается разделение труда внутри вновь образовавшейся общины и т. д. Вообще в результате войны и только войны создаются, по Каутскому, все производственные отношения и все то, о чем можно писать толстые книги.

IV

Надо заметить (только заметить, ибо это достойно специальной темы), что о войне у Каутского самые плоские, вульгарные представления, не поднимающиеся выше уровня понимания вильгельмовских генералов.

Марксизм-ленинизм рассматривает войну как историческое явление, связанное с исторически определенными условиями общественного производства. Война есть неизбежный спутник эксплуатации и эксплуататорского строя. Война появилась вместе с обменом. Недаром Клаузевиц говорил, что война лучше всего может быть сравнена не с искусством и не с наукой, а с торговлей (см. Лен. сб. XII, ленинский конспект работ Клаузевица, стр. 403).

Война есть продолжение политики иными средствами. «И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время» (Ленин, «Крах II интернационала»).

Для Каутского же война есть война, подобно тому, как для шекспировского Шейлока «фунт мяса есть фунт мяса» и баста...

Как о й класс ведет войну, как а я политика преследуется той и

другой воюющей стороной и т. д., об этом Каутский, говоря о войне, даже не задумывается.

Разумеется, Каутский высказывается против (стр. 262) данного Клаузевицем, принятого и развитого Лениным определения войны как продолжения внутренней политики иными средствами. Ибо для Каутского как для метафизика и протухшего филистера война есть... военное столкновение... Например он в своей статье «Pazifistische Kriegsbiologie» дает войне такое определение: «Война, т. е. насильственное решение (Austragung) конфликта между различными общинами (Gemenwesen)¹⁾ — определение, стоящее не выше знаменитого афоризма Козьмы Пруткова, сказавшего: «Когда народы меж собой дерутся, это называется войною»...

В двухтомнике мы находим банальное до глупости положение: «Война есть продукт незнакомства с соотношением сил на одной и другой стороне» (стр. 261). Это все равно, что сказать: кризис перепроизводства есть продукт незнакомства капиталистов с законами капиталистического способа производства... Или: биржевой крах есть продукт неумелой биржевой игры...

Первые войны, по мнению Каутского, проистекали из наличия воинственных инстинктов у кочевых племен.

Но если война не была продуктом определенного социально-экономического развития, то отсюда следует, что война была всегда и уже самые первые войны должны были повести к возникновению государства и классов. Каутский, обычно столь щедрый на оговорки, в данном случае вовсе не оговаривает, что лишь при определенных социальных и экономических отношениях войны могут вести к образованию государства. Как раз наоборот: он подчеркивает, что сами социально-экономические отношения возникают и складываются в результате войны. Следовательно уже первые войны должны были вызвать к жизни государства и классы. Но этот вывод противоречит исходной точке зрения самого Каутского, который считает, что доклассовый период длился от 80.000 до 100.000 лет. Или в этот период не было набегов, захватов, завоеваний? Если не было, то почему? Если были, то почему классы и государства, несмотря на наличие войн, возникают лишь 80.000 лет спустя? Не ясно ли, что войны могли сыграть роль «государствообразующего фактора» лишь благодаря определенной экономической и социальной дифференциации внутри общин! Не ясно ли, что насилие играло в истории большую, подчас решающую роль потому, что, употребляя выражение Маркса, оно само является «экономической потенцией»!

Каутский таким образом запутался в противоречиях. Его точка зрения приводит к абсурду. Ибо с этой точки зрения, долженствующей опровергнуть марксизм, выходит, что государство и классы должны были возникнуть еще в животном мире, где тоже имеется борьба за территорию питания и расселения, нападение хищников на мирных животных, явления паразитизма и т. д. Это вовсе не придирка к концепции Каутского, но неизбежный логический вывод из его построения. В самом деле, если все дело в воинственных и мирных инстинктах племен, причем эти инстинкты определены географической средой и война таким образом не связана с экономикой, особой формой выражения которой она является, тогда пропадает всякая разница между войной людей и борьбой видов в животном царстве.

Во всем этом обнаруживается интересное обстоятельство. Каутский, стремившийся увековечить (буржуазную) демократию, вынужден вместе с нею увековечить также и классовую борьбу! Каутский думал изобразить 100-тысячелетнее царство «первобытной демократии» и мира между бедными и богатыми, причем богатые эксплуатируются и зависят от бедных (!), а на самом деле вышло, что никакого догосударственного и доклассового периода не

¹⁾ Kampf, 3, 1932, стр. 116.

было и классовые различия существовали еще в животном состоянии людей! Не только предпосылки классов и государств, но и сами классы и государства даны уже от природы! Вся эволюция человечества выглядит таким образом как история классовой борьбы, имеющей свои естественные основания и корни еще в животном мире.

«В настоящей книге, — пишет Каутский о своем двухтомнике, подводя итог, — я стремился настолько расширить область материалистического понимания истории, что она вступила в соприкосновение с областью биологии. Я исследовал вопрос о том, не находится ли развитие человеческих обществ в такой внутренней связи с развитием обществ животных и видами растений, что история человечества представляется лишь частным случаем в истории органической жизни, со специфическими законами, которые однако находятся в связи с общими законами живой природы» (стр. 630).

Война и подчинение воинственными племенами мирных — вот процесс образования государств и классов по Каутскому. Чем же отличается эта борьба воинственных и мирных племен от борьбы животных видов? Или когда, на какой стадии развития борьба между первобытными племенами стала отличной от борьбы видов?

Марксизм отвечает на этот вопрос указанием на роль труда и орудий труда в процессе очеловечения обезьяны. Лишь на основе развития трудовых, следовательно производственных, экономических отношений в противоположность господству природного существования животных могло возникнуть человеческое общество в отличие от животного сообщества.

По Каутскому, всякие экономические условия отнюдь не предшествуют классам и государству, но создаются этим последним (стр. 146). Каутский указывает на роль различий «духовного порядка». Инстинкты и психологические особенности являются решающим фактором. Конечно у Каутского мы наряду с этим находим также и замечания, что «все зависит от экономических условий». Но у эклектика Каутского можно найти все, что угодно. У этого ученого водолея встречается, что на поверхности плавают и крупницы марксистского масла, но вся эклектическая похлебка в целом с марксизмом не имеет ничего общего.

Психологические, духовные различия выделили, по Каутскому, человека из животного мира, а затем воинственная психология одних племен и мирная других была причиной того, что возникли государства, классы, разделение труда и т. д. Начало человеческой истории положено борьбой кочевников пустыни с поселенцами плодородных долин. Столкновением двух разноплеменных общин, каждая из которых до того не имеет никакой внутренней социальной структуры, так сказать вполне аморфна, порождается первая определенность: подчинение и господство одного племени над другим.

Помимо теоретической несостоятельности такого представления о движущих силах жизни первобытных племен оно оказывается весьма на руку империалистам-колонизаторам. Разве буржуазная пресса не объясняет (посредством подкупа вождей, друг на друга направленных) движения племен и национальной вражды отсталых племен «воинственностью» одних и мирным характером других! Вот например английская «Морнинг-пост» от 20 июня 1932 г., «предсказывая» «свержение» малопокладистого для твердолобых правительства Ибн-Сауда в Геджесе, писала, что восстание собираются поднять «воинственные племена ховеитет и билли».

Со стороны теоретической из рассуждений Каутского механистическая методология выступает вполне отчетливо. Всякое новое явление объясняется столкновением двух противоположно направленных сил. Что представляют эти «силы» сами по себе, не разъяснено. Как возникли эти две «силы», не показано. Внутренних противоречий в общине (или в племени)

не признается. Творческим, движущим началом выступает **и значальный антагонизм** (стр. 15, 16, 28).

Номады, говорит Каутский, обладают «государственнообразующей силой» (стр. 102) — опиум усыпляет, так как обладает усыпительной силой... С таким же успехом человекоподобным обезьянам можно было бы приписать например «обществообразующую силу» или «орудиеизготовляющую силу»...

«Государственнообразующая сила» однако не принадлежит номадам, как таковым, но появляется и действует лишь в столкновении. Это все равно, что сказать например, что прибавочная стоимость не только появляется но и возникает на рынке... (некоторые экономисты — например Рубин — так и говорили).

Итак, не внутренние социально-экономические отношения номадов делают их способными к классовому угнетению землевладельцев и превращению последних в рабов, но какая-то таинственно при столкновении возникающая духовная сила. Если номады остаются при своем кочевом хозяйстве, то исключается всякая возможность возникновения классов и государства (стр. 108). «Применение насилия здесь необходимо во всех случаях» (стр. 108). Но насилие в свою очередь имеет свои условия и предпосылки. В чем же они заключаются? Каутский отвечает Г. Кунову, считавшему, что для основания государства нужна довольно высокая степень хозяйственного развития. Вот сейчас «марксист» Каутский покажет себя! И действительно он пишет:

«Разумеется, что технические предпосылки («маленькая» передержка, совсем «маленькая», — Кунов говорит о «довольно» высокой степени хозяйственного развития), Каутский передернул, говоря о «технических предпосылках»! До чего дошел «марксист» Каутский, если он не удовлетворяется куновским извращением марксизма. — П. В.) — технические предпосылки обязательны для организации государства, но их недостаточно. Основание государства требует также ряда предпосылок психологического характера. Государство создается при наличии определенных духовных способностей, свойств характера, способностей мышления и восприятия» (стр. 104).

Итак, не наличие классов и их борьба являются предпосылкой для возникновения государства и отныне отнюдь не историки и не политики-государствоведы должны заниматься вопросом о происхождении государства, но психологи и гносеологи... «Государство создается сознательно и в результате насилия» (стр. 175).

Итак, сознательность — *da ist der Hund begraben!* Сознательность является предпосылкой образования государства и его сущностью. С государством начинается период сознательной деятельности людей, в противоположность догосударственному бессознательному состоянию.

«Если общество на догосударственной стадии развивается в большинстве случаев бессознательно, то, наоборот, соответствующая деятельность в обществе при существовании государства все более превращается в сознательную деятельность, направленную к достижению определенной цели и основанную на обстоятельном знакомстве с самыми различными отношениями» (стр. 176).

Тем самым учение Маркса — Энгельса о том, что производственные отношения людей во всех антагонистических формациях складываются помимо воли людей, за их спиной, Каутский заменяет «новой», насквозь идеалистической теорией. Государство возникает сознательно, и его возникновение знаменует переход к сознательному состоянию от бессознательного. Возникшее государство вводит разделение труда (стр. 228), создает классы и регулирует их отношения, строит города и т. д. Не политическое господство, не власть оказывается атрибутом определенной формы собст-

венности и класса собственников. Наоборот, по Каутскому, классы, производственные отношения, само производство оказываются атрибутами политической власти. Исторический процесс возникновения классов и государства Каутский извратил и действительное положение вещей перевернул с ног на голову. Маркс учил всех своих последователей отличать кажущееся от действительного и вскрывать «господство условий производства над производителями», т. е. над классами и государством, господство, которое часто «замаскировывается отношениями господства и подчинения»¹). А «марксист» Каутский говорит прямо противоположное. Но мы и не ожидаем от Каутского истории в верном освещении! Ведь этот буржуазный апологет заинтересован в обратном: в извращении, мистификации, смазывании действительных отношений и зависимостей элементов исторического процесса.

«Раз понята связь вещей, — писал Маркс, — рухнет вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рухнет раньше того, чем они развалятся на практике». Если же эта связь вещей, как в данном случае Каутским, извращается, следовательно «тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» (письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г.).

Два фактора, притом оба «духовного характера», — добродушие и покорность земледельцев и способный к приспособлению ум пастухов (стр. 102) — в результате столкновения приводят к возникновению государства. Причем «высокая умственная подвижность», «интеллигентность» и прочие свойства характера, способа мышления и восприятия присущи, по Каутскому, первобытным дикарям от природы, изначально и являются не плодом труда и материальной культуры, а продуктом естественной географической среды.

V

Антагонизм сил, идеалистическая теория факторов, географизм — такова методологическая лестница Каутского, с помощью которой он хочет взять приступом твердыни марксизма и материалистического понимания истории.

Одну из материальных основ государственной власти Маркс видел в необходимости сооружения ирригационных плотин и регулирования водного хозяйства первобытных общин (см. Маркс, «Капитал», т. I, гл. 14-я, стр. 495, примечание).

Как это следует из всего контекста «Капитала» и других работ Маркса и Энгельса, это положение мы не должны понимать так, что будто бы государство когда-нибудь было каким-то над- или внеклассовым органом, заботящимся о благе всей общины. Если правители заботились о хозяйстве всей общины, то лишь потому, что существующие экономические условия (или условия производства) являются одновременно условиями существования господствующего класса. Государство с самого начала было классовым государством, органом подавления одним классом других. Но если классовая дифференциация происходила на основе экономической, имущественной дифференциации и овладения средствами производства со стороны одной из групп, то с того времени, как государственная власть начинает заботиться о хозяйстве общины (водоснабжение), отдельные группы господствующего класса присваивают себе определенные функции государственной машины и становятся монополистами этой общественной функции.

Поэтому например Маркс говорит: «Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей сельского хозяйства»²).

¹) Маркс, Капитал, т. III, гл. 48-я, стр. 361.

²) Маркс, Капитал, т. I, гл. 14-я, стр. 495, примечание.

Каутский задается вопросом: водное хозяйство лежит в основе государства или же, наоборот, это хозяйство имеет своей основой наличие государственной власти? Иначе говоря, здесь ставится вопрос: возможно ли государство на основе определенных, развившихся хотя еще и примитивных общественных отношений, или наоборот, государство создает (и притом сознательно!) производственные отношения в первобытной общине. Вопрос очень важный, и тем более интересно, что Каутский вопреки своему обыкновению вертеться и вилять, подходит на сей раз к делу прямо и без обиняков.

«Является ли государство, — пишет он, — предпосылкой расширения водного хозяйства или же продуктом этого хозяйства?» (стр. 204).

Как мы только что видели, Маркс говорит об «одной из материальных основ» государственной власти или об основе возвышения касты жрецов, но отнюдь не о возникновении государства. Каутский сделал здесь явную передержку. Как было указано, Маркс и Энгельс выводили возникновение государства из непримиримости классовых противоречий, которые (противоречия классов) в свою очередь были продуктом экономического развития общины, общественного разделения труда, появления частной собственности и эксплуатации. В этом заключаются взгляды Маркса и Энгельса.

Эти взгляды Маркса и Энгельса, говорит Каутский, «не остались без влияния на мою точку зрения по вопросу о возникновении государства» (стр. 205). Но Каутский не остался бы верен самому себе, если бы, испытав «марксистское влияние», не постарался его ограничить или извратить, дополнить другими, враждебными марксизму влияниями. Такова уж природа мелкобуржуазного теоретика-эклектика, подвергающегося различным «влияниям».

Точку зрения Маркса—Энгельса Каутский дополняет «географизмом».

Он вспоминает, что когда в 1890 г. Плеханов опубликовал свою рецензию на книгу Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», то он, Каутский, тотчас обнаружил, что идеи Мечникова отнюдь не новы, и ответил тогда же статьей, где доказывал, что идея «географизма» принадлежит не Мечникову, но самому... Марксу.

Впрочем это же самое доказывал и Плеханов.

Рецензируя книгу Мечникова, Плеханов сдал марксистские позиции в вопросе о движущих силах истории, в вопросе о причинах развития производительных сил. Плеханов встал на точку зрения «географизма», на позиции Мечникова и объявил, что работа Мечникова в общем «приводит к тем же заключениям, к каким пришли марксисты»¹).

Каутский конечно сразу подхватил такую версию. Каутский не может не подхватить всего того, что идет вразрез с марксизмом или по линии буржуазного, позитивистского истолкования марксизма. Он сам ведь охотно объявляет марксизм то эволюционной теорией (дарвинизмом), то «теорией факторов», то «географизмом». При всем этом верным остается лишь то, что «марксизм» Каутского есть амальгама, эклектическая смесь перечисленных и многих других взглядов и учений (в том числе кое-что, но только не главное и не существенное и из марксизма) на общей философской основе идеалистического позитивизма.

Приняв географическую среду за «государственно образующий фактор», Каутский замечает, что эта точка зрения противоречит его же собственной теории о возникновении государства «сознательно и в результате насилия» (стр. 175). Но Каутский — великий мастер примирения противоречий! Это мастерство доходит у него до искусства. Проследим, как освобождается он от замеченного им противоречия.

«Оба воззрения (т. е. и «географизм», который Каутский смешивает с марксизмом, и «теория насилия») опирались на солидные факты. То, что

¹) Плеханов, Соч., т. VII, стр. 27.

Маркс и Энгельс приводили в пользу одного из этих (!) воззрений, было весьма убедительно. А с другой стороны, в ходе моих работ я встречал так много доказательств в пользу моего первоначального предположения, что я укреплялся в нем все более и более. Я искал такого решения, которое объединяло бы обе точки зрения и давало бы возможность без противоречий соединить их.

Я делал допущение, что оба процесса действовали одновременно, взаимно подкрепляя друг друга» (стр. 206).

Это одновременное действие обоих факторов, по Каутскому, происходит таким образом, что «необходимость укрощения рек» (стр. 208) ведет к образованию власти, а завоевание (насилие) — к образованию государства. В сумме мы получаем «государственную власть»...

Итак, и марксизм сохранен и «теория насилия» (равно, как и «теория факторов» и «географизм») торжествует.

Однако нельзя не заметить, что подобное искусство освобождаться от противоречий походит скорее на фокусничество. Мелкобуржуазному теоретику всегда кажется, что его эклектическое мировоззрение свободно от противоречий, и он полагает, что избавляется от них рассуждением — «с одной стороны и с другой стороны». Об этом писал еще Ленин: «Каутский отделяется, как всегда, знаменитым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признать. Он ставит рядом различные решения»... (Ленин, «Пролетарская революция и ренегат Каутский», соч., т. XXIII, стр. 395).

Контрабандным путем, не обосновывая, не раз'ясняя, помощью ловких рук Каутским вдруг вводится наряду с понятием государства понятие власти. Возникновение власти объясняется действием географической среды, причем Каутский думает, что такое объяснение («географизм») совпадает с объяснением Маркса и Энгельса. Возникновение государства объясняется по Дюрингу — Оппенгеймеру, т. е. завоевательными войнами, внешним насилием.

Но разве государство не есть власть (или насилие) одного класса над другим? Разве в классовом обществе может быть какая-либо иная власть, кроме государственной, классовой? К чему понадобилось Каутскому проводить это различие власти и государства?

Каутский неспроста напустил здесь ученый туман. Этот тертый казуист и прожженный мошенник умышленно затемняет суть дела для того, чтобы лучше обосновать закоренелую догму II интернационала о надклассовой природе государства. Он умышленно смешивает государство как организацию классового господства с государством как административно-территориальным единством. Он умышленно противопоставляет власть государства и наконец умышленно спутывает карты, говоря о «государственной власти». Все это дает возможность этому крючкотворцу затушевать классовый характер государства как организации насилия одного класса над другим и говорить о государстве как об'единении классов, их сожительстве, симбиозе. Поэтому вместо ясной и прямой, как того требует марксистская диалектика, постановки вопроса Каутский, поставив вопрос, увлекает читателя в теоретическое болото путанной терминологии и казуистических различий. Раздробив понятие классового господства на «государство» и «власть», этот «Zweibrecher» надеется набросить дымовую завесу на классовую природу государства. Это различие относится к разряду тех же софистических ухищрений Каутского, когда он в своей книге «Пролетарская революция» различал «состояние» от «формы правления» или «совокупность нации» и «правительство», за что получал за свои «мошеннические фокусы» достойную отповедь от Ленина.

«Надо отличать, видите ли, — высмеивал Ленин Каутского, — «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем

вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей».

«Мошенничество слишком грубое, — продолжает Ленин, — и Каутского не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов революционного насилия одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Взорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу» (Ленин, соч., т. XXIII, стр. 341).

А в рецензии на книгу Вандервельде Ленин писал: «Вандервельде, как и Каутский, великий мастер по части замены диалектики эклектицизмом. С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. С одной стороны, под государством можно понимать «совокупность нации»... с другой стороны, под государством можно понимать «правительство» (там же, стр. 409).

Так и теперь различием «государства» и «власти» Каутский хочет увильнуть от того неприемлемого для него, но ясного и очевидного для всех классово-сознательных пролетариев факта, что «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим». Именно с целью отвертеться от этой истины, которая глаза колет, пытается он доказать, будто уже в древности функции управления и функции господства разделились и господствующий класс оказался «достаточно дальновидным» (стр. 336), перепоручив кормило управления демократии. Став у власти, демократия изменяет характер самого государства, превращая его в орудие демократии. Государство само по себе — бесклассовая вещь. Это для Каутского своего рода «вещь в себе», которая становится классовой вещью, лишь переходя в мир явлений. Этой бесклассовой вещью могут завладеть наиболее сильные классы (стр. 116), и тогда оно в их руках является классовой «формой эксплуатации». Если же государством овладевает демократия, а, по Каутскому, вся история государства есть история развития демократии, то государство становится надклассовым. Следовательно к л а с с о в о е государство лишь частный случай, исключение из правила.

Уже с первых проявлений классовой борьбы государство, по Каутскому, оказывается непричастным к этой борьбе, хотя захватчиками, победившими в войне, и создается государственная власть, однако она делается все более «независимой от высших классов», т. е. от тех классов, которые ее же создали. Господствующие классы, рисует Каутский, вынуждены теперь бороться со своей собственной, вышедшей из подчинения государственной машиной. Организацию и усиление эксплуатации со стороны этих классов по отношению к угнетенным Каутский не считает организацией государства или думает, что это идет помимо существующей государственной власти. Классы борются, «а над всеми этими классами стояла центральная государственная власть, всегда независимая от них и всегда влияющая решающим образом на междуклассовые отношения» (стр. 303).

Каутский скрывает, что это «регулирование» классовых отношений государственная власть проводила в интересах одного господствующего класса.

В этом положении Каутского такая бездна филистерства, тупоумия и явного обмана, что приходится удивляться бесстыдству этого теоретика. В самом деле, нужно считать своих читателей наивными простачками, чтобы заставлять их или тех из них, кто хоть немного знаком с практикой и теорией классовой борьбы, поверить, будто могла существовать «независимая от классов» государственная власть и что она решающим образом влияла на междуклассовые отношения... в чьих собственно интересах? Достаточно поставить один этот вопрос, чтобы обнаружить всю фальшь рассуждений Каутского. На подобный вопрос Каутский не отвечает, отмалчивается, ибо он не стремится к объективному изложению истории. Нет, ему надо во что бы то ни стало обосновать надклассовый характер современного государства,

т. е. выполнить социальный заказ буржуазии. Он решил подойти к вопросу «исторически». Он хочет доказать, что на протяжении веков и с самого начала своего возникновения государство было самодовлеющим вне- и надклассовым институтом, призванным заботиться о благе всего общества.

Болез того, потеряв всякую меру в фальсификации истории, Каутский приходит к выводу, что государство не стареет и не умирает, стареют лишь классы и цивилизация (стр. 258—259, 318). Государство следовательно вечно. Каутский украшает государство нимбом вечности как некую надклассовую и внеисторическую святыню, абсолютную идею, породившую и классы, и разделение труда, и современную цивилизацию.

Буржуазное государство стоит на краю своей гибели. Оно должно быть сломано вместе с капитализмом пролетарской революцией. Каутский содрогается перед такой перспективой. В страхе он заклинает буржуазное государство идеей вечности. Он стремится внедрить в сознание рабочих мысль о неприкосновенности государства. Конечно Каутский высказывает все это в «приличной для оппортуниста форме», т. е. не прямо и открыто, но эта тенденция освящения государства как надклассового, вечного и неприкосновенного (для рабочих) института пробивается на каждой странице между строк весьма ощутительно. Тем самым его работа теряет всякое научное значение, а Каутский — право называться историком, ученым. Ибо он не более, как «ученый» шаман, впавший в транс апологетики.

И конечно было бы смешно от Каутского ожидать научного подхода к вопросу о государстве. Ибо действительно научно поступать может только марксист. Каутский же является ренегатом и врагом марксизма.

«Учение о государстве, — писал Ленин, — служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ждуть в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка» (речь о государстве, 11/VI 1919 г.).

VI

«Дифференциация внутри общины, — пишет Каутский, — возникает не на почве прогрессирующего разделения труда, а является скорее следствием стольких одной общины с другой общиной. Эту дифференциацию нельзя объяснить на основе лишь внутреннего развития отдельной общины».

Только на путях войны «мы можем найти зачатки классового деления. Ограничиваясь же рамками отдельной общины, мы далеко не уйдем в своем исследовании» (стр. 70, 71).

Для объяснения возникновения классов Каутский привлекает ту же методологическую схему, какую он употребил в вопросе о государстве. Процесс возникновения (собственно не возникновения, а, как мы видели, лишь увеличения, расширения от природы уже существующих зачатков) государства есть одновременно процесс возникновения классов. Государство формирует классы. Классы возникают, как и государство, из военного столкновения разноплеменных общин, а не из внутренней дифференциации общины. Тем самым Каутский и в вопросе о классах с самого начала оказывается в резком противоречии с марксизмом.

Марксизм в этом вопросе состоит в том, что классы возникли в результате общественного разделения труда и на той его стадии, когда производиться могло больше, чем в то же время потребляться, таким образом могла возникнуть частная собственность на средства потребления и средства производства.

До классов были только профессии, вещает Каутский (стр. 14). Внеклассовое (точнее было бы сказать доклассовое общество, но так как

Каутский считает профессию вечной категорией, он говорит: внеклассовое общество — это общество профессий.

В основе же профессий лежит разделение труда. Но об общественном разделении труда у Каутского нет и речи. О каком же разделении труда идет речь? «Первой особой профессией», на основе которой происходит дальнейшее разделение труда, является «первобытная интеллигенция» (стр. 19), конкретные носители знания. Не общественное производство является причиной и основой существования этой профессии. В качестве этой основы у Каутского выступает рост познания, а материальными формами этого роста являются цехи, клубы и различного рода организации. Каутский вплотную подходит к выводу, что ростом знания и его дифференциацией определяется и дифференциация всех общественных отношений.

«Я вывожу происхождение профессий (множественное число! — П. В.) интеллигенции... — пишет Каутский, — из наличия познавательного материала, которым отдельный средний человек не в состоянии уже овладеть и который сохраняет и развивает дальше специально созданные для этого организации» (стр. 24).

Таким образом о производстве средств существования и о возникающих на этой основе людских производственных общественных отношениях у Каутского нет и речи. Сначала в сфере умственного труда, в среде интеллигенции, которая не возникает, но принимается Каутским (как «особая» и «первая») за изначально данную, существующую, развиваются интеллигентские же профессии вплоть до деления наук на чистые и прикладные! Это дробление одной интеллигентской профессии на многие зависит, по Каутскому, не от трудового опыта, не от практики, ни тем более от примитивного процесса и способа производства, но исключительно «от объема познавательного материала» (стр. 25) и связано отнюдь не с развитием производства, но «с растущим объемом знаний» (стр. 26). Конечно Каутский не забывает при этом вскользь упомянуть о «техническом прогрессе» как причине развития профессии интеллигенции. Но это лишь для красного словца, лишь для того, чтобы не казаться белой вороной даже среди ревизионистов. На самом деле, если сравнить это замечание Каутского с рассуждениями на той же странице и если учесть, что, по Каутскому, технический прогресс начинается лишь с капитализмом, а до капитализма господствуют лишь наука и философия, то совершенно ясным становится, что Каутский делает реверанс в сторону «технических условий» лишь для блезиру.

На той же странице Каутский разъясняет «необходимость разделения труда между умственными работниками».

«Мистицизм и склонность к фантазиям, которые многие относят к работе воображения и обману со стороны отдельных знахарей, есть продукт эпохи, предшествующей появлению профессий интеллигенции. Эта последняя не внесла здесь ничего нового, а частью усвоила сама эти методы, частью приспособила к новому опыту» (стр. 25).

Еще раз читатель может убедиться, что развитие и дифференциация умственного труда происходят, по Каутскому, не на основе производственной деятельности людей, что интеллигенция не играет производственной роли, но является лишь хранилищем передаваемых из века в век традиций и сказаний, рожденных (это заметьте!) из склонности к фантазиям и мистицизму. Тем самым все объяснение Каутского приобретает мистический оттенок.

Не только начало первобытным временам и первым общественным отношениям было положено интеллигенцией, но и капиталистический способ производства был создан интеллигенцией.

Выделяя интеллигентный умственный труд как фактор, определяющий профессиональную и классовую дифференциацию, Каутский становится на

махо-богдановские позиции в вопросе о классах. Процесс возникновения и развития материальных производственных отношений подменяется у этой школы процессом идейной и идеологической дифференциации, ростом знания и задачей «приспособления знаний к новому опыту». Это — что касается философской стороны.

Со стороны же политической апологетический характер подобных построений Каутского выступает вполне отчетливо. Каутский снимает с капитализма всю вину за разрыв труда на умственный и физический и противопоставление одного другому, вину за разделение наук на «чистые» и «прикладные». По мнению Каутского, все это произошло задолго до того, как возникли классы, и возникновение эксплуатации здесь не при чем. Более объективные буржуазные исследователи не отрицают того факта, что расщепление труда на умственный и физический, разрыв теории и практики есть более позднее явление.

Например Даннеман устанавливает, что первая наука совпадала с философией и практикой. Наука возникла из практики и вначале была неразрывна с ней. О том, что геометрия возникла у египтян из практической потребности измерения земли, было известно еще Геродоту. Точно так же и астрономия возникла из потребностей мореплавания и лишь впоследствии выродилась (ausartete) — с появлением касты жрецов — в астрологию¹⁾.

Математика была особенно плодотворной, пока соединялась с экспериментальным исследованием, практикой. Из-за отрыва от жизни математика у пифагорийцев (V век до нашей эры) выродилась в мистику (там же, стр. 78 — 81). Мировоззрение, предрассудок, что опытное исследование недостойно мудреца, но есть дело «низшей доли» (по выражению Платона), т. е. раба, расцвело в эпоху Аристотеля (III век до нашей эры) и было связано с рабским способом производства, вступившим в Греции уже в стадию разложения.

Мы нарочно привели пример из области развития естествознания, ибо Каутский напирает на профессиональное разделение труда среди научной интеллигенции.

Не показав, как и почему возникли профессии, Каутский затем заявляет, что профессии никогда не исчезнут, наоборот, они умножатся и профессиональная дифференциация общества будет постоянно возрастать (стр. 29).

«Правда, здесь ссылаются на Фридриха Энгельса, который высказывался в противоположном духе» (стр. 29).

Но разве казуист Каутский не сумеет обойти Энгельса?! И разве может этот адвокат буржуазии признать переходящим хоть один атрибут капиталистического способа производства?! Ведь сделай это — он изменил бы своей собственной природе буржуазного апологета-доктринера!

Маркс и Энгельс, заявляет Каутский, когда они говорили об уничтожении профессиональной дифференциации, находились под сильным влиянием утопистов (стр. 30) и «усвоили их тенденции» (стр. 33). Каутский утопизмом не страдает... Поэтому он может согласиться с Энгельсом, если вычесть этот мнимый «утопизм» и сопроводить энгельсовское положение некоторой оговоркой: «старое разделение труда» будет уничтожено. Но это произойдет не при коммунизме, а при... капитализме, ибо «развитие техники» — вот что является единственной предпосылкой этого уничтожения! (стр. 34). «Утопизм» Энгельса оказывается состоит в том, что неперменной предпосылкой уничтожения старого разделения труда, доведенного капитализмом до абсурда, является пролетарская революция и развитие социалистического производства.

Так, считая капитализм несколько не повинным в профессиональном разделении труда, Каутский приписывает капитализму за службу ликвидации, изживания этого дробления.

¹⁾ F. Danne mann, Die Naturwissenschaften, etc. Bd. I, стр. 20.

Но как после этого квалифицировать уверения Каутского в том, что вышеизложенное есть «продолжение хода мысли Маркса о классах»? (стр. 7).

Классы, по мнению Каутского, не предшествуют государству, но формируются государством. Классы, как и государство, возникают вследствие соединения, в результате войны двух разноплеменных общин (стр. 77).

Классы следовательно выросли из племенных различий. Но чем, спрашивается, отличается такая теория от расовой теории.

Каутский высказывается против расовой теории, против объяснения государства и классовой борьбы расовыми особенностями или свойствами. Но борясь с буржуазным расовым натурализмом, Каутский противопоставляет последнему отнюдь не марксистское понимание истории, но лишь другой вид натурализма — учение о роли географической среды и племенных различиях общин, психологический склад которых (племен) определяется этой средой. В конечном итоге получается, что вместо расовых различий вводятся племенные и следовательно Каутский возвращается к расовой теории в смягченной форме.

Каутский не только признается, что он когда-то придерживался расовой теории Гумпловича, но даже оспаривает у последнего пальму первенства, доказывая, что он, Каутский, развил аналогичные взгляды на 7 лет раньше Гумпловича (стр. 80). Но затем Каутский познакомился с марксизмом, испытал «марксистское влияние»... Гумплович и Энгельс долго борются в груди Каутского и наконец решительно побеждает... Оппенгеймер! (стр. 84). Как бы в силу закона параллелограмма сил Оппенгеймер оказался результатом, равнодействующей между марксизмом и расовой теорией, а Каутский нашел компромисс (конечно за счет марксизма!). Каутский считает, что развитие происходит иногда по Энгельсу, а иногда по Гумпловичу: то и другое в сумме дает (будто бы) теорию Оппенгеймера.

Каутский мастер ставить рядом различные решения вопроса. Каутскому совершенно чуждо понимание классов как больших групп людей, из которых одна эксплуатирует труд другой, как групп людей, объединенных одинаковым отношением к средствам производства, общей ролью и местом в исторически определенной системе общественного труда.

Как мы уже видели, наличие бедных и богатых не является для Каутского признаком и наличием классовой дифференциации в общине. Вообще трудно добиться от Каутского ясного ответа на вопрос, что такое общественный класс. Имеется много оснований предполагать, что Каутский сознательно затемняет этот вопрос.

Очень часто он называет классом правящую группу государственных политических деятелей. Иногда классом он называет ту или иную партию. Так, на стр. 268 сказано, что большевики и фашисты (социал-фашист Каутский ставит их рядом!) «превратили свои партии в привилегированный класс в государстве». Точно так же теоретическая путаница на тему о том, является ли интеллигенция особым классом или нет, заканчивается вопросом: «Но где тот общий интерес, который мог бы объединить их в один класс?» (стр. 493). Признак класса Каутский видит следовательно в «общем интересе». Производственный признак (отношение к средствам производства и другим классам) благополучно исчез. Но так как в обществе у самых различных людей могут быть многие «общие интересы», то выходит, что в обществе бесконечное множество классов. Во всяком случае ясная картина классовой структуры общества смазана, затушевана.

Марксистское учение о двух основных классах каждой антагонистической формации прямо отрицается и объявляется выдумкой... большевиков — этих «ужасных» людей, у которых, как у строгих марксистов, никогда не сходят с уст слова, фразы (!) о «классовой борьбе пролетариата» (стр. 515). Еще раньше двухтомника Каутский писал: «Большевицкий спо-

соб мышления... видит только или диктатуру капитала или диктатуру пролетариата... и ничего посредине» ¹).

Нападая на большевиков, которых он объявляет бакунистами, Каутский однако хорошо знает свои тайные намерения — нанести удар марксизму. Критикуя учение о классовой борьбе, как будто бы выдуманное большевиками, Каутский тем самым прямо нападает на «Коммунистический манифест», где сказано:

«История всего предшествующего общества есть история борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, угнетатели и угнетенные находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, которая каждый раз кончалась революционным переустройством общества или совместной гибелью борющихся классов».

Каутский возражает:

«До сих пор еще нередко думают, — пишет он, — что всюду и везде существуют только два класса, борьба которых заполняет всю историю, безразлично, именуются ли эти классы: богатые и бедные, господствующие и угнетенные, эксплуататоры и эксплуатируемые. Мы сами были вынуждены часто в предыдущем изложении употреблять эти выражения (таким образом, встречая иногда у Каутского марксистские «выражения», ни на минуту нельзя быть уверенным, что он после не объявит их вспомогательными абстракциями или временными допущениями! — П. В.). Но как ни необходимы абстракции (?) для выяснения многих отношений при пользовании ими никогда не нужно забывать многообразия тех явлений, из соединения общих признаков которых и создаются абстракции» (стр. 296).

Dieser langen Reden kurzer Sinn состоит попросту в том, что деление современного общества на два классово враждебных лагеря объявляется абстракцией, лишенной многообразия явлений, т. е. пустой абстракцией. Конечно для ползучего и ползающего перед фашизмом эмпирика Каутского вовсе не был бы убедительным маленький экскурс в область диалектики за разъяснением, в каком отношении находится абстракция к конкретному многообразию явлений. Мы поэтому сошлемся здесь лишь на замечание Ленина, что абстракция (если она научная, правильная, серьезная, а не вздорная абстракция) не отходит от истины, а подходит к ней. Научные абстракции отражают природу вещей глубже, вернее, полнее (см. Лен. сб. IX, стр. 183). И в данном случае «абстрактное» учение марксизма о том, что классовое общество делится на два враждебных лагеря, бесконечно ближе к действительности и полнее ее отражает, чем мнимое «конкретные» представления о многообразии, которыми так бахвалится Каутский.

Но Каутский недаром игнорирует диалектику. Он делает это, чтобы притупить марксизм, затушевать классовую борьбу. «Мелкобуржуазным демократам, — писал Ленин, — свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы» ²).

Каутский, решительный противник всяких ясных разграничений в классовой борьбе, напоминает (во имя «конкретного» подхода и против «большевистских» абстракций!), что «как отдельные виды животных, так и общественные классы в реальной действительности разграничены между собой не так отчетливо, как это должно быть теоретически, и часто связаны между собой через многочисленные промежуточные прослойки» (стр. 522).

Итак, сложность общественных отношений и многообразие проявлений классовой борьбы служат для теоретика II интернационала основанием к

¹) Kautsky, Die Internationale, etc; стр. 22.

²) Ленин, Соч., т. XIV, стр. 347.

тому, чтобы отказаться от теоретического анализа и разграничения классовых антиподов в обществе. Однако самый этот теоретический трюк делается в определенных классовых интересах буржуазии: замазать непримиримость классовых противоречий, создать иллюзию общности интересов. И недаром Каутский напоминает, что не следует-де забывать наряду с классовой борьбой многообразных «общих интересов», согласно которым группируются люди в обществе.

Из «Коммунистического манифеста», как и из всех других произведений классиков марксизма, известно, что история человечества с тех времен, как мы о ней имеем письменные свидетельства, была историей классовой борьбы. Кто отрицает это, тот отказывается от материалистического понимания истории, которое дает нам единственно верную, научную картину и понимание исторического движения общества.

«Вся история, — писал Ленин, — полна непрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянувшиеся войны за освобождение от рабства (далее Ленин рассказывает о восстании Спартака. Между прочим характерно, что это грандиозное восстание, 2 тысячи лет назад потрясшее все основы всемогущей Римской империи, любителем древности Каутским даже не упоминается в его книге! — П. В.). Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества. Я сейчас привел пример самой крупной из таких гражданских войн в эпоху рабовладения. Вся эпоха крепостного права полна равным образом постоянными восстаниями крестьян» (и далее Ленин говорит о крестьянских движениях в Германии в средние века и в России) (речь Ленина в Свердловском ун-те 11/VI 1919 г., разрядка моя. — П. В.).

Каутскому конечно известны все факты, приводимые Лениным для доказательства той мысли, что история классового общества есть история непрерывной классовой борьбы. Но Каутский — буржуазный апологет, а потому он не только замалчивает исторические факты, но даже отрицает классовую борьбу в истории, стремясь дело представить так, что на протяжении тысячелетий будто бы происходило мирное развитие демократии, нарушаемое лишь печальными, достойными сожаления, «бесмысленными» действиями масс.

По мнению Каутского, в восточных государствах классовой борьбы вообще не было, а отдельные случаи ее проявления были бессмысленны. Вместо классовой борьбы в восточных деспотиях массовой заботой было снискание благоволения повелителя (стр. 304). В античном мире классовая борьба была безрезультатной (стр. 353). В обоих случаях не классовые интересы были стимулами этой борьбы, но потребности. И даже не потребности в пище, одежде, жилище, но в первую очередь потребности в наслаждении. Отсюда то исключительное значение в судьбах народов, классов и государств, которое придает Каутский пьянству и женщинам (гаремы, проституция) (стр. 313). В объяснении отдельных проявлений классовой борьбы Каутский, как и подобает идеалисту, исходит не из жизненных, реальных интересов классов-антагонистов, а из их настроений, желаний, психологии и т. п.

Если так слабо обстояло с классовой борьбой, то тем блестящее выглядит «демократия». Каутский в восторге от «первообытной демократии» (в которой он усматривает нечто похожее на буржуазную демократию). Снова и снова вчитывается он в экономические описания различных путешественников того, как «совсем незаметно» делились общины «без малейшего упоминания о каких-либо больших революциях или жестокой внутренней борьбе» (цитата из фон-Сеека, стр. 124). Каутский приходит в умиление перед такими

картинами демократических идиллий, не нарушаемых ни фашистами ни большевиками...

Бесьма длительные периоды дикости и варварства были, по Каутскому, периодом господства «демократического строя» (стр. 249). Классовой борьбы в этот период нет и в помине. Имеется лишь моральное возмущение низших слоев (стр. 297) или изредка «бессмысленные действия толпы». Правда, несколько иначе обстоит дело среди господствующих классов, грамотных и образованных его представителей. Тут действительно были классовые (!) разногласия из-за форм и способов эксплуатации (стр. 303).

До капитализма угнетенные вообще ограничивались «оппозицией в сфере мысли»: по адресу эксплуататоров направлялись моральные увещевания без всяких попыток добиться от них чего-либо путем принуждения (стр. 401). А еще раньше о более ранних временах Каутский говорит: «На сцену выступает не борьба классов, а борьба морального характера против дурных свойств отдельных личностей» (стр. 297). Таков «великий урок» классовой борьбы, извлеченный Каутским из многовековой истории! Такой вывод ему необходим для подтверждения того тезиса социал-фашистских теоретиков «меньшего зла», что и в современности классовая борьба не должна доходить до попыток добиться чего-нибудь от буржуазии «путем принуждения». И в современных условиях классовая борьба, по Каутскому, есть и должна остаться «борьбой мыслей».

Можно ли себе представить более филистерское, мещанское опошление идеи классовой борьбы, являющейся осью всего материалистического понимания истории у Маркса—Ленина?

Что касается демократии, то Каутский с целью увековечения буржуазной демократии (à la гинденбурговская республика) доказывает, что она в виде «первобытной демократии» существовала извечно и заложена в самой природе человека.

«Человек по своей природе, — пишет Каутский, — не только социальное, но и демократическое существо, или, вернее говоря, стремление к демократической деятельности является одной из сторон его социальной природы, которую он унаследовал от своих животных предков».

Для всякого, хоть немного знакомого с марксизмом и материалистическим пониманием истории, утверждения Каутского звучат нелепостью. Но кроме этого мы должны сделать отсюда еще вывод, что интересы классовой борьбы (как бы ее ни отрицал Каутский) сильнее стремлений к научной объективности. Каутский вынужден высказывать нелепые вещи потому, что этого требует буржуазия, интересы которой Каутский обслуживает.

Свои ругавды о «первобытной демократии» Каутский то и дело перемежает припевами по адресу большевиков (например стр. 268). Эти смешные сами по себе выпады, ибо, как известно, большевики никогда не покушались на первобытную демократию, выдают однако смысл всей доисторической размазни Каутского, называемой «научным исследованием».

Мы можем подвести короткий итог: «Материалистическое понимание истории» Каутского свидетельствует о полнейшем разрыве Каутского с марксизмом и материалистическим пониманием истории в таких важнейших вопросах, как государство, классы и классовая борьба.

Каутский не марксист, а теоретик контрреволюционного социал-фашизма, хотя и прикрывает свою фашистскую наготу мишурным блеском «марксистской» терминологии.

Жизнь*)

Э. Бауэр, В. Брандендлер, Г. Гринберг

Жизнь — особая форма движения материи, форма, которая возникла и могла возникнуть только на определенной стадии развития нашей планеты при наличии определенных условий, обеспечивающих химический переход от неорганического к органическому, т. е. синтез белка, с возникновением которого возникла также и жизнь. К числу живых существ относятся: животные (в том числе человек), растения и простейшие (одноклеточные) организмы. Единицей жизни является организм — многоклеточный или одноклеточный, животный или растительный. Организм, будучи единицей в той форме движения материи, которая называется жизнью, является продуктом, результатом всего предшествовавшего исторического развития жизни. Всякое природное тело (в том числе и организм) находится в бесчисленных связях и отношениях с другими телами природы; оно постоянно, с момента своего возникновения меняется, развивается и наконец гибнет. Это развитие и изменение есть вещественное, материальное изменение. В неорганической природе потеря и приобретение вещества в основном безразличны для самого тела, поскольку это тело активно не меняет воспринимаемого вещества, а получает его готовым, как например кристалл. Но с возникновением живого вещества дело существенно меняется. Живой белок представляет собою уже материю на такой ступени развития, когда для нее наиболее характерным является своеобразный, отличный по существу от неорганической природы, обмен вещества с окружающей средой. В процессе жизнедеятельности организма (каковы бы ни были ее формы) живой белок разлагается и освобождает при этом энергию для своей деятельности. Этот распад проходит через многочисленные промежуточные стадии вплоть до простых конечных продуктов, которые у разных животных и растений различны и которые выделяются затем из организма. Этот процесс называется диссимиляцией. С другой стороны, всякий организм захватывает из окружающей природы посторонние, «чуждые» по своей структуре вещества. Путем сложных биохимических процессов организмы превращают эти посторонние вещества в вещества своего тела, в данный своеобразный для определенного типа организма белок, тождественный с белком данного организма. Этот процесс носит название ассимиляции.

Двусторонний процесс обмена веществ (а следовательно и энергии) белка есть то наиболее существенное, что отличает жизнь как особую форму движения материи. В этом процессе организм непрерывно восстанавливает самого себя как индивид, противопоставляя себя этим остальной внешней

*) Статья «Жизнь» написана для БСЭ. Редакция «ПЗМ», идя навстречу пожеланиям редакции БСЭ, помещает эту статью в порядке обсуждения до ее опубликования в БСЭ с тем, чтобы учесть все соответствующие замечания и возможные возражения.—Ред. «ПЗМ».

природе. Это активное отношение к окружающей природе уже на самых низших ступенях развития жизни существует в форме возбудимости (раздражимость, чувствительность) организма и проявляется например в усвоении пищи. Возбудимость эта обуславливает различную активную реакцию организма на различные внешние воздействия (физические, химические, биологические). В меру развития, усложнения и дифференциации организма развивается, усложняется и дифференцируется способность организма определять свое отношение к внешним воздействиям. В то время как у амебы нет специальных дифференцированных органов для функции раздражимости, у высших животных, включая и человека, мы находим высокоразвитые органы чувств и нервную систему. Активное отношение организма к внешней природе, проявляющееся в диссимилиации и ассимиляции, протекает, как правило, планомерным образом. Разумеется, что этот «планомерный образ действий» существует в зародыше везде, где живой белок существует и реагирует, т. е. совершает хотя бы самые простые движения как следствие определенных раздражений извне. Такая реакция имеет место уже там, где нет еще никакой клетки, не говоря уже о нервной клетке» (Энгельс, «Диалектика природы»). Таким образом каждый, даже самый элементарный, организм является в известной мере суб'ектом, хотя бы в зародыше.

1. **Признаки жизни.** Знакомство с жизнью первоначально ограничивалось узким кругом сравнительно высокоразвитых организмов. Еще во времена Линнея (XVIII в.) наиболее просто организованные существа, несмотря на их разнообразие, все объединялись под общим названием «червей»; мир микроскопических существ с его огромным богатством форм открыт всего около 200 лет назад. Поэтому обычное представление о жизни основывается прежде всего на наиболее часто встречающихся в обыденной жизни и бросающихся в глаза отличиях живого от неживого, — «признаках жизни». Живые существа дышат; на этом основывается сохранившееся еще и теперь в религиях представление первобытных дикарей о дыхании, «душе», оживляющей тело. Но существует множество организмов, которые не производят никаких движений для дыхания, а поглощают кислород поверхностью тела. Но и поглощение кислорода не есть исключительный признак жизни: во-первых, существует множество живых существ, которые не только не поглощают атмосферного кислорода, но даже не могут жить в его присутствии (так называемые строгие анаэробы); а во-вторых, поглощают атмосферный кислород не только живые существа: железо ржавеет, медь окисляется и т. д. — живые существа питаются; если иметь здесь в виду поглощение и преобразование веществ, получаемых извне, то и этот признак не может характеризовать жизнь. Румблер воспроизводил на каплях парафина и др. неживых тел движения одноклеточного по восприятию пищи. Он показал, что капля хлороформа например втягивает в себя покрытую шеллаком тончайшую стеклянную нить и, после того как последняя освободится от корки шеллака, она опять выталкивается вон. Точно так же и рост, как увеличение массы тела известного строения, свойственен например кристаллам или «искусственным клеткам» Траубе. — Не только живые существа размножаются, — это происходит в определенных условиях с кристаллами различных веществ. Эти кристаллы обладают также способностью восстанавливать отломанную часть своего тела (регенерация). — Заведомо неживые тела по форме зачастую схожи с живыми организмами. Так, замерзшие пары воды на стекле по форме напоминают растения; Ледюк, Квинке, Бенедикт, Штадельман в своих опытах с осмотическим давлением на полупроницаемых осадочных мембранах, образующихся в ряде жидкостей, получили воспроизведение форм шампиньонов, ветвей, конечностей животных и т. д. — Точно так же самостоятельное движение вовсе не свойственно всем живым существам: большинство растений и множество животных в течение всей

жизни прикреплены к одному месту,—и тем не менее они живы; существует множество способов, при помощи которых можно воспроизвести движения живых существ. Это достигается например в различного рода неорганических «искусственных» клетках. В растворе, содержащем соду, масляная капля постоянно выпускает отростки подобно амебе. Искусственная клетка Ледюка движется в ненасыщенном растворе нитрата-калия по направлению к находящемуся в растворе кристаллу этого нитрата, а под действием алкогольных паров может быть двинута в обратном направлении. Зернышки туши в водяной капле, наполовину освещенной, наполовину затемненной, проворно уходят от света и собираются в темной части. — Раздражимость, принимаемая также за один из признаков жизни и заключающаяся, по наиболее распространенному определению, в том, что организм реагирует на внешние воздействия таким эффектом, который по своей силе, месту и характеру не соответствует силе, месту и характеру внешнего воздействия, также не может считаться абсолютным признаком жизни, так как и в неживой природе наблюдается ряд фактов, в полной мере укладывающихся в эту характеристику (выстрел, взрыв пороха, рычаг паровой машины, расслабление пружины и т. п.).

Словом, какое бы мы ни взяли внешнее проявление жизни, находится множество живых форм, которым это проявление несвойственно и которое в то же время присуще неорганическим, заведомо неживым образованиям, и нельзя поэтому указать абсолютного «признака» жизни. Внешнее сходство часто бывает настолько велико, что не раз исследователи, опытные микробиологи, наблюдая формирование и движения так называемых жидких кристаллов в растворе, утверждали, что они открыли зарождение живых существ. Сюда относятся «радиобы» Бутлера-Берка, возникающие под действием радия в стерилизованной желатине, «гелиобы» Рамзая, «эобы» или «вокуолиды» Дюбуа, получаемые от действия солей бария, радия и магния на органическую среду, а также «барийные особи» Кукука.

Это происходит от того, что жизнь имеет за собой многие тысячи лет развития, в течение которого создалось изумительное богатство форм и стношений, которые не могут быть поняты, если не основываться на этом развитии, эволюции. Между тем представление о том или ином признаке образуется главным образом путем индукции, основывается на первоначальном ознакомлении с фактами жизни, без установления связи форм жизни друг с другом. «Благодаря индукции понятия сортируются: вид, род, класс; благодаря теории развития они стали текучими, а значит и относительными; а относительные понятия не поддаются индукции» (Энгельс).

II Отличия живого от неживого. Чтобы действительно уметь отличить живое от неживого, нужно, изучив все факты жизни, найти основной процесс жизни, развитием которого являются все ее проявления. Как мы видели, нет такого «внешнего признака» жизни, который сам по себе являлся бы абсолютно характерным для живых существ. Часто говорят поэтому, что не отдельные признаки, как например обмен веществ, рост, раздражимость и т. д., отличают живые тела от неживых, а совокупность всех этих признаков является тем характерным, что их отличает. Но именно эта связь между отдельными внешними признаками, которая имеет место во всем живом мире, указывает на то, что здесь мы имеем дело с разными сторонами внешнего проявления по существу одной и той же специфической формы движения материи, и следовательно, несмотря на внешнее сходство отдельных признаков, процессы, обуславливающие эти внешние проявления, отличаются по существу от процессов, происходящих в неживых телах.

Так, процесс обмена веществ у живых организмов глубоко отличается от процессов поглощения и выделения веществ у неживых. Аналогия, которая

часто проводится между питательными веществами как топливом—источником энергии для работы организмов и топливом, как источником энергии для работы машины, не принимает во внимание как раз этих существенных отличий. В то время как у машин топливо окисляется без участия в этом химическом процессе составных частей машины (поршень, котел и т. д.) и эти части, как и вся конструкция машины, играют роль трансформатора этой энергии во внешнюю работу, у живых организмов непосредственным источником энергии для работы является диссимиляция, т. е. распад живой материи белка, распад составных частей организма. В то время как распад составных частей машины (котла, поршней, трансмиссии и т. д.) вел бы к окончательному разрушению машины, распад живой материи — белка — является необходимым условием для жизни и работы организма. В то время как в машине топливо не превращается в составные части машины, пища может служить источником энергии для функции организма лишь постольку, поскольку она уподобляется по химическому строению, по физическому состоянию входящих в ее состав атомов и молекул тому состоянию, в котором они находятся в живой материи, т. е. ассимилируются в строгом смысле этого слова. Питательные вещества принимают таким образом при ассимиляции состояние и форму движения живой материи. Для этого состояния в первую очередь характерно то, что оно непрерывно нарушается и только вследствие постоянного возобновления за счет энергии, освобождающейся при этом разрушении, распаде, мы имеем ту относительную устойчивость в строении протоплазмы, которую мы наблюдаем у живых организмов. Но если поставить организм или клетку в условия, где это постоянное возобновление (ассимиляция) невозможно (например при лишении пищи и кислорода), то протоплазма разрушается окончательно без особого внешнего вмешательства, такого типа разрушение называется автолизом.

Вопрос о том, обусловлено ли это состояние и форма движения живой протоплазмы исключительно ее многофазностью или главным образом особым состоянием и внутримолекулярным движением белковых молекул протоплазмы, до сих пор непосредственными данными решить не удалось. Большинство биологов, занимающихся в настоящее время физико-химическим строением протоплазмы, стоит на точке зрения, ясней всего высказанной Гебером в следующих словах: «Белки, углеводы, жиры, — какими мы их видим при поступлении в организм, — таким же они используются и внутри его; нет другого белка, чем тот, который мы видим в пробирке; не существует также мертвого, стабильного белка наряду с живым лабильным, как нет мертвого и живого сахара или мертвого и живого жира. Основания для большой и постоянной способности живой протоплазмы к реагированию совсем другие. Они лежат во взаимодействии всех отдельных веществ в их определенных количественных соотношениях. В этом взаимодействии—сущность проблемы обмена».

Несмотря на это, надо думать, что дальнейшие исследования покажут, что молекулы живого белка по своему состоянию и форме движения существенно отличаются от неживого белка, и точка зрения Гебера и других объясняется исключительно стремлением свести явления обмена протоплазмы к уже нам знакомым физико-химическим формам движения материи. И процессы окисления, происходящие в живом организме, по существу протекают по более сложным закономерностям, чем процессы окисления в неорганической природе. Например окисление железа или меди происходит по закону действия масс, скорость и степень окисления зависят от количества участвующих веществ, в данном случае от парциального давления кислорода. При окислении в организме такой прямой зависимости мы не имеем. Всем известно, что интенсивность окислительных процес-

сов и поглощения кислорода при пониженном парциальном давлении, например на больших высотах, в довольно значительных пределах отступает от закона действия масс. Это происходит за счет усиления кровообращения, учащения и усиления дыхательных движений, увеличения числа красных кровяных телец и т. д. И у одноклеточных, где подобные регуляторные механизмы отсутствуют, мы также наблюдаем в больших пределах отступление степени поглощения кислорода от высоты парциального давления, как это специальными опытами показал Варбург. Это отличие зависит от того, что окислительные процессы в живых существах связаны с диссимилиацией, благодаря чему вся реакция приобретает гораздо более сложный характер и не исчерпывается химическим законом действия масс.

Явления раздражимости, выражающиеся в различного рода активных движениях живого организма, также лишь внешне сходны с явлениями разряда в неорганической природе. В то время как разряд в неорганической природе не сопровождается самопроизвольным восстановлением исходного положения, в организме обычно происходит этот восстановительный процесс, хотя и не всегда восстанавливается состояние, строго тождественное с исходным. Как правило, эти «разряды» в организме могут повторяться бесконечное число раз. Это происходит оттого, что организм не представляет собой автомата, настроенный на определенное стереотипное движение; характер каждого движения организма в ответ на внешнее раздражение определяется специфической природой организма, обусловленной всем историческим развитием жизни.

Отличие процесса роста неживых кристаллов от роста живой протоплазмы на основании вышеизложенного об обмене веществ у живых организмов и о состоянии живой материи также становится ясным. В то время как рост кристалла обусловлен тем, что в насыщенном растворе самым устойчивым в термодинамическом смысле является кристаллическое состояние, и здесь переход из растворенного состояния в кристаллическое не требует работы, соответственного изменения состояния или распада растущего кристалла — рост живой протоплазмы обусловлен глубокой перестройкой воспринимаемых веществ, их ассимиляцией за счет постоянного разрушения самой растущей протоплазмы. В физическом смысле кристалл является самым устойчивым состоянием. Живая же протоплазма, как мы уже видели, является в физическом смысле неустойчивой, она без работы организма не может сохраняться и постоянно разрушается. Сходство с кристаллом только в устойчивости, но устойчивость кристалла обусловлена закономерностями физико-химическими, устойчивость же и рост живой материи обусловлены биологическими законами, имеющими свою основу в особой форме движения живой материи. Попытки обосновать эту устойчивость на основании нам известных физико-химических условий устойчивости вели к многочисленным аналогиям с кристаллизацией (Пфлюгер).

III. Определение жизни. Полностью определить жизнь, т. е. указать ее пределы в природе, значит перечислить все проявления жизни в их связи между собой и с другими явлениями природы. Очевидно, что в каждый данный момент определение может быть лишь неполным, приблизительным; вся наука о жизни, биология в целом, составляет это определение. Но при определении жизни речь идет обычно об указании наиболее характерного, общего для всех организмов существенного отношения, составляющего основную закономерность жизни. Такое краткое определение жизни зависит конечно от достигнутого уровня науки, от характера понимания закономерностей природы, т. е. от мировоззрения автора определения; в нем выражается представление автора об итогах изучения жизни и намечается некоторый путь дальнейшего ее познания.

Все существующие определения жизни можно разбить на две группы. В одной жизнь определяется как некоторый абстрактный принцип движения более или менее внешний, во всяком случае отделимый от носителя движения. Этого рода определения жизни или исходят из идеалистического представления о ней или оставляют лазейку для него. Другая группа определений жизни рассматривает ее как форму движения определенного материального субстрата; такие определения жизни носят материалистический характер.

Из первой группы приведем определение Аристотеля: «Жизнь — есть питание, рост и одряхление, причина которых есть принцип, имеющий цель в самом себе». В этом определении Аристотеля не только отражается примитивное еще состояние науки о жизни, но определение признаков жизни подчиняется антропоморфически трактуемому принципу цели. Кювье определяет жизнь как «вихрь с постоянным направлением, в этом вихре материя менее существенна, чем форма». Это определение отражает метафизический период в развитии естествознания, когда наука о жизни ограничивалась главным образом описанием и систематизацией различных форм живых существ. Определение Биша — «Жизнь есть совокупность отправлений, сопротивляющихся смерти» — вовсе не ответ: ведь смерть соотносительна жизни, и кто не знает, что такое жизнь, не знает и что такое смерть. По Спенсеру «жизнь есть определенное сочетание разнородных одновременных и последовательных изменений, происходящих внутри организма в зависимости от одновременных и последовательных изменений внешней среды». Спенсер, с присущей ему абстрактностью, описывает здесь приспособление как основу жизни; так как любая система в природе соотносится с окружающей средой и видоизменяется под ее влиянием, то расплывчатое определение Спенсера дает ему возможность подводить под понятие живого организма общество, государство и т. д.

Из другой группы определений жизни приведем определение Ферворна, которое носит в указанном выше смысле материалистический характер, хотя сам Ферворн по своему мировоззрению должен быть отнесен к махистскому направлению в физиологии: «Принципиального различия между живыми организмами и неорганическими телами нет. Организмы все без исключения состоят из некоторых крайне сложных химических соединений, между которыми первое место занимают белки. В основе жизненного процесса лежит обмен веществ белковых соединений». Недостатком этого определения является то, что здесь жизнь рассматривается как обычный химический процесс, отличающийся только большей сложностью участвующих в нем химических соединений; тем самым упускается своеобразие жизни.

Замечательное, сохранившее все свое значение и для нынешнего состояния науки о жизни определение ее дал Энгельс: «Жизнь есть форма существования белковых тел, и эта форма существования заключается по существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел». Это определение имеет большое научное значение, так как оно, во-первых, указывает общее, связь жизни с другими явлениями природы и закономерность ее, во-вторых, устанавливает особенность, своеобразие жизни, выставляя требование изучения исторического происхождения этой формы движения, в-третьих, указывает путь дальнейшего познания жизни, ибо дает основу, которая связывает все единичные проявления жизни.

IV. Происхождение жизни. Вопрос о происхождении жизни на земле представляет один из чрезвычайно острых вопросов науки, и философская борьба вокруг этого вопроса отражает борьбу классов общества. На протяжении всего средневековья и в значительной мере до середины XIX в., со времени Аристотеля и с последующего благословения отцов церкви, в том числе и Августина, считалось, что возникновение жизни происходит постоянно и повсеместно путем так

называемого самопроизвольного зарождения (*generatio aequivoca* или *G. spontanea*). По этому представлению, черви, насекомые и рыбы могут самопроизвольно зародиться в иле, мыши — в преющей и грязной муке и т. д. Составлялись даже специальные рецепты соответствующих настоев воды, смеси муки с грязными тряпками и т. п. для воспроизведения определенных видов животных. Впервые в 1668 г. Реди выступил с экспериментальным опровержением этого мифического представления. Он показал, что все те животные, которые рассматривались как самопроизвольно зарождающиеся, возникают из материнского яйца. Его утверждение совпадает с выдвинутым Гарвеем положением: *Omne vivum ex ovo* (все живое из яйца).

Учение о самопроизвольном зарождении получило новую кажущуюся точку опоры благодаря открытию микроскопа. Раскрылся новый мир живых существ, до того совершенно неизвестный. Различные настои воды кишели громадным количеством инфузорий и других микроскопических существ. Утверждали, что они-то и возникают непосредственно в этих настоях из гниющего органического вещества или неорганических веществ. Однако дальнейшие исследования показали, что и это неверно: инфузории и др. микроскопические организмы появляются благодаря предварительному наличию (или занесению из воздуха) в этих настоях зародышей или спор соответствующих микроскопических существ. Без наличия зародышей и спор эти настои, из чего бы они ни были приготовлены, могут стоять неопределенно долгий срок, и в них никакие микроорганизмы не появятся. Особенно убедительные опыты против самопроизвольного зарождения были проведены Пастером уже во второй половине XIX в. и они окончательно опровергли этот взгляд на возникновение живых существ, в том числе и микроскопических. Но опытами Пастера ни в какой мере не решался вопрос о происхождении жизни вообще.

На основе опытов и наблюдений последних лет, касающихся бактериофагов (д'Эрель), хламидозоев (Провачек) и др. ультрамикроскопических существ, иногда объединяемых термином пробионты, — представление о возможности самопроизвольного зарождения выдвигается вновь (Эренберг, Румблер и др.). Считают, что эти ультрамикроскопические существа или еще более элементарные организмы, называемые даже полуживыми, могут зародиться непосредственно из веществ неживой природы.

Другого рода теории основываются на признании вечности жизни. Рихтер в 1865 г. выдвинул впервые эту теорию. Он утверждал, что все мировое пространство заполнено жизнеспособными зародышами низших организмов (позже его взгляд был назван теорией космозоев), отделившихся от тех мировых тел, на которых имеются организмы, создающие эти зародыши. Когда зародыши из мирового пространства тем или иным путем попадают на какую-либо планету, где имеются благоприятные условия температуры и влажности, они начинают развиваться и создают все богатство и разнообразие фауны и флоры («*Omne vivum ab aeternitate e cellula*», т. е. все живое извечно происходит из клетки). Таким образом вопрос сводится не к тому, как возникла на земле жизнь, а как она была занесена сюда. Несколько позже этот же взгляд поддерживали Гельмгольц и Томсон, утверждавшие, что зародыши могут быть занесены на землю метеорами, которые при своем падении накаляются только с поверхности, в центральных же частях, содержащих иногда углеродные соединения, температура повышается незначительно. Между прочим Гельмгольц очень наивно защищал свой взгляд еще и тем аргументом, что, мол, до сих пор искусственно ни один организм не был создан. Такую же точку зрения позже развивал Аррениус, исходящий из того факта, что всюду на земле вплоть до очень высоких слоев атмосферы распространены споры микробов. Свой взгляд, получивший название теории панспермии, он пытался опереть на незадолго перед его выступлением открытое

световое давление, под влиянием которого споры микробов, грибов, водорослей, закапсулированные простейшие и т. п. могут быть вытолкнуты в межпланетное пространство, оттуда попасть на другие мировые тела и дать там начало развитию живых организмов. В самое последнее время идея вечности жизни вновь выдвинута Шульце. Он утверждает наличие элементарных организмов, гораздо более простых нежели бактериальные споры, и называет их биогенами. Роль этих биогенов в гипотезе Шульце такая же, как роль зародышей микроорганизмов в гипотезах Рихтера и Аррениуса. Доказательство Шульце чисто схоластическое. Организм — машина. Но ведь для всякой машины необходимо наличие строителя, создавшего эту машину по определенному плану. При допущении, что живые организмы на земле когда-то возникли, необходимо допустить, что до их возникновения существовал и строитель (будь то наиндивидуальная жизненная сила или бог). Однако это противоречит машинной теории жизни. Следовательно жизнь никогда не возникла, она существует вечно, биогены переносят ее с одной планеты на другую. Здесь мы имеем дело с полным вырождением теории вечности жизни, показывающим ее полную бесплодность и фантастичность.

Особняком во всех этих теориях о вечности жизни стоит взгляд Прейера (1880). Развивая свою чисто идеалистическую концепцию о всеобщей одухотворенности, он отвергал как происхождение жизни на земле, так и теорию о космосах. С его точки зрения вопрос поставлен неправильно: неверно, что живое возникает из неживого, наоборот, все неживое есть продукт жизни. Земля в раскаленном состоянии, как и любая туманность или раскаленная звезда, представляет собой живой организм. По мере охлаждения земли «протоплазма необходимо должна была остаться после того, как тела, считающиеся в настоящее время за неорганические, выделялись на охлажденной поверхности раскаленной планеты, вследствие интенсивной деятельности последней».

В противоположность этим идеалистическим и метафизическим воззрениям о вечности жизни ряд естествоиспытателей, стоя на точке зрения возникновения и развития жизни на земле, пытался создать определенные и конкретные гипотезы происхождения жизни. Геккель (1866) выступил решительным противником того взгляда, что жизнь занесена на землю извне. Суть его воззрения сводилась к следующему. Гипотеза самопроизвольного зарождения, в том виде как она существовала прежде, неправильна. Однако жизнь на земле возникла в определенную геологическую эпоху. Первичное зарождение (архигония) привело к образованию недифференцированных монер, из которых затем развилось все многообразие растительного и животного мира. Не исключена возможность того, что архигония происходит и сейчас. Пфлюгер (1875) впервые выдвинул химическую гипотезу возникновения белковых тел, а следовательно и жизни, согласно которой основным химическим радикалом, определяющим живой белок, является циан (С N). Благодаря его способности входить в самые различные соединения как с углеводородами, так и с другими химическими веществами, образовался живой белок. Аллен выводил образование живого белка из способности азота давать многочисленные соединения различной степени окисления. Дальнейшее развитие химии (в особенности коллоидной) и биологии привело к взгляду, согласно которому возникновение жизни связано с длительными коллоидными процессами растворенных в горячих морях органических соединений, образовавшихся уже к моменту возникновения морей при взаимодействии карбидов и перегретого водяного пара.

Современное естествознание не дает еще конкретного решения вопроса, какие стадии химического превращения прошло развитие материи до образования первых, еще недифференцированных белковых тел, обнаруживающих явления жизни и совершающих обмен веществ. Разумеется, между об-

разованием первых недифференцированных белковых тел, с одной стороны, и возникновением дифференцированной клетки—с другой, лежит эпоха сложного и длительного развития. Это конкретное решение необходимо будет зависеть от успешного развития химии белка, от его синтеза. Отсутствие этих данных—один из поводов многочисленных штатаний естествоиспытателей в этой проблеме. Однако отсутствие вполне установленных знаний о химическом процессе происхождения жизни не представляет затруднений для оценки тех взглядов, которые выше были изложены. Теории вечности жизни, какую бы форму они ни принимали, вырывают пропасть между миром органическим и неорганическим, устанавливают абсолютное различие органического и неорганического. Будучи развиты до своих конечных выводов, они неизбежно приводят к отрицанию перехода одной формы движения материи в другую, а тем самым к отрицанию развития вообще и упрочению метафизического взгляда на природу, широко открывающего путь для идеализма и религии.

Жизнь ни зарождается самопроизвольно, ни вечна, а возникает при определенных условиях, и это возникновение есть необходимый этап исторического развития материи. Только такая диалектическая постановка вопроса гарантирует от различных исторически имевших (и имеющих) место форм метафизического решения проблемы. Среди сторонников самопроизвольного зарождения надо различать идеалистически-религиозное поповское направление и направление материалистическое. Поповское направление основывалось на отрицании закономерности существования и развития живых форм, рассматривая их как случайные и ничем не связанные, — в полном согласии со своим мировоззрением, допускающим божественный произвол и таким образом отрицающим естественную закономерность явлений природы. Это — враждебное науке направление. Когда материалисты допускали самопроизвольное зарождение, то они собственно выдвигали научную проблему возникновения жизни и толкали науку к ее разрешению. Но вследствие метафизического характера своего материализма они не умели правильно поставить вопрос, сбивались на метафизическую трактовку его, не понимая необходимости встать на точку зрения развития для разрешения проблемы возникновения жизни.

Научное значение работ Пастера и его предшественников громадно: они разбили метафизику самопроизвольного зарождения и содействовали диалектической постановке проблемы жизни; они обусловили промышленное применение ряда бактериальных культур, развитие консервной промышленности, научной хирургии и т. д. Но они все же дали повод некоторым естествоиспытателям метафизически ставить вопрос о происхождении жизни, объявляя ее вечной. Отказываясь таким образом от научного решения проблемы, они давали поповщине оружие для борьбы с наукой. Окончательное оправдание единственно научного понимания жизни как формы движения белковых тел и уничтожение метафизики в вопросе о возникновении жизни дало бы искусственное воспроизведение синтеза таких тел из неорганических соединений. Как же обстоит теперь дело с синтезом белковых тел?

До 1828 г. обычно считалось, что все вообще органические вещества синтезируются в теле животных и растений с помощью «жизненной силы», хотя и тогда уже умели искусственно синтезировать некоторые органические вещества (например щавелевую кислоту). В 1828 г. Велер синтезировал мочевины — типичный продукт жизнедеятельности — и этим заложил основу отказа от жизненной силы и начало ряда славных побед науки в области синтеза органических соединений. Работами Байера, Бертело, Бутлерова, Э. Фишера, Вильштеттера и многих других синтезированы ализарин, индиго, ранее добывавшиеся из некоторых растений, жиры, сахара, красящие вещества цветов, плодов и ягод, многие алкалоиды (никотин, атропин, кониин и др.); синтезированы многие природные органические вещества: пахучее ве-

щество фиалок, свежего сена, ванили и др.; разрешен вопрос о синтезе каучука; значительны успехи в области синтеза хлорофила—вещества, которому растения обязаны своим зеленым цветом и которое играет огромную роль в их жизнедеятельности, а также гемина, красящего вещества крови животных, причем выяснилось родственное строение хлорофила и гемина. Все эти колоссальные успехи химического синтеза, нашедшие себе важное техническое применение, уничтожили всякую научную почву для учения о жизненной силе.

Применяемые для искусственного синтеза органических веществ методы заключаются в использовании сильно действующих реактивов (сильных кислот, щелочей, щелочных металлов), высокой температуры, высоких давлений, а также минеральных катализаторов. Все эти методы дают возможность использования различных форм энергии для усложнения структуры химических соединений. В организме синтез различных органических соединений происходит при других условиях, — ни высокая температура, ни большое давление, ни крепкие и сильные кислоты не могут иметь места в организме, — но сущность органического синтеза, именно использование разных форм энергии для аккумуляции ее в форме химической энергии сложных органических соединений; эта основа действительна и для синтеза органических веществ в организме. Источником энергии в организме служит диссимиляция живого белка; при этом большую роль играют различного рода ферменты. До недавнего времени приходилось считаться еще с одним отличием синтеза органических соединений в организме и вне его: искусственный продукт оказывается обычно оптически недеятельным, тогда как природный — оптически деятелен. Но некоторые последние работы (W. Kuhn) дают основание полагать, что, используя такие физические явления, как поляризация света, прохождение поляризованного света через магнитное поле, взаимодействие электрического и магнитного полей, удастся сделать продукты искусственного синтеза оптически деятельными. Характерной чертой роста в умении синтезировать органические вещества является то, что оно идет параллельно изучению строения подлежащего синтезу вещества и самый синтез часто является методом окончательного установления структуры. Понятно, что чем сложнее структура вещества, тем труднее осуществить синтез, — синтез белка представляет собой очень трудную задачу ввиду крайней сложности структуры белка. При этом надо иметь в виду, что сложность белковой структуры зависит не только и не столько от количества составляющих его молекулу атомов, сколько от более сложной закономерности связи этих атомов. Недостаток попыток великого химика Э. Фишера синтезировать белки путем соединения продуктов белкового распада, т. е. различных аминокислот, по типу «пептидной» связи с получением ди- и полипептидов (см. Пептиды), дающих некоторые реакции, характерные для натуральных белков, заключается именно в недоучете указанного обстоятельства. И это тем более, что в последнее время биохимики склоняются к тому мнению, что кроме соединений типа полипептидов — с открытой цепью углеродных атомов — в белке имеются и циклические соединения типа дикетопиперазинов и др. (Абдергальден и др.). Кроме того нужно иметь в виду, что даже синтез таких сложных веществ, как альбумины или глобулины, еще не раскроет нам полностью химической природы белка как носителя жизни. Замечание Энгельса о том, что «обыкновенный белок представляется наименее живым, наиболее пассивным из всех родственных ему веществ: вместе с яичным желтком он представляет просто питательное вещество для развивающегося зародыша» («Анти-Дюринг»), должно быть полностью учтено.

Все современные исследования вопроса о структуре белков подтверждают эту мысль Энгельса об особых типах химической структуры, характерных для живого белка. Бергман считает, что в белковой молекуле атомы не име-

ют своего определенного фиксированного места, а формы их связи постоянно меняются, причем например карбоксильные и аминные группы могут меняться местами. Герцог, изучая строение белковых веществ методом рентгенографии, приходит к выводу, что основное ядро белковой молекулы составлено не из такого большого количества атомов, как обычно считают химики, молекулярный вес этого ядра не превышает 500—600, тогда как другими методами молекулярный вес белка определяли величиной порядка десятка тысяч. Сложность структуры белковой молекулы заключается, по Герцогу, в том, что молекулы эти за счет добавочных валентностей присоединяют к себе ряд атомных групп, принимаемых за входящие в состав молекулы. По мере филогенетического развития идет усложнение белковой молекулы за счет этих добавочных групп.

Поскольку химики начинают теперь руководствоваться таким пониманием химической структуры белка, можно быть уверенным, что синтез белка будет осуществлен. А «если химии удастся когда-нибудь создать искусственный белок, то белок этот должен будет обнаруживать хотя бы самые ничтожные явления жизни» (Энгельс, «Анти-Дюринг»). Попытки некоторых биологов отвергнуть самую проблему синтеза живого вещества на том основании, что-де в протоплазме всегда налицо кроме белка еще жиры, жироподобные вещества, углеводы, соли и т. д. (Гебер), или на основании различия физико-химических сред — не выдерживают критики: самое наличие всех этих веществ, составляющих протоплазму, может быть понято только на основе учета значения закономерностей структуры и деятельности белка, составляющего существеннейшую составную часть протоплазмы.

Диалектико-материалистическое решение вопроса о происхождении жизни, данное еще Энгельсом и утверждающее на основе итогов всех областей человеческого знания и практики, что жизнь возникла на земле при определенных условиях и в определенных формах, ближе установить которые еще предстоит естествознанию, отрицается в настоящее время только откровенно идеалистическими течениями. Современное естествознание дает все больше и больше материалов для конкретного решения проблемы и подкрепляет положение Энгельса о том, «что материя во всех своих превращениях остается одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погнубить и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, — она должна будет его снова породить в другом месте и в другое время».

V. Условия жизни. Все живые существа могут жить только в строго определенных условиях, границы которых для каждого определенного вида организмов могут колебаться в сравнительно незначительных пределах. Все формы организмов, которые существуют ныне на земле, возникли путем эволюции живого белка. Условия на земле в процессе ее геологического развития изменились, и в разных местах земного шара они в настоящее время сильно отличаются друг от друга. Несмотря на это, мы можем констатировать, что жизнь существует почти везде на земле, на разных глубинах моря, в атмосфере. Из этого видно, что жизнь возможна в очень широких пределах физических условий (температуры, давления, влажности и т. д.), встречающихся на земле, но при этом в различных физических условиях встречаются различные, довольно определенные группы живых существ.

Белковые тела при высокой температуре (около 80°) свертываются. Это определяет верхнюю температурную границу возможности жизни. Большинство организмов погибает при температуре выше 70°, но несмотря на это, нам известны так называемые термофильные бактерии, живущие в горячих источниках при температуре около 90°. Некоторые живые существа могут переживать и сохранять способность к жизнедеятельности при еще более высокой температуре. Так например некоторые споры не погибают еще

при нагревании их на некоторое время выше 100° . Но нормальное развитие, размножение и т. д. этих спор при такой температуре уже не происходит. Понижение температуры в общем ведет к понижению интенсивности всех процессов жизнедеятельности и обмена. Но можно понизить температуру многих животных до очень низкого уровня без окончательного разрушения организма, который при постепенном переходе к нормальной температуре опять проявляет все жизненные функции. Так известно, что лягушку можно полностью заморозить и после медленного оттаивания она остается живой. Таким образом удалось даже некоторые низшие организмы охлаждать в жидком гелии, т. е. до температуры ниже 260° , при сохранении их способности к оживлению после постепенного нагревания. Состояние организма, при котором почти полностью прекращаются все процессы его жизнедеятельности, но лишь в такой мере, что этот организм при возврате в нормальную для него среду вновь проявляет все свои функции, называется анабиозом. Что касается давления, то нам известно, что и на дне океана, несмотря на огромное гидростатическое давление, имеются живые существа, приспособленные к жизни при таком высоком давлении. При подъеме на поверхность моря они очень часто погибают вследствие понижения давления. Выше было уже указано, что существуют организмы, которые не нуждаются в кислороде. Более того, некоторые из них (строгие анаэробы) вообще не могут существовать в кислородной среде.

Таким образом можно утверждать, что жизнь на земле существует везде. Но при этом нужно различать физиологическое приспособление отдельных типов живых существ к определенным внешним условиям от приспособления жизни вообще. Физиологическое приспособление весьма ограничено и колеблется незначительно. Резкая перемена условий приводит обычно к гибели организма. Однако в процессе развития жизни на земле возникали все новые и новые виды живых существ, физиологическая приспособляемость которых отличалась от ранее существовавших, и таким образом в настоящее время имеются организмы, заселяющие всю землю и соответственно приспособленные к условиям того места, где они обитают.

VI. Старость и смерть. Всякое живое существо проходит некоторый цикл развития от зарождения организма до прекращения его индивидуального существования — смерти. Обычно процесс индивидуальной жизни имеет три периода: восходящий (молодость) и нисходящий (старость), соединенные между собой большим или меньшим длительным периодом зрелости. При громадном разнообразии форм жизни, сложившихся в процессе долгой и сложной эволюции ее на земле, при отсутствии резких разграничительных линий между различными закономерностями жизни, естественно, что этот основной закон цикличности индивидуальной жизни приобретает самые различные формы, порой осложняющие и затемняющие проявление этого закона. Изучение этих различных форм жизни и смерти привело к отрицанию необходимости смерти, к идее индивидуального бессмертия прежде всего у одноклеточных. Мопс показал, что через 100—300 делений в культуре инфузорий наступает депрессия и смерть. Р. Гертвиг подтвердил наблюдения Мопса и подметил, что выживают лишь экземпляры, производящие конъюгацию — низшую форму полового размножения. Калкинсу удалось провести при помощи различных воздействий на культуры парameций 742 поколения без конъюгации, но в конце концов наступала гибель культур. Вудрефф и Эрдман в своих обширных опытах в течение свыше 20 лет провели десятков тысяч с лишком поколений парameций, последовательно пересаживая их одиночно в несколько капель питательного раствора. Они наблюдали периодически наступающую реорганизацию организма парameций, сопровождающуюся выбрасыванием части ядра и протоплазмы (частичная смерть). Эти наблюдения подтверждены на других простейших Р. Гертвигом и др. В самое последнее

время были опубликованы опыты ряда биологов (Hartmann, Hämmerling и др.), получающих тысячи поколений без всяких депрессий; это достигалось главным образом уменьшением кормления и его регулированием.

Другая группа исследований заключается в попытках ряда биологов добиться «экспериментального бессмертия» не только простейших, но и других низших организмов. Рубнер пытался устранить смерть и размножение у дрожжей путем регулирования питания; он добился устранения роста, но его культуры скоро после этого гибли. М. Гартман стремился устранить размножение у *Gonium pectorale*, помещая их в концентрированные питательные растворы; животные не размножались, увеличивались в размерах, но вскоре гибли. В дальнейшем М. Гартману удалось сохранить живыми и неразмножающимися в течение долгого времени экземпляры *Stentor coeruleus* и еще лучше — амеб путем систематических ампутаций с последующей регенерацией. Гетшу удалось путем повторных ампутаций регенерировавшей задней половины тела гидры только задержать размножение, но не предотвратить его; но заставляя их голодать, Гетш получил экземпляры, живущие у него, не размножаясь, несколько лет, т. е. значительно дольше обычного срока жизни гидр. Гартману удалось у одной планарии *Stenostomum leucops* путем повторных ампутаций сохранить «индивидуальное бессмертие». Геммерлингу тоже удалось показать длительную жизнь без размножения у олигохеты *Aelosoma Hemprichi*. Опыты на более высокоорганизованных животных не давали результатов.

Все эти экспериментальные данные показывают, что на низших ступенях развития жизни «индивидуальное бессмертие» достигается только при условии периодической частичной гибели (путем например ампутации) и связанной с этим глубокой перестройкой всего организма (например при голодании). Ввиду этого факта, констатируемого всеми авторами, говорить об индивидуальном бессмертии в том смысле, что продолжает жить один и тот же индивидуум, было бы произвольным. Правильнее было бы сказать, что при «экспериментальном бессмертии» возникает новый индивид путем частичной гибели и перестройки за этот счет старого индивида.

Что же такое индивид? Уже Энгельс писал в «Диалектике природы»: «У низших животных невозможно строго установить понятие индивида. Не только в том смысле, является ли вот это существо индивидом или колонией, но и по вопросу о том, где в истории развития прекращается один индивид и начинается другой». Все приведенные опыты, которые якобы должны доказать потенциальное бессмертие, на деле подтверждают и иллюстрируют мысли Энгельса. Непрерывный процесс диссимиляции — ассимиляции живого белка, составляющий основу жизни, происходит всегда в рамках определенной формы, структуры, определяющей, как закон, цикл этого процесса; каждый в отдельности момент этого процесса определен всей структурой в целом, и чем выше развитие, тем в большей мере; эта непрерывность материальных изменений, зависящих от определенной структуры и обуславливающих ее, и составляет ту закономерность в жизни, которую мы обозначаем как индивидуальность, индивид; закономерность эта — историческая, развивающаяся. Если отрезать у аксолотля или головастика конечность, она вновь регенерирует, и при этом не происходит такой глубокой перестройки всей структуры животного, которая нарушала бы весь цикл его жизни, поэтому здесь нельзя говорить о гибели индивида и возникновении нового индивида. В опытах же «экспериментального бессмертия» происходит, как мы видели, глубокая перестройка структуры, которая обуславливает перерыв непрерывного развития, смерть, — или в форме перехода жизни в другие формы движения (химическую прежде всего) или в форме начала нового цикла жизни (размножение), и эта последняя форма, создавая непрерывность жизни, осуществляется таким

образом через бесчисленные перерывы, смерть индивидов. Лишь на высокой степени развития жизни у высших животных и в особенности у человека индивидуальность отражается также и субъективно. «Я» таким образом есть нечто производное, и Дриш, рассматривая смерть как разрушение субъекта, «Я», трактует индивидуальность идеалистически, будто «Я» создает жизнь материального индивида, а не наоборот, «Я» создается жизнью материального индивида.

Различные стадии эволюции жизни дают все существенные переходные формы от несохранившегося в наше время бесструктурного живого белка, еще не обладающего индивидуальностью, через простейших одноклеточных разной степени организованности, через колонии, через существа, обладающие высокой регенеративной способностью (что свидетельствует о низкой степени дифференциации целого организма),—к высшим формам индивидуальности. Все это богатство ступеней развития форм индивидуальности естественно обуславливает различные формы цикла жизни, а следовательно и формы смерти. Но говорить о бессмертии, не подчеркивая, что необходимым его условием являются нарушение и глубокая перестройка индивида и тем самым смена индивидов (что представляет собою лишь особую форму смерти),—не соответствует фактическому материалу, и пренебрежение этой стороной дела дало возможность А. Вейсману создать реакционную теорию потенциального бессмертия простейших и разделение тела высших организмов (и человека) на часть смертную—сому, и бессмертную—зародышевую плазму.

С проблемой естественной смерти связана и проблема старости: если смерть есть необходимый результат жизни, то старость—один из ее этапов на пути к смерти.

Теория старения: а) физические теории. Примером физических теорий старения может служить «энергетическая» теория Тангля, согласно которой живые существа являются физическими системами, у которых обмен веществ находится в динамическом равновесии; благодаря нарастанию энтропии это динамическое равновесие нарушается, что и приводит к разрушению системы, к смерти. Неудовлетворительность этой теории заключается, во-первых, в недостаточно глубоком анализе термодинамических процессов организма, которые значительно отличаются от термодинамических процессов тел неживой природы, и, во-вторых, в одностороннем рассмотрении организма как машины; б) физико-химические теории. Этого рода теории привлекают для объяснения старения различные физико-химические процессы в коллоидах, основываясь на отождествлении живого вещества с коллоидным состоянием вообще. Примерами такого рода теорий может служить теория «флокуляции» О. Люмьера, объясняющего старение организма тем, что протоплазма, как и всякий коллоид, имеет тенденцию к постоянному увеличению размеров мицелл коллоида, составляющего протоплазму. Это ведет к уменьшению энергии коллоида и к осаждению его, окончательно разрушающему структуру—к «смерти» коллоида. Подобного же рода теория старения выставлена Ружичкой говорящим о «гистерезисе» протоплазмы, имея в виду ряд процессов в коллоидах, происходящих при неизменных внешних обстоятельствах и приводящих к нарушению его структуры. Неудовлетворительность физико-химических теорий старения заключается в том, что, ограничиваясь только общими для всех коллоидов закономерностями, они не охватывают закономерности особого коллоида, живого белка, а потому и не способны объяснить, почему старение белка мухи происходит в течение немногих недель, а черепахи—в течение столетий, почему состарившийся коллоид—организм одноклеточного—превращается путем деления в два молодых и т. д.; в) теория шлаков выставляет как причину старости накопление с течением

жизни продуктов распада организма, которые и нормально выносятся из организма не полностью, а с течением времени накапливаются в виде различных шлаков, пропитывают живые ткани в виде извести, мочево́й кислоты, холестерина и т. д.). Таким образом нарушается нормальная жизнедеятельность частей организма и это приводит его к смерти. Видоизменение этой теории заключается в указании на ядовитый характер продуктов распада, постепенное накопление которых в организме приводит к его самоотравлению. Эта теория основывается на многочисленных фактах, но подходу к ним чисто эмпирически, принимает, повидимому, следствие за причину. Конечно раз началось отложение извести, то это приводит к ухудшению жизнедеятельности, но почему оно начинается, на этот вопрос теория не отвечает. Кроме того она не объясняет например факта получения двух молодых организмов из одного старого; г) микробная теория Мечникова видит причину старости в отравлении организма токсинами различных бактерий, поселяющихся в кишечнике и отравляющих все клетки организма, в первую очередь наиболее дифференцированные. Ослабленные токсинами «благородные» клетки пожираются более стойкими клетками соединительной ткани, и в конце концов организм погибает благодаря такому «интерстициальному» перерождению организма. Эта теория отказывается видеть в старении процесс, имеющий общую основу для всего живого. Старость есть для нее случайный процесс, возникающий из внешних причин, а не имеющий основу в самой жизни, что противоречит универсальности старения; теория эта не подходит прежде всего для многочисленных существ, лишенных кишечника; д) эндокринная теория. Согласно этой теории каждый период жизни организма проходит под знаком доминирования определенной железы внутренней секреции: молодость—зобной железы, половое созревание—эпифизарной железы, зрелость—половой железы, старость—надпочечной. Старость есть таким образом результат смены деятельности различных желез и определенное их соотношение. Почему же устанавливается именно такое соотношение желез и почему старение происходит и у таких организмов, которые не обладают дифференцированной эндокринной системой (растения например),—на это данная теория не отвечает.

Все изложенные теории имеют под собой большой фактический материал и несомненно отражают различные стороны и формы старения на разных ступенях развития живых существ. Общий их недостаток—игнорирование всеобщей основы жизни—процесса обмена живого белка, а поэтому и неисторический подход к явлениям старения.

VI. Эволюция жизни. При недостаточной исследованности химической структуры белковой молекулы, при очень малой разработанности вопроса о структуре протоплазмы говорить о первых шагах развития жизни можно лишь гипотетически. Очевидно, что впервые образовавшийся на земле живой белок не мог иметь структуры даже наименее развитых из известных нам живых существ: он мог быть только совершенно бесформенной массой, в которой тем не менее происходили процессы распада и восстановления составляющих ее молекул живого белка. Уже в такой бесформенной массе белка мы имеем все существенные черты жизни: диссимиляция, которая на этой ступени развития жизни еще непосредственно совпадает со смертью известной части белковой массы и в то же время является необходимым условием продолжения жизни другой части; питание и ассимиляция как присоединение и переработка веществ из окружающей среды или из продуктов распада отмирающей части белковой массы; раздражимость, которая дана здесь в форме реакции на воздействие мертвых и неорганических веществ и других факторов; наследственность как повторение цикла химического процесса от старых частей белковой массы к более молодым; рост как превышение асси-

миляции над диссимилиацией; размножение и продолжение жизни, которые здесь совпадают еще с ассимиляцией и ростом.

Все эти проявления жизни, в совокупности составляющие обмен веществ белковой массы, не могли не менять ее структуры, а тем самым и направления и характера самого обмена. Среди этих изменений структуры должны были получаться и такие, которые усложняли процесс обмена, обуславливали большую последовательность его стадий и большую длительность его цикла. Это повышение степени организованности белковой массы создавало основу для дальнейших изменений обмена и структуры, в том числе и в прогрессивном направлении, пока в этом взаимном обуславливании обмена и структуры белковая масса вследствие процессов дифференциации не распалась сперва на различные участки, а затем и на самостоятельные комки организованных живых белковых тел—на клетки. С этого пункта образования элементарных организмов мы вступаем на более твердую почву эволюционной теории. Таким образом живой белок имеет историю, и так как существование живого белка по существу связано с усвоением и переработкой веществ и объектов окружающей среды, то, во-первых, наличие этих веществ и других природных факторов есть предпосылка, условие существования и деятельности, а во-вторых, эти условия самим процессом существования белка постоянно уничтожаются, составляя подчиненный момент этого процесса. Чем выше организованность живого белка, тем планомернее происходит это уничтожение разных веществ и объектов среды, становящихся средствами существования живого организма. Существование его, продолжение его жизни становятся все более и более целесообразным использованием средств существования—условий среды. И это тем более, что с момента возникновения живых организмов благодаря естественному отбору сохраняются те индивиды, которые по той или иной причине оказываются более приспособленными к внешним условиям, т. е. оказываются более целесообразно организованными, чем остальные. Ясно таким образом, что эта целесообразность есть дело исторического развития определенной формы движения материи.

По мере роста организованности живого белка, по мере его дифференциации части белковой массы все более превращаются в органы, а процессы их жизнедеятельности—в функции этих органов. Форма белковых тел все более перестает быть внешней, более или менее случайной формой и все в большей степени определяется внутренней структурой и историей развития живого белка данного организма, историей, в которой форма и функция взаимно обуславливают друг друга. В историческом ходе развития живых веществ, в условиях изменяющейся среды (геологические, климатические и пр. условия), в условиях ее разнообразия, в условиях имеющей место борьбы за существование внутренние закономерности процесса развития жизни должны были принять форму осуществляющегося при помощи случайностей приспособления к условиям существования. Именно то, что Дарвин усмотрел в природе единство внутренних закономерностей развития и случайностей приспособления, позволило ему доказать эволюцию в органическом мире. Самый характер приспособительной эволюции не может быть понят без уяснения исходной точки—внутренней природы живого белка, без чего вся органическая эволюция приобретает характер голый случайности, не имеющей своей основы и необходимости.

Все идеалистические толкования процесса жизни, называющиеся в и т а л и з м о м, основаны на игнорировании материальной основы, исторически обусловленной, т. е. возникающей из нецелесообразного органической целесообразности, на подсовывании вместо нее антропоморфической, сознательной цели; наоборот, метафизические материалисты (см. «М е х а н и с т и ч е с к и й м а т е р и а л и з м»), игнорирующие противоречивый и сложный процесс воз-

никновения целесообразности, отмахиваются от нее и все же не могут отделаться от нее, даже изображая организм машиной, так как в этом случае проблема целесообразности лишь передвигается в одну точку—точку первого толчка, или акта творения.

Лит. См. список лит. к статье Биология (том VI). В дополнение к этому списку см. также:

1. Марксистская литература: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм; Ленин В. И., Что такое друзья народа. Ленинские сборники, т. IX, М., 1929 г. и т. XII, М., 1930 г.

2. Руководства по общей биологии и физиологии: Гартман М., Общая биология, т. I—II, М.-Л., 1929—31 гг.; Филиппенко Ю., Введение в экспериментальную зоологию, М.-Л., 1932 г.; Бейлис В., Введение в общую физиологию, М.-Л., 1927 г.; Hoeber R., Die physikalische Chemie der Zelle und der Gewebe, Lpz., 1926 г.; Рубинштейн Д., Физико-химические основы биологии, М.-Л., 1932 г.; Бауэр Э., Физические основы в биологии, М., 1930 г.; Мейергоф О., Термодинамика жизненных явлений; Биша Кс., Физиологические исследования о жизни и смерти, П., 1865 г.; Липшютц А., Общая физиология смерти, Л., 1930 г.; Korschelt E., Lebensdauer, Altern und Tod, Jena, 1924 г.; Koestner, Die Eiweisskörper; Шмидт П., Анабиоз, М. П., 1923 г.

3. Сборники и журнальные статьи: Фаусек В., Сущность жизни, П., 1903 г.; Майер Р., Органическое движение в его связи с обменом веществ, «Бюллетень заочной консультации ИКП» № 3, 1931 г.; Driesch H., Uexküll I., Voltereck R., u. a., Das Lebensproblem im Lichte der modernen Forschung, Lpz., 1931 г.; Hämmerling J., Zur Frage des natürlichen Todes, «Die Naturwissenschaften» № 6—7, 1932 г.; Демьянов Н., Синтез органических соединений в лаборатории и в растениях, «Соц. реконструкция и наука» № 1, 1932 г.

Философские основы неодарвинизма*)

Г. Яффе

За последние пятьдесят лет биологи буржуазных стран преимущественно группировались в два враждующих между собою лагеря: неодарвинистов и неоламарксистов. Эти течения не были однородны и в свою очередь дальше делились на разные от-

В Советском союзе дискуссии с механистами многие близкие нам биологи примыкали к механоламарксистам. Дискуссия в значительной степени содействовала разоблачению механоламаркизма как течения вульгарно-материалистического, метафизического противопоставляющего механицизм буржуазных ученых философии диалектического материализма. Однако в дискуссии с механистами до конца механицизм не был разоблачен, так как деборинское философское руководство боролось с механистами с позиций меньшевистствующего идеализма, а не диалектического материализма. Соответственно и меньшевистствующие идеалисты в биологии, ведя борьбу с механоламаркизмом, к которому некоторые из них раньше сами примыкали, в действительности пользовались оружием неодарвинизма, а не диалектического материализма.

В результате после дискуссии неодарвинизм стал у нас чрезвычайно популярным. Доктры неодарвинизма стали широко распространяться через специальные журналы, энциклопедии, популярные книжки и учебники. До сих пор еще десятки тысяч учащихся воспитываются на теоретических основах неодарвинизма, которые выдаются за дальнейшее развитие дарвинизма и конкретизацию диалектического материализма в биологии.

Можно было ожидать, что меньшевистствующие идеалисты в биологии после прошедшей дискуссии на философском и естественно-научном фронте с деборинщиной используют пятидесятиую годовщину смерти Дарвина, чтобы в своих выступлениях осудить свою ошибочную позицию по отношению к неодарвинизму и вскрыть чуждые нам философские тенденции в неодарвинизме. Но этого не случилось. Меньшевистствующие идеалисты о неодарвинизме умолчали, а под обстрел взяли Дарвина.

Тов. Левит обнаружил «ограниченность методологии Дарвина, ее метафизичность и механицизм, неизбежно приведшие его к ряду реакционных выводов»¹⁾. Больше того, т. Левит попытался превратить Дарвина в родоначальника расового шовинизма и чуть ли не национал-фашизма, ни слова не упоминая однако о Гальтоне и Пирсоне, действительных родоначальниках расового шовинизма в современной биологии и одновременно родоначальниках неодарвинизма. Эту позицию т. Левита трудно было бы объяснить, если бы не было известно, что он горячий сторонник теории мутаций. Видимо и эволюция его взглядов по некоторым вопросам протекает резкими скачками.

*) Печатается в порядке обсуждения.—Ред.

¹⁾ «Известия ЦИК» от 18/IV 1932 г.

Но теория мутаций часто является прикрытием для весьма реакционных взглядов. Попытка т. Левита громче всех крикнуть что-нибудь плохое про Дарвина также является средством смазать реакционные тенденции неодарвинизма и свалить вину с больной головы на здоровую.

Если бы Дарвин действительно был таким, каким пытался т. Левит его представить,—как мог Маркс назвать его учение опорой для диалектического материализма, как могли Энгельс и Ленин быть такого высокого мнения о дарвинизме?

Конечно совершенно неправильно меньшевистствующие идеалисты, в частности т. Агол, раньше объявляли дарвинизм «единственно правильным биологическим выражением»¹⁾ диалектического материализма. Но в действительности т. Агол имел в виду не дарвинизм самого Дарвина, а дарвинизм неодарвинистов и генетики, «благодаря которым, по его словам, «дарвинизм... поднят на дальнейшую более высокую ступень»²⁾. Однако смешивание дарвинизма и неодарвинизма в одну кучу маскирует враждебные нам тенденции неодарвинизма, но не способствует ни пониманию этого течения, ни пониманию дарвинизма, ибо дарвинизм и неодарвинизм являются продуктами разных эпох и исходят из различных теоретических установок.

Основные контуры своей теории Дарвин набросал еще в начале сороковых годов XIX века, т. е. в тот период, когда буржуазия еще играла прогрессивную роль. Эпоха буржуазных революций еще не закончилась. В самой Англии буржуазия еще вела борьбу с остатками феодальных классов за окончательное укрепление своей власти. Вся общественная жизнь Англии, как и других стран, была сильно насыщена зарядами революционной бури. Пришли в движение миллионные массы трудящихся. В Англии развернулось с огромной стихийной силой движение чартизма. Собирались митинги в 200—300 тысяч человек, на которых провозглашались самые крайние и воинственные революционные лозунги. Колоссальные ночные шествия с факелами будоражили буржуазное общество. Происходили непосредственные стычки с властями. Представители радикальной буржуазии вначале даже попытались возглавить это движение.

Развитие техники, проникновение капитализма в сельское хозяйство, в частности успехи, связанные с разведением животных и растений в Англии, а также крупные естественно-научные открытия, как открытие клетки и закона сохранения и превращения энергии,—все это способствовало обоснованию и укреплению общей теории Дарвина.

Однако укрепление капитализма во второй половине XIX века, начало загнивания капитализма к концу этого века, рост рабочего класса и его революционной борьбы под знаменем марксизма вызвали поворот во всей буржуазной идеологии и создали предпосылки для расцвета неокантианства, махизма, мистицизма.

Поворот буржуазной идеологии отразился не в одной только философии. Ленин на примере физического идеализма вскрыл кризис всей науки, вскрыл корни этого кризиса и наметил выход из него. Ленин в частности останавливался и на идеалистических тенденциях в физиологии — на физиологическом идеализме. Но в данную эпоху также начали явно прощупываться реакционные тенденции и в области общей биологии.

Соответственным образом изменилось отношение биологов к дарвинизму. Прежний восторг буржуазных идеологов сменился прохладцей, а дальше и явно враждебным отношением к дарвинизму, яркий пример которого представляет недавний так называемый обезьяний процесс в Дейтоне, САСШ,— в этой пресловутой «стране свободы». Это отношение буржуазии к дарвиниз-

¹⁾ П. Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 45.

²⁾ Там же, стр. 141.

му сопровождалось ренегатством многих дарвинистов и их превращением в ярых антидарвинистов, как это было с Вирховым, который дошел до того, что после Парижской коммуны резко выступил против дарвинизма, сторонником которого он раньше был, предложил исключить эволюционные теории из школьных программ, считая, что эти учения являются питательной базой для социализма, пугая буржуазию призраком Коммуны.

С другой стороны, среди самих дарвинистов происходит перемена фронта. Они сами ищут сближения с реакционными идеологиями, со всякой чертовщиной, стараются модифицировать дарвинизм, выхолащивая из него его революционную сущность, стараются дать дарвинизму совсем другое направление, чем он имел в руках самого Дарвина и его наиболее последовательных соратников и последователей, как К. Тимирязев, Гексли и Геккель.

Проблемы изменчивости и развития отодвигаются на задний план или решаются прямо противоположно духу дарвинизма. Биологи устремляют главный свой интерес на одностороннее изучение наследственности. При этом Гальтон и Пирсон исходят из необходимости отбора и размножения сверхчеловеков из «лучшей части» английской нации, которые смогли бы сохранить владычество Великобритании над своими колониями и первенство в мире.

«Теория эволюции,—говорит Пирсон в своей «Грамматике науки»,—не является... для нас чисто пассивным теоретическим рассмотрением природы... Она учит нас, как надо жить, как надо строить крепкую и владычествующую нацию»¹⁾. В соответствии с этими задачами и разрабатывается Гальтоном и Пирсоном евгеника. Ими же вводится в биологию математический метод. Для понимания биологических явлений предлагается теория вероятности, соответствующее философское обоснование которой дает Карл Пирсон, один из самых реакционных вождей махизма.

По этому же пути, но с гораздо большим успехом развивает свою теорию и Грегор Мендель, правда, в свое время никем не замеченный, но с тем большей силой воскресший через 35 лет. Август Вейсман, а также Иогансен разрабатывают в духе кантианства учение о резком разграничении между наследственным аппаратом организма, или его зародышевой плазмой, генотипом, с одной стороны, и остальным организмом, или сомой или фенотипом, — с другой стороны.

Отбрасывается всякое допущение влияния внешней среды в процессе эволюции. Все меньше говорят об изменчивости. Если допускают изменчивость, то только в результате комбинаций неизменных наследственных единиц или же в результате внезапных скачков — мутаций, согласно учению де-Фриза, воспринятого безоговорочно теоретиками неodarвинизма. В самое последнее время теория мутаций получает более общее оформление в виде теории эмергентной эволюции, провозглашенной Конвей Ллойд Морганом.

Таким образом создается более или менее законченное теоретическое оформление определенного течения в биологии, которое старается истолковать достижения биологических наук в духе идеализма махистского и кантианского толка.

Для обоснования своих взглядов неodarвинизм, как и неовитализм, охотно прибегает к механицизму. Однако это уже не механицизм многих старых классиков естествознания XIX века, которые в основном были материалистами по своим философским установкам. Современный механицизм буржуазных ученых очень часто и легко уживается с явно идеалистическими и мистическими представлениями о закономерностях природы и зачастую перестает быть механицизмом материалистическим, а скатывается на идеалистические рельсы.

¹⁾ Карл Пирсон, Грамматика науки, стр. 550.

Методологию неодарвинизма воспринимает и современная генетика, а это представляет большую практическую опасность. Генетика является сравнительно молодой наукой и несомненно имеет большое будущее, в первую очередь для сельского хозяйства, но также и для понимания общих закономерностей биологии и физиологии человека. Собственно говоря, генетика должна дать теоретическое понимание и объяснение богатой практики в области селекции, искусственного отбора растительных и животных форм. Развитие генетики представляет для нас в СССР особый интерес, поскольку она должна вооружить нас теоретическим оружием в борьбе за овладение и управление биологическими процессами в растениеводстве и животноводстве. Ликвидируя во второй пятилетке классы и источники образования классов, технически перевооружая все народное хозяйство, в том числе и сельское, постепенно уничтожая противоположность между городом и деревней, мы в огромной степени увеличиваем производительность труда и непосредственно сталкиваемся с крайней теоретической отсталостью в области биологии.

Сами генетики должны признать, что теория у них далеко отстала от практики сельского хозяйства и в важнейших вопросах практики генетика совершенно беспомощна. Такое признание имеется у Т. Моргана и других, но наиболее ярко оно выражено авторами популярного у нас «Курса генетики» Э. Синнот и А. Денн, которые говорят следующее: «Необходимо помнить, что большинство ценных в хозяйственном отношении пород скота, лошадей, свиней и домашней птицы, а также многие улучшенные сорта полевых и садовых растений были выведены практиками-животноводцами и растениеводами, хотя они и не знали менделеевских законов наследственности... Нужно остерегаться требовать слишком многого от прямого применения этой новой науки», т. е. генетики.

Дальше авторы признаются, что генетика больше заинтересована в подтверждении общих принципов неодарвинизма, чем в практике сельского хозяйства. Они продолжают: «существует более широкое поле применения... оно заключается не столько в использовании уже открытых наукой фактов, сколько в признании значения основных генетических положений»¹⁾.

Все это, несомненно, говорит о кризисе генетики в буржуазных странах. Кризис генетики в эпоху империализма совершенно понятен. В земледелии больше чем в других областях народного хозяйства капиталистические производственные отношения являются тормозом для развития производительных сил и соответствующих наук. Даже при низком уровне производительности труда в сельском хозяйстве капиталистическое общество за последние годы не может выйти из состояния хронического аграрного кризиса. Какие же могут быть стимулы у буржуазных ученых к развитию биологических наук, в частности генетики и ее применению к дальнейшему развитию сельского хозяйства? Кроме того большую роль в кризисе генетики играет тот факт, что генетика напрягает максимум своих усилий на доказательство правильности общих принципов неодарвинизма, несмотря на то, что теоретические основы неодарвинизма служат явным препятствием для дальнейшего плодотворного развития самой генетики и понимания проблем наследственности.

I

Под видом дальнейшего развития теоретических основ дарвинизма на самом деле неодарвинисты воскрешают старые теории, имевшие хождение до Дарвина и им же основательно опровергнутые. И хотя за последнее полстолетие мы имеем в биологии большие и важные достижения, все же в результате, как и до Дарвина, теперь перед биологами встают следующие основные во-

¹⁾ Синнот и Денн, Курс генетики, стр. 294

просы: имеем ли мы в органическом мире постоянство и неизменность форм или же изменчивость и развитие? Какие факторы вызывают разнообразие органических форм и единство в этом разнообразии? Чем вызывается целесообразность приспособления организмов к окружающей их среде, чем вызывается постоянное совершенствование органических форм? Можно ли объяснить биологические явления внутренними закономерностями органического мира, протекающими в определенной внешней среде и с этой внешней средой находящимися в постоянном взаимодействии, или же требуется привлечение других внешних сверхестественных или внутренних мистических сил для объяснения этих явлений? Каков характер внутренних биологических закономерностей и в каком отношении они находятся с окружающей их внешней средой?

На все эти и связанные с ними вопросы дарвинизм в свое время дал более или менее определенные и удовлетворительные для нас ответы, которые однако требовали дальнейшей разработки и правильных формулировок. Дарвинизм вдребезги разбил представление о постоянстве органических форм, основываясь на целом ряде научных данных, в частности на данных сравнительной анатомии, которые показали единство плана в органическом мире, несмотря на большое разнообразие форм. Это единство плана было объяснено единством происхождения и развития. Данные эмбриологии подтвердили это объяснение, показав, что зародыши высших форм в своем развитии действительно проходят стадии низших форм. Данные палеонтологии также показали развитие высших форм из низших через определенные переходы.

Разнообразие органических форм также было объяснено дарвинизмом, исходя из принципа развития, основным фактором которого была признана изменчивость всех органических форм, ведущая благодаря определенным факторам к расхождению признаков, к переходу разновидности в вид и т. д.

Дарвинизм дал рациональное объяснение целесообразности и совершенству организмов, показав, что это является следствием многих естественных факторов, главным из которых является приспособление организмов к окружающей внешней среде. Борьба и взаимодействие организмов с внешней средой не могут не оказать влияния на характер и направление изменчивости таким образом, чтобы придать ей наиболее целесообразные и совершенные формы. Элементы внешней среды, с которыми организмы взаимодействуют, являются чрезвычайно многообразными. Точно так же многообразны формы, в которых сами организмы активно взаимодействуют с внешней средой. Все это в каждом конкретном случае должно быть конкретно изучено. Как организмы, так и факторы внешней среды являются активными моментами, между которыми как противоположностями происходит постоянная борьба, но необходимо видеть и единство противоположностей, невозможность рассматривать какой-нибудь из этих факторов изолированно.

Изменчивость органических форм в результате приспособления к окружающей среде закрепляется в потомстве наследственностью, являющейся другим фактором эволюции. Это закрепление или сохранение вызванной изменчивости не является простым и непосредственным актом, а также является продуктом борьбы и взаимодействия приспособления и наследственности, ибо наследственность хотя и закрепляет изменчивость, но именно поэтому и является фактором консервативным, имеющим тенденцию сохранить старые формы, пока сложное и длительное взаимодействие организма с внешней средой не преодолевает сопротивления наследственного вещества и новая изменчивость становится достоянием последующих поколений.

Энгельс по этому поводу говорит: «Теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, до человека, — с другой, совершается в форме постоянной

борьбы наследственности и приспособления»¹⁾). Исходя именно из принципа взаимодействия и борьбы наследственности и приспособления, Энгельс в своем анализе развития человека от обезьяны неоднократно говорит о передаче по наследству разных приобретенных признаков, как гибкость руки и т. д. Вот что он говорит: «Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, так же, как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой степени совершенства»²⁾).

Изменчивость органических форм происходит во всех направлениях, стихийно, подчиняясь слепым законам природы. Поэтому большинство форм либо оказывается неприспособленным к окружающей среде, либо полученная благоприятная изменчивость не передается соответствующим образом потомству. Такие неприспособленные и несовершенные формы погибают в борьбе за существование, оставляя поле для сравнительно приспособленных. Происходит естественный отбор. Борьба происходит беспрестанно, так же, как и изменение конкретной среды, окружающей разные органические формы, чем и поддерживается постоянное развитие.

Таким образом и в органическом мире мы имеем постоянную борьбу и единство противоположностей, борьбу органического мира против окружающей неорганической среды, борьбу органических форм друг с другом, борьбу и взаимодействие между приспособлением и наследственностью. Благоприятные изменения, накапливающиеся через наследственность в течение длительных периодов, достигая определенного количества переходят в новое качество, как это блестяще показано Энгельсом в отношении перехода от обезьяны к человеку. Благодаря наследственности мы имеем как будто возврат к старым формам. В действительности же это не простой возврат, а возврат на новой основе, что несомненно доказывается самым фактом эволюции, поступательного движения вперед.

Теория Дарвина страдает многими недостатками. У него имеется немало ошибочных положений, как отрицание скачков и т. д. Еще большими недостатками страдают отдельные формулировки Дарвина, но по существу его общие выводы стихийно подтверждают правильность диалектического материализма и согласуются с практическими интересами нашего сельского хозяйства, с необходимостью научиться овладению и управлению закономерностями органического мира в выгодном для нас направлении.

Но эти общие положения оспариваются неодарвинизмом, который на поставленные биологией вопросы выдвинул целый ряд догм, на которых лежит явный отпечаток кантианства, махизма и других идеалистических течений.

Вот некоторые из основных догм неодарвинизма:

Внешняя среда влияет только на временные, мимолетные признаки организма, на флуктуации, модификации, на личные, индивидуальные признаки. Все это по наследству не передается и следовательно в эволюции внешняя среда никакой роли не играет, так как только наследственная изменчивость имеет значение для эволюции.

Наследственная изменчивость зависит от скрещивания, от комбинации наследственных факторов, либо от мутаций, причина которых неизвестна и не может быть известна.

Наследственная передача при скрещивании обязана определенному количеству наследственных факторов, которые передаются потомству, как не-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 43.

²⁾ Там же, стр. 62.

изменные, независимые, изолированные, по определенным законам, покоящимся на теории вероятности. Теории вероятности и основанным на них математическим выкладкам придается значение всеобъемлющего и обязательного для биологии метода.

Скрещивание однородных, чистых наследственных факторов дает постоянное, неизменное потомство — чистые линии. Здесь уже больше нет наследственной изменчивости и отбор здесь недействителен.

Впрочем другие неodarвинисты отбору отводят неограниченное поле деятельности, придают ему прямо чудотворные силы; ему приписывается власть над детерминантами зародышевой плазмы, чем и объясняют развитие талантов, уродств, скачков и многое другое. Но здесь отбор толкуется чрезвычайно своеобразно, как чей-то мистический глаз, как «глаз хищной птицы», который определяет защитную окраску, только в координации с которой вообще окраска является объективным фактором.

В связи с этим создается особая теория, которая резко разграничивает историческое от физиологического, эволюцию от изменчивости, общее от единичного, необходимое от случайного, сущность от явления и т. д.

В основе всего этого лежит теория, по которой необходимо резко разграничить зародышевую плазму, или генотип, от сомы, или фенотипа. Никакой связи между ними нет и не должно быть. Для эволюции значение имеет только зародышевая плазма, которая является сущностью, а потому потенциально бессмертной. Весь остальной организм — это нечто незначительное, преходящее, смертное и никакого значения для эволюции не имеет.

Зародышевая плазма состоит из детерминант, которые определяют все развитие. Все детерминирует. Никакой случайности здесь не может быть.

И с другой стороны, допускается и другой источник эволюции — мутации, которые происходят только случайно и не связаны ни с какими необходимыми процессами организма в его борьбе и взаимодействии с окружающей средой.

Все эти положения должны обосновать основную догму неodarвинизма, что приобретенные признаки не наследуются и не должны наследоваться.

Откуда берутся все эти догмы? Являются ли они действительно плодом гениального обобщения экспериментальных данных, последних достижений биологической науки? Нет, эти догмы являются всего лишь результатом определенного общественного влияния на биологов, в частности влияния кантианства и махизма. Большинство этих взглядов довольно давнишнего происхождения и только теперь обработаны на современный, новый лад. Большинство этих взглядов было известно и опровергнуто Дарвином, ибо одни в более, другие в менее ясной форме, но почти все эти положения были высказаны Гальтоном еще в 60-х и 70-х годах прошлого столетия. Недаром Вейсман заявляет, что Гальтон предвосхитил его теорию, а Иогансен считает Гальтона вместе с Карлом Пирсоном выдающимися учителями, которым все биологи должны быть глубоко благодарны.

Гальтон резко высказывается против влияния окружающей среды на организмы. Особенное внимание он обратил на исследование способностей и талантов. При этом он пришел к выводу, что «воспитание» не может оказать влияния на «природу» человека, что таланты и способности являются только наследственными свойствами и даже способность быть английским судьей является наследственным свойством, которое никак нельзя получить через воспитание.

Насколько это воззрение вошло в плоть и кровь наших биологов, видно из следующих рассуждений т. Б. М. Завадовского: «Никакими трудами воздействия внешней среды и воспитания мы не сможем никогда поставить массовое производство Марксов и Ленинов, не учтя возможностей того генетического материала, которым мы оперируем... Не всякий рабочий при всех его усилиях

имеет данные стать хорошим инженером, поскольку к тому не предполагает его наследственность»¹).

Исходя из своего отрицания влияния окружающей среды, Гальтон стал апостолом евгеники, требуя ряд государственных мероприятий для содействия размножению «лучшей части» нации и для препятствования размножению «посредственной части» нации или низших классов. Занимаясь евгеникой, Гальтон еще в 60-х годах пришел к необходимости теоретически опровергнуть наследование приобретенных признаков как физических, так и духовных. И совершенно последовательно. Допущение наследования приобретенных признаков разрушает все евгенические мудрости.

Евгеника совместима только с верой в постоянство и неизменность человеческой природы, особенно «кровной», родовой аристократии. В период своей борьбы против феодальной аристократии буржуазия верила во всемогущество воспитания, вполне надеялась через воспитание приобрести нужные ей духовные качества и передать их своим потомкам. Поэтому для Ламарка, Дарвина и всех ученых того времени не было причины сомневаться в возможности передачи по наследству приобретенных признаков. Другое дело, когда буржуазия достигла уже вершины своего величия и ее взору предстала опасность революционной борьбы пролетариата за власть. Эта опасность и вызвала к жизни теорию о невозможности передачи по наследству приобретенных признаков, невозможности для пролетариата получить нужные ему силы для строительства нового общества.

Отсюда понятно, на какую удочку клюнули наши меньшевистствующие идеалисты в биологии, поверив неодарвинизму на-слово, что приобретенные признаки не могут передаваться по наследству, поверив, что это есть последнее слово современной науки. Это последнее слово было высказано Гальтоном примерно за четыре года до появления работы Дарвина о наследственности.

Уже в 60-х годах Гальтон, хотя и в не совсем ясной форме, сформулировал учение о непрерывности зародышевой плазмы. В 1872 г. Гальтон в общей форме также указал на необходимость разграничивать фенотипические и генотипические признаки, оставляя детальную разработку этого вопроса Вейсману и Иогансену. Тогда же Гальтон отмечал неправильность обычной точки зрения, что ребенок непосредственно происходит от своих родителей. Гальтон считает, что «родители только косвенно и частично родственны своим детям», не родители связаны с детьми, а только их зародышевая плазма. В одном письме он так формулирует свои взгляды: «Отношения между родителями и детьми... не такие, как между метрополией и колонией, но как между представительным правительством метрополии и представительным правительством колонии, причем правительство метрополии может назначать небольшое количество представителей колоний»²). Гальтон считал, что родители — это вообще только водопроводные трубы для циркуляции зародышевой плазмы.

Все эти взгляды впоследствии на кантрианский манер были отшлифованы Вейсманом и другими теоретиками неодарвинизма и любовно восприняты их последователями у нас. В частности по проблеме «Отцы и дети» т. Агол категорически настаивает, что между ним и его отцом существует только историческая связь, а всякие попытки убедить его, что существует также и физиологическая связь, он называет мистикой и спиритизмом. Все эти смехотворные теории всерьез принимаются нашими меньшевистствующими идеалистами, как последнее слово современной науки.

Разработка подобных теорий наследственности значительно облегчалась

¹) Завадовский, «ПЗМ», 1925 г. № 10—11.

²) Karl Pearson, The Life, Letters and Labours of Francis Galton, p. 172.

новым методом — математическим методом, — примененным Гальтоном и Пирсоном в биологии. В своей книге «Наследственность таланта» Гальтон с гордостью заявляет, что он рассматривает себя пионером применения математического метода к проблемам наследственности.

Для соответствующего оформления своих установок Гальтон и Пирсон разработали биометрию, или систему вариационной статистики, которая до сих пор играет большую роль в генетике, хотя биологи часто жалуются, что биометрия много раз заводила их в тупик, ибо она очень мало занимается биологией и очень много абстрактными математическими выкладками.

На основе своей вариационной статистики Гальтон построил свой закон наследственности, по которому каждый индивидум имеет в своем генотипе, в своем наследственном веществе, $\frac{1}{4}$ генотипа от каждого из своих родителей, или 0,5 от обоих родителей; $\frac{1}{8}$ от каждого из своих первых прапородителей, или $(0,5)^2$ от обоих; $\frac{1}{16}$ от каждого из своих следующих прапородителей, или $(0,5)^3$ от обоих, и т. д.

Дальше Гальтон высчитал на основе своего метода шансы на передачу талантов в потомстве. Вот к чему он пришел: «Шансы родственников знаменитых людей, сделавшихся или имеющих сделаться выдающимися, относятся... в первой степени — шансы отца — 1 : 6; шансы каждого брата — 1 : 7; каждого сына — 1 : 4; во второй степени — шансы каждого деда — 1 : 25; каждого дяди — 1 : 40; каждого племянника — 1 : 40; каждого внука — 1 : 29»¹⁾ и т. д. и т. д. Совершенно очевидно, что эти изумительные результаты, достойные лучших работ средневековой астрологии, не могли быть получены никакими иными путями, как «точно разработанным математическим методом». Столь же очевидна «неиссякаемая полезность» этих открытий для биологических наук.

Дальше Гальтон установил закон регрессии, согласно которому изменчивость родителей, их отклонение от средней линии наследуются в порядке потухающей кривой. Например дети наследуют только две трети той величины, на которую уклонялись родители. Вывод отсюда ясен. Изменчивость оказывается не основным фактором эволюции, а только мимолетным явлением. Имеется математически выраженная тенденция к регрессии, к возврату, т. е. к постоянству органического мира, а отнюдь не к развитию. Всякие изменения являются только временными модификациями. Здесь теория Гальтона и Пирсона смыкается с воззрениями де-Фриза о флюктуациях, т. е. изменчивости, которая не играет никакой роли в эволюции, а также с воззрениями Иогансена, что изменчивость — это только свойство популяции, а в чистых линиях мы по существу имеем только постоянство.

Характерно, что Пирсон делает попытку, и не безуспешную, согласовать все эти цифровые выражения наследственности с математическими выражениями наследственности, открытыми Менделем.

Сейчас найдется очень мало биологов, которые бы всерьез принимали все эти выкладки Гальтона. Несостоятельность математических упражнений Гальтона для всех очевидна так же, как и математические упражнения Менделя. Но биологи из лагеря неodarвинизма предпочитают описывать массу случаев, опровергающих Менделя, а вот в своих общих теоретических рассуждениях изъявляют свое безусловное и неограниченное согласие с Менделем так же, как и с математическим методом Гальтона и Пирсона. Если закон наследственности Гальтона и критикуется, то только с точки зрения другой его разновидности — с точки зрения Менделя. Упрекают Гальтона за то, что он допускал делимость наследственных свойств вместо менделевского расщепления неделимых и независимых наследственных единиц.

¹⁾ Ф. Гальтон, Наследственность таланта, стр. 295.

Свои законы наследственности Гальтон разработал в борьбе со взглядами Дарвина о пангенезисе. Обычно считают, что Гальтон экспериментально опроверг теорию Дарвина о пангенезисе. И действительно Гальтон в течение двух лет ставил опыты с переливанием крови у кроликов, чтобы доказать, что геммулы не циркулируют в крови и следовательно не могут передавать зародышу вновь приобретенных признаков. В ответ на эти эксперименты Дарвин опубликовал письмо, в котором высмеял затею Гальтона, заявив, что в своей теории пангенезиса он никогда и не думал полагать, что механизм передачи по наследству приобретенных признаков является таким простым, как это себе представляет Гальтон. Поэтому и экспериментальные опровержения Гальтона опровергли только неправильные представления самого Гальтона о сущности пангенезиса, а отнюдь не Дарвина.

Между прочим Дарвин также дал характеристику евгенических взглядов Гальтона, очень деликатно назвав их «утопическими». Дарвину хорошо были известны и математические упражнения Гальтона. Однако Дарвин, видимо, не прельстился всеми этими открытиями, предоставив т. М. Левину в 1931 г. писать обо всех открытиях и теориях неodarвинизма как о революции в биологии: «Проблема наследственности... благодаря выдающимся работам таких неутомимых исследователей, как де-Фриз... Бэтсон, Иогансен... Морган и ряда других прилежных экспериментаторов, настолько продвинулась вперед в сравнении с предыдущим спекулятивным периодом, длившимся до середины 90-х годов, что можно говорить о целой революции в этой области»¹⁾.

Нет возможности здесь останавливаться на всех взглядах Гальтона, даже относящихся к данному вопросу, хотя некоторые из них очень ярко характеризуют идеалистическую сущность и причудливость теоретических установок Гальтона. Так, Гальтон, подобно Пифагору, философствует о значении разных чисел. Пифагор любовь и дружбу отождествлял с числом 8, здоровье—с седемрицей, справедливость—с квадратным числом и т. д. Гальтон же самостоятельно пришел к выводу, что число 3 можно считать или хорошим другом или предателем, — оно двойственное по своему характеру. Число 8 дает идею красного, девять — черно-синего. Какого пола бывают числа, Гальтон твердо не знает, но думает все-таки, что четные числа должны быть мужского пола и т. д. Дальше животным Гальтон приписывает очень симпатичные качества. Для одомашнения, по Гальтону, животное должно обладать «врожденной любовью к человеку» и должно любить комфорт. К сожалению он нам не оставил математических формул, по которым эти качества наследуются.

У Гальтона было своеобразное представление о естественном отборе. Подобно Уоллесу, Вейсману и др., он придавал естественному отбору неограниченное значение, причем объектом для естественного отбора были и такие явления, как мораль, религиозные настроения и т. п., — они, по Гальтону, являются прямым результатом естественного отбора. Зародышевые элементы Гальтон себе представлял, как мешок с огромным количеством шаров разных цветов и из этих шаров в мешке происходит отбор зародышевых элементов для формирования будущего взрослого организма. Этот процесс Гальтон называет «классовым представительством». Этим механизмом Гальтон объяснял различия разных индивидуумов, происходящих от одних родителей и воспитывающихся в одинаковой среде.

Эволюция, по Гальтону, начинается с высокоорганизованной зародышевой плазмы, которая постепенно разбивается на более простые группы: роды разбиваются на виды, виды—на расы, расы—на чистые линии и т. д. Здесь эволюция поставлена на голову. Развитие идет не от более простого к более сложному, а наоборот. По существу эти взгляды не противоречат взглядам

¹⁾ Журнал экологии и биоценологии № 1, 1931 г.

Менделя и всего неодарвинизма. Но совершенно очевидно, что эти взгляды явно противоречат дарвинизму и действительному ходу развития органического мира.

Вот почему в одном письме к Гальтону Дарвин пишет, что ему очень трудно понять все термины и все теории Гальтона, и он очень сожалеет, что он так резко с ним расходится. Зато Уоллес, который является другим родоначальником неодарвинизма, охотно соглашался с теориями Гальтона и считал, что они являются определенным улучшением и усовершенствованием дарвинизма.

В каком направлении Гальтон улучшил дарвинизм, видно из замечания Пирсона, соратника Гальтона, что в XX столетии все учение Дарвина постепенно подтачивается работами современных биологов в области наследственности, которые имеют в качестве основы для своей работы установки Гальтона, давшие биологии новый метод.

II

Взгляды Гальтона были философски обоснованы Карлом Пирсоном, известным вождем махизма, которого Ленин характеризует как самого ясного и последовательного махиста, «как цельного идеалиста», «бешено воюющего с материализмом». Пирсон непосредственно сотрудничал с Гальтоном, а после его смерти увековечил его память большим двухтомным произведением, в котором дал биографию и оценку Гальтона. В своей «Грамматике науки» Пирсон уделяет много внимания обоснованию теории вероятности, любимой теории Гальтона. Теория вероятности лежит в основе вариационной статистики и всего математического метода Гальтона и Пирсона.

Гальтон так сформулировал свою точку зрения на теорию вероятности: «Коль скоро мы имеем дело с каким-либо обширным количеством одинаковых событий, происходящих от равнодействующих влияний, одинаково изменяющихся условий, мы встречаем одни и те же результаты. Во-первых, средняя величина этих событий является постоянной и во-вторых, отклонения событий от средней величины управляются... законом, который в сущности тождествен с законом, управляющим шансами счастья и несчастья в карточной игре»¹⁾.

С таким пониманием, подходят к теории вероятности также и Мендель и современные генетики, которые строят свои гипотезы на основе этой теории и широко применяют теорию вероятности и метод вариационной статистики в практике генетики. Конечно применение математики и статистики очень важно для биологии, как и для других областей знания. Ленин отмечает как «крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку», но тут же Ленин подчеркивает, что этот процесс «порождает забвение материи математиками»²⁾.

Ленин считает превосходными некоторые замечания Рея о математике вроде следующих: «Все экспериментаторы указывают на вторжение духа математики в приемы физических суждений и в понимание физики. Не этим ли влиянием... объясняется зачастую неуверенность, шатание мысли насчет объективной физики... Абстрактные фикции математики создавали как бы некоторый экран между физической реальностью и тем способом, как математики понимают науку об этой реальности... Кризис физики состоит в завоевании физики духом математики»³⁾.

¹⁾ Фр. Гальтон, Наследственность таланта, стр. 29.

²⁾ Ленин, т. XIII, изд. 3-е, стр. 262.

³⁾ Там же, стр. 250.

Отсюда понятна та особая любовь, которую питают к математике махисты и кантианцы. Ленин указывает, что вождь неокантианства Герман Коген «доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы — для ради внедрения в гимназистов духа идеализма».

В своей «Грамматике науки» и других произведениях Пирсон положил очень много трудов для обоснования теории вероятности, потому что он хотел теорией вероятности заменить материалистическое объяснение закономерностей природы вообще и биологии в частности.

Исходным пунктом для Пирсона является положение, что «человек есть творец закона природы», «законы науки — гораздо больше продукт человеческого ума, чем факты внешнего мира». Поэтому Ленин отмечает по адресу Пирсона, что «наш махист... благополучно пришел... к чисто кантианскому идеализму... Кантианско-махистская формула «человек дает законы природе» есть формула фидеизма».

В качестве совершенно конкретной иллюстрации этих слов Ленина можно привести следующие слова Пирсона, в которых он характеризует понимание Гальтоном сущности математического метода: «мысли и цели бога... могут быть открыты только статистическим изучением естественных явлений... применение результатов этих исследований есть религиозная обязанность человека», «способ нашего изучения должен быть статистическим... Здесь шифр, по которому мы можем читать мысли бога...»¹⁾.

Сам Пирсон предпочитает поменьше говорить о боге, но зато сильнее подчеркивает значение математического метода для биологии. Он говорит: «Только... с развитием количественной теории эволюции... точное определение основных биологических понятий сделалось возможным... Каково числовое значение той изменчивости, о которой вы говорите?.. Исследовали ли вы величину наследственности данного признака?.. Пока нет вполне определенных ответов на эти вопросы, нам нет необходимости обращать много внимания на тех, которые объясняют не только биологические, но и социальные изменения при помощи таких расплывчатых и неопределенных терминов»²⁾.

Действительное положение биологии, а в частности вопроса о наследственности, таково, что ни во время Гальтона, ни на сегодняшний день мы еще не дошли до достаточного знания общих закономерностей и механизма наследственности, чтобы можно было найти соответствующие математические выражения. Математические выкладки Гальтона и Менделя опираются на весьма ограниченное количество наблюдений. Поэтому все стремления превратить результаты этих наблюдений, подчас противоречивые, превратить в универсальные законы природы терпят крах. Такова судьба «законов» Гальтона, такова же по существу судьба «законов» Менделя.

Но несоответствие теорий с действительностью мало смущает Пирсона, ибо он считает, что «в вопросе о внешнем мире наука вправе логически умозаключать лишь о хаосе или об отсутствии условий познания. В него нельзя логически проецировать ни одного из таких человеческих понятий, как порядок, разум, сознание»³⁾. Дело здесь конечно не в разуме и в сознании, а в махистских теориях интлекции и экономии мышления, достаточно разоблаченных Лениным. Исходя из этих теорий, Пирсон рассматривает причину и следствие как чисто субъективные категории, которые ничего общего с объективной реальностью не имеют. Точно так же «необходимость существует в сфере понятий» и только. Разумеется, одними категориями причинности и необходимости мы также не можем ограничиться. Общими законами движения объективного мира мы считаем основные законы диалектики. Боль-

¹⁾ К. Pearson, The Life. etc.. стр. 250

²⁾ К. Пирсон, Грамматика науки, стр. 434.

³⁾ Там же, стр. 140.

ше того, без основных законов материалистической диалектики мы ничего не поймем в категориях причинности, необходимости и др. Однако мы не можем позволить махистам выбросить за борт категории причинности и необходимости, как этого хотелось бы Пирсону.

Для Пирсона не только причинность и необходимость являются субъективными категориями,—все, что мы знаем,—это только наши субъективные категории. Об'ективный мир «не есть достоверность, но... только вероятность... Доказуемое означает в конце концов то же самое, что и вероятное»¹⁾ Так подходит Пирсон к обоснованию теории вероятности.

Но если Пирсон еще говорит о знании в области понятий, то в отношении восприятия он предлагает положиться исключительно на веру и... на теорию вероятности. Вот как он это формулирует: «Мы должны были бы применять слово «знать» только к понятиям, сохраняя слово «верить» для восприятий. «Я знаю, что вписанный угол, опирающийся на диаметр, равен прямому углу», но «я верю, что солнце встанет завтра... там, где мы ничего не знаем, там, как статистический результат,—все комбинации неизвестного оказываются равно вероятными»²⁾. Так продолжает Пирсон обосновывать теорию вероятности через свою насквозь идеалистическую теорию «экономии мышления» путем выбрасывания за борт материи и всяких закономерностей об'ективного мира. Вместе с Юмом он еще допускает знание только по отношению к математическим истинам. Но это не значит, что он связывает эти математические истины с об'ективной реальностью, ибо «значение научных понятий зависит прежде всего не от их реальности в качестве восприятий, а от того насколько они пригодны для описания и классифицирования явлений... Пусть круг и прямоугольник не существуют в реальности, но... они символы той топографии, с помощью которой наука описывает мир явлений... и экономизирует мысль»³⁾.

В целях экономии мышления Пирсон выбрасывает за борт также реальность времени и пространства, ибо «времени, как и пространству, мы не можем приписать реального существования; оно не в вещах, оно — наш способ восприятия их... О комбинациях этих категорий, которым мы даем различные наименования—изменение, движение, рост, эволюция,—можно сказать, что... значение их... не от... соответствия чему-то данному в реальном мире — такое соответствие немислимо, а... от экономизирования мышления»⁴⁾.

Тов. Агол и другие меньшевистствующие идеалисты иногда также считали излишним рассматривать и время и пространство как необходимые формы движения материи. По крайней мере развитие генотипа в фенотип ими мыслилось только во времени, но не в пространстве. Так, т. Агол по этому поводу говорит: «Говорить о фенотипе, как о реализованном генотипе половых клеток, мы можем только в смысле связи во времени, но не в пространстве»⁵⁾. На основе этой концепции меньшевистствующие идеалисты и построили свою теорию исторического и физиологического, в которой одно отрывается от другого, история органических форм рассматривается в отрыве от физиологии органических форм, а физиология организмов об'является неимеющей никакого отношения к эволюции, к развитию этих самых органических форм.

Уделяя столько внимания обоснованию теории вероятности и математического метода вообще, Пирсон отнюдь не скрывает, что он стремится вытеснить из науки ненавистные ему понятия о материи, причинности, об'ективной

¹⁾ К. Пирсон, Грамматика науки, стр. 172.

²⁾ Там же, стр. 184.

³⁾ Там же, стр. 202.

⁴⁾ Там же, стр. 221.

⁵⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 116.

истине и т. д., а об основных законах материалистической диалектики и говорить не приходится. Пирсон согласен признать движение при одном только условии: «Все вещи движутся—но только идеально... наука мало-по-малу нашла возможным описать... изменения с помощью... движения идеальных точек, идеальных твердых тел и идеальных деформируемых сред, являющихся для нас знаками или символами» ¹⁾. Вот таким образом дается философское обоснование теорий Гальтона, а также и законов Менделя и многих других гипотез неодарвинизма. Даже примеры, приводимые теоретиками неодарвинизма, часто позаимствованы у Пирсона.

Так, для иллюстрации теории вероятности Пирсон приводит следующее, хорошо знакомое по работам неодарвинистов рассуждение: «Допустим, что мы берем шиллинг и подбрасываем его; тогда шансы, что монета выпадет орлом или решеткой, будут в точности равны. Если единицей мы будем обозначать достоверность, то вероятность выпадения орла будет равна $\frac{1}{2}$ ... Так как при двух последовательных бросаниях мы имеем с одинаковой вероятностью одну из следующих четырех комбинаций: орел, орел; решетка, решетка; орел, решетка; решетка, орел, то вероятность выпадения орла равна лишь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ » ²⁾. Стоит только прочесть всякие работы неодарвинистов, чтобы убедиться, что знание этой цитаты вполне достаточно для доказательства оригинального закона Менделя. Но интересно то, что Пирсон это явно связывает с идеализмом и агностицизмом, говоря, что «там, где мы находимся в неведении, равно вероятны *a priori* всяческие комбинации» ³⁾, а некоторые хотят выдать эти теории чуть ли не за стопроцентный диалектический материализм.

Не только идеализм и агностицизм лежат в основе всех этих теорий. Применение теории вероятности, огульное применение математического метода к явлениям биологии, к явлениям наследственности предполагает сугубо-метафизический и механистический подход к этим проблемам, подход, который также еще намечен Пирсоном.

Теория вероятности потому так охотно применяется неодарвинистами к наследственности, что они исходят из абстрактных факторов наследственности, из наследственных единиц, которые рассматриваются как неизменные, сами себе равные тела, относящиеся друг к другу чисто внешним образом, как решетка и орел на монете или как игральные карты или игральные кости друг к другу. Эти сравнения сплошь и рядом приводятся в обоснование законов наследственности, но не требуется больших философских и биологических познаний, чтобы понять всю вздорность такого представления о наследственности и других объективных процессах органического мира. Такой взгляд механистичен, но этот механицизм такого порядка, что прямой дорогой ведет к агностицизму и идеализму, как это мы видели у Пирсона, для которого «задача биолога заключается в стенографическом описании при помощи понятий последовательности известного класса чувственных впечатлений» ⁴⁾, или «наша задача в биологии... сводится к описанию возможно широкого круга явлений при помощи возможно кратких формул» ⁵⁾. Такой подход облегчает махистам возможность избавиться от анализа объективного мира. Мы конечно тоже заинтересованы в описании большого круга явлений, но этого для нас недостаточно. Нам еще необходимо познать эти явления все более и более глубоко. Для этого биометрия часто является препятствием, ибо она учитывает только постоянные величины, нечто неизменное и может делать

¹⁾ К. Пирсон, Грамматика науки. стр. 281.

²⁾ Там же, стр. 175.

³⁾ Там же, стр. 178.

⁴⁾ Там же, стр. 386.

⁵⁾ Там же, стр. 388.

предсказания только в том случае, если нет действительного движения. Биометрия берется устанавливать не только биологические, но и социальные закономерности, как рождаемость, смертность, даже самоубийство среди людей.

Те предсказания, которые можно делать во всех этих случаях, предсказания более или менее точные, но не математически точные, могут основываться конечно только на исследовании общественных явлений при помощи материалистической диалектики. Закон стоимости, установленный Марксом, закон неравномерности развития капитализма при империализме, установленный Лениным, условия перехода от нэпа к социализму, намеченные т. Сталиным, конечно не были, не могли быть определены при помощи теории вероятности и математического метода. Но зная эти закономерности, можно с успехом применять математику, статистику для разработки отдельных проблем.

Почему же в биологии теория вероятности должна заменить исследование специфических закономерностей жизни? Тем более, что все эти математические упражнения на основе теории вероятности сплошь и рядом лопаются и лопаются, как мыльные пузыри. Как может теория вероятности познать закономерности развития, эволюции органического мира, не прибегая к простым гаданиям или мистике? Все это возможно только при допущении, что жизнь или процесс наследственности не есть диалектический процесс движущейся живой материи, а состоит из каких-то неизменных тел и сил, которые внешне и механически соотносятся друг с другом.

Даже в механике, по свидетельству Пирсона, далеко не везде и всегда можно применять теорию вероятности. Так, он говорит: «Обычные игральные карты не следуют правилам, обычно изложенным для них в трактатах о теории вероятности»¹⁾. Неодарвинисты же претендуют на то, что проблемы жизни, наследственности могут успешно и исчерпывающе быть поняты только при помощи законов Менделя, основанных на теории вероятности, на законе средних чисел.

Известно, что Ленин и т. Сталин критиковали многих за неправильное применение закона средних чисел даже по отношению к полезным площадям. В борьбе с механицизмом вождей правого уклона т. Сталин говорит следующее: «Тов. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректируемый данными по районам, не есть научный метод. Может быть т. Рыков читал когда-либо «Развитие капитализма» Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам»²⁾.

Раньше чем применять математику, статистику к обработке биологических явлений, явлений наследственности, мы должны познать общие закономерности наследственности, должны изучить специфические явления наследственности. Познание этих закономерностей исчерпывающим образом возможно только при помощи диалектического исследования самих биологических явлений, а не путем механического приложения теории вероятности. Только признавая специфичность объективных биологических закономерностей, отправляясь от них, мы уже можем применять математику для дальнейшей разработки отдельных вопросов так же, как и в общественных явлениях. Неодарвинизм имеет определенные установки. В чем они состоят, мы уже частично видели на взглядах Гальтона и Пирсона. С точки зрения этих установок теория вероятности может все объяснить — и законы азартной игры так же, как и закономерности биологические и социальные. Однако очевидно,

¹⁾ Kj Pearson. The Life, etc., p. 405.

²⁾ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 522.

что это ничего общего не имеет с действительным знанием всех этих закономерностей в разных областях.

Философия шанса была вполне достаточна для мелкого и крупного буржуа с мировоззрением индивидуализма, который не видел и не понимал сложного сцепления общественных связей, а рассматривал себя свободным игроком в случайной игре сил на рынке. Ясно, что эта философия совершенно непригодна для действительного понимания закономерностей природы и общества.

Теория вероятности возникла из потребностей торговых, биржевых сделок, азартных игр, страховых обществ и т. д. Эта теория была с энтузиазмом поддержана Академией наук царского времени, махистами и другими разновидностями идеализма и поповщины. И неудивительно. Материю они похоронили, причинность, необходимость и другие естественные закономерности они сдали в архив. Остались только корреляции и их математические определения. Но математические определения считаются годными для всех времен и потому должны помочь хоронить не только материю, но и движение материи, развитие.

Пирсон, который хватается, что «у нас есть законы изменчивости и законы наследственности, столь же точные и определенные, как... в физике»¹⁾, в качестве общего вывода из своих теоретических рассуждений о наследственности приходит к следующему: «Наследственность, подобно изменчивости, представляет некоторое основное свойство жизненной единицы, а не продукт эволюции». И дальше: «После шести поколений подбора индивидуумы, если дальнейшего подбора не происходит, сохраняют неизменным свой тип»²⁾. Другими словами, Пирсон в полном согласии по этому вопросу с другими неodarвинистами приходит к отрицанию эволюции органического мира.

III

Методология махизма глубоко проникает во все теоретические построения неodarвинизма, хотя сами неodarвинисты, генетики не перестают заявлять, что в основе их работ лежит учение Менделя. Однако построения менделизма основываются на теории вероятности именно в ее махистском понимании. Поэтому менделизм и может быть опорой махистских тенденций в биологии. Между махизмом и менделизмом имеется много общего, например эмпиризм, теория вероятности и т. д.

В отличие от Дарвина, который поставил себе задачу выяснить роль развития в образовании видов, роль разных факторов, присущих самим организмам и окружающей их среде, роль борьбы организмов за существование в процессе их приспособления к окружающей среде, Мендель ставит себе следующую задачу: «изучение влияния гибридизации на многообразие... форм» в органическом мире и приходит к выводу, что «константные гибриды получают значение новых видов... гибриды образуют различного рода зародышевые и пыльцевые клетки... в этом лежит причина изменчивости потомства»³⁾.

Мендель, а за ним все неodarвинисты особенно подчеркивают роль скрещивания для изменчивости, всячески умаляя или совершенно игнорируя внешние влияния среды или допуская для последней только роль мимолетного влияния. Что скрещивание играет большую роль для изменения организма в искусственных условиях, это несомненно. Однако в естественных условиях, по Дарвину, скрещивание больше играет роль нивелирования различий и изменчивости. В одном месте Дарвин прямо говорит: «Некоторые авторы полагают,

1) К. Пирсон, Грамматика науки, стр. 592.

2) Там же, стр. 572.

3) Г. Мендель, Опыты над растительными гибридами, стр. 39.

что скрещивание является главной причиной изменчивости. Некоторые... единственной; но этот вывод опровергается фактами» ¹⁾.

Вообще вопрос ставится совершенно неправильно. Говоря о скрещивании, имеют в виду комбинации наследственных факторов, происходящих в результате скрещивания и вызывающих все разнообразие форм и изменчивость в органическом мире. Таким образом изменчивость хотят объяснить наследственностью. Но в естественных условиях нельзя искать причины или факторы изменчивости в наследственности, ибо наследственность есть главным образом фактор постоянства, фактор закрепления произошедшей изменчивости. Фактором же изменчивости и эволюции является приспособление организма к внешней среде и борьба и взаимодействие этого приспособления и наследственности. Противоположная точка зрения неодадарвинизма явно ставит вопрос на голову. Оценивая работу Геккеля, Энгельс говорит: «Благодаря Геккелю представление об естественном отборе было расширено, и изменчивость видов стала рассматриваться, как результат взаимодействия приспособления и наследственности, причем приспособление является фактором, производящим изменения, а наследственность — сохраняющим их» ²⁾.

Главное, на что Мендель обращает внимание в самом начале своей работы,— это на метод. Правильный метод, по Менделю, должен состоять в такой постановке опытов: «чтобы можно было определить число различных форм... и установить между ними числовые отношения... это... единственный путь для того, чтобы достигнуть решения вопроса, который имеет важное значение для истории развития органических форм» ³⁾. Таким образом мы здесь имеем тот же основной математический метод, характерный для Гальтона и Пирсона. Мендель также берет за основу теорию вероятности, которая должна установить числовые отношения, в пределах которых происходит комбинирование наследственных признаков. Наследование, согласно Менделю, происходит «по правилам комбинации».

Мендель установил твердые числовые отношения для наследования одного признака — 3 : 1. Это соотношение хотя и трудно согласовать со всеми фактами, но зато очень легко согласуется с теорией вероятности. На самом деле, по теории вероятности, если соединяются два признака, скажем А и а, то комбинации их могут быть только АА, Аа, аА и аа — четыре комбинации, из которых первые три имеют общим членом А, а последняя—А не имеет. Таким образом и получается отношение 3 : 1 или 1 : 2 : 1.

Эта сакраментальная формула 3 : 1 является дамочковым мечом неодадарвинизма. Весь органический мир, начиная от фасоли и клопа и вплоть до человека, должен подчиниться этой формуле, в противном случае он будет противоречить Менделю, что конечно совершенно недопустимо. Формула 3 : 1 или другие подобные формулы должны служить универсальной отмычкой, которая открывает все законы наследственности во всем органическом мире. Сколько трудов потрачено биологами для подтверждения этой священной формулы!

Выведение таких жестких математических формул в качестве закона наследственности возможно только при допущении следующих условий. Во-первых, надо предположить постоянство и неизменность наследственных признаков. И действительно, Мендель исходит из того принципа, что «общие признаки переходят неизменными на гибридов и их потомков» ⁴⁾. Во-вторых, в качестве другой предпосылки требуется допущение независимости и внешнеположности наследственных единиц друг к другу. Это требование Мендель также упорно удовлетворяет: «Отношение каждых двух различных призна-

¹⁾ Ч. Дарвин, Пангенезис, стр. 75.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 63.

³⁾ Г. Мендель, Опыты и т. д., стр. 6.

⁴⁾ Г. Мендель, Опыты... и т. д., стр. 8.

ков в гибридном состоянии независимо от других различий между двумя основными растениями»¹⁾).

Это, собственно говоря, и все то новое, что внес Мендель в понимание наследственности в сравнении с Дарвином. Остальные так называемые законы Менделя хорошо были известны Дарвину и им же заранее опровергнуты. Это — закон доминантности и закон расщепления.

Закон доминантности исходит из того положения, что при скрещивании двух индивидуумов признаки одного из них всегда доминируют в первом поколении потомства, скажем: круглая форма, желтая окраска и т. д. Противоположные признаки являются рецессивными, т. е. они присутствуют так же, как и доминантные, но не проявляются во вне. И только во втором и последующих поколениях эти так называемые гетерозиготные или разнородные признаки расщепляются в отношении 3 : 1. Гомозиготные признаки, т. е. однородные, так и остаются неизменными. Мендель очень категоричен насчет доминантности. «Переходных форм не наблюдалось» — утверждает он. Если и имеются частичные отклонения от этого правила, то, по Менделю, такая «особенность чисто индивидуальная и не передается по наследству».

Общая концепция Менделя сводится к следующему: имеется определенное количество наследственных факторов, которые определяют во взрослом организме форму, цвет, длину и т. д. Эти факторы постоянны, неизменны и независимы друг от друга. Они внешни друг другу. Некоторые из них доминантны, другие — рецессивны. Встреча наследственных факторов при скрещивании носит характер соединения механических, противоположно направленных сил. В первом поколении часть признаков, однородных по своему составу, дает сразу постоянные формы потомства. Остальные признаки состоят из механического соединения противоположных факторов. Но в силу доминантности во вне они ничем не отличаются от доминантных однородных и постоянных форм. Однако уже в следующем, во втором поколении, они расщепляются на свои составные части по принципу теории вероятности в отношении 3 : 1.

Дарвин опроверг закон доминантности и универсальный характер закона расщепления. Эти законы продолжают опровергаться целым рядом фактов и современной генетикой. Конечно принцип расщепления очень важен для селекции, для выделения чистых пород. Этот принцип отражает объективную закономерность органического мира, но не в том виде, как его представлял себе Мендель. Более правильна была мысль Дарвина о том, что существует и расщепление и слияние. Принцип раздвоения единого на свои противоположности является важнейшим принципом материалистической диалектики. При правильном толковании биологических явлений мы в принципе расщепления обнаружили бы это диалектическое раздвоение единого на свои противоположности. То, что наблюдение под микроскопом деления клетки, в том числе и зародышевой, обнаруживает на определенной стадии развития расхождение хромосом, это конечно очень важно.

Но в диалектике принцип раздвоения единого объясняет развитие. Борьба противоположностей и является внутренним импульсом движения, самодвижения. Поэтому этот принцип предполагает не просто раздвоение единого на свои противоположности, но и взаимодействие, взаимопроникновение противоположностей, — их единство так же, как и их борьбу. Всего этого конечно нет у Менделя. У него нет взаимопроникновения противоположностей, нет их борьбы, нет развития. У него есть только механическое соединение и раз'единение. Для того, чтобы видеть диалектический характер этого процесса, необходимо отказаться от принципа постоянства, неизменности и

¹⁾ Г. Мендель, *Опыты над растительными гибридами*, стр. 40.

изолированности наследственных единиц. Надо признать не только расщепление, но и борьбу противоположностей и их взаимодействие. Процесс развития несомненно приводит и к возврату старых форм, но на новой, расширенной основе, обогащенной теми изменениями, которые произошли в процессе приспособления и борьбы за существование, в процессе взаимодействия организма с окружающей средой. Но тогда признаки уже не могут наследоваться в чистом виде, признак A не может наследоваться как A , а уже как A_1 или A_2 или $A +$ и т. д. Но тогда рушатся все математические упражнения, построенные на теории вероятности, — формула $3 : 1$ и т. д., — что совершенно неприемлемо для Менделя и неодарвинизма.

Представления менделизма о законах наследственности являются также механистическими, а так как под механицизмом в XIX веке обычно понимали материализм, то на первый взгляд может показаться, что Мендель является механическим материалистом. Сведение всех проявлений наследственности у всех видов животных и растений к одной математически выраженной формуле $3 : 1$ и т. д. смазывает специфичность видов и мешает действительному научному исследованию конкретных закономерностей отдельных видов. В этом отношении менделизм механистичен. Однако главной его характерной чертой является идеализм.

Исследования Менделя и других имеют определенный эмпирический интерес, поскольку они раскрывают какие-то закономерности наследственности у определенных видов животных и растений. Чем больше будут изучать закономерности наследственности у разных видов животных и растений, тем больше будет возможности делать более широкие обобщения, которые дадут возможность построить правильную теорию наследственности, не забывая однако специфичность разных видов, так же как и принцип развития видов.

Механические представления о наследственных единицах как неизменных и изолированных точках в пространстве приводят к аналогиям с бросанием монет, выниманием разноцветных шаров из мешка, а следовательно к применению к этим явлениям теории вероятности на чисто махистский, идеалистический лад, причем это не просто, как думает т. Агол, что «витализм вытекает из механической методологии... базируется на ней». Здесь дело сложнее. Тов. Агол не интересуется исторической обстановкой, социально-экономическими отношениями. Несомненно, что мы здесь имеем сознательное внедрение идеалистических тенденций, имеющих целью мешать изучению действительных объективных закономерностей органического мира, в частности мешать развитию того правильного, что содержал в себе дарвинизм. С этой целью используется и механицизм. Надо быть слепым последователем махизма, чтобы считать, что существуют универсальные математические формулы, которым должна подчиняться вся органическая природа, все виды. Энгельс говорит: «Организмы в природе имеют свои законы народонаселения... установление которых должно иметь решающее значение для теории развития видов». Эти законы для отдельных видов надо изучить, а не применять к ним готовые законы вероятности. Неодарвинисты любят много говорить о простых и ясных законах, установленных Менделем. Это несомненно было бы заманчиво, если бы эти законы действительно отражали объективную закономерность. На самом деле они отражают только закономерности отдельных видов и не могут быть обобщены для всей органической природы. Что толку от этих простых законов, когда они просто навязываются природе и в практике непригодны. Синнот и Денн, говоря о том, что количественные признаки, т. е. различия в весе, длине, резвости, урожайности и т. д., что все эти важные для сельского хозяйства признаки не укладываются в рамки менделизма, прибавляют: «Высота растений у гороха — была исследована Менделем, показавшим, что этот признак наследуется подобно всем осталь-

ным признакам гороха... Однако в большинстве изученных с тех пор случаев положение оказывается более сложным... первое поколение носит обычно промежуточный характер; расщепление же в F_2 (т. е. во втором поколении) хотя и имеет место, но является весьма неотчетливым»¹).

Это происходит оттого, что менделизм не изучает процесса наследственности в его развитии, не интересуется переходом разновидности в вид и обратно как продуктом исторического развития, а главное внимание уделяет комбинаторике факторов, неизменных и изолированных. Стремление неодарвинистов доказать универсальность математических комбинаций привело к созданию целого ряда метафизических, схоластических, с махистским привкусом теорий однозначности факторов, перекреста и т. д.

Неодарвинизм тратит массу энергии, чтобы доказать правильность теоретических построений Менделя, ибо Мендель является знаменем борьбы против Дарвина. Недаром и Вейсман спешит присоединиться к общему хору, заявляя, что его теория «получила в новейшее время новое и решительное подтверждение... исходящее из открытий Менделя». И это — несмотря на то, что Мендель вообще оставил только две маленькие работы, причем выводы второй работы прямо противоположны выводам первой.

Во второй своей работе Мендель уже не находил доминантности или рецессивности, также не находил расщепления признаков. Наоборот, здесь он нашел промежуточные формы, а из помеси двух форм — мелкой и крупной — вместо доминантной даже и средней не получил, а получил более крупные формы, чем первоначальная крупная, участвовавшая в скрещивании. Такое явление совершенно необъяснимо и недопустимо с точки зрения менделизма, но именно это является желательным для нас направлением наших научных исследований. Мендель во второй работе также не находил изолированности и постоянства наследственных факторов. Он здесь констатирует, что «формы, полученные... из одинакового оплодотворения, не тождественны».

Такие же результаты получились у Менделя и с остальными его закономерностями. Это заставило Менделя в качестве вывода из его второй работы признаться: «Если мы сопоставим... приведенные здесь... результаты с теми... о которых я имел честь докладывать... в 1865 году, то мы натолкнемся на весьма существенное отличие. Бастарды *Pisum* (т. е. помеси сорта гороха, над которым работал Мендель в первом опыте.—Г. Я.), получаемые непосредственно при скрещивании двух форм, всегда сходны между собой по типу; наоборот, потомки их изменчивы и варьируют по определенному закону. У *Hieracium* (ястребинка), насколько позволяют судить уже произведенные опыты, дело повидимому обстоит прямо противоположным образом»²).

К чести Менделя надо сказать, что и в первой работе он отмечает много отступлений от установленных им закономерностей, хотя отмеченная характеристика его теории там несомненно ярко подчеркивается.

Сам Мендель видимо не претендовал на роль большого теоретика и вождя в биологии. Он хотя и не особенно любил Дарвина и его учение, но все же не собирался видимо противопоставить дарвиновской теории происхождения видов свою собственную. Эту миссию взяли на себя неодарвинисты, воскресившие Менделя через 35 лет после полного забвения о нем. Впрочем его не забыли, а просто на него никто при жизни не обращал внимания, хотя с его работами был знаком известный Нэгели, специально изучавший проблему наследственности. В начале XX столетия работы Менделя были извлечены из архивной пыли. Мендель, так сказать, воскрес и был поднят на щит как знамя в борьбе против дарвинизма.

¹) Синнот и Денн, Курс генетики, стр. 71.

²) Г. Мендель, Опыты над растительными гибридами, стр. 50.

IV

Махизм является одной философской струей, оказывающей свое огромное влияние на теоретические построения неodarвинизма. Другой живительной струей, питающей разные теории неodarвинизма, является кантианская философия. Это влияние сказывается главным образом в резком разграничении разных жизненных явлений и закономерностей одно от другого, в разграничении сущности от явления, в непознаваемости сущности и т. д. В одном месте Энгельс говорит: «В природе ничего не совершается обособленно... и в забвении факта этого всестороннего движения взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи». Это прямо не в бровь, а в глаз нашим последователям неodarвинизма, как и самому Вейсману, который с особой силой развил теорию обособленности зародышевой плазмы от сомы.

Главное в учении Вейсмана, по его собственным словам,— это «гипотеза «определяющих» жизненных единиц, детерминант, группирующихся в иды. Но с учением о детерминантах связано и учение о зачатковом отборе»¹⁾. Гипотеза определяющих жизненных единиц и есть теория наследственности Вейсмана. Детерминанты являются только ступенькой сложной иерархической лестницы «жизненных единиц», описанной Вейсманом таким образом: «биофора является... группой молекул, детерминанта—группой биофор, а ид—группой детерминант... три ступени жизненных единиц»²⁾.

Эта иерархия жизненных единиц присуща только половым клеткам. В остальных клетках тела, по Вейсману, зародышевой плазмы нет. Хотя Вейсман впоследствии несколько видоизменил это свое последнее положение, однако он полностью сохранил резкое разграничение между сомой и зародышевой плазмой. Это разграничение еще более упрочилось с введением Иогансеном понятий: фенотип и генотип. Зародышевой плазме Вейсман приписывает потенциальное бессмертие,— она переходит от поколения к поколению в неизменном виде и совершенно независимо от сомы. «Только тело смертно в смысле естественной смерти»³⁾— пишет Вейсман, поставив таким образом тело и зародышевую плазму в такие взаимоотношения, как раньше религия и идеалисты ставили тело и душу. Причем Вейсман утверждает, что «естественная смерть есть приспособление, появившееся относительно лишь поздно в развитии мира организмов, приспособление, которое мы до известной степени можем понять с точки зрения целесообразности».

Зародышевая плазма с ее детерминантами в теории Вейсмана и по существу играет старую роль души. Все обуславливается детерминантами, сами же детерминанты в сущности ничем не обуславливаются. «Необходимо подчеркнуть,— пишет Вейсман,— что... расщипление хромосом зависит не от... внешних сил, но от внутренних, от строения частиц и закономерных притяжений или отталкивания их», «хотя мы и не знаем еще действующих здесь сил».

В своем учении о душе схоласты рассматривали тело только как нечто пассивное, и лишь душа наделялась активностью. Тело было смертным, а душа бессмертной. Так и у Вейсмана, с точки зрения эволюции тело, сома, совершенно не играет роли, пассивна и только зародышевая плазма является здесь определяющим фактором. Поэтому-то она и об'является бессмертной.

Как действуют детерминанты? «Каждая частица «зачатковой массы» стоит в определенном соотношении к определенным клеткам... будущего организма» и «отдельные детерминанты приурочены к определенным местам. Взаимное положение детерминант не может зависеть от случая, но покоится

¹⁾ А. Вейсман. Лекции по эволюционной теории, предисловие, 1902 г.

²⁾ Там же, стр. 321.

³⁾ Там же, стр. 224.

отчасти на их историческом развитии... отчасти на внутренних силах... лучше... назвать эти... силы... жизненным сродством» ¹). Таким образом Вейсман пришел не только к концепции, близкой к старому учению о бессмертии души, но также и к концепции, близкой к старому учению о жизненных силах, которая, правда, у Вейсмана находится во взаимодействии с механической концепцией.

Отрицание роли внешней среды на изменчивость неизбежно должно привести к таким взглядам, ибо какими факторами объясняют неodarвинисты изменчивость и эволюцию? Прежде всего выбрасываются за борт те изменения, которые происходят во всем организме, кроме зародышевых клеток, так как, по теории Вейсмана, приобретенные признаки не наследуются, а самое допущение связи между организмом и зародышевыми клетками, или так называемая соматическая индукция, объявляется т. Аголом мистикой, которая «логически приводит к изначальной целесообразности, к чуду». Таким образом влияние внешней среды на наследственную изменчивость через организм наотрез исключается.

Дальше такой же мистикой объявляется т. Аголом даже параллельное влияние внешней среды на организм и на зародышевые клетки—так называемая параллельная индукция. «Современная генетика,—говорит т. Агол,—категорически отрицает возможность соматической и параллельной индукции». Остается единственный фактор — зародышевая плазма Вейсмана или гены — наследственное вещество.

Совершенно иначе расценивал Маркс значение внешней среды или природы, находящейся вне данного существа. В подготовительных работах к «Святому семейству» Маркс говорит: «Существо, не имеющее вне себя своей природы, не есть естественное существо... не ведет себя предметным образом, его бытие совершенно непредметно. Непредметное существо, это чудовищное существо» ²). Действительно чудовищной должна быть та эволюция органических форм, те процессы органической жизни, в которых внешняя среда не играет никакой роли.

Неудивительно после этого, что Вейсман заигрывает с Дришем и заявляет, что он «полностью солидаризуется с его «проспективным значением». Еще бы! Разница между «проспективным значением» Дриша и «детерминантами» Вейсмана такая же, как между католическим и православным богом. Это заигрывание с витализмом очень характерно. Обычно последователи неodarвинизма очень охотно говорят о борьбе Вейсмана с витализмом Ламарка. Верно конечно, что Вейсман боролся с Ламарком, причем борьбу с ним он вел главным образом по следующим четырем пунктам: во-первых, по вопросу о наследовании приобретенных признаков; во-вторых, по вопросу о роли упражнения и неупражнения органов в эволюции животных; в-третьих, по вопросу о влиянии внешней среды на эволюцию органических форм; в-четвертых, по вопросу о роли психики, цели и т. д. в преобразовании видов.

Но поскольку Вейсман не отмечает расхождения между Ламарком и Дарвиным по первым трем пунктам, хотя такое расхождение на самом деле существует, то получается, что в действительности Вейсман борется не против Ламарка, а против Дарвина, у которого положительное разрешение этих трех вопросов является составной частью всего его учения. Что касается четвертого пункта, то конечно Вейсман прав, разоблачая телеологические моменты в учении Ламарка, о которых говорит и Энгельс в «Диалектике природы». Вейсман прав, доказывая, что сознание, воля, привычка не могут быть причиной образования защитной окраски животных или структурных изменений. Однако приведенные места, в которых Вейсман заигрывает с витализмом,

¹) А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, стр. 318.

²) Маркс и Энгельс, т. III, стр. 643.

с Дришем, показывают, что здесь у Вейсмана гораздо больше общего с Ламарком, чем с Дарвином.

Вообще нельзя Вейсмана обвинять в слишком большой последовательности. Когда дело доходит до обоснования его теории детерминант, он готов идти на уступки всем и по любому вопросу, в том числе и по первым трем пунктам. Вейсман сам приводит многочисленные факты в пользу влияния окружающей среды на окраску. Дальше он признает влияние упражнения и неупражнения органов на развитие животных. В одном месте он говорит следующее: «Относительно бабочки мы знаем, что... например холод может в период куколки значительно изменить окраску или рисунок крыла; относительно же носа едва ли подлежит сомнению, что например длительное давление на носовую область может иметь следствием значительное изменение у унаследованной формы носа» ¹⁾.

То же самое он говорит и о глазах животных, живущих под землей: «глаза животных, переселившихся в глубины, лишённые света, не исчезают сразу же и бесследно, но вырождаются лишь постепенно в течение длинного ряда поколений» ²⁾. Другими словами, Вейсман здесь также признает и наследование приобретенных признаков, причем он это показывает и на других примерах. Так, он говорит, что мы должны признать наследование признаков, приобретенных путем полового отбора, и т. д. Но все это в частности, а в общем он все время воюет против принципа наследования приобретенных признаков.

О том, что всю свою теорию Вейсман построил для того, чтобы опровергнуть наследование приобретенных признаков, он говорит совершенно ясно. Он ставит вопрос: «Как могут передаваться по наследству такие чисто местные изменения, не представленные никакими зачатками в зародыше, но вызванные лишь впоследствии теми или иными случайностями жизни... Если бы все виды... размножались делением на-двое, то можно было бы пожалуй подумать, что существует прямая передача по наследству всякого изменения, полученного в течение индивидуальной жизни... Однако... большинство форм размножается зародышевыми клетками... часто в большом отдалении от тех частей, результат упражнения которых должен быть наследуем... этот вопрос и привел меня, наконец... к полному отрицанию «приобретенных свойств» ³⁾.

Вейсман «опроверг» теорию наследования приобретенных признаков так же экспериментально, но несколько иначе, чем Гальтон. Он обрубал мышам хвосты в течение нескольких поколений и не обнаружил укорочения хвоста у потомков. Интересно, что даже Т. Морган по поводу этих опытов Вейсмана пишет: «Правда, он обрезал хвосты у нескольких поколений мышей и не получил бесхвостых потомков, но так как он не сообщает нам точных изменений с выведением точных коэффициентов ошибки, то он мог и не заметить, что хвосты потомков чуть-чуть укоротились» ⁴⁾.

Вместо допущения влияния внешней среды на сомю, а через сомю и на зародышевую плазму Вейсман построил теорию о тканевом отборе, теорию, между прочим так же мало оригинальную, как и теория зародышевой плазмы. По этой теории тканевого отбора всякая изменчивость объявляется результатом борьбы детерминант между собою и отбора, который является следствием этой борьбы. Поэтому Вейсман и говорит, что он понимает «отбор не в смысле Дарвина... но в более широком смысле — в применении его к зародышевой субстанции» ⁵⁾. Между прочим Каутский, считающий себя ортодок-

¹⁾ А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, стр. 329.

²⁾ Там же, стр. 259.

³⁾ Там же, стр. 215.

⁴⁾ Т. Морган, Теория эволюции, стр. 20.

⁵⁾ А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, предисловие, 1904 г.

сальным последователем Дарвина, также спешит солидаризироваться с учением Вейсмана и Ру о тканевом отборе. Какой смысл имеет этот тканевой отбор, когда все у Вейсмана преформировано и детерминировано и единственной причиной наследственной изменчивости является амфимиксис, т. е. смягчение родительских детерминант,— это известно одним только неodarвинистам.

Стремление опровергнуть наследование приобретенных признаков привело Вейсмана и его последователей к возобновлению схоластического спора о преформации и эпигенезе, причем Вейсман конечно стал га точку зрения преформации. Таким образом, оперируя часто механическими, химико-физическими факторами, Вейсман фактически вводит телеологию в начало всех вещей, когда все эти зачатки были преформированы,— в начале зачаткового пути. А дальше идет уже прямая дорога к богу. «Ответы на вопросы религии,— пишет Вейсман,— которые мы можем дать в наступающее время, сказав, что все то, что совершается в свете, покоится на силах, в нем господствующих, и совершенно закономерно; откуда же происходят эти силы и их субстрат,— материя, этого мы не знаем, и здесь никому не возбраняется верить»¹⁾.

Насколько вздорна теория Вейсмана, показывает замечание К. Тимирязева: «Пресловутая теория Вейсмана о двух плазмах: зародышевой — вечной и исключительной носительницы наследственности, и телесной — смертной и не имеющей отношения к наследственности. Стоило ботанику... произнести слово — бегония, чтобы разрушить в конец это учение о двух плазмах. У бегонии из надреза листа, положенного на землю, вырастает целое растение... т. е. смертная телесная плазма родит бессмертную носительницу наследственности»²⁾.

Впрочем, в некоторых случаях теория наследственности Вейсмана оказывается весьма плодотворной. Так, помимо того, что она дала возможность т. Аголу твердо констатировать, что яйцо появилось раньше курицы, и этим разрешить вековой спор,— эта теория дала также возможность самому Вейсману ликвидировать такую вопиющую несправедливость, как деление человеческого рода на мужчин и женщин. Он говорит: «Ядра семенной клетки и яйцеклетки по своему привычному смыслу не противоположны друг другу... Их не следует называть мужским и женским ядром... оба в сущности одинаковы и могут заменять друг друга. Поэтому не следует говорить о «мужском» и «женском» ядре»³⁾. Ну, а так как ядра определяют будущий организм, то вывод совершенно ясен. Да собственно пора было бы бросить устарелое понятие о «родителях» и «детях» — ведь все они происходят от одной бессмертной зародышевой плазмы.

Как относился Энгельс к вопросу о бессмертии, о вечности белковых соединений, видно из следующего замечания: «Условия существования белка бесконечно сложнее... здесь мы имеем дело не только с физическими и химическими свойствами, но и с функциями питания и дыхания, которые требуют вполне определенной в физическом и химическом отношении среды,— и вот этот-то белок должен был сохраниться от века при всевозможных происходивших с тех пор переменах»⁴⁾. Однако эта трактовка Энгельса явно не удовлетворяет т. Агола, и в XX т. БСЭ он все еще продолжает толковать о бессмертии зародышевых клеток. Тов. Агол расценивает Вейсмана чрезвычайно высоко и там же безапелляционно заявляет: «Проблема измен-

¹⁾ А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, стр. 15.

²⁾ К. Тимирязев, Наследственность, словарь Граната, стр. 612.

³⁾ А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, стр. 294.

⁴⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 33.

чивости во всю ширь и глубину была поставлена сначала Вейсманом, а затем Иогансенем и современной генетикой»¹⁾.

Еще лучший отзыв о Вейсмане дает т. М. Левин, который считает, что «после Дарвина—Вейсман наиболее выдающийся эволюционист; своим трудом он оказал огромное влияние на развитие эволюционных теорий; Вейсман—пропагандист, теоретик и классик дарвинизма в противоположность Геккелю... Вейсман — основатель того направления в эволюционной теории, которая носит название неodarвинизма... Вейсман... последовательный материалист и противник всякого витализма в естествознании»²⁾. Верно то, что Вейсман своей теорией содействовал дальнейшей разработке механизма наследственности, содействовал развитию современной генетики. Так же верно, что изучение этих вопросов является делом большой важности. Но глубоко ошибочно положение гг. Агола и М. Левина, что Вейсман поставил проблему изменчивости во всю ширь и глубь. Скорее наоборот. Своей теорией наследственности Вейсман загорюдил путь диалектическому пониманию внутреннего, внутренних процессов, тем самым мешая пониманию действительно важной проблемы изменчивости, требующей дальнейшей разработки.

Характерно, что Каутский, в основном стоящий на позициях Спенсера в вопросах биологии и ревизирующий дарвинизм с другого конца, с механо-ламаркистских позиций, в своей книге «Материалистическое понимание истории» спешит использовать учение Вейсмана о бессмертии зародышевой плазмы для доказательства вечности капиталистического государства и цивилизации. «До сих пор,— говорит Каутский,— казалось, что государства и цивилизации имеют, по крайней мере, ту общую черту с биологическими организмами, что все они неизбежно должны умирать под действием внутренних причин. Между тем этого нельзя сказать теперь даже и о всех биологических организмах. Одноклеточные быть может являются фактически бессмертными, как это думает Вейсман»³⁾.

Резкое разграничение между внутренним и внешним, между зародышевой плазмой и сомой нашло свое законченное выражение в учении Иогансена о фенотипе и генотипе, т. е. разграничении, между тем как организм проявляется во вне и таким, каков он по своей наследственной сущности.

Свое учение Иогансен построил на критике понятия «тип». Характерно для всего неodarвинизма стремление Иогансена отделаться от биологических категорий: вид и разновидность. Вместо этих понятий Иогансен предпочитает распространяться о «популяции», «типе» и «чистых линиях».

Иогансен следующим образом формулирует свою точку зрения: «тип... является... чисто статистическим понятием... понятие о типе — чисто описательного характера... тип... является понятием чисто поверхностным, могущим ввести в заблуждение... Поэтому статистически обнаруживающийся тип удобнее всего обозначить, как внешностный тип, коротко и ясно,— как фенотип... благодаря выражению «фенотип» мы делаем оговорку, что из самой внешности нельзя выводить никаких далеко идущих заключений... Там, где точно установлено, что различия между фенотипами определяются присутствием различных генов, там вместе с тем доказано, что... такие различия будут так сказать генотипной природы... Могут проявиться... фенотипные различия там, где нет никакой генотипной разницы; точно так же бывают случаи, когда при различии генотипном фенотипы совершенно похожи друг на друга. Поэтому чрезвычайно важно с полной ясностью отделять понятие о фенотипе от понятия о генотипе»⁴⁾.

¹⁾ Агол, Дарвинизм, БСЭ, т. XX.

²⁾ М. Левин, Вейсман, БСЭ.

³⁾ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 319.

⁴⁾ W. Johannsen, Experimentelle Grundlagen etc. Die Kultur der Gegenwart. Allgemeine Biologie, S. 613.

Концепция Вейсмана о зародышевой плазме и соме, а Иогансена о фенотипе и генотипе вполне укладывается в рамки философии Канта, которая характеризуется постоянным стремлением разграничивать сущность от явления, внутреннее от внешнего, вещь в себе от явления. При этом Кант все время заботится, как бы наш разум не посмел перешагнуть пограничные столбы, поставленные им между этими двумя родами понятий.

Конечно между сущностью и явлением есть определенное различие. Эти категории исторически не покрывают друг друга. Однако одно непосредственно связано с другим. Резкое разграничение между явлением и вещью в себе нужно Канту для того, чтобы представить мир явлений как какой-то «неопределенный предмет эмпирического наглядного представления»¹⁾, как какой-то хаос случайностей, как нечто преходящее, в котором не содержится ни единство, ни всеобщность, ни необходимость, т. е. никакие объективные закономерности, необходимые для познания. Все эти категории Кант перевел в сферу сознания, которое в свою очередь диктует их природе, миру явлений. Кант своеобразно понимает объективный мир. Внешние предметы по Канту «называются внешними потому, что связаны с чувством, которое мы называем внешним», т. е. внешний мир не есть нечто объективное, а только субъективное. В конечном счете Кант понимает явления как только наши представления, т. е. как нечто субъективное и условное. А между тем Кант все же ищет нечто пребывающее, нечто безусловное, которое лежит в основе мира явлений.

Это безусловное Кант находит в мире вещей в себе. Вне нас, вне нашего сознания существуют вещи в себе, которые аффицируют, воздействуют на наши чувства и вызывают в нас представления о мире явлений. Но что такое вещи в себе? Вот о них-то, по Канту, мы как раз ничего не знаем и знать не можем и не смеем. Но это и есть агностицизм, который Лениным определяется как «отрицание объективной реальности, данной нам в ощущении».

Таким образом в основе кантовского деления мира на феномены или явления, и мир вещей в себе или сущности лежит отрицание объективности внешнего мира, превращение феноменов только в наши представления, которые по существу не связаны с вещами в себе. Но мы уже видели, что и Иогансен понимает фенотип как субъективное представление, как поверхностное понятие, могущее ввести в заблуждение, как нечто внешнее, ничем не связанное с внутренней генотипической сущностью. Он только дополняет это кантовское понимание махистским определением фенотипа как статистического и описательного понятия. В этом нет ничего удивительного. Ленин ясно показал, какая тесная связь историческая и логическая существует между кантианством и махизмом.

И вот это кантовско-махистское учение о фенотипе и генотипе полностью принимается т. Аголом и другими представителями меньшевистствующего идеализма в биологии. Тов. Агол считает, что учение о фенотипе и генотипе есть «огромная заслуга Иогансена... Оно сдвинуло дарвинизм с мертвой точки и указало ему дальнейшие пути развития»²⁾. Тов. Агол просто поверил на-слово теоретикам неodarвинизма в этом вопросе, не дав себе труда самому продумать всю эту проблему. Тов. Агол вообще очень доверчивый человек. Он и Канту поверил на-слово. Только этим и можно объяснить следующие его слова: «Критическая философия первая отвергла и содержание и метод метафизического мыслетворчества»³⁾. Нехватает только того, чтобы т. Агол объявил критическую философию Канта философией диалектического материализма.

¹⁾ Кант, Критика чистого разума, стр. 41.

²⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 131.

³⁾ Там же, стр. 7.

Было бы неправильно думать, что у Иогансена между фенотипом и генотипом имеется только абсолютное различие. Нет, у Иогансена есть одно понятие, в которое генотип и фенотип не только не различаются, но наоборот, сливаются и являются абсолютно тождественными. Это понятие—«чистые линии».

Иогансен считает, что «отношения в чистых линиях должны быть основой учения о наследственности». Все должно подчиниться закономерностям этих отношений чистых линий, даже человек и человеческое общество.

Иогансен вывел свою концепцию о «чистых линиях», основываясь, как он об этом сам говорит, на методе Гальтона и Пирсона, в частности на учении Гальтона о регрессии, согласно которому отклонения от средних линий в потомстве постепенно уменьшаются в порядке потухающей кривой. Иогансен рассматривает всякие отклонения или изменчивость, передаваемую по наследству, только как проявление разнородности генотипа. В группе разнородных генотипов, или, по терминологии Иогансена,—в популяции изменчивость имеется и «отбор непременно должен действовать», а вот в пределах чистых линий—там отклонений от средней линии нет, а есть полная регрессия Гальтона «вплоть до типа линии», т. е. отклонений, собственно говоря, никаких нет, нет никакой изменчивости. Здесь поэтому отбор уже не имеет никакой силы, ибо ему нечего отбирать. «Отбор,—говорит Иогансен,—не имел никакого доказанного влияния на типы чистых линий... подробное изучение этих отношений лучше всего покажет постоянство типов, несмотря на отбор»¹⁾.

Между прочим т. А. Серебровский, который является защитником расширения понятия естественного отбора, все же находит слова оправдания и для отрицания роли естественного отбора такими исследователями, как Иогансен. Так он говорит: «Физиологи этого типа... в известной степени... имеют право на существование, поскольку они легко объясняют ряд явлений без излишних натяжек в виде ортодоксально-дарвинистических объяснений при помощи «приспособлений»²⁾. Здесь т. Серебровский очевидно также ставит под сомнение правильность положения Энгельса о приспособлении как факторе эволюции.

Если все же наследственная изменчивость обнаруживается, то она объясняется Иогансеном либо скрещиванием, хотя здесь уже собственно говоря недействительно понятие чистой линии, либо же мутацией де-Фриза,—это последнее убежище неодарвинизма. По Иогансену, «типы не образуются постепенно... их находят и изолируют».

Мы таким образом благополучно пришли к концепции неизменных типов, которая ровным счетом ничем не отличается от концепции Линнея о неизменности и постоянстве видов. Разумеется, при наличии подобной концепции у Иогансена и неодарвинизма в целом совершенно праздно говорить о развитии, об эволюции, о дарвинизме. И если бы неодарвинисты обладали достаточным мужеством, они бы все сделали этот необходимый вывод из их учения. Однако немногие из них обладают таким мужеством и последовательностью. Одним из таких неодарвинистов является Лотси.

Лотси уверенно заявляет, что «иногда удается получить уже в третьем поколении, однако же чаще только в четвертом, совершенно гомозиготное, т. е. постоянное потомство»³⁾. Поэтому он считает, что нет никакой нужды разбираться в различиях между разновидностью и видом. Есть только различие между гомозиготным организмом и гетерозиготным. Подумать только, сколько напрасных трудов потратил Дарвин и другие биологи на изучение проблемы происхождения видов, проблемы вида и разновидности, когда воп-

¹⁾ W. Johansson, Ueber Erblichkeit in Populationen und in Reinen Linien. S. 57.

²⁾ А. Серебровский, в журнале «Естествознание и марксизм» № 2, 1929 г.

³⁾ Лотси, Опыты с видовыми гибридами, «Новые идеи в биологии», стр. 114.

рос так просто решается. У Лотси все ясно и определено. Вот первые его выводы: «Неоспоримо следует, что вид, за исключением случаев смешения с другим видом, постоянен, как это впрочем ясно вытекает уже из известных опытов Иогансена с фасолью»¹⁾. Здесь Лотси выдал тайну «чистых линий».

Другой биолог, Магбraid, выразил это более резко: «Вся теория постоянного появления многочисленных, случайных изменений во всех направлениях, которая лежит в основе идеи эволюции через естественный отбор, получила жестокий удар исследованиями Иогансена в 1903 году о так называемых «чистых линиях»²⁾.

Однако это не смущает т. Агола, который с пафосом заявляет, что «учение о чистых линиях... несомненно является новым словом в эволюционной теории. Оно разбило наивную веру в передачу индивидуальных признаков по наследству, в возможность смещения средней величины чистой линии путем отбора личных признаков, полученных организмом под воздействием среды... Своим учением о чистых линиях Иогансен дал биологии новый плодотворный метод»³⁾.

В отличие от т. Агола Лотси делает более правильные и сами собою напрашивающиеся выводы из учения Иогансена, поэтому он дальше продолжает свои рассуждения следующим образом: «Если это так, если вид действительно постоянен, то очевидно немыслима эволюция в дарвиновском смысле, путем подбора и накопления незначительных вариаций... В действительности мы такие наследственные вариации совсем не знаем, исключая может быть регрессивные мутации, которые однако непригодны для целей прогрессивной эволюции.

Для последней могли бы иметь значение и модификации и мутации де-Фриза. Первые... не наследственны и, таким образом, исключаются... последние же я считаю просто продуктом скрещивания.

Итак... вид... постоянен, и перед нами встает вопрос: мыслима ли вообще эволюция при постоянстве вида?... Эволюция возможна, по меньшей мере, мыслима и при постоянстве, если только принять, что новые виды возникают лишь благодаря скрещиванию... Развита здесь гипотеза... основывается таким образом всецело на опытных данных... гипотеза... (находится) в полной аналогии с явлениями неживой природы... Гены соответствуют химическим элементам, а постоянные виды — постоянным химическим соединениям...

Теория генов, основанная на исследованиях Менделя, совершенно соответствует учению о химических элементах»⁴⁾.

Более откровенных признаний нельзя было бы и ожидать. Лотси здесь сделал все необходимые выводы из учения неодарвинизма. Сам Иогансен по существу согласен с этими выводами Лотси. Вот что он говорит: «На вопрос о том, оказывает ли современная генетика существенную помощь эволюционной теории, приходится ответить таким образом... Прежде всего совершенно ясно, что генетика вполне устранила основу дарвиновской теории подбора... которая не находит себе теперь никакой поддержки в генетике. Совершенно так же обстоит дело с гипотезами, которые оперируют с «наследственным приспособлением», «наследственностью приобретенных свойств» и с тому подобными идеями, примыкающими к воззрениям Ламарка... Таким образом проблема эволюции представляет в действительности совершенно открытый вопрос»⁵⁾.

Нечего и говорить, что это полностью противоречит учению Дарвина. Как-то странно слушать такие рассуждения теперь, после открытия изменчи-

¹⁾ Лотси, Опыты с видовыми гибридами и т. д., «Новые идеи в биологии», стр. 116.

²⁾ Сб. Evolution in the light of Modern Knowledge, p. 222, ст. Mac. Bride.

³⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 128.

⁴⁾ Лотси, Опыты и т. д., стр. 122.

⁵⁾ W. Johansson, Experiment Grundlagen, etc., S. 659.

ности радия, после крушения старых понятий о неизменности и постоянстве даже химических элементов. Теперь только реакционеры в науке могут говорить о неизменности, постоянстве органических форм.

«Чистые линии» Иогансена несомненно имеют большое практическое значение, как и чистые породы животных, чистые культуры микробов и т. д. Применение генетических знаний для определения чистых линий также является большим экспериментальным достижением. Однако совершенно неправильно рассматривать «чистые линии» как действительно чистые в смысле Иогансена, т. е. в смысле отсутствия наследственной изменчивости, не оставляющей места для отбора, в смысле независимости от влияния внешней среды и т. д.

Именно резкое разграничение на фенотип и генотип организма с отрицанием влияния внешней среды на генотип и является основой учения о «чистых линиях», а отнюдь не действительная объективная реальность этих «чистых линий» в том виде как их понимает Иогансен. Наоборот, «чистые линии» являются весьма относительным понятием, не отражающим адекватно объективной реальности, являющимся лишь удобным понятием для протаскивания идеи неизменности и постоянства видов, идеи, похороненной блестящими работами Дарвина и его верных последователей.

Не только теоретические соображения, но и целый ряд экспериментальных данных показывает всю вздорность концепции неодарвинизма о «чистых линиях». Так например из культуры микробов можно выделить один единственный микроб и выращивать его. Этот микроб даст потомство с различными формами, которые дальше закрепляются в потомстве и в свою очередь дают потомство с новой изменчивостью, если все время будет производиться соответствующий отбор при соответствующих условиях культивирования. А ведь здесь как будто закономерность чистых линий должна была бы проявиться полностью, ибо «чистой линией»,— говорит Иогансен,— я называю индивидов, которые происходят от одного единственного самооплодотворяющегося индивида». Современная генетика расширила понятие «чистых линий» до применения ко всякой генотипически однородной или гомозиготной группе. Тем более среди описанных микробов закономерность чистых линий должна была бы проявиться, если бы эта закономерность действительно отражала общий закон существования органических форм.

Еще Дарвин считал, что «едва ли какая угодно степень древности обеспечивает за каким-либо признаком передачу в совершенно чистом виде... перемена условий жизни приводит к некоторым видоизменениям»⁴⁾. Нечего и говорить, что диалектический материализм не может мириться с признанием чего-то абсолютно чистого и неизменного в каких-либо явлениях природы.

Сами неодарвинисты, описывая конкретные факты, дают достаточно материала для опровержения всей этой концепции. Вот де-Фриз приводит данные Боннье об альпийских растениях, пересаженных на равнины: «Для альпийских растений... достаточно бывает пересадить куски корневища на равнину, чтобы получить другой тип, свойственный низменностям», и де-Фриз приходит к выводу, что, очевидно, эта перемена происходит без изменения наследственных задатков. Этому пониманию также противоречат данные академика Н. И. Вавилова, что такие различные растения, как рожь, пшеница, овес, ячмень, чечевица, горох, мак, лен, горчица и т. д., все они сокращают период вегетации по мере продвижения к северу. Однако все это не колеблет общих установок неодарвинистов по мотивам, откровенно изложенным Синют и Денном: «Название чистой линии в настоящее время... применяется более широко ко всякой группе особей, обладающих одним и тем же помозиготным генотипом... Линии чистые в отношении всех признаков чрезвычайно редки среди... животных и перекрестно-опыляющихся растений.

⁴⁾ Ч. Дарвин, Пангенезис, стр. 50.

Все же применение чистых линий здесь не менее законно, так как сущность ее заключается в недействительности отбора по отношению к гомозиготным признакам»¹⁾.

Возможность выделения относительно устойчивых форм животных и растений, относительно устойчивых пород является большим достижением практики и теории. В этих пределах закономерно и различие гомозиготности от гетерозиготности. Но эти достижения используются для опровержения дарвинизма, для того, чтобы поставить рогадки дальнейшему развитию плодотворной работы в биологии, для того, чтобы поставить предел, границу для отбора, хотя многочисленные факты явно противоречат этому учению. Так, де-Фриз признает, что «богатых сахаром рас (свеклы), которые бы сохранились на известной высоте без содействия отбора, не существует».

V

Неодарвинизм признает основным фактором наследственной изменчивости менделевское расщепление и перекombинацию наследственных факторов у скрещивающихся родителей. Однако когда это объяснение не укладывается в наблюдаемые факты, тогда так же охотно неодарвинизм признает и другой фактор изменчивости — мутации, теоретическое обоснование которых дал де-Фриз.

Самый факт мутаций, или скачков, в органической природе отнюдь не является открытием де-Фриза, а был хорошо известен и раньше. В частности Дарвин, хотя и писал, что природа не делает скачков, все же говорит довольно много о скачках, не придавая им однако того значения, которое им придают неодарвинисты. Мы знаем, что и Энгельс считал, что «внутри сферы жизни скачки делаются все более редкими и незаметными»²⁾. И только Плеханов быстро увлекся теорией де-Фриза, не дав себе труда действительно анализировать ее, а просто склонившись перед модой, перед так называемым последним словом современной науки. Впрочем и Каутский охотно признает теории мутаций, хотя в своих биологических воззрениях он исходит из прямо противоположных предпосылок.

Практически теория мутаций не представляет особого интереса, ибо причина их неизвестна, и например Синнот и Денн, как и прочие неодарвинисты и их последователи, считают мутации «случайными изменениями зародышевой плазмы». Поэтому мутации «до сих пор не удается предвидеть, и... почти не поддаются контролю»³⁾. Больше того, все признают, что большинство мутаций являются вредными и ведут к гибели организма. Но зато мутации считаются не связанными с влиянием внешней среды, а потому весьма приемлемы для неодарвинизма в качестве фактора эволюции.

Исходным пунктом для теории де-Фриза является попытка доказать ненаследуемость приобретенных признаков. С этой целью де-Фриз ввел два понятия для характеристики изменчивости, флюктуации и мутации. Флюктуация — это временная, мимолетная изменчивость, зависящая от внешней среды, но не передаваемая по наследству и следовательно не играющая никакой роли в эволюции. Другое дело — мутации, скачки. Они и только они являются движущей силой эволюции. Де-Фриз не может не заметить, что флюктуации — это количественное изменение, а мутации — качественное. Как будто сам собою напрашивается вывод о необходимости проследить связь количественных изменений с изменением качества, перехода количества в качество и обратно. Но не тут-то было. Де-Фризу же необходимо обосновать ненаследование и незначимость приобретенных признаков и отрицание влия-

¹⁾ Синнот и Денн, Курс генетики, стр. 307.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 59.

³⁾ Синнот и Денн, Курс генетики, стр. 31.

ния внешней среды на наследственность. Поэтому на вопрос, чем вызываются мутации, де-Фриз отвечает: «Изменением в количестве и положении наследственных единиц». Однако количественная изменчивость самого организма, или флюктуации, никакого влияния на новое качество — на мутацию — не имеет, ибо флюктуации и мутации де-Фриз рассматривает с точки зрения образования постоянных, неизменных рас. «Первые при действии отбора не приводят к образованию постоянных рас, вторые с самого начала наследственны и постоянны»¹⁾.

Впрочем, этот ответ де-Фриза не хуже агностического ответа других неодарвинистов и их последователей, которые ограничиваются заявлением, что мы не знаем причин мутаций и не можем их знать. Так Синнот и Денн, повторяя обычные рассуждения неодарвинистов, что в наследственности играет роль не признак, а ген, говорят следующее: «Наследственной единицей является не... признак, поддающийся нашему изучению... а какое-то невидимое нечто, известное под именем фактора или гена»²⁾. Странная тенденция избавиться от чего-то «поддающегося изучению» и переключиться в область неизвестного. При этом авторы отмечают, что до сих пор микроскопическим исследованием удалось обнаружить только хромосомы и хромомеры, а «дальше этого микроскопическому исследованию не удалось, да повидимому и не удастся проникнуть»³⁾. Другими словами заранее ставится под сомнение возможность изучения того гена, который подвергается мутации. Поэтому Синнот и Денн говорят: «Мы ничего не знаем о том, почему они (мутации) происходят... приходится предполагать, что они... являются случайными изменениями зародышевой плазмы»⁴⁾. Тов. Агол конечно осторожнее и только говорит: «Мы все еще не можем сказать, что для нас ясны внутренние закономерности мутационной изменчивости и что «мутации у отдельных особей возникают случайно»⁵⁾. Тов. Агол даже пытается связать здесь случайное и необходимое, но эту связь он видит в аналогии случайному опусканию письма без адреса, переходящего в закономерность в больших городах, благодаря множеству подобных случаев. Точно так же и Т. Морган, говоря о перекрестах, которые связаны с мутационной изменчивостью, говорит: «Надо признать, что цитологически перекрест не доказан и по самой природе условий будет крайне трудно доказать его»⁶⁾.

Де-Фриз особенно подчеркивал, что его теория эволюции через мутации основана на экспериментальном материале, на наблюдениях, сделанных им над энотерой Ламарка, растением, которое де-Фриз специально разводил для изучения мутаций. На основании этих опытов де-Фриз установил целый ряд законов мутационной изменчивости, в частности, что «новые элементарные виды возникают внезапно, без переходов», что «мутационная изменчивость не связана непосредственно с флюктуационной и независима от нее» и что «новые элементарные виды по большей части вполне постоянны с самого момента своего возникновения» и т. д. Однако многие биологи скоро обнаружили, что у энотеры Ламарка никаких мутаций вообще не происходило, а отклонения зависели от того, что эта энотера была сложным гибридом, который в процессе расщепления производил ряд новых форм. Однако этот удар по экспериментальной базе теории де-Фриза не отразился на отношении неодарвинистов к самой теории мутаций.

Теория мутаций, как и учение Менделя, принимается и многими неола-

¹⁾ Гуго де-Фриз, Мутации в учении о наследственности—новые идеи в биологии, стр. 11.

²⁾ Синнот и Денн, Курс генетики, стр. 103.

³⁾ Там же, стр. 123.

⁴⁾ Там же, стр. 275.

⁵⁾ Агол, Дарвинизм, БСЭ, т. XX.

⁶⁾ Т. Морган, Теория гена, стр. 41.

марксистами. С другой стороны, де-Фриз сам замечает, что учение неоламаркизма и ортогенеза «ни в коем случае не противоречит мутационному учению». Особенные симпатии он питает к явно виталистической концепции ортогенеза. Эта смычка неodarвинизма с неоламаркизмом вовсе не случайна, ибо, несмотря на многие различия, у них очень много общего. В частности неправильно думать, что у них диаметрально противоположное решение проблемы наследственности. Это только видимость, которую надо рассматривать в единстве с методологической сущностью постановки этой проблемы. Неodarвинисты, правильно отвергая адекватное наследование приобретенных признаков, становятся сами на точку зрения адекватной передачи генотипических признаков. Таким образом вопрос вовсе не в наследовании признаков и в адекватности, а вопрос в том, как понимать приобретенный признак или фен и как понимать ген. Неodarвинисты стоят за изолированность фена от гена и каждого из них друг от друга. Они еще допускают влияние генотипа на последующий фенотип, но ни в коем случае не влияние фенотипа на генотип. Эта точка зрения отнюдь не связана с экспериментальными доказательствами. В лучшем случае до сих пор эксперименты в этом направлении были крайне противоречивы по своим результатам. Да иначе и не могло быть при тех установках, из которых исходили экспериментаторы. Неodarвинистское решение вопроса о фенотипе и генотипе продиктовано главным образом философскими, теоретическими влияниями кантианства и махизма. Поэтому доказательства неodarвинистов по вопросу о наследовании являются не экспериментальными, а философскими. Разумеется мы не можем стать на философские позиции кантианства и махизма. В общей форме это понятно и некоторым нашим последователям неodarвинизма. Но когда дело доходит до вопроса наследования приобретенных признаков, тут забываются все общие рассуждения, и догма неodarвинистов отстаивается с пеной у рта.

Одной из таких догм также является случайность мутаций. При этом случайность трактуется совершенно в духе механицизма, без того, чтобы эту категорию увязать с необходимостью. Наоборот, эти категории в согласии с кантианством решительно разрываются. Вот например как трактует эту категорию т. Агол: «Случайностью мы называем такую внешнюю по отношению к данному явлению причину, которая не связана с внутренним закономерным развитием этого явления, которое не вытекает из него с необходимостью»¹⁾. В другом месте т. Агол говорит: «Явление случайно потому, что оно не обязательно, не необходимо»²⁾. Что же получается у т. Агола? Во-первых, полное противопоставление внутреннего внешнему; во-вторых, полный разрыв всяких связей между этими категориями, и тогда у него получается определение случайности. Но ведь это же совершенно метафизическая постановка вопроса. Внутреннее и внешнее несомненно противоположны, но так же несомненно, что они едины. Не следует ли здесь кстати вспомнить слова Гегеля: «Обычная ошибка рефлексии состоит в том, что она рассматривает сущность как нечто только внутреннее. Если сущность берет только с этой стороны, то этот способ рассмотрения ее также совершенно внешен, и так принимаемая сущность есть простая внешняя абстракция... очень важно надлежащим образом понять характер отношения внутреннего и внешнего и остерегаться ошибки, будто лишь первое есть существенное, что только оно, собственно говоря, имеет значение, а последнее, напротив, есть несущественное и безраздельное»³⁾.

Вот этого предостережения Гегеля т. Агол, как и все неodarвинисты, так и не понял. Правда, т. Агол, как и некоторые другие товарищи, следует

¹⁾ Агол, Дарвинизм, БСЭ, т. XX.

²⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 43.

³⁾ Гегель, Мал. логика, стр. 233.

⁴⁾ Бухарин, Теория истор. материализма, стр. 41.

схеме т. Бухарина о случайности как результате «перекрещивания действий двух или нескольких причинных цепочек (рядов)»¹⁾. Больше того, эта схема имеет в нашей литературе своим родоначальником Плеханова. Однако это вовсе не служит доказательством ее правильности. Такая трактовка является явно механистической. На самом деле Плеханов считает, что «случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пресечения необходимых процессов». Эта трактовка вопроса о случайности связана у Плеханова с механистической трактовкой вопроса о причинности. После того как Плеханов говорит об общих причинах, он прибавляет: «рядом с этой общей причиной действуют особенные причины... влияние особенных причин дополняется действием причин единичных... и других «случайностей», благодаря которым события получают наконец свою индивидуальную физиономию»²⁾.

Таким образом у Плеханова случайность — это нечто относительное, но это относительное состоит только в том, что случайность является пресечением разных рядов необходимых процессов; общее, особенное и единичное лежат рядом, они дополняются случайностью. Причем, поскольку Плеханов рассмотрел общие, особенные и единичные причины и потом дополнил их случайностями, — какие же причины могут обусловить эти случайности? Выходит, в конце концов, что эти случайности беспричинны, на что собственно сбиваются часто наши неodarвинисты, когда они говорят об изменчивости через мутации генов.

Так ли рассматривал вопрос об общем, особенном и единичном Ленин? Конечно нет. Вот как Ленин ставит этот вопрос: «Отдельное есть общее... Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. п. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объективной связи природы и т. д. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь... А естествознание показывает нам... объективную природу в тех же ее качествах превращения отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, перемены, взаимную связь противоположностей»²⁾.

Совершенно очевидно, что эта ленинская концепция о случайном и необходимом является диалектической в противоположность не только концепции т. Агола и т. Бухарина, но также и Плеханова, который в этом вопросе скатывается на механические рельсы. Случайное и необходимое должны также рассматриваться в их диалектическом единстве, как и всякие другие явления в природе и обществе. Случайность и необходимость соответствуют не каким-то разорванным рядам внутреннего и внешнего, — они соответствуют как противоположные и тождественные явлению и сущности, отдельному, особенному и общему. Общее иначе и не может проявиться, как через отдельное, необходимость не может иначе проявиться, как через случайность. Внутренние закономерности организмов и их взаимодействие и борьба с внешней окружающей средой иначе и не могут проявиться, как в форме случайных индивидуальных изменений органических существ и приспособления, зависящего от многих факторов, ведущих с необходимостью к целесообразности этих органических форм, но проявляющихся в разных случайных направлениях. По выражению Энгельса «случайность есть форма проявления необходимости».

¹⁾ Плеханов, К вопросу о роли личности в истории.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 325.

В своем письме к Блоху от 21/IX 1890 г. Энгельс говорит о столкновениях множества отдельных волей в историческом процессе, о перекрещивании разных сил, но из этого перекрещивания Энгельс выводит не случайность, а историческое событие. Тут же он указывает, что подобным же образом протекают и естественно-исторические процессы.

У Спинозы обычно берут то определение случайности, где он ее трактует как результат нашего невежества. Он в одном месте действительно говорит: «В природе вещей нет ничего случайного... случайной же какой-либо вещь называется единственно по несовершенству нашего знания»¹⁾. Это дало повод многим механистам-естественникам нацело отрицать объективное значение случайности. Однако нужно заметить и другое определение, данное Спинозой категории случайности, где он говорит: «Я называю единичные вещи случайными»²⁾. Между этими определениями на самом деле у Спинозы противоречия нет, ибо оба эти определения хорошо увязываются со всей его теорией познания.

Что такое необходимость? Гегель говорит, что «процесс необходимости начинается с существования разрозненных обстоятельств, которые повидимому независимы и не имеют никакой связи между собой. Эти обстоятельства суть непосредственная действительность, которая сливается внутри себя и из этого отрицания происходит новая действительность».

Гегель различает три момента процесса необходимости: условие, предмет и деятельность, причем «посредством применения условий предмет получает свое внешнее существование, реализуются определения его содержания, которые со своей стороны соответствуют условиям, так что оказывается, что предмет произведен условиями и обязан им своими определениями... Деятельность... есть движение, переводящее условия в предмет и последний в условия как в сферу существования, или, вернее, движение, зыводящее предмет из условий, в которых он имеется в себе, и дающие предмету существование посредством снятия существования, которым обладают условия.

Поскольку эти три момента обладают в отношении друг друга формой самостоятельного существования, этот процесс выступает в образе внешней необходимости... То, что необходимо, существует через некое другое, которое распалось на опосредствующие основания (предмет и деятельность) и на некую непосредственную действительность, на случайное, которое вместе с тем есть условие»³⁾.

Отсюда видно, что необходимое существует через случайное, что противопоставлять случайность как нечто внешнее, не связанное с внутренней закономерностью, является чистой метафизикой. Каким же образом тогда случайность может стать формой проявления необходимости? Мы знаем например, что акты обмена на капиталистическом рынке являются случайными. Значит ли это, что они являются чем-то внешним, не связанным с внутренней закономерностью рынка, т. е. законом стоимости? Конечно, нет. Акты обмена являются единичными актами, звеном огромной цепи разных связей, в которых однако проявляется общий закон стоимости. Да помимо этих случайных актов обмена закону стоимости и проявляться негде.

Разрывать богатые связи единичного, случайного и общего и рассматривать их только изолированно есть метафизика и может соответствовать механистической методологии, но отнюдь не диалектическому материализму. Конечно мы должны изучать все эти связи. Маркс потратил немало сил на выяснение и объяснение случайных актов обмена. Но и после того, как причины случайных актов обмена были раскрыты, эти случайности не перестали

¹⁾ Спиноза, Этика, стр. 40.

²⁾ Там же, стр. 246.

³⁾ Гегель, Малая логика, стр. 252.

существовать. Поэтому ясно, что случайность не является только плодом нашего невежества. В независимости от успеха наших знаний случайность в природе всегда будет существовать как форма проявления необходимости.

Только в социалистическом обществе человек больше не подчинится игре слепых, стихийных сил общественного развития и общество направит само свое развитие по намеченному заранее плану, конечно хорошо учитывая закономерности природы. Но тогда не только случайность, но и необходимость перестанет господствовать над человеком. Человечество сделает прыжок из царства необходимости в царство свободы, оно будет управлять закономерностями общества и природы путем тщательного их изучения и непрерывного учета.

Там же, где господствует необходимость, ее формой проявления является случайность. Гегель даже считает, что «случайность есть абсолютная необходимость», ибо «необходимость вместе с тем относительна... ее исходным пунктом служит случайное»¹⁾.

Отрицание случайности или связи случайности с необходимостью вполне совместимо с верой в направляющую руку боженки. Энгельс говорит: «Совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом... наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь»²⁾. Но есть люди, которые не только теряют связь явлений, но насильно стараются разорвать эту связь, как т. Агол и другие меньшевистствующие идеалисты в биологии. Их концепция о случайном и необходимом логически вытекает из всей установки неodarвинизма, который превращает ген в какую-то абсолютную сущность. Только эту сущность они считают имеющей значение в эволюции. Интересно, что на слова Гегеля: «Истина бытия есть сущность», Ленин делает следующее замечание: «Фраза, звучащая идеалистически насквозь, мистикой»³⁾. Здесь Ленин дал ясный ответ на пренебрежительное отношение к фенотипу, к явлениям как к чему-то поверхностному, преходящему, неистинному, в отличие от генотипа, заключающего в себе сущность жизни, детерминанту, на которую не действует внешняя среда через организм. Внутренние закономерности гена являются чем-то совершенно изолированным. А если в этом гене «случается» мутация, она объясняется «случайностью» в смысле независимости ни от внутренних закономерностей гена, ни от влияния процессов, протекающих в организме, и вне его. Очевидно, неodarвинистам и надо искать такую теорию случайности, которая не связана с внутренними закономерностями, а является только результатом таинственного перекрещивания разных причинных рядов. По существу здесь необходимость и сводится к случайности, положение, закономерность которого по отношению к механической концепции давно указана Энгельсом. В одном месте т. Агол так и говорит, что «всякая необходимость является случайностью»⁴⁾.

Неудивительно, что обычное понятие причинности уже не удовлетворяет наших последователей неodarвинизма, и т. Серебровский уже ищет новые понятия. Его поиски увенчались успехом — он открыл окольно-причинные связи. Окольная причинность, по Серебровскому, основывается на теории вероятности и объясняет не только эволюцию органического мира, но также и эволюцию броненосцев английского флота. Правда, он с глубокой грустью восклицает: «К сожалению в настоящее время изучение окольных влияний еще не нашло своего Ньютона». Однако он может быть спокоен. Те открытия,

¹⁾ Гегель, Наука логики, т. II, стр. 133.

²⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 137.

³⁾ Лен. сб. IX, стр. 105.

⁴⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 44.

которые он сам и его последователи сделали в области окольной причинности, вполне достаточны — дальше марксисту итти некуда.

Концепция т. Агола и других о случайности и необходимости тесно связана с пониманием вероятности и другими концепциями неodarвинизма и отнюдь не способствует пониманию происхождения видов и целесообразности в органическом мире. А ведь в этом главная заслуга дарвинизма перед диалектическим материализмом. Ленин говорит, что «Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установил изменчивость видов и преемственность между ними»¹⁾.

Энгельс также указывает на диалектический характер понятия «вид» у Дарвина—это единство вида и разновидности, переход разновидности в вид и обратно. Но это совершенно не интересует наших последователей неodarвинизма. Погрузившись в свои метафизические концепции, т. Агол пытается дать новое диалектическое определение вида. Вид он рассматривает только как единство абстрактного и конкретного,— причем вся эта трактовка основана на пережевывании одного неудачного места у К. Тимирязева, — не пользуясь другими местами у Тимирязева, где диалектическое единство вида и разновидности действительно изображено. Трактовкой вида как единства абстрактного и конкретного могли бы пожалуй с успехом заняться и средневековые схоласты задолго до всяких открытий Дарвина.

Тов. Агол открыл новый фактор происхождения видов. «Большую роль,— говорит он,— в процессах видообразования играют мутации, т. е. изменения отдельных участков хромосом или изменения числа хромосом. Изменения отдельных участков могут получаться либо вследствие инактивации или потери части хромосомы, либо пересадкой какой-нибудь части от одной хромосомы в другую или от одного конца в другой конец той же самой хромосомы»²⁾. Не ясно ли, что такое объяснение видообразования является чисто механистическим и отнюдь не может объяснить происхождения видов. Они, правда, согласуются с теорией мутаций, но совершенно правильно писал Дарвин: «С научной точки зрения в качестве орудия для дальнейших исследований предположение о внезапном необъяснимом образовании новых форм из более древних, резко от них отличавшихся, представляет мало преимуществ перед старым верованием в сотворение новых видов из праха земного»³⁾. Это высказывание Дарвина показывает между прочим, насколько соответствует действительности следующее место у Каутского: «Дарвину... еще не были известны мутации»⁴⁾. Что касается Гексли, то вот одно место из его работы «Положение человека в ряду органических существ»: «Появление мозолистого тела (*Corpus collosum*) у последовых млекопитающих есть величайшее и наиболее внезапным образом появляющееся изменение во всем ряде позвоночных; это — величайший из скачков, совершенных природой где бы то ни было при построении мозга».

VI

За последние годы теория мутаций получила новое оформление в виде учения о так называемой «эмергентной эволюции», развитого английским биологом К. Л. Морганом.

Конвей Ллойд Морган, автор модной теории «эмергентной эволюции», связан с более широким философским течением в Англии, получившим название «голизм», т. е. течение, исходящее из целого, из целостности, в проти-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 81.

²⁾ Агол, Дарвинизм, БСЭ, т. VIII.

³⁾ Ч. Дарвин, Происхождение видов. т. I, кн. 2-я, стр. 456.

⁴⁾ К. Kautsky, Die Mater, Geschitsauf., I, S. 169.

воположность философии атомизации, или расчленения, которой придерживаются некоторые так называемые неореалисты. Это течение «голизма» связано с неогегельянством, далеко не однородно, имея внутри себя разные оттенки. У Гегеля взяты понятия о целом, о скачках, но выброшена революционная сторона его философии — диалектика. Впрочем отдельные представители этого течения с умилением говорят о Беркли, о Канте. Зарождение этого движения можно отнести еще к 70-м годам прошлого столетия в качестве реакции против вульгарного позитивизма Спенсера и других и как стремление вернуться к классической философии, что в свое время было отмечено еще Энгельсом.

В целом это учение в настоящее время является сугубо идеалистическим с тенденцией к мистицизму. Эпоха империализма и пролетарских революций содействовала тому, чтобы буржуазные идеологи взяли из классической философии только то, что может пригодиться в борьбе с материализмом, то, что может помочь буржуазии в борьбе с движением пролетариата. «Голизм», философия целостности, должен опровергнуть учение марксизма-ленинизма о революционной борьбе классов, должен оправдать усиление буржуазного, фашизирующегося государства как целого, должен оправдать насилие и террор против части — против коммунистической партии, раскалывающей это целое. Высшим выражением этой идеи целостности является идея бога. При такой концепции теория мутаций, скачков, не представляет особой опасности для буржуазии, ибо эта теория только констатирует факты, которые и так очевидны в столь бурную эпоху. Но зато эта теория сознательно смазывает движущие силы, вызывающие эти скачки — борьбу противоположностей, смазывает момент количественного нарастания противоречий как предпосылки к новому скачку, смазывает активный момент отрицания старого. Для этой концепции существуют только скачки, только новые качества, неизвестно откуда появившиеся, существует просто переход от качества к качеству по воле мистических сил, по воле бога.

Слова «эммергентной эволюции» должны означать внезапное появление новых качеств в процессе эволюции через скачки, которые кем-то детерминированы, а потому и протекают в определенном порядке. Основные скачки в процессе эволюции по К. Л. Моргану — это следующие: скачок, во время которого образовались атомы; скачок, давший начало органическим существам; скачок, во время которого образовалось сознание, хотя Морган различает и менее значительные скачки, — скачки от атомов к молекулам, от молекул к кристаллам и коллоидам и т. д. Каждое из вновь образованных качеств есть нечто целостное или, по терминологии К. Л. Морган, — «субстанциальное единство».

Свое «субстанциальное единство» К. Л. Морган иллюстрирует наглядной схемой и таким пояснением к ней: если элементы вещества представлять себе в виде пяти точек, разбросанных без какого-либо плана, тогда нет никакого «субстанциального единства». Но если они распределены по известному плану, скажем,

..... или . . . или

тогда в каждом случае есть свое «субстанциальное единство» или «законченная сущность». При дальнейшей дифференциации мы можем иметь распределение вещества следующим образом:

Здесь мы имеем такое «субстанциальное единство», которое заключает в себе подгруппы, но они являются только элементами высшего качества, а «субстанциальное единство» же вездесуще,—оно проникает все эти элементы.

Каждое субстанциальное изменение этого единства или изменение единого плана этого целого происходит не постепенно, не через нарастание количественных изменений, а внезапно, через скачок, дающий новое качество, новое «субстанциальное единство». Это новое качество не есть отрицание старого. Оно просто входит в новое органическое единство как элемент, подчиняясь новому «субстанциальному единству». Разумеется, о борьбе противоположности как факторе образования нового «субстанциального единства» здесь нет речи, хотя Морган не может не упомянуть, что в природе имеются разрушительные факторы. Однако эти факторы он трактует просто как регрессивные и не связывает с образованием новых качеств.

К. Л. Морган резко разграничивает свойства неорганического и органического мира, или, по его выражению, «абиологического» от биологического, все время говорит о специфичности новых качеств и настаивает, что биологическое нельзя объяснить ни физическим, ни химическим, хотя по вопросу о психике у него имеется много элементов психо-физического параллелизма.

К. Л. Морган борется с ламаркизмом, с его телеологическими принципами, борется против последователей Бергсона и настаивает на необходимости механического объяснения процессов жизни, сознания и т. д. Он все же естествоиспытатель, и порой у него прорываются материалистические нотки как отзвук старых позиций, охарактеризованных Лениным как материалистических. Эти моменты мы конечно должны использовать. Но видимо Морган не мог устоять против общих тенденций современной буржуазной науки к мистицизму и на старости лет проделал определенную эволюцию своих взглядов, что делает общие его установки для нас совершенно неприемлемыми.

К. Л. Морган обозначает внезапное появление нового качества через скачок словом «эмергентное» и противопоставляет это слово понятию «результативное», т. е. появление чего-то в результате чего-то. Поскольку Морган не вскрывает в своей теории естественные законы движения и развития природы, а говорит только о скачках вообще,—естественно задаться вопросом: а откуда же эти скачки появляются? Что или кто является двигательной силой этих скачков? В результате чего появляются скачки?

Вот ответ К. Л. Моргана: он «приписывает весь размах эволюционного процесса духовной действующей силе, которая представляет божественную цель, которая проявляется вне времени и вездесуща и поэтому не может быть допущена к исследованию в категориях времени и пространства»¹⁾; другими словами, Морган вместо случайности прямо говорит о направляющей руке бога. В этом его отличие от де-Фриза и некоторых других теоретиков неodarвинизма, но мы уже видели из высказываний Энгельса, что это различие далеко не принципиальное, если понимать случайность и необходимость так, как это понимают неodarвинисты.

В нашей прессе проблема «эмергентной эволюции» еще не освещена. Только этим очевидно можно объяснить появление рецензии Боровского в № 0—12 журнала «Под знаменем марксизма» за 1930 г., где имеется ряд спорных положений.

Вот что говорит Боровский: «Путаница Моргана зависит следовательно от того, что им хотя взято и совершенно правильно и свойственное диалектике положение, но взято оно в отрыве от всей системы». Как будто у Моргана нет собственной системы, с которой весьма хорошо увязываются его концепции. Но Боровский считает, что «если бы Морган додумал вопрос по

¹⁾ Ст. Convey Lloyd Morgan, сб. Evolution in the light of Modern Knowledge, p. 161.

существо до конца, то он... пришел бы к основным положениям диалектики. Соединение биологии с диалектикой сделало бы его диалектическим материалистом». Но Морган прожил 80 лет и как будто имел достаточно времени для раздумывания, так что теперь, на 81-й год, пожелания Боровского навряд ли смогут реализоваться.

Дальше Боровский продолжает: «Для биолога-диалектика признание эволюции эмерджентной (Боровский здесь без надобности употребляет английское произношение слова) есть шаг вперед и надо его приветствовать». К сожалению для Боровского он написал свою рецензию в момент, когда старое деборинское руководство на философском и естественно-научном фронте уже было разоблачено. Очевидно поэтому не нашлось меньшевистствующих идеалистов, которые подхватили бы это «последнее слово современной науки».

Впрочем, т. Агол еще в 1930 г. писал: «Качественные различия возникают сразу, без всяких заметных промежуточных переходов от одного качества к другому». Но тут у т. Агола очевидно заговорила совесть, он вспомнил про закон перехода количества в качество, одним из основных законов материалистической диалектики, и продолжает: «Здесь конечно количество может перейти в качество»¹⁾. Своеобразная диалектика возможности и действительности. Один из основных законов действительности переведен в сферу только возможности.

* * *

Для теории познания диалектического материализма, для материалистической диалектики очень важно правильное понимание биологических закономерностей. В своем конспекте «Науки логики» по поводу мысли Гегеля, что «первая форма идеи есть жизнь», Ленин делает следующее замечание: «Мысль включить жизнь в логику понятна и гениальна с точки зрения процесса отражения в сознании (сначала индивидуальном) человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой»²⁾. В другом месте Ленин следующим образом поясняет свою мысль: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверять и применяя в практике своей, и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине»³⁾.

Витализм, наделяющий жизнь мистическими факторами — жизненной силой, энтелехией и т. д., — является хорошей опорой для всяких идеалистических теорий познаний. Но мистика может быть представлена различным образом. Представляли же себе когда-то теологи бога и душу как нечто материальное, доступное непосредственной интуиции. От этого их мистика отнюдь не переставала быть мистикой, ибо они нечто сверхестественное, недоступное знанию брали как объект непосредственного знания. Не лучше и установка Канта — брать все сверхестественное не как объект знания, а только как объект веры. Все эти учения не только стремились отвлечь науку от действительного изучения материальных процессов, протекающих в организме, но прямо противодействовали такому изучению и не всегда исключительно идеологическими средствами.

Агностицизм также оказался большим тормозом для изучения проблемы эволюции органического мира. Кантианство оказало большое влияние на биологов, которые усвоили метафизический метод резкого разграничения сущности от явления, внутреннего от внешнего, отрицания перехода одного в другое. Следуя Канту, эти биологи обрекали себя на теорию непознаваемости

¹⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 35.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 239.

³⁾ Там же, стр. 237.

сущности и внутреннего, превратив их в какие-то мистические понятия. Одновременно явление, внешнее об'является чем-то мимолетным, преходящим, ложным, не дающим действительного знания об'ективных закономерностей, или же вообще все внешнее сводится к продукту нашего сознания, становясь на явно идеалистические позиции.

Агностицизм не перестает быть разновидностью идеализма, если он внешнее даже трактует механически, исходя при этом из теории равновесия, как это мы имеем у Спенсера и Канта, ибо внутреннее, сущность — они также об'являют непознаваемым. Было время, когда многие ученые, будучи по существу материалистами, преимущественно механического * толка, облекали свои общие установки в агностические формы. Таким ученым этот агностицизм до поры до времени не мешал развитию действительного знания внешнего мира и в общем материалистического об'яснения природы, но скоро такая позиция должна была привести естествоиспытателей к идеализму.

Другой вид агностицизма и идеализма нашел свое яркое выражение в философии махизма, который вообще не считает возможным и нужным отражать закономерности внешнего мира, а ищет только экономные формы мышления для удобного описания эмпирических фактов, явлений, с наименьшей затратой сил. Для этой цели махизм берет себе на помощь математический метод, теорию вероятности, так понимаемую и применяемую, что материя и материальный мир со всеми его закономерностями выбрасываются за борт как лишняя обуза для процесса познания в целях экономии мышления.

Все эти философские тенденции стремятся по-своему об'яснять жизнь, по-своему толковать биологические процессы, дабы в таком образом истолкованной биологии в свою очередь найти твердую опору для своих философских построений в борьбе против диалектического материализма.

Таким образом виталистические, идеалистические тенденции в биологии являются в корне чуждыми и враждебными философии диалектического материализма и должны нами быть беспощадно разоблачены.

Механисты в биологии, механо-ламаркисты, также претендуют на роль борцов с витализмом и идеализмом в биологии. Однако механисты не приемлют материалистической диалектики и опираются на теорию равновесия, которая «не имеет конечно ничего общего с марксизмом... не имеет ничего общего с ленинизмом» (Сталин). Механицизм, который застыл на позициях домарковского метафизического материализма, через теорию равновесия смыкается с вульгарно-эволюционной концепцией Спенсера, а потому сам часто скатывается к идеализму. Отстаивая вульгарно-материалистическую, метафизическую концепцию эволюции, механисты являются тормозом для понимания диалектических процессов в биологии. Поэтому механицизм в биологии, как и в философии, является главной опасностью, главным об'ектом нашей борьбы на два фронта.

Однако это не значит, что прав т. Агол, когда он борьбу на два фронта толкует как только «борьбу... против витализма и против механизма»¹⁾. Витализм, идеализм в биологии, есть наш коренной враг. Когда мы говорим о борьбе на два фронта, мы имеем в виду механицизм как главную опасность. Однако другим об'ектом нашей борьбы на два фронта является меньшевистствующий идеализм в биологии.

Меньшевистствующие идеалисты в биологии стали пропагандистами неodarвинизма на советской почве. Вместо того чтобы защищать принципиальные установки Энгельса, Маркса в биологии, наши меньшевистствующие идеалисты стали глашатаями идей Уоллеса и Пирсона, которые, правда, тоже считаются «социалатами», но характер их «социализма» таков, что их смело

¹⁾ Агол, Диалектический метод и эволюционная теория, стр. 87.

можно считать предтечами современного социал-фашизма, не говоря уже о месмеризме Уоллеса и воинственном махизме Пирсона. Тов. Агол также охотно ссылается на Каутского, хотя Каутский только пропагандировал вульгарно-эволюционные взгляды Спенсера в биологии. Вообще меньшевистствующие идеалисты некритически воспринимали идеи буржуазных ученых, подобно Плеханову, который то приходил в восхищение от идей неodarвинистов, то беспрекословно принимал за последнее слово науки заведомо идеалистический вздор психо-ламаркистов.

Если Ленина только игнорировали, то Энгельса меньшевистствующие идеалисты в биологии прямо третировали, для того чтобы взять под свою безоговорочную защиту всех вождей неodarвинизма. Энгельс был объявлен ламаркистом, и его и Маркса принципиальные установки в биологии были признаны устарелыми и негодными.

Тов. М. Левин выступает открыто против установок Энгельса в биологии и заявляет: «Мы считаем, что процесс очеловечивания обезьяны не требует введения в эволюционное учение иных факторов, кроме мутации, трансгенации и селекции»¹⁾.

Тов. С. Левит очень возмущается тем, что вообще цитирует Энгельса, и заявляет: «Это элементарная неграмотность, это—незнание того, что Энгельс писал так за 7 лет до того, как Вейсман выступил с первой работой, отрицавшей наследование благоприобретенных признаков»²⁾. Здесь хронология немножко хромает, но и без этого оценка т. Левита, данная Энгельсу, не нуждается в комментариях.

Такие же мысли высказывал и т. Б. М. Завадовский: «В сущности говоря, когда мы ставим вопрос о пересмотре отдельных положений Энгельса,—а я не боюсь употребить этот термин,—то это значит лишь то, что Энгельс, будучи на высоте идей своего века, не мог быть одновременно специалистом биологом, не мог перепрыгнуть самого себя, он не мог быть одновременно и Вейсманом, который еще в те времена не выдвинул своей идеи о необходимости различать судьбу телесного футляра и судьбу зародышевой плазмы»³⁾. Слов нет, т. Завадовский проявил здесь большую храбрость, которая однако достойна лучшего применения. Подобные взгляды высказывались и другими представителями меньшевистствующего идеализма.

В своей статье о дарвинизме в БСЭ т. Агол львиную часть своей работы посвящает генетике. И если т. Агол говорит о дарвинизме как методологии в биологии, то совершенно ясно, что он имеет в виду дарвинизм генетиков, претендуя таким образом на то, что руководящее методологическое положение должно принадлежать генетике, а по существу неodarвинизму. Эти претензии играют наруку интересам буржуазии в эпоху ее загнивания, в эпоху социалистической революции, ибо неodarвинизм отвлекает нас от боевых вопросов, поставленных дарвинизмом, тащит нас от методологии дарвинизма, проникнутой материализмом и стихийной диалектикой, к методологии неodarвинизма, проникнутой мистикой, механистическими и математическими тенденциями. Все это очень выгодно буржуазии. Если все дело в зародышевой плазме, в генах, а воздействие окружающей среды через организм никакого значения не имеет,—тогда нам не надо интересоваться этой внешней средой. На кой черт нам строить социализм? Зачем нам работать и готовить мировую социалистическую революцию? Разве все это в какой-нибудь мере отразится на генофонде? Вот что по поводу среды писал т. Серебровский: «Пока вслед за Ламарком и даже Дарвином на наследственные элементы смотрели в значительной мере как на функцию среды,

¹⁾ Труды II всесоюзной конференции мар.-лен. науч. учрежд., вып. 2-й, стр. 80.

²⁾ Там же, стр. 60.

³⁾ Там же, стр. 98.

окружающей организм, на этой окружающей среде и сосредотачивалась львиная доля внимания... Казалось, что если нам надо изменить или исправить наследственные свойства организма, то достаточно большее или меньшее время упорно поработать над улучшением этой среды». «Но,—продолжает г. Серебровский,—теперь дело обстоит не так. Тот запас генов, который сейчас имеется во всех гражданах СССР, имеет тенденцию... длительно сохраняться без заметных изменений, и поэтому еще многие поколения будут иметь дело с тем же... генофондом»¹⁾. Выводы ясные и настолько убедительные, что любые наши враги с этими положениями согласятся. Какие у нас имеются шансы поднять производительные силы в нашем социалистическом обществе, если исходить из этих концепций? Ведь главный элемент производительных сил—это социалистический работник. До сих пор мы полагали, что при социализме мы сумеем обеспечить максимум возможностей для развития физических и интеллектуальных сил социалистического работника. Оказывается—ничего подобного. Все зависит от мутаций и трансгенаций. Будет хорошая мутация—хорошо; не будет—не взыщите. Разве не ясно, что такая совершенно неправильная и насквозь пессимистическая концепция ничего общего не имеет с диалектическим материализмом.

Анализ теоретических основ неодарвинизма показывает, что мы здесь имеем дело с чуждым, враждебным нам влиянием махизма и кантианства на биологию. Поскольку меньшевистствующие идеалисты в биологии были проводниками неодарвинизма, мы должны от них потребовать пересмотра своих позиций и соответствующей критики реакционных тенденций неодарвинизма.

¹⁾ Серебровский, журнал «Естествознание и марксизм» № 2, 1929 г.

КРИТИКА

и БИБЛИОГРАФИЯ

Учебник по историческому материализму под ред. В. Ральцевича

Острая потребность, которую мы в настоящее время испытываем в популярном, боевом большевистском учебнике по историческому материализму, общеизвестна. О ней красноречиво говорят сами факты: во-первых, многомиллионный охват марксистско-ленинским воспитанием широких партийных, рабочих и колхозных масс, который с каждым месяцем все больше ширится, предъявляя законные требования на партийно-выдержанную популярную литературу, во-вторых, то обстоятельство, что почти все вышедшие за последние годы учебники по историческому материализму являлись, как правило, недостаточно партийно-выдержанными, а некоторые прямо антимарксистскими.

Понятно поэтому, какое внимание и живой интерес должен был вызвать недавно вышедший из печати учебник по историческому материализму, составленный авторским коллективом Института красной профессуры под редакцией т. Ральцевича.

Этот учебник предназначен для совпартшкол и средних звеньев сети партпросвещения, стало быть рассчитан на массовый партактив, насчитывающий сотни тысяч читателей, поэтому требования к такому учебнику должны быть особенно повышены.

В своем предисловии к учебнику авторы пишут, что основным лозунгом, руководящей нитью в работе над учебником являлась «борьба на два фронта за проведение генеральной линии партии в политике и философии, против механицизма как главной опасности в философии, против меньшевистствующего идеализма, за ленинизм как единственно ортодоксальное продолжение и развитие марксизма, за поворот в повседневной философской работе к задачам социалистического строительства в СССР и мирового революционного движения» (стр. 2).

Если, исходя из этих задач, поставленных перед собою авторами, подойти к общей оценке учебника, то следует отметить, что авторы эту линию в основном выдержали, что дает нам полное основание сказать, что настоящий учебник выделяется как попытка дать серьезную боевую книгу, столь необходимую для широкого партийного актива.

Если кратко характеризовать основные положительные стороны рецензируемого учебника, то они сведутся к следующему:

1. Учебник в основном проводит борьбу на два фронта в политике как против правого оппортунизма, так и против «левого» оппортунизма, а также против контрреволюционного троцкизма и других форм социал-фашизма.

2. Учебник последовательно проводит борьбу на два фронта в философии — против механицизма как главной опасности и против меньшевистствующего идеализма.

3. Основное внимание учебник направляет на освещение ленинского этапа в философии, правда, не во всех главах эта линия проводится достаточно полно и глубоко.

Считая рецензируемую книгу в основном выдержанной в партийном и теоретическом отношении, необходимо указать на наличие значительного количества теоретических ошибок и в отдельных случаях политически ошибочных мест, снижающих значение и ценность учебника. Решительное устранение отдельных недостатков учебника, о которых будем говорить ниже, четкая отшлифовка отдельных глав и даже полная переработка некоторых из них являются необходимым условием подготовки второго издания.

Остановимся сперва на политически нечетких и неправильных положениях учебника.

Как известно, Ленин не раз писал, что большевизм родился, вырос, окреп и победил в борьбе с откровенным оппортунизмом, который перерос в настоящее время в социал-фашизм — главную опору контрреволюционной буржуазии; большевизм вырос и победил также и в борьбе против «мелкобуржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует». Яркими представителями мелкобуржуазной революционности в революционном движении России были социал-революционеры, а внутри социал-демократии мелкобуржуазная революционность очень рельефно проявлялась во взглядах отзовизма (1908 г.), «левого коммунизма» (1918 г.), и особенно ярким носителем мелкобуржуазной революционности, одновременно и центризма, на всем протяжении истории социал-демократии был троцкизм, ставший передовым отрядом контрреволюционной буржуазии в неустанной, непрекращающейся борьбе с которым большевизм закалялся и побеждал.

Надо признать, что эта точка зрения в общем проведена во всех главах учебника с достаточной отчетливостью. Однако в последней главе мы встречаемся с рядом нечеткостей. Авторы, приведя одну выдержку из статьи Ленина о тактических разногласиях в европейском рабочем движении, в которой он пишет о двух крупных направлениях в международном рабочем движении, с которыми марксизму приходится вести постоянную борьбу, именно с ревизионизмом (оппортунизм, реформизм) и с анархизмом (анархо-социализм), далее правильно пишут, что эти два типа извращения марксизма имели место и в истории русской социал-демократии. Но отсюда делается следующий неправильный вывод: «Большевизм вырос и закалился в борьбе на два фронта с указанными двумя типами разновидностей ревизионизма» (стр. 353) (разрядка наша. — Авторы).

Нам кажется, что из этого положения вытекает следующая нечеткость: когда подчеркивают, что двумя основными типами ревизионизма, с которыми вел борьбу большевизм в российском с.-д. движении, являлись ревизионизм и анархизм, то здесь смазываются те специфические формы, в которых выражалась эта борьба. Ленин подчеркивает, что большевизм окреп и победил в борьбе как с откровенным оппортунизмом, так и с мелкобуржуазной революционностью, последняя же смахивает на анархизм, «кое-что из него заимствует», но не есть анархизм. Понять своеобразие мелкобуржуазной революционности — это значит понять например отзовизм как «ликвидаторство наизнанку», это значит понять например троцкизм как революционное фразерство на словах и как меньшевистскую измену пролетариату на деле. Таким просто механистическим перенесением в российское революционное движение чуждых марксизму направлений из опыта международного ревизионизма авторы фактически смазали специфичность этих же направлений в социал-демократическом рабочем движении России.

В связи с характеристикой ревизионизма большое значение приобретает вскрытие его социальных корней. Посмотрим, как эти социальные корни вскрываются в учебнике. В специальном параграфе, посвященном этому вопросу, авторы пишут: «период расцвета капитализма создавал отдельные высокооплачиваемые капиталистами группы рабочих и тем самым связывал их материальное положение с судьбами капиталистического развития своей страны, пропитывая их

буржуазными идеями относительно исторической роли капитализма вообще. Период буржуазных свобод и парламентских успехов укреплял эти настроения. С развитием империализма эти слои усиливаются. Империализм стократно увеличивает гнет и эксплуатацию широких масс рабочего класса, а также зависимых стран и колоний, подкармливая за счет этой эксплуатации известную часть высококвалифицированных рабочих, подкупая профессиональную бюрократию и верхушку партийно-парламентского аппарата. На этой почве возникает ревизионизм» (стр. 18). В другом месте эту же мысль авторы более кратко выразили так: «...горсточка развращенных империализмом рабочих и мелкобуржуазной интеллигенции составила социальную базу ревизионизма, оппортунизма» (стр. 21).

И дальше авторы пишут: «В своем дальнейшем развитии ревизионизм все больше теряет свою рабочую базу, приобретая сторонников в среде мелкой буржуазии, служащих буржуазного государства и буржуазной интеллигенции» (стр. 19).

Таким образом с точки зрения авторов получается так: социальные корни ревизионизма надо искать в самом рабочем классе, в горсточке развращенных империализмом рабочих, дальнейшее же развитие ревизионизма просачивается в ряды мелкой буржуазии, приобретая сторонников из этого лагеря. Мы считаем, что такая характеристика классовых корней ревизионизма не только не вскрывает со всей глубиной причины его появления, но и запутывает вопрос. Обратимся к тому, как Ленин характеризовал классовые корни ревизионизма. В своей известной статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин писал: «В чем заключается его неизбежность (неизбежность ревизионизма.—Авторы) в капиталистическом обществе... Во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом... Эти новые мелкие производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции...» ¹⁾ К этому же вопросу Ленин возвращается и в других статьях. В статье «Социализм и война» Ленин пишет:

«Ни один марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных. Объективные условия конца XIX века с особенной силой усиливали (разрядка наша.—Авторы) оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в рабство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партии много мелкобуржуазных «попутчиков»... Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибыли, полученных их национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения и т. д.» ²⁾

Не ясно ли из этой глубокой характеристики Ленина, что решающей причиной появления ревизионизма является факт существования мелкого производства, которое в процессе развития капитализма разоряется, выбрасывая мелкую буржуазию, мелких производителей в ряды пролетариата. Объективное условие конца XIX века (бурное развитие капитализма), интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, получающих подачки от буржуазии и отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи при-

¹⁾ Ленин, т. XII, стр. 189.

²⁾ Ленин, т. XVIII, стр. 201.

былей, полученных их буржуазией, особенно усилили развитие оппортунизма.

В связи с характеристикой ревизионизма мы встречаем в учебнике и следующие глубоко неправильные положения; давая характеристику ревизионизма Бернштейна, авторы пишут:

«В настоящее время все теоретики II интернационала так или иначе скатились на его позицию (т. е. на позицию Бернштейна)» (стр. 327). И несколько ниже, как бы подправляя свое неуклюжее «в настоящее время», авторы пишут: «Каутский, Кунов и др. признанные теоретики и вожди II интернационала и весь меньшевизм, ныне социал-фашизм, со времени мировой войны целиком восприняли это учение Бернштейна» (стр. 327). Итак, открытие авторов сводится к тому, что и меньшевики и Каутский перешли на позицию Бернштейна только со времени мировой войны. Кем же были меньшевики до войны? Разве Ленин не оценивал уже экономизм — предтечу меньшевизма — как разновидность международного ревизионизма, бернштейнианства? Разве Каутский и до войны не был центристом, т. е. марксистом на словах, оппортунистом на деле? Надо ли доказывать, что такие характеристики ревизионизма Каутского и меньшевиков, начинавшие свое исчисление со времени мировой войны (кстати, подобные факты в учебнике встречаются не один раз, например стр. 317), являются абсолютно вредными и недопустимыми?

Важным представляется рассмотреть также вопрос о том, насколько учебник правильно и четко разбирает вопрос о ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Этому вопросу уделяется внимание в главе 10-й учебника «Теория революции» (диалектика общественного развития в целом). По поводу этой главы мы должны отметить, что несомненным достоинством ее является в общем то, что изложение ведется на конкретном злободневном материале, на опыте нашей революции, дается критика социал-фашистских, в том числе и троцкистских, а также и правооппортунистических взглядов на революцию вообще, на Октябрьскую революцию в частности.

Но вместе с тем крупнейшим недостатком этой главы прежде всего является то, что ленинской теории перерастания революции уделяются далеко не достаточное внимание и место; мало того, то немногое, что авторы посвящают этому вопросу, грешит целым рядом нечеткостей и даже серьезных ошибок.

Обратимся к более конкретному разбору вопроса о перерастании революции, даваемого учебником.

Известно, что одной из важнейших, составных частей марксистско-ленинской теории революции является учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Это учение представляет собой дальнейшую конкретизацию и развитие марксовой идеи перманентности революции. Еще в 1905 г. Ленин писал: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции». Между буржуазно-демократической и социалистической революцией у Ленина нет никакой «китайской стены» — ничто не отделяет буржуазно-демократическую революцию от революции социалистической «кроме степени подготовки пролетариата и степени его объединения с деревенской беднотой» (Ленин). Эту линию перерастания большевики проводили в 1905 г. Этой же линии они были верны в 1917 г. И Октябрьская революция, протекая под руководством одной партии, партии большевиков, дает образец революции, представляющий собой осуществление этой ленинской линии.

В чем одно из основных положений марксистско-ленинского учения о перерастании? В идее немедленного перехода «в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата» от буржуазно-демократической революции к революции социа-

листической. Тов. Сталин в свое время указывал, возражая Каменеву: «Как в 1905 г., так и в 1915 г. Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти немедленно ко второму ее этапу, к революции социалистической» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 392).

А как характеризуют учение о перерастании авторы учебника? Правильно критикуя троцкистскую теорию перепрыгивания через непройденные этапы революции, авторы по поводу ленинской теории перерастания пишут следующее: «В идее «непрерывной» революции Маркса в общей форме имеется мысль о все более прогрессивных, качественно своеобразных ступенях в развитии революции. Ленин особенно подробно разработал эту сторону дела, например в России переход от одной ступени революции к другой, но подчеркивая неизбежность различных стадий, а вместе с тем и необходимость учета своеобразия каждой ступени, каждой стадии в развитии революции» (стр. 324).

И это все. Ни малейшего указания на немедленный переход буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. На следующей странице хотя авторы и отмечают: «В меру силы сознательности и организованности пролетариата, учил Ленин еще в 1905 г., буржуазно-демократическая революция будет перерасти в социалистическую, но опять ни малейшего намека на то, что от первого этапа революции необходимо тотчас же идти ко второму ее этапу.

Мы считаем, что в таком изложении ленинской теории перерастания революции невольно выхолащивается революционное содержание этой теории. Авторы, может быть того и не замечая, сводят ленинскую теорию перерастания к своеобразной теории стадий.

Но эта теория стадий, как известно, открывает полный простор для извращений ленинского учения о перерастании типа Попова и Резвушкина¹⁾, перепевающих по сути дела утверждение «героев» II интернационала о десятилетиях, отделяющих буржуазно-демократическую революцию от революции социалистической.

К этому надо прибавить, что авторы нисколько не останавливаются на характеристике сущности революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а это особенно важно было бы для того, чтобы понять ленинскую идею о немедленном перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, понять, что нет никакой китайской стены между той и другой (а как известно, и в самой характеристике сущности революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с достаточной отчетливостью выражена мысль о недопустимости создавать пропасть, китайскую стену между буржуазно-демократической и социалистической революцией, именно — выражена идея немедленного перерастания).

Наконец учебник не дает совершенно критики просочившейся в нашу литературу троцкистской контрабанды о том, что ленинизм будто бы имел два принципиально отличных плана перерастания революции, что первый план исходил из троцкистского «толчка извне», что Ленин только в 1917 г. выдвинул идею перерастания, «перезооружившись» в троцкистскую перманентную революцию.

Останавливаясь специально на сущности теории перманентной революции Троцкого, авторы пишут: «Исходя из того факта, что буржуазия неспособна довести до конца буржуазно-демократический переворот, Ленин считает, что этот переворот может произвести только пролетариат в союзе с мелкой буржуазией городов (?) и крестьянством, способным на революционные дерзания (разрядка наша.—Авторы). Присоединяя и сплачивая вокруг себя полупролетариат, парализуя неустойчивость среднего крестьянства и опрокидывая буржуазию, пролетариат совершает социалистическую революцию, мимоходом ре-

¹⁾ См. их книгу «Учение Ленина о перерастании революции».

ная нерешенные задачи буржуазно-демократической революции... Такова марксистско-ленинская теория пролетарской революции в отличие от меньшевистской теории перманентной революции Парвуса — Троцкого, «забывающей» роль крестьянства как движущей силы буржуазно-демократической революции — этой предварительной ступени перехода к социалистическому перевороту, — а затем недооценивающей это крестьянство как союзника пролетариата, осуществляющего свою диктатуру» и т. д. (стр. 22).

В этой длинной цитате, которую мы привели, содержится сразу несколько нечеткостей. Во-первых, зачем авторам понадобилось «подправлять» известную ленинскую формулировку движущих сил буржуазно-демократической революции отсебятиной вроде того, что буржуазно-демократическую революцию пролетариат совершает «в союзе с мелкой буржуазией городов и крестьянством, способным на революционные дерзания»? Что это еще за новый союзник пролетариата — «мелкая буржуазия городов»? Вот известное азбучное положение ленинизма: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и использовать неустойчивость буржуазии, пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»¹).

Не ясно ли, что вышеприведенная «поправка» авторов к ленинским положениям ничего кроме путаницы и вреда принести не может?

Во-вторых, критикуя троцкистскую теорию «перманентной революции», авторы подчеркивают, что эта теория «забывает» роль крестьянства как движущей силы буржуазно-демократической революции, а затем и недооценивает это же крестьянство как союзника пролетариата, осуществляющего свою диктатуру.

Известно, что недооценка крестьянства в троцкистской теории перманентной революции есть только одна ее сторона, эта теория также недооценивает «силы и способности пролетариата повести за собой крестьянство, она не верит в идею гегемонии пролетариата»²). Это с достаточной ясностью еще в 1924 г. выяснено т. Сталиным. Между тем авторы об этой стороне троцкистской теории перманентной революции забыли, тем самым оставили место для мнимой революционности троцкистской теории перманентной революции в вопросе о роли пролетариата в революции.

В этой связи кратко остановимся на общей характеристике троцкизма, которая дается в учебнике. При правильной в общем оценке троцкизма в отдельных главах не проводится эта последовательная линия до конца, а в некоторых главах авторы отделяются просто общей поверхностной фразеологией при характеристике троцкизма; это особенно необходимо сказать о главе «Борьба на два фронта в философии и в политике», которая вместо четкой и всесторонней критики методологических основ контрреволюционного троцкизма ограничивается только абстрактной фразеологией, напыщенными философскими терминами, несколько не помогающими уяснить вопрос, вроде «абстрактно-формалистический подход с примесью механистического перемещения внутренних трудностей во вне, что означает игнорирование внутреннего и абсолютизирование внешнего, причем внешнее понимается также абстрактно» (стр. 372). «Внешняя революционность, фразеология, отрыв теории от практики, отрыв общего от особенного и единичного, отрыв абстракции от конкретного, разговоры о мировом масштабе, точка зрения «общей болтовни» и т. д. и т. д.» (стр. 373).

В главе «Теория революции» мы встречаем и такую серьезную нечеткость: «когда нет революционной обстановки, троцкизм плывет без руля и без ветрил, тогда же беспомощно, как и откровенный оппортунизм» (стр. 331). Неужели авто-

¹) Ленин, т. VIII, стр. 96.

²) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 250.

ры и до сих пор думают, что троцкизм есть только оппортунизм и притом менее откровенный, причем это пишется уже после того, как вся партия и рабочий класс знают троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии!

* * *

Обратимся к следующей группе вопросов, нечетко или неправильно отраженных в учебнике.

На стр. 339 авторы выставляют следующий «тезис»: «Ленин в 1923 году считал бесспорным положение, что при тогдашнем уровне производительных сил социализм в нашей стране не мог быть непосредственно осуществлен».

Такой тезис авторов звучит глубоко неправильно. Как согласовать с ним следующее заявление Ленина: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-либо отвлеченной картины или какой-либо иконы. Нам счет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь...»¹⁾. А ведь эти слова произнесены еще в 1922 г. И как примирить тезис авторов с указанием Ленина о том, что у нас есть все необходимое для построения полного социалистического общества, с указанием, сделанным именно в 1923 г.?

Несмотря на то, что приведенное положение авторов не вытекает из общей линии учебника, тем не менее авторы объективно в этом «тезисе» повторили троцкистские зады, оказались, сами того не замечая, в плену у сухановщины, рассматривая взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями под углом зрения односторонней причинной зависимости производственных отношений от производительных сил и не видя и не замечая того, что мы в 1923 г. социализм «уже протащили в повседневную жизнь», что социалистическая промышленность и тогда являлась ведущим сектором нашего хозяйства и что наличие новых производственных отношений, наличие советской системы хозяйства являлось могучим источником ускорения темпов нашего хозяйственного развития.

Отметим еще следующие нечеткости у авторов учебника. Объясняя, почему в нашей стране возможны такие быстрые, невиданные в истории темпы индустриального развития, авторы пишут: «Причиной такого ускорения темпов являются — прогрессивный рост производительности труда, рост науки и все более мощное участие в общественной жизни все более широких народных масс» (стр. 343). И этим ограничивается объяснение. Все тут есть кроме указания на самое главное, основное, — на различие двух систем, на преимущества советской системы хозяйства перед капиталистической, каковые преимущества и обеспечивают нам такие темпы развития, о которых и мечтать не может капиталистический мир.

В связи с разбором отдельных принципиальных и политических нечеткостей учебника необходимо специально сделать ряд замечаний по поводу главы о классах и классовой борьбе. Эта глава в общем четко излагает проблему, правильно делает упор на изложении классовой борьбы в переходный период. Но и в этой главе не обошлось без некогорой путаницы.

Во-первых, авторы воскрешают путанные теории о четырех классах в СССР. Они пишут, что после Октябрьской революции и гражданской войны в восстановительный период у нас сложились следующие четыре класса: «1) основной класс — пролетариат, 2) основной класс — середняцкое крестьянство, 3) неосновной класс — капиталистическая буржуазия (напманская буржуазия, деревенское кулачество), 4) деревенская беднота или полупролетариат» (стр. 220). Непонятно, зачем авторам понадобилось вносить вредную путаницу в этот достаточно ясный вопрос выделением «деревенской бедноты или полупролетариата» в особый класс. Все работы Ленина и Сталина говорят как раз против этого. Достаточно сослаться на знаменитую речь Ленина на съезде транспортных рабочих в 1921 г.,

¹⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 356.

где Ленин говорит специально о «трех силах», трех классах в нашей стране: пролетариат, мелкая буржуазия (в первую очередь среднее крестьянство — это то, что стоит между развитием капитала и пролетариатом) и капиталисты (сюда относятся и кулачество...) ¹⁾. Можно сослаться и на другую статью Ленина: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» ²⁾, где также говорится о трех классах в переходный период.

Конечно из того факта, что беднота или полупролетариат не выделяется Лениным в особый класс, совсем не следует смешивать и валить в одну кучу политику нашей партии в отношении бедняков и середняков. Но это — вопрос особый.

Точно так же и в понимании причины необходимости союза с середняком у авторов проведена нечеткая линия. Объясняя причину необходимости установления прочного союза с середняком, авторы подчеркивают, что этот союз необходим на предмет «вовлечения середняка в колхозы», а в другом месте авторы пишут, что «союз рабочих и крестьян, как высший принцип диктатуры пролетариата, основан на общности экономических и политических интересов пролетариата и трудящегося крестьянства» (стр. 250). Как в первой, так и во второй формулировке не выделено авторами то, что Ленин всегда подчеркивал, говоря о союзе пролетариата и среднего крестьянства, именно, что последний (т. е. союз) необходим, «дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть».

В своей статье «Тактика Российской коммунистической партии» Ленин пишет: «Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с крестьянством невозможна политическая власть пролетариата, невозможно ее удержать. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим. Мы помогаем крестьянам, так как это безусловно необходимо для удержания нами политической власти. Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть».

Этого последнего положения Ленина никак нельзя упускать. Наоборот, необходимо его всемерно подчеркивать, ибо оно выражает один из важнейших вопросов ленинизма — учение о гегемонии пролетариата и о его руководящей роли в союзе с крестьянством. Известно, что непонимание ленинского учения о гегемонии пролетариата составляет характерную черту как правого оппортунизма, так и троцкизма, смыкающихся в этом вопросе с разных концов.

Затем в учебнике нечетко ставится вопрос о характеристике природы колхозника; правильно подчеркивается только та сторона, что колхозы еще «не последовательно-социалистические формы хозяйства», что им еще «далеко до перерастания в последовательно-социалистическое предприятие» (стр. 225), но недостаточно подчеркнута, что колхозы — предприятия социалистические. Такая однобокость не передает полностью той характеристики колхозов, которая дана т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов; где как раз упор сделан на подчеркивание социалистического характера колхозов.

Нельзя далее не отметить и следующего факта. Авторы, говоря об элементах классовой борьбы в колхозах, причины последней сводят только к кулацкому влиянию на колхозы (стр. 227—228) и не подчеркивают одновременно мелкобуржуазной психологии середняка, которая неизбежно будет прорываться в колхозах пока не будут уничтожены классы и классовые различия, пока середняк не будет переделан в сознательного социалистического работника.

Затем в главе «О государстве» авторы допускают и следующую ошибку. Говоря о «приводных ремнях» диктатуры пролетариата, авторы коммунистическую партию превратили в такой же «приводной ремень» диктатуры пролетариата, как и профсоюзы, советы, кооперативные организации, ВЛКСМ (стр. 252). Правда, это не мешает авторам несколько ниже говорить совсем другое.

¹⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 285.

²⁾ Ленин, т. XXIV, стр. 513.

Известно, что т. Сталин в статье «К вопросам ленинизма», говоря о «приводных ремнях» диктатуры пролетариата, выделил партию, подчеркивая, что последняя является «направляющей силой» этой диктатуры. Сваливать же в одну кучу роль партии и приводных ремней, не подчеркивая различия партии от «приводных ремней» совершенно неправильно ¹⁾.

Наконец ряд крупных нечеткостей имеется в главе «Общественное сознание и культурная революция» (которая, кстати сказать, вообще написана на недостаточно высоком теоретическом уровне). Укажем в этой части рецензии только на одну принципиальную нечеткость этой главы. Из главы почти выпал национальный вопрос и особенно те вопросы, которые были сформулированы на XVI съезде партии т. Сталиным, подчеркивавшим необходимость борьбы с уклонами в национальном вопросе. Если в главе характеристика великорусского уклона в общем дана, то характеристика уклона в сторону местного национализма совершенно выпала из учебника. Это надо признать совершенно недопустимым для учебника.

Авторы останавливаются и на вопросах стратегии и тактики пролетарской революции. Вообще говоря, это является достоинством учебника. Вопросы стратегии и тактики, о которых Ленин писал, что без этой стороны дела марксизм становится половинчатым, мертвым, превращается в струвизм, в зомбартизм, — эти вопросы весьма часто и часто обходятся в нашей литературе по истмату. Но это же достоинство становится у авторов прямым недостатком, ибо ленинскую стратегию и тактику в ряде случаев авторы совершенно неправильно излагают.

Так например они утверждают: «Восстание имеет своей непосредственной целью разгром и разоружение государственных сил господствующего класса, захват государственной власти. Без прямого разгрома или (по крайней мере деморализации и перехода государственных армий на сторону восставшего народа нельзя захватить государственной власти» (стр. 311).

Итак, во-первых, подчеркивается, что нужна борьба с государственными вооруженными силами. Но почему единственным противником делаются именно государственные вооруженные силы? Разве позволительно забывать о тех фашистских отрядах, которые буржуазия, все в большей степени переставая надеяться на свою армию, создает для борьбы с революцией?

А во-вторых, целью восстания ставится в первую очередь разгром армии. Это, по мнению авторов, — лучший исход восстания. Но это положение противоречит ленинизму. Правда, ленинизм отвергает оппортунистическую мысль о том, будто невозможна вооруженная борьба с войском. Но ленинизм ставит при этом перед большевистской партией в первую голову задачу революционной пропаганды среди войска, добиваясь перехода армии на сторону народа. В отсутствии необходимой борьбы за армию Ленин видит например один из недостатков декабрьского, 1905 г., вооруженного восстания в Москве. Ленин указывает, что восстание является бланкизмом, «если в армии... (дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания... не приобрели широчайшей известности и популярности». Ленин указывает, что одним из элементов революционной армии должны быть перешедшие на сторону народа части войска.

VI конгресс Коминтерна дает коммунистическим партиям директиву о том, что «необходима усиленная работа по разложению буржуазных войск, которая в момент восстания переходит в борьбу за армию ²⁾». А наши авторы дают лозунг... непосредственного и прямого разгрома армии.

Или вот другой «закон», устанавливаемый авторами:

«Вооруженное восстание проводится прежде всего в столице». Почему так? Спора нет, что для успеха восстания нужно нанести решающий удар в решающем месте. Но откуда следует, что восстание должно обязательно на

¹⁾ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 202—204.

²⁾ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, 6-й выпуск, стр. 97.

чаться в столице? Разве Ленин не считал например накануне Октября, что «вовсе не обязательно начать с Питера», что может начать и Москва? И если поверить авторам, то не должны ли мы в таком случае такие события, как московское восстание 1905 г. или гамбургское восстание, признать «аномалией», «путчем»?

А затем авторы пишут: «Восстание перерастает в гражданскую войну и распространяется более или менее быстро на городские районы, а вслед за ними на деревни». Но разве само восстание не есть гражданская война? И затем, откуда такая маршрутизация, декретируемая авторами?

* * *

Период пролетарской диктатуры есть период обостренной классовой борьбы. Эта классовая борьба не может не найти своего выражения также и в идеологии. Спротивление враждебных классов социалистическому наступлению пролетариата сказывается в попытках ревизии теории марксизма-ленинизма, в частности его философской основы — диалектического материализма. Механицизм как главная опасность современного периода и меньшевистствующий идеализм — таковы в настоящее время две формы ревизии философии марксизма, с которыми должна вестись неуклонная борьба. Эту задачу подчеркивает известное постановление ЦК о журнале «ПЗМ».

Как же справляются с этой задачей авторы? На протяжении учебника они, в общем, систематически проводят линию борьбы на два фронта. Однако и здесь имеется ряд недостатков. В некоторых случаях в изложении отсутствуют необходимая четкость и полнота. Так например в теме: «Истмат как наука», авторы, рассуждая о книге Бухарина «Теория исторического материализма», говорят «о многочисленных недостатках этой книги» (стр. 112)—только о многочисленных недостатках, вместо того чтобы сразу прямо и ясно сказать, что бухаринский учебник по истмату в основном представляет собой ревизию марксизма.

Несомненным пробелом является также то обстоятельство, что в теме: «Материализм и идеализм» авторы, подвергнув критике меньшевистствующий идеализм, совсем прошли мимо механистической ревизии марксизма. И этот пробел тем более ощущается, что в теме имеется специальная глава, посвященная характеристике метафизического материализма. Здесь разбираются в числе прочих взгляды французских материалистов, и после этого никакого перехода к современным механистам не делается. Точно так же нельзя не отметить тот недочет, что в теме о классах и классовой борьбе вовсе не дается критики богдановской теории классов.

Особые упущения и недочеты имеются и в изложении последней темы учебника: «Борьба на два фронта в философии и в политике». Эта тема призвана обобщить и подытожить всю ранее проведенную критику и в области борьбы на два фронта в философии, в частности показать исторический круг этой борьбы и дать четкую, полную характеристику механизма и меньшевистствующего идеализма. Однако автор указанной темы не дает подлинного понимания существа борьбы на два фронта, а затем сущности механицизма и меньшевистствующего идеализма.

Не имея возможности разобрать все неправильные и нечеткие места этой главы, укажем лишь на некоторые. Говоря о теоретических истоках меньшевистствующего идеализма и механицизма, авторы выдвигают следующее положение, которое на протяжении всей главы и защищают: «В плехановском идейном наследстве была заложена возможность для двух типов ревизии марксистской философии, получившая свою реализацию в своеобразных условиях СССР». «Общее в теории механицизма и меньшевистствующего идеализма в качестве одного из своих источников имеет философские взгляды Плеханова». «Идейные истоки тех и других сочетались у Плеханова в зародышевом виде» (стр. 73—74).

Таким образом, по мнению авторов, Плеханов оказывается родоначальником как механицизма, так и меньшевистствующего идеализма. Верно, что и механисты и меньшевистствующие идеалисты заимствуют и используют ошибочные моменты философских взглядов Плеханова. Но разве позволительно на этом основании идейный источник механицизма и меньшевистствующего идеализма видеть в Плеханове? Разве позволительно забывать о том, что меньшевистствующий идеализм имеет в своей теоретической основе гегелизирование марксизма, а механисты в философии плетутся за механистами из современных естествоиспытателей и возрождают механистическое мировоззрение XVII—XVIII веков? Вместо того, чтобы показать, что вообще механический материализм и идеалистическая диалектика не отделены друг от друга китайской стеной, что механический материализм зачастую приводит к идеализму, а идеалистическая диалектика не извлекается полностью от механицизма, вместо того, чтобы вскрыть это и под таким углом зрения подойти к установлению общности между механистической ревизией марксизма и меньшевистствующим идеализмом, — вместо этого авторы сводят все дело к Плеханову, начинают тянуть нить от него. Авторы знают конечно о том, что механисты и меньшевистствующие идеалисты стремятся опереться на слабые стороны плехановских философских воззрений. Но не сумев, а быть может вернее не пожелав разобраться в сути дела, они просто заявляют: Плеханов — вот корень всех бед, в Плеханове — вот где зародыш и механицизма и меньшевистствующего идеализма. Наконец что же после утверждения авторов остается вообще от материализма и марксизма Плеханова? Можно поэтому судить о силе логики авторов, когда они, найдя в Плеханове предтечу и механицизма и меньшевистствующего идеализма, пишут затем, что «философия Плеханова в целом представляет положительное явление, идет по линии диалектического марксизма» (стр. 374). (Кстати, что это за теория «диалектический марксизм»?).

Авторы ставят вопрос о взаимоотношении между философией и политикой.

Известно, что философия и политика марксизма тесно и неразрывно связаны между собою, что Маркс определил стратегию и тактику пролетариата в полном соответствии со всеми посылками своего диалектико-материалистического мировоззрения (Ленин). И потому ревизия философских основ марксизма создает почву для отходов в дальнейшем и от стратегии и тактики марксизма-ленинизма, а уклонение от политической линии нашей партии означает разрыв с методологическими основами марксизма-ленинизма и может привести к прямому походу против этих основ. Разумеется, у конкретных представителей тех или иных уклонений от марксизма-ленинизма эта связь между философией и политикой не всегда бывает прямой и непосредственной. Отход от философии марксизма-ленинизма может и не сопровождаться до поры до времени отходом от его политической линии. Точно так же, как разрыв политической линии марксизма-ленинизма может опять-таки до поры до времени не сопровождаться штурмом его философских основ. И затем: связь между философией и политикой нужно рассматривать не просто как логическую, не так, скажем, что ревизия политической линии марксизма-ленинизма возникает-де потому, что до этого была ревизия его философских основ. Здесь, мол, имеется имманентная логика развития. Следует всегда видеть ту враждебную пролетариату классовую основу, которая порождает ревизию и философии марксизма-ленинизма и его политики. И следует всегда разбирать ту конкретную историческую обстановку, в какой возникли те или иные уклоны от теории и политики марксизма-ленинизма.

А что утверждают по этому поводу авторы?

Они правильно указывают на то, что философские и политические взгляды тесно связаны между собой, что эта зависимость между ними обуславливается общностью их социальных корней, что связь эта между философией и политикой не всегда прямая. Но тут же преподносят такое рассуждение: «Связь между

философией и политикой не дается сразу, в готовом виде, а требуется время для ее вызревания. Например А. А. Богданов, который был в 1905 г. активным большевиком, в то же время занимал неправильную позицию в философии. Иначе говоря, его философская позиция не соответствовала большевистской политике. Из его философской позиции не вытекала большевистская тактика, тем не менее он из партии не исключался, так как требовалось время, чтобы привести в соответствие политические убеждения с философскими или наоборот. Такая связь у Богданова появилась не сразу, а в результате длительной борьбы. Сначала у него были попытки в своей философии сочетать марксизм и с эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса. Философия Богданова была раскритикована особенно Плехановым и Лениным, а настойчивая и активная работа Богданова по ревизии философии марксизма требовала определенной связи с политикой. Эта связь была найдена в том, что его политическая линия сформировалась на основе его философской концепции и еще задолго до Октябрьской революции Богданов отошел от большевизма» (стр. 350—351).

Если оставить в стороне общую неграмотность и путанность этого положения, то какая получается картина возникновения богдановского, скажем, отзовизма? А вот такая: у Богданова имеется неправильная позиция в области философии. Сперва эта позиция не влияет на его политику. Но вот Плеханов начинает критику Богданова, а с другой стороны, сам Богданов дальше «работает» над ревизией марксизма. И это приводит к тому, что Богданов окончательно самоопределяется, уравнивает свою политику со своей философией и отходит от большевизма. Чудовищно неверное, совершенно немарксистское объяснение политического ревизионизма Богданова.

Выходит в целом, что к отходу от большевистской стратегии и тактики Богданов пришел единственно и исключительно в порядке простого и неизбежного вывода из своей философии. Но это же явное упрощение, граничащее с идеалистической постановкой вопроса. Ленин в борьбе с Богдановым неустанно вскрывает и подчеркивает ту классовую почву, на которой вырастают и его эмпириомонизм и его отзовизм. А по картине, нарисованной нашими авторами, тут есть замкнутый круг, имеется чистая логика идей: чтобы быть последовательным, Богданов должен был привести свою политику в соответствии со своей философией.

Дальше, если с одной стороны, ревизия позиции марксизма-ленинизма является, по мнению авторов, лишь прямым и непосредственным логическим следствием ревизии его философии, то вместе с тем они тут же и отрывают философию от политики. Ведь согласно их рассуждению выходит, что отступление от философских основ марксизма до известной степени терпимо, что оно становится вредным лишь тогда, когда начинает оказывать влияние на политику. Но в таком случае затушевывается классовое значение и смысл всякой ревизии диалектического материализма. Игнорируется все то, что пишет Ленин о классовом характере философии, о партийности философии, о том, что всякое отклонение от диалектического материализма есть проявление буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат, что необходима самая беспощадная борьба с философским ревизионизмом.

Авторы указывают на то, что хотя у Богданова в 1905 г. его философская позиция не соответствовала большевистской тактике, тем не менее он из партии не исключался. Но о чем это свидетельствует? О том ли, что философские позиции Богданова тогда еще не были вредны? Куда же деть в таком случае все то, что писал Ленин именно в этот период о вреде философии Богданова и о необходимости борьбы с нею? И какое упрощенное, извращенное представление о путях преодоления тех или иных уклонов партии показывает эта ссылка авторов! Разве партия в арсенале борьбы с уклонами имеет только метод отсечения? Разве развернутая идейная борьба не является также на определенной ступени необхо-

димым и обязательным этапом в деле преодоления уклонов? И разве даже тогда, когда Богданов стал уже отзовистом, партия сразу начинала с отсечения?

Вместо того, чтобы вскрыть классовую основу, на которой устанавливается связь между философией и политикой, вместо того, чтобы конкретно показать в частности, как шла и в каких условиях могла и должна была развернуться борьба с философским ревизионизмом Богданова,—вместо этого авторы ударились в чистую логику, отвлеклись от классовой борьбы, извратив и соотношение между философией и политикой и механику внутрипартийной борьбы в истории борьбы партии с богдановщиной.

Известно, что механистическая ревизия марксизма является в основном методологической базой правого оппортунизма, а меньшевистствующий идеализм в основном — методологической базой троцкизма, левацких загибов и т. п. Это общеизвестно и закреплено в соответствующих документах. Но авторы и тут допускают некоторые нечеткости.

Так например о меньшевистствующем идеализме авторы заявляют: «Поэтому разоблачая сущность ревизии марксистско-ленинской философии со стороны меньшевистствующих идеалистов... мы тем самым разоблачаем теоретические основы троцкизма и троцкистских загибов» (стр. 362).

Верно, что меньшевистствующий идеализм является в основном методологией троцкизма и «левых» загибов. Но разве это может дать повод к тому, чтобы полностью отождествлять, как это делают авторы методологические основы троцкизма с меньшевистствующим идеализмом, сводить без остатка методологию троцкизма к меньшевистствующему идеализму?

О сущности самого механицизма и меньшевистствующего идеализма авторы пишут следующее: «Непонимание партийности марксистско-ленинской философии ведет или к игнорированию философских основ политической линии партии или к игнорированию самой ее политической линии. Первое в особенности свойственно механистам, второе — меньшевистствующим идеалистам» (стр. 350). Это совершенно путанное место. Из такого тезиса авторов невольно вытекает следующий вывод. Механисты не представляют определенной ревизии марксизма, не дают методологической базы для правого оппортунизма, они только «игнорируют», проходят мимо философских основ политической линии партии.

Очевидно такой вывод напрашивается только в силу невнимательного, путанного, поверхностного изложения материала, который мы почти сплошь в этой главе встречаем.

Нет возможности да и незачем разбирать еще целый ряд нечетких, ошибочных и наконец прямо вульгарных положений этой главы. Приведем лишь два образца. Давая характеристику меньшевистствующему идеализму, авторы пишут:

«Вот эту абстрактную практику они признают и они ее осуществляют своей абстрактной теорией. При таком подходе к вопросу о взаимоотношении теории и практики они требуют «претворения практики в теорию и теории в практику, чтобы теория была практикой, а практика была освещена теорией».

«Абстрактная практика превращается в абстрактную теорию. Практика претворяется в теорию, а последняя претворяется в практику... Сначала теория и практика выступают как два противоположных процесса, не связанных между собой; затем их начинают связывать и определять одно посредством другого. Начинают теорию претворять в практику, а последнюю претворяют в первую, в результате этих манипуляций получается «практическая теория» и «теоретическая практика», «практика теоретизируется», а «теория практизируется» (стр. 363—364).

О механицизме авторы пишут например следующее (они приводят поддержку из одного выступления Бухарина, где говорится о необходимости сращения теории с нашей строительной практикой и практикой международной классовой борьбы пролетариата, а затем начинают рассуждать):

«О каком сращивании идет речь? Если говорить о революционной теории пролетариата, то она сама является продуктом революционной практики пролетариата и развивается в процессе революционной практики... если же т. Бухарин имел в виду теорию неревolutionного пролетариата (?!), а, скажем буржуазную, социал-фашистскую или какую-нибудь феодальную, то сращивание с революционной практикой пролетариата аналогично сращиванию кулака с социалистическим строительством. Последнее же хотя и имело свое выражение в теории вращивания кулака в социализм, но, как известно, эта теория не срасталась, не срастается и не срастет с современной практикой социалистического строительства. После того же как наша современная практика опровергла эту теорию, пытаться еще надежды на ее сращивание с практикой международной классовой борьбы является наивным самоутешением. Как говорится, «попытка не пытка», но пора бы оставить эти попытки и заняться не сращиванием того, что невозможно, а действительным развитием революционной теории пролетариата в творческом процессе практики современного социалистического строительства» (стр. 360).

Такого рода «критика» представляет здесь не что иное, как сплошное водолейство. И кто дал авторам право подменять действительную большевистскую борьбу на два фронта, действительное вскрытие сущности правого оппортунизма безграмотной болтовней?

Вывод: изложение темы «Борьба на два фронта» в учебнике совершенно неудовлетворительно. Мы считаем абсолютно необходимой коренную переработку этой главы.

* * *

Мы уже раньше отмечали, что положительная сторона рецензируемого учебника состоит в направлении всего внимания авторов на разработку и освещение ленинского этапа в философии. Для этой цели авторы ведут все изложение, широко используя ленинские работы, специально выделяя вопросы ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В некоторых главах этому посвящены особые параграфы. Но, во-первых, не во всех главах учебника этим вопросам уделяется достаточное внимание. В частности прямым и крупным недостатком является то обстоятельство, что в таких темах, как «Материализм и идеализм» и «Диалектический материализм», вовсе не поставлен вопрос о ленинском этапе. В теме «Общественно-экономическая формация» недостаточно использованы работы Ленина и не показана роль Ленина в разработке учения об общественно-экономической формации.

Во-вторых, в ряде случаев авторы, говоря о ленинском этапе, подчас делают это поверхностно, отделяваясь общими фразами, не вскрывая конкретно, в чем именно суть ленинского этапа. Примером этого опять может служить глава «Борьба на два фронта».

Наконец в некоторых случаях, стремясь показать, что ленинизм есть новая, высшая ступень в развитии диалектического материализма, авторы в постановке и решении вопроса впадают в недопустимое вульгаризаторство, имеющее в своей основе грубое искажение роли Маркса—Энгельса как основоположников марксизма, отрыв ленинизма от марксизма, противопоставление ленинизма марксизму.

Так, при рассмотрении сути диалектики, закона единства противоположностей, авторы заявляют: «Закон единства противоположностей является ядром, основным законом диалектики... Только Ленин впервые поставил в теоретической форме во всю широту вопрос о значении закона единства противоположностей... Энгельс в «Диалектике природы» перечисляет три основных закона диалектики: первый — закон перехода количества в качество и обратно; второй — закон взаимного проникновения противоположностей, третий — закон отрицания. Здесь характерно, что закон единства противоположностей занимает второе место, а о законе отрицания отрицания указывается, что у Гегеля этот закон является основным при построении

всей системы философии Гегеля. Ленин же указывает, что у Гегеля основным законом является именно закон единства противоположностей. На деле у основоположника марксизма — Энгельса, как и у Маркса, закон взаимопроникновения противоположностей находит всестороннее применение во всех его работах, в частности в «Диалектике природы», стержнем которой он является.

Лишь у Ленина этот основной закон материалистической диалектики характеризуется безоговорочно и в классической теоретической формуле как единственный закон единства противоположностей» (стр. 33).

Итак, Маркс и Энгельс, утверждая авторы, еще не понимали, что в законе единства противоположностей заключается суть диалектики. Правда, они «всесторонне применяли» этот закон во всех своих работах, но необходимой общей теоретической оценки этот закон у них не нашел, они ставили его на второе место, считали (Энгельс), что основным законом диалектики является закон отрицания отрицания.

Если поверить авторам, выходит, что Маркс и Энгельс не были еще настоящими диалектиками, не были последовательными диалектиками, не являлись, во всяком случае в полной мере сознательными диалектиками.

Верно, что Энгельс в отрывке «Общий характер диалектики как науки», перечисляя законы диалектики, говорит сначала о переходе количества в качество, а затем уже о законе противоречия. Но как можно на этом основании делать заключение, будто Энгельс еще не осмыслил теоретически значения закона единства противоположностей? Разве Маркс и Энгельс не указывают бесчисленное количество раз, что главное содержание диалектики в принципе развития путем противоречия? Разве они не подчеркивают постоянно, что здесь как раз коренной водораздел между диалектикой и метафизикой? Разве такое произведение, как «Капитал» Маркса, не является результатом не только всестороннего, как говорят авторы, но именно сознательного применения закона единства противоположностей как основного принципа диалектики к изучению возникновения, развития и уничтожения капиталистического общества? Или не прав Ленин, говорящий, что Маркс в «Капитале» рассматривает сначала самое простое, обычное, массовидное — обмен товаров и вскрывает в этой «клеточке» буржуазного общества зародыш всех противоречий капиталистического строя, а затем показывает развитие этих противоречий от начала до конца. Разве Энгельс в «Анти-Дюринге» или «Людвиге Фейербахе», в «Диалектике природы» не дает четкой характеристики диалектики как движения путем противоречий и перехода противоположностей друг в друга?

Повидимому авторы смущает отсутствие определения закона единства противоположностей у Маркса. Поможем здесь авторам. Приведем только одно место из работы Маркса — «Нищета философии», где дается такая четкая характеристика закона единства противоположностей как ядра диалектики. Вот что пишет Маркс: «Существование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и их слияние в одну новую категорию составляет сущность диалектического движения» (стр. 106).

Вместо того, чтобы выяснить смысл ленинского положения о том, что не надо трех слов — диалектика и есть теория познания и логика марксизма, вместо того, чтобы именно в свете этого вскрыть значение ленинской оценки закона единства противоположностей, вместо того, чтобы показать затем, как Ленин дальше конкретизирует этот закон, раскрывает его структуру, приходит к тому, что нельзя иначе отобразить движение, как формулой. единство, тождество противоположностей — вместо всего этого авторы пошли по линии наименьшего сопротивления и в результате противопоставили Маркса—Энгельса Ленину. Нужно ли доказывать, что у авторов в данном случае получилось извращение марксизма-ленинизма?

Нельзя далее пройти мимо следующей серьезной ошибки учебника.

В главе «Основные законы материалистической диалектики» авторы, рассуждая о различии между противоречием и антагонизмом, допускают грубую теоретическую ошибку, влекущую за собой политически

вредные выводы. Авторы пишут: «У Ленина есть такое указание: «Антагонизм и противоречие не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме».

Здесь мы вынуждены пока оборвать дальнейшее цитирование, так как нельзя пройти мимо искажения ленинского текста. У Ленина сказано: «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же» (разрядка наша.—Авторы). Авторы задаются вопросом: «Какое же различие между противоречиями и антагонизмом?» И отвечают: «Под антагонизмом в материалистической диалектике разумеется высшая ступень обострения противоречий, доходящая до их непосредственного столкновения» (стр. 319).

Стало быть, по мысли авторов, различие между противоречием и антагонизмом сводится лишь к степени обострения. В самом деле, по какому поводу Ленин сделал вышеприведенное замечание о необходимости строгого различия между антагонизмом и противоречием? Как известно, это замечание было сделано к следующим словам Бухарина: «Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система».

Ленин ставит значок возле слова «противоречивая» и пишет: «архинеточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»¹⁾. Этим самым Ленин подчеркивает вместе с тем коренную принципиальную противоположность двух систем — социалистической капиталистической — в самой основе. Капиталистическая система в основе своей антагонистична, что совершенно чуждо системе социалистической. У авторов же учебника получается, что противоречия капитализма становятся антагонистическими лишь на определенной ступени развития (да иначе и не может получиться, если различие между антагонизмом и противоречием сводить лишь к степени обострения).

Не лучше обстоит дело, когда авторы пытаются обосновать свое абстрактное определение различия между противоречием и антагонизмом политическими иллюстрациями. Они пишут: «Так противоречие буржуазии и пролетариата проявляется в стачках, в восстаниях, в революции и в гражданской войне как непосредственное противопоставление и столкновение, как антагонизм». Из этого рассуждения следует, что противоречия между буржуазией и пролетариатом не являются антагонистическими в своей основе, а становятся таковыми лишь на определенной ступени развития. Это получается у авторов потому, что они неправильно трактуют антагонизм лишь как непосредственное столкновение классов в гражданской войне. Интересно, как бы авторы со своей точки зрения истолковали утверждение Маркса о том, что «без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена»²⁾? Неужели так: «без непосредственного столкновения классов в гражданской войне не может быть индивидуального обмена»? Надо ли еще доказывать нелепость подобной трактовки?

Маркс, называя капиталистический способ производства антагонистическим, скобках популярно объясняет этот термин так: «построенный на противоположностях» (см. «Послесловие ко 2-му изданию «Капитала»). Вместо того, чтобы исходить из этого указания Маркса, а также из соответствующих указаний Ленина, авторы учебника стали на ошибочный путь в трактовке понятия антагонизма.

* * *

Учебник для средних звеньев партпросвещения является массовым и потому должен отвечать требованиям простоты изложения, однако без вульгаризации и в соединении с четкостью и выдержанностью по содержанию в теоретическом и политическом отношении. Мы уже указывали, что рецензируемый учебник к сожалению в ряде случаев не свободен ни от вульгаризации, ни от теоретических ошибок, нередко очень существенного характера.

¹⁾ Лен. сб., стр. 357.

²⁾ Маркс, Ницета философии, стр. 71.

Не имея возможности разобрать все теоретические нечеткости, укажем только на наиболее важные из них. Возьмем например вопрос о предмете философии. В учебнике находим по этому вопросу следующее.

«В «Анти-Дюринге» Энгельс говорит о том, что с развитием в XIX веке наук философия приходит конец. Но вместе с тем Энгельс подчеркивает, что задача заключается не в простом отрицании, но в таком отрицании, которое вело бы к положительному результату» (стр. 58). Подчеркнуто нами. — Авторы).

Это обозначает по существу не что иное, как отрицание самостоятельного предмета и значения философии, — «простого» или «не простого», но все же отрицания, или по крайней мере лишь условного, с оговорками, ее признания. Поэтому авторам приходится «защищать» философию, и они говорят:

«Таким образом мы имеем все основания сказать, что марксизм не только не отбрасывает философию, но впервые создает новую научную философию»¹⁾.

Это положение невольно напоминает плехановское: «И Маркс, и Энгельс не всегда так плохо думали о философии»²⁾, сказанное по аналогичному же случаю.

Между тем не только «мы имеем все основания сказать», но и сами Маркс, Энгельс и Ленин не только провозглашали, но и основали, разрабатывали именно «философскую науку» — революционную материалистическую диалектику.

Конечно авторы учебника не отрицают марксистской философии, что ясно из всего контекста и особенно заключительного абзаца, разбираемого § 31 гл. III учебника, но тем не менее недоразумение налицо вследствие недостаточно полной и четкой трактовки слов Энгельса. Недоразумение же произошло потому, что вопреки собственному совершенно правильно утверждению: «не выхватывать отдельные места из «А—Д» и «Л—Ф», а брать эти произведения в целом»³⁾ (стр. 58), авторы как раз выхватили одно отдельное место и почему-то забыли, не отметили, не подчеркнули в данном случае, что Энгельс говорит о конце старой (домарксовской) философии, «философии в старом смысле слова»⁴⁾, т. е. в смысле натурфилософии, подменявшей собою конкретные положительные науки и «предъявляющей претензии стать выше других наук»⁵⁾, обособленной вне и над ним (естествознанием) стоящей натурфилософии»⁶⁾.

В этой же связи находится и другая ошибка, идущая тоже по линии не марксистско-ленинского, а плехановского понимания предмета философии. Авторы учебника усиленно подчеркивают, что Энгельс сводил философию только к науке о мышлении. Так, они говорят:

«Мы уже приводили указание Энгельса о том, что «из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика». Совершенно ясно, что Энгельс отождествлял диалектику с наукой о мышлении и в этом только и видел содержание философии» (стр. 67).

Совершенно ясно, что это — плехановская, но не энгельсовская и не ленинская точка зрения. Именно у Плеханова мы и имеем:

«Если мы примем ограничение Энгельсом области философии областью мышления и его законов, то и эта область достаточно обширна и интересна. Ее-то и можно подразумевать под названием «философских основ марксизма».

Ограничивать, а тем более отождествлять (как это делают авторы рецензируемого учебника) философию просто с «наукой о мышлении» — это значит стать на неправильную точку зрения Плеханова.

¹⁾ Маркс, Ницета философии, подчеркнуто нами. В дальнейшем подчеркивания, за исключением особо оговоренных случаев, принадлежит нам.

²⁾ Плеханов, т. XVIII, стр. 324.

³⁾ Энгельс, Л. Фейербах, изд. 1928 г., стр. 37.

⁴⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 19.

⁵⁾ Там же, стр. 10.

⁶⁾ Плеханов, т. XVIII, стр. 324.

Если Энгельс и говорил, что «за философией остается лишь логика и диалектика»¹⁾, то в эти термины он вкладывал свое определенное содержание, совсем не то, которое связывает с ними обычная буржуазная философия. Это указал и особенно глубоко развил В. И. Ленин, призывая изучать и «сугубо использовать» логику — диалектику «Капитала».

Сам Энгельс определяет диалектику не просто как «науку о мышлении» («область чистой мысли»), а как «науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»²⁾.

Это же с исчерпывающей ясностью и глубиной разъяснено Лениным в его многочисленных высказываниях о диалектике. Ленин же, устанавливая единство диалектики, теории познания и логики (не надо трех слов: это одно и то же)³⁾ и обозначая его одним словом «диалектика», определял логику не как учение о внешних формах мышления, а как «учение о законах развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»⁴⁾.

Все это известно авторам рецензируемого учебника и приводится ими, но тем не менее в отдельных отмечаемых нами случаях даются совершенно неправильные формулировки, которые отводят от подлинного марксистско-ленинского понимания предмета и значения философии и диалектики.

По вопросу об исторических корнях марксизма и его философии в учебнике имеются следующие положения:

«Материалистическая переработка гегелевской общей теории развития явилась основой открытия Марксом объективных законов развития материальной действительности» (стр. 37).

Эта же мысль повторяется и несколько ниже:

«Маркс и Энгельс построили здание материалистической диалектики на развалинах гегелевской идеалистической диалектики» (стр. 44).

Здесь имеются две ошибки. Во-первых, известно, что марксизм имеет три источника: английскую политическую экономию, французский (утопический) социализм и немецкую классическую философию. Гегелевская диалектика является не единственным источником как марксизм в целом, так и марксистской философии, взятой отдельно, а только частью, правда самой существенной, одного из трех источников, именно — немецкой классической философии.

Во-вторых, здесь философское учение, как одна из составных частей марксизма, берется само по себе, изолированно от других частей — экономической и общественной теории марксизма, — чего никоим образом делать нельзя. Марксизм представляет собой целостное учение, в котором все составные части связаны в неразрывное единство, из которого нельзя исключить, оторвать ни одной части без нарушения самой сущности марксизма. И само философское учение марксизма — материалистическая диалектика — ведет происхождение не только от гегелевской диалектики и немецкой классической философии вообще, а «возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политэкономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке»⁵⁾.

Об этом говорит совершенно определенно Маркс в предисловии «К критике политической экономии», об этом же свидетельствует логика «Капитала» и всех произведений основоположников марксизма. Философское учение Маркса и Энгельса представляет собой одну из сторон марксизма, неразрывно взаимно

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 75.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 129.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 292.

⁴⁾ Лен. сб. XI, стр. 41.

⁵⁾ Ленин, изд. 3-е, т. XVI, стр. 349.

связанную со всеми остальными его сторонами, составляя в то же время «руководящую нить»¹⁾ во всех областях исследования.

Мы не говорим, что учебник в целом не дает правильного представления о происхождении и сущности марксизма. Нет, в соответствующем месте (1-я тема) вопрос излагается правильно, но зато в других местах, как отмечено нами (например 2-я тема), где говорится уже о «специальных» вопросах, но попутно затрагивается и этот вопрос,—имеются уже неправильные формулировки. Это объясняется недостаточной согласованностью отдельных частей (глав).

В этой же связи можно отметить и аналогичную ошибку при объяснении понятий «диалектический материализм» и материалистическая диалектика. Здесь при истолковании материалистической диалектики авторы видят центр тяжести только в отношении этой диалектики к Гегелю. Так, они пишут:

«Понятие же материалистической диалектики указывает на связь и различие между диалектикой марксизма и диалектикой Гегеля. По отношению к диалектике Гегеля в понятии «материалистическая диалектика» ударение падает на слово «материалистическая», так как им подчеркивается отличие марксовской диалектики от идеалистической диалектики Гегеля» (стр. 58—59).

Эта аргументация от ударений конечно очень легковесна и недостаточна, а сведение всего смысла понятия «материалистическая диалектика» только к отношению к Гегелю (связь и различие) не только недостаточно, но по существу и неверно. Такая постановка вопроса—только ст Гегеля—снижает объективную значимость материалистической диалектики самой по себе (безотносительно и не зависимо от Гегеля) как философской науки о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления.

В отношении понимания гносеологических корней идеализма наши авторы, забыв прямые и глубочайшие указания Ленина (в заметках «К вопросу о диалектике»), также допускают ряд нечетких, упрощенных пояснений.

«То, что Гегель выводил развитие материальной природы из движения понятий, то, что он отождествлял ее развитие с развитием понятий,—все это конечно сущие пустяки, которые мы должны отбросить как поповско-идеалистический хлам» (стр. 37).

И в другом месте: «С точки зрения современного естествознания—все это чепуха» (стр. 40).

Это совершенно расходится с тем, что говорит по этому вопросу Ленин, а именно: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического»²⁾.

Ленин указывает и разъясняет, что «у поповщины (философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»³⁾.

И Ленин показывает, в чем состоят эти гносеологические корни идеализма (поповщины тож). Это—прямолинейность и односторонность, преувеличенное раздувание одной из сторон бесконечно сложного диалектического познания в оторванный от природы, от материи обожествленный абсолют.

Эту глубочайшую ленинскую постановку вопроса о гносеологических корнях идеализма наши авторы ухитрились совершенно забыть, вместо того чтобы взять ее за исходный пункт раскрытия самых корней той или другой идеалистической системы на конкретном материале.

Характеризуя французских материалистов XVIII века, авторы неоднократно подчеркивают, что они—наиболее последовательные материалисты своего времени (стр. 53; то же на стр. 47 и 49). При этом в учебнике речь идет исключи-

¹⁾ Маркс, Предисловие к «Критике политической экономии».

²⁾ Ленин, К вопросу о диалектике, изд. 3-е, т. XIII.

³⁾ Там же.

тельно об их натурфилософских взглядах, но нет ни слова об их общественных взглядах. Такая характеристика односторонняя и потому неверна. Если верно, что французские материалисты XVIII века были для своего времени наиболее последовательными материалистами и преимущественно именно в своих натурфилософских воззрениях, то так же верно и то, что они не были последовательными материалистами в своем учении об обществе. Для создания у учащихся правильного представления о французском материализме XVIII века, об его исторических заслугах и недостатках, об его ограниченности вряд ли следует делать упор на его последовательность, а правильное будет, напротив, указать на его непоследовательность,—конечно исторически обусловленную,—на то, что он был материализмом снизу (в области учения о природе), но идеализмом сверху (в учении об обществе).

По вопросу о диалектике как теории познания и логике в учебнике также имеются прямые ошибки и очень нечеткие утверждения. Вот, например, как определяется суть марксистско-ленинской теории отражения:

«Суть этой теории сводится к тому, что процесс познания есть особая, специфическая форма отражения в ощущениях, представлениях и понятиях человека развития мира» (стр. 25).

Это «определение» представляет собою простую тавтологию: теория отражения есть форма отражения... И больше — ничего! Правда, это дается лишь попутно, в теме «марксизм-ленинизм», в соответствующей же главе о материалистической диалектике вопрос разбирается подробнее и в основном правильно. Но и здесь, где вопрос ставится попутно, в связи с другой темой, нельзя ограничиваться пустой тавтологией, а нужно давать правильную трактовку данного вопроса по существу.

На стр. 81 учебника говорится:

«Этот процесс борьбы противоположностей познается человеком в общем параллельно тому, как разворачивается само противоречие».

Это—слишком упрощенное представление вопроса об отражении в познании человека процессов объективной действительности. Между ними не просто параллелизм, автоматизм, а более сложный процесс. «Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение,—говорит Ленин,—а процесс ряда абстрактный формулирования, образования понятий, законов и т. д., каковые понятия, законы и т. д. «охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»¹⁾.

Излагая диалектику как теорию познания, авторы не проходят мимо ошибок Плеханова по этому вопросу, и это правильно. Но вот что при этом говорят наши авторы:

«Плеханов одно время стоял на точке зрения так называемой иероглифической теории познания» (стр. 106).

Это уже совершенно неверно, являясь повторением меньшевистствующе-идеалистических задов и даже противореча тому, что говорят авторы на той же странице. Плеханов не одно время, а все время стоял на точке зрения иероглифизма в теории познания, в чем и заключается одно из его серьезнейших отступлений от материалистической диалектики. Плеханов признал за собой только терминологическую ошибку, но не отказался от теории иероглифов по существу, о чем в частности красноречиво говорят хотя бы его письма к А. Богданову, написанные уже в 1908 г.

Неправильно передают мысли Ленина авторы, когда утверждают, что якобы по Ленину «законы диалектики, логические категории» и «формы познания» — одно и то же. Ленин никогда не ставил знака тождества между законами диалектики, как законами развития объективного мира и логическими категориями или формами познания. Наоборот, различая «общие законы объективного мира» от «общих зако-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 203.

нов «мышления»¹⁾). Ленин писал, что «логические понятия — субъективны, пока остаются «абстрактными» в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе»²⁾, другими словами, логические категории не являются самыми законами реального мира, а их отражением, их объективным представлением в голове человека, формами познания объекта — субъекта. Противоположное утверждение есть идеализм, ибо оно приводит нас к отождествлению предмета познания с познанием предмета, законов реального мира с законами мышления субъекта. Авторы путают эти вопросы, когда, продолжая развивать свои мысли, пишут: «Противоречие, отношение, качество, количество, отрицание, форма и содержание, причина и действие и т. д. все это понятия (категории) диалектики, формы, в которых мы познаем материальную действительность (формы познания)» (стр. 65). Ленин качество, количество и т. д. рассматривает и как закон развития объективного мира и как закон познания. Маркс пишет, что «качество и количество» являются «свойствами... различными сторонами» вещей, а наши авторы утверждают, что все они суть «понятия (категории) диалектики, формы, в которых мы познаем материальную действительность». Ленин везде подчеркивает, что противоречие есть жизненный импульс всякого развития; что оно существует, реально отражаясь в голове человека, что оно является причиной развития материального мира и существует объективно, а не как противоположное утверждение субъекта, как полагал Кант. Авторы же учебника утверждают, что это не так, отождествляя формы существования действительности с формами их познания. Излагать диалектику как логику и теорию познания, по Ленину, означает: вскрывать законы развития и движения объективного мира, показывать, как они отражаются в познании человека, как субъект воспринимает именно реальные законы материального мира, как развитие человеческого мышления является точным отражением развития природы и общества, ибо Ленин никогда не забывал, что «диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот».

При определении истмата как науки, ее предмета, авторы правильно характеризуют его как теорию и методологию общественного развития, но недостаточно подчеркивают самую суть, основное в истмате — понятие общественно-экономической формации, что и подвело учение об обществе на степень науки вместо прежней буржуазной социологии.

«Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения» как «структуру общества», говорит Ленин. «Эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки»³⁾, создала «воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс — воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки»⁴⁾. Об этом говорится лишь в специальной 6-й теме, но это нужно бы указать уже в самом начале при определении предмета истмата как науки.

Не подчеркнута также при самом определении истмата его действительная, революционная сущность, говорится лишь о нем как об орудии (методе) объяснения общественных явлений. «Вся задача общественной науки заключается в том, чтоб объяснить объективные основания»... — говорится в учебнике (стр. 128). Эгого конечно недостаточно, это выхолащивает самую революционную сущность истмата.

По вопросу о классовой борьбе как движущей силе общественного развития классового общества в учебнике говорится следующее: «Переход от одного типа классовых производственных отношений к другому совершается посредством классовой борьбы» (стр. 197). Отсюда следует, что классовая борьба является движущей силой общественного развития только в моменты «перехода от одного типа классовых производственных отношений к другому», т. е. в моменты рево-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 191.

²⁾ Там же, стр. 249.

³⁾ Ленин, изд. 3-е, т. I, стр. 61.

⁴⁾ Там же, стр. 284.

лющий; выходит, что при отсутствии революций, в периоды так называемого «органического», эволюционного развития общества, классовой борьбы нет или же что она не оказывает никакого влияния на общественное развитие. На самом же деле классовая борьба существует и является движущей силой и в эволюционные и революционные периоды общественного развития, причем переход от одной общественно-экономической формации к другой происходит в форме революции, представляющей наиболее высокую форму обостренной классовой борьбы, переходящей в гражданскую войну.

У авторов учебника тут путаница.

В главе о классовой борьбе указываются только две формы ее—экономическая и политическая, но совершенно даже не упомянута третья форма классовой борьбы пролетариата—идеологическая (теоретическая) борьба, значение которой усиленно подчеркивал Ленин, следуя Энгельсу. Это тем более досадно, что в ряде других глав вопросы идеологической борьбы рассматриваются более или менее подробно. Забывать об этой форме классовой борьбы сейчас, перед лицом задачи ликвидации во второй пятилетке капиталистических элементов и классов вообще, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, политического воспитания массы строителей нового, бесклассового социалистического общества, является теоретической и политической ошибкой.

В этой же главе также ничего не говорится об особенностях и новых формах классовой борьбы в эпоху империализма, не дается критики социал-фашистских теорий смятения и примирения классовых противоречий при капитализме («австро-марксизм», Каутский и др.). В другой же главе имеется такая формулировка: «Ожесточенной классовой борьбы ни до революции, ни во время революции, ни после революции у меньшевиков нет» (стр. 270). Трудно понять, что хотели сказать авторы этой довольно топорной фразой. По конструкции этой фразы выходит, что меньшевики, признавая классовую борьбу и даже революцию, не признают только «ожесточенной классовой борьбы». Явная бессмыслица! Критикуя бухаринское определение классов и правильно определяя его как антимарксистское, авторы учебника видят его недостаток только в абстрактности, но не указывают и не вскрывают его механистической основы (стр. 206).

Ряд неверных положений имеется в X главе: «Воинствующий атеизм и религия». Неправильно поставлен вопрос о социальных корнях религии в СССР. Религия трактуется только как пережиток, держащийся вследствие только обмана и агитации со стороны кулаков и служителей культов, но не имеющий никакой социально-экономической основы. В действительности это не так. Социальные корни религии—в частнособственническом хозяйстве, и пока оно было и элементы его еще остаются—остаются социальные корни для религии и в СССР. Наряду с этим бурный рост социалистического сектора в экономике, в особенности массовая коллективизация и социалистическая переделка сельского (крестьянского) хозяйства составляют базу для роста массового безбожия. Только вторая пятилетка окончательно ликвидирует капиталистические элементы, тогда исчезнет и социально-экономическая база для религии в СССР, тогда она останется только одним из пережитков капитализма в сознании людей; задача преодоления и этих пережитков также выдвигается второй пятилеткой.

Совершенно ничего не говорится о гносеологических корнях религии, что обязательно необходимо в учебнике по истмату. Для этого нужно бы использовать и разработать глубокие указания Ленина в заметке «К вопросу о диалектике» и др. работах.

В учебнике недостаточно охарактеризована классовая сущность религии как орудия угнетения трудящихся масс: не дано определения и характеристики специфического содержания религии как идеологии, не показаны ее роль и место в системе господствующих идей господствующих эксплуататорских классов.

Совершенно нет критики Плеханова по вопросу о религии, также и критики механиста Степанова, имеющего целый ряд работ по вопросу о религии. Все это — очень существенные недочеты.

* *
*

Нам остается сделать еще несколько замечаний в отношении формы изложения. Прежде всего о стиле учебника. Мы уже в начале рецензии отметили, что авторы сумели дать в основном изложение материала в популярной и живой форме. Но к сожалению приходится сказать, что в ряде глав это делается ценою крайне поверхностного изложения материала, а в ряде мест и притом довольно большим — ценою просто грубой вульгаризации разбираемого вопроса. Приведем только несколько положений из учебника, подтверждающих нашу мысль.

«Идея партийности в науке помогает нам разложить (!) ряды ученых на сознательных защитников буржуазии... (25); бог, черти, ангелы, русалки, леший... к счастью, не существуют (41); меньшевистствующие идеалисты также дают м а х у, отождествляя Маркса с Гегелем (44); «естествознание до того времени находилось, как говорится, в пеленках» (46); Бухарин, как это ни странно, считать правильной богдановскую теорию (96) «враставших в карманы кооперации кулаков» (276); в некоторых колхозах живет... еще хуже, чем на образцовых фабриках и заводах (277) (здесь не только вульгаризация, но и принципиально неправильная постановка вопроса. У авторов получается, что почему-то в колхозах жизнь должна быть хуже, чем в совхозах); «процесс развития уклонов имеет свои различные вариации. Их рост неравномерен и зигзагообразен, связан со всякими переходами и переливами»... (355).

Надеемся, что приведенных мест вполне достаточно, чтобы обратить внимание авторов при подготовке следующего издания учебника на необходимость более добросовестной работы над отшлифовкой стиля учебника, на недопустимость какой бы то ни было вульгаризации при изложении проблемы.

В заключение сделаем несколько замечаний относительно структуры учебника.

Отмечая в основном правильность и четкость структуры всего учебника как в целом, так и отдельных его тем, необходимо указать на дальнейшие коррективы, которые с нашей точки зрения должны быть внесены в построение учебника (при подготовке второго издания):

1) Сохранив в основном все темы учебника, целесообразнее тему «Общественно-экономическая формация» объединить с темой «Производительные силы и производственные отношения» (кстати сказать, тема «Общественно-экономическая формация» по своей поверхностности и простоватости является одной из слабых глав учебника), от этого соединения тема «Производительные силы» (кстати сказать, одна из наиболее грамотно написанных тем учебника) только выиграет и вместе с тем сократится некоторая многотемность учебника. 2) Мы считаем также более целесообразным тему «Теория революции», идущую в учебнике предпоследней (11-я тема) поставить перед темой: «Учение о государстве и диктатуре пролетариата» (7-я тема). От этого опять-таки учебник будет выглядеть еще более цельным, и в нем будет более последовательное расположение материала. 3) Авторам необходимо будет более конкретно поставить вопрос о ленинском этапе в философии, в частности в теме «Диалектический материализм» совершенно необходим специальный раздел о ленинском этапе в диалектическом материализме. 4) Необходимо дальнейшее насыщение учебника конкретным фактическим материалом, конкретными иллюстрациями из практики социалистического строительства, в частности иллюстрации законов и категорий материалистической диалектики (совершенно недопустимой является «отписка» авторов учебника при изложении материалистической диалектики, что так как дальнейшее изложение учебника посвящено выяснению существа и значения противоположностей в общественной жизни, то авторы по этой причине при изложении мате-

риалистической диалектики почти не приводят примеров, иллюстрирующих законы диалектики). 5) При переработке главы «Марксизм-ленинизм как мировоззрение» необходимо ввести специальный раздел о роли т. Сталина в дальнейшем развитии марксизма-ленинизма. 6) В тему «Материализм и идеализм» необходимо введение специального небольшого раздела о философском развитии Маркса и Энгельса. Затем необходимо дать отдельным разделом критику новейших форм идеализма (неокантианство, неогегельянство и махизм и т. д.).

Таковы те структурные коррективы, которые мы считаем нужным внести.

Но самое главное—авторы при переработке учебника все свое внимание должны сосредоточить на необходимости решительного устранения всех политических и теоретических ошибок и нечеткостей учебника. Учебник должен быть также абсолютно грамотным и в отношении стиля, в этом случае необходима более внимательная и тщательная работа редактора учебника. Учебник должен быть наполнен богатым фактическим материалом.

Только при всех этих условиях рецензируемая книжка сможет стать действительно боевым большевистским учебником по историческому материализму.

БРИГАДА ИКП ФИЛОСОФИИ:

**Б. БОГДАНОВ, ЗАЙЦЕВ, ГАБРИЭЛЬЯН, ЮШМАНОВ,
А. СТРУЧКОВ, К. СТЕПАНОВ, ДОШРИЧЕВ, ТАГАНСКИЙ
и др.**

О разработке и популяризации „Диалектики природы“ Энгельса

(По поводу книги Горнштейн „Диалектика природы“ Энгельса)

Не приходится говорить о значении популяризации работ классиков марксизма — это важнейшая и вместе с тем ответственнейшая задача.

При популяризации необходимо проводить в жизнь указание классиков марксизма: «Марксизм не догма, а руководство для действия». Популяризировать и разрабатывать установки, данные в сочинениях Маркса и Энгельса, следует на основе ленинского этапа развития марксизма, вскрывая их дальнейшее развитие и конкретизацию. Разработка должна вестись в партийном, непримиримом ко всяким извращениям марксизма-ленинизма духе.

Книга Горнштейн¹⁾ является попыткой систематизации и популяризации «Диалектики природы» Энгельса, рассчитана на широкие читательские круги и издана довольно большим тиражом, поэтому мимо нее никак нельзя пройти.

Автор рецензируемой книги, считая своей задачей изложить «систематически, не в хронологическом, а в логическом порядке» мысли Энгельса, хотя и говорит в предисловии о том, что его книга не является исследовательской работой, что задача книжки «систематическое изложение и по возможности комментирование мыслей Энгельса для облегчения пользования его работами», однако отмечает: «... я старалась также обратить внимание на те места у Энгельса, часто сколько брошенные замечания, которые остались малозамеченными, несмотря на то, что они представляют большой методологический интерес» (7), т. е. по существу мы имеем дело с попытками исследовательской работы. Кроме того автор пишет: «Мы стараемся еще пояснить содержание мысли (мыслей?—А. С.) Энгельса в связи с современным ему естествознанием и в свете современной нам науки вскрыть их методологическое значение» (6). Причем автор собирается это сделать, пользуясь наследством Ленина и на основе поворота на философском фронте. Это ко многому обязывает.

¹⁾ Т. Горнштейн, Диалектика природы Энгельса (популярный систематический очерк. Ленинградское обл. изд-во, 1931 г., 269 стр. Тир. 10 000 экз.

Посмотрим, выполняет ли Т. Горнштейн взятые на себя обязательства в следующих отношениях: 1) верно ли Т. Горнштейн излагает мысли Энгельса; 2) вскрывает ли «в свете современной нам науки» методологическое значение установок Энгельса; 3) действительно ли в ее книжке отражен ленинский этап философии и имеет ли книжка партийный характер.

Уже в I главе—«Философия и естествознание», где автор повидимому хотел кратко изложить историю естествознания нового времени и выяснить вопрос о взаимоотношении философии и естествознания, мы сталкиваемся с характернейшей чертой книги—целым рядом ошибок, неточностей, перемешанных с более или менее правильными положениями. История естествознания нового времени (начиная со второй половины XV столетия) разбивается Горнштейн на два периода—метафизический и диалектический. При этом автором почти не вскрываются общественно-исторические условия этих периодов. Не вскрывается и роль практики, производства в развитии естествознания точно так же, как и роль классовой борьбы как движущей пружины развития классового общества и в частности естествознания¹).

Автор не считает нужным отметить те сдвиги, которые произошли в естествознании в связи со вступлением капитализма в последнюю империалистическую стадию его развития, называя 2-й период—с конца XVIII века и по наши дни—«диалектическим». Энгельс, усматривая в разработке теорий развития существо 2-го периода истории естествознания, говорит и о проникновении сознания диалектического характера явлений даже в метафизические головы естествоиспытателей, но Энгельс не называет этот период «диалектическим», и это не случайно, так как усвоения буржуазными естествоиспытателями методологии диалектического материализма не происходит. Нет этого усвоения и в 3-й период развития современного буржуазного естествознания, в период империализма (этот период у Горнштейн выпадает совершенно).

2-й период Энгельса таким образом не равен 2-му периоду Горнштейн.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркивает, что естествоиспытатели живут в капиталистическом мире и это накладывает отпечаток на их методологию. Горнштейн же, называя 2-й период «диалектическим», дает повод думать, будто бы полная реконструкция естествознания на базе диалектического материализма возможна в рамках капитализма.

Отрыв развития естествознания от общественно-исторических условий получил наиболее яркое выражение в затрагиваемой Горнштейн проблеме кризиса естествознания²). Кризис современного буржуазного естествознания и материалистическая переработка естествознания у нас—актуальнейшие проблемы нашего времени. Именно для 3-го периода развития естествознания характерен кризис. О кризисе естествознания Горнштейн пишет: «Энгельс считал, что современное ему естествознание переживает серьезный кризис вследствие того, что оно остается на почве метафизического способа мышления» (31), и «в наше время естествознание переживает острый кризис, который есть по существу кризис основных понятий, употребляемых в естествознании» (разрядка моя.—А. С.), а потому «в современном нам естествознании необходимость диалектического мышления выступает острее, чем когда-либо раньше» (32). Какой-либо, хотя бы краткий анализ социально-экономических корней кризиса у автора отсутствует, и речь идет

¹) Ссылка автора на то, что в I главе история естествознания рассматривается в самых кратких общих чертах, разумеется несколько не оправдывает автора. Опустить, «перенести в другое место» общественно-исторические условия при изложении истории естествознания нельзя.

²) Кстати сказать, Горнштейн пишет о кризисе вообще, не отмечая, что речь идет о кризисе буржуазного естествознания. Не подчеркнута связь кризиса современной буржуазной науки со всеобщим кризисом капитализма.

не о ломке старых законов и основных принципов, как говорил Ленин¹⁾, а о кризисе понятий. При этом Горнштейн не говорит здесь же, что она понимает под «понятиями». А это крайне необходимо как для борьбы с извращениями меньшевистствующих идеалистов, так и вследствие прошлых идеалистических и механистических ошибок Горнштейн в ее книжке «Диалектический и механический материализм»²⁾, от которой в рецензируемой книжке Горнштейн отмежевывается (в предисловии, в сноске мелким шрифтом) и к которой мы будем неоднократно обращаться, чтобы вскрыть корни ошибок Горнштейн, допущенных ею в рецензируемой работе.

В своей первой книжке Горнштейн (наряду с более или менее верными высказываниями по этому вопросу) писала: «Целый ряд таких понятий и принципов, связанных с ними, образует фундамент науки и практики» (8); и «философия устанавливает (?) при этом не только законы природы и общества, но и человеческого мышления» (стр. 9, разрядка моя.— А. С.). В этих положениях мы видим полнейшее извращение основ диалектического материализма.

Подчеркивая методологический характер кризиса естествознания, Ленин никогда не отрывал — как это делает Горнштейн — кризис естествознания от производственных отношений и классовой борьбы. Нельзя смазывать различие между состоянием буржуазного естествознания в различные исторические периоды: во времена Энгельса — в начальной стадии империализма и в настоящее время — в период всеобщего кризиса капитализма. Несмотря на наличие общего, здесь имеются и существенные различия. Характерно, что вместо четкой постановки вопроса о ленинском анализе кризиса, вместо конкретного анализа этапов кризиса буржуазного естествознания Горнштейн приводит (с оговоркой, не меняющей сути дела)³⁾ абстрактнейшую цитату из Плеханова о том, что натуралисты тогда перестанут говорить метафизический вздор, когда переменятся общественные отношения.

В итоге мы имеем отсутствие конкретного анализа классовой борьбы и кризиса естествознания и сведение кризиса современного (буржуазного) естествознания исключительно к кризису понятий.

Горнштейн совершенно не ставит вопроса о том, что только в условиях диктатуры пролетариата, в условиях социалистического строительства возможна действительно полная, критическая переработка достижений буржуазной науки, в частности естествознания, на базе диалектического материализма при использовании всех положительных достижений буржуазного естествознания.

В I же главе мы сталкиваемся и с неверной оценкой философии Гегеля. Горнштейн пишет: «Ошибки натурфилософии Гегеля объясняются также историческими условиями». Что же Горнштейн понимает под «историческими условиями»? Она пишет: «Энгельс замечает, что «иначе тогда и быть не могло», так как состояние науки того времени не позволяло Гегелю, несмотря на колоссальную естественно-научную эрудицию, материалистически обосновать диалектику» (стр. 32, разрядка моя.— А. С.). Здесь мы имеем слишком «вольное» толкование слов Энгельса. Слова Энгельса «иначе тогда и быть не могло» относятся к старым натурфилософиям, а не специально к натурфилософии Гегеля⁴⁾.

¹⁾ Ленин в 1908 г. так характеризовал кризис буржуазной физики: «...в философском отношении суть кризиса современной физики состоит в том, что старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т. е. отражение объективной реальности... суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (разрядка моя.— А. С.). Соч. Ленина, т. XIII, стр. 211, изд. 3-е.

²⁾ Т. Горнштейн, Диалектический и механический материализм. Под ред. Г. С. Тымянского и М. Л. Ширвиндт. Изд-во «Красная газета», Ленинград, 1930 г.

³⁾ Там же, стр. 32.

⁴⁾ См. «Людвиг Фейербах», гл. IV, стр. 64, изд. 1923 г.

В «Диалектике природы» Энгельс, отметив положительные моменты старой (в том числе и гегелевской) натурфилософии, пишет, что в своей гегельянской форме она грешила тем, что «не признавала за природой никакого развития во времени... Причины этого коренились с одной стороны в самой гегелевской системе, которая только «духу» приписывала историческое развитие, а с другой стороны в тогдашнем общем состоянии естествознания»¹). В «Людвиге Фейербахе» Энгельс указывает, что тем менее можно поставить в вину философам XVIII века утверждение о развитии природы в пространстве, но не во времени, что этого недостатка «не чужд даже Гегель». И здесь же еще более резко высказывает свое отношение к этому «недостатку» в натурфилософии Гегеля: «И эту бессмыслицу развития в пространстве, но не во времени,—пишет Энгельс,—которое есть основное условие всякого развития, Гегель навязывал природе в то время, когда уже достаточно была разработана и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки—предтечи новейшей теории развития (например Гете и Ламарк)»²).

И так же, как в «Диалектике природы», Энгельс указывает на причины, породившие эту «бессмыслицу» в философии Гегеля: «природа у Гегеля неспособна к развитию во времени потому, что является простым обнаружением абсолютной идеи». «Ради системы метод должен был изменить самому себе». Таким образом по крайней мере в таком важнейшем вопросе, как развитие природы в пространстве, но не во времени, могло бы быть иначе, если бы Гегель не был идеалистом, и уж во всяком случае Энгельс не сводил бессмыслицу гегелевской натурфилософии к «состоянию науки».

Гегелевская система имеет свои корни в общественно-исторических условиях эпохи, ее породившей. Состояние науки того времени является лишь одним,— правда, очень важным,— моментом в характеристике общественно-исторических условий эпохи.

Философия Гегеля, неся на себе следы французской революции, выражала интересы отсталой немецкой буржуазии, примирившейся с феодализмом, а Гегель субъективно вовсе не ставил себе задачи обосновывать диалектику «материалистически», как можно подумать, прочтя вышеприведенное утверждение Горнштейн.

Во всей книге Горнштейн нет классовой оценки философии Гегеля, несмотря на то, что Гегеля она цитирует очень часто.

Автором опущены два чрезвычайно ценных указания Энгельса, данных им в том же разделе «Диалектики природы», который излагает Горнштейн в главе «Диалектика и естествознание»: место, где Энгельс пишет о движущих силах революционной эпохи Возрождения, когда на смену феодальному нарождалось буржуазное общество; в словах Энгельса о немецкой крестьянской войне, о пролетариате, появившемся (пока еще за крестьянством) с «красным знаменем в руках», выражена мысль Энгельса об «обстановке всеобщей революции». По выхолащенной же схеме Горнштейн это утверждение Энгельса становится непонятным. Выпало и другое указание: место, где Энгельс, характеризуя деятелей эпохи Возрождения, говорит о необходимости единства теории и практики. «Но что особенно характерно для них (для деятелей эпохи Возрождения.— А. С.),— пишет там Энгельс,— так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это либо люди второго и третьего ранга,

¹ См. «Людвиг Фейербах», гл. IV, стр. 47, изд. 1923 г.

² Энгельс, Диалектика природы, стр. 270. Ср. введение к «Анти-Дюрингу», где Энгельс дает оценку гегелевской философии в целом.

либо благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцев, как Эразм» (стр. 110).

На стр. 35—43 Горнштейн разбирает «Основные законы диалектики». Основных законов оказывается... два! Закон единства противоположностей и закон перехода количества в качество. В дальнейшем мы разберем вопрос о «таинственном» исчезновении третьего, основного закона материалистической диалектики — закона отрицания отрицания, а пока рассмотрим, как Горнштейн излагает два оставшихся в ее «философской системе» закона.

Разбирая закон единства противоположностей, Горнштейн говорит об извращении этого закона механистами и меньшевистствующими идеалистами, но как она об этом говорит? Она приводит цитату из «К вопросу о диалектике» Ленина о преходящем единстве и абсолютности борьбы противоположностей и отмечает, что Ленин подчеркивал как единство противоположностей, так и борьбу их, указывая на ведущую роль борьбы противоположностей¹⁾. После этого следует несколько замечаний о важности учения о борьбе противоположностей для критики теории равновесия механистов. О критике теории применения противоположностей меньшевистствующих идеалистов не говорится ни слова.

Затем на этой же странице Горнштейн приводит место из «Диалектики природы» Энгельса, направленное против людей, видящих в природе только борьбу²⁾, и непосредственно за цитатой из Энгельса следуют слова о том, что не только механисты, но и деборинская группа «оставляла в тени» борьбу противоположностей. От такого «расположения материала» получается, будто бы меньшевистствующие идеалисты потому «оставляли в тени» борьбу противоположностей, что следовали вышеприведенному указанию Энгельса. Очевидно для «большой выразительности» цитата из «Диалектики природы» разрывается, начало ставится после конца, а в конце опускаются слова Энгельса: «Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю борьбу. Но совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование» («Диалектика природы, разрядка моя. — А. С.), т. е. слова, из которых ясно видно, что Энгельс выступает по конкретному вопросу — против лиц, стремящихся свести все «многообразие исторического развития» к односторонней формуле «борьба за существование». Разумеется, никакого противоречия между Энгельсом и Лениным нет и быть не может. Ни Энгельс, ни Ленин не собирались сводить закон единства противоположностей к «только односторонней борьбе». Ленин поднял диалектический материализм, как и весь марксизм, исходя из установок Маркса — Энгельса, на новую, высшую ступень, и в частности закон единства противоположностей развит как ядро, суть диалектики. О роли Ленина в разработке закона единства противоположностей Горнштейн ничего не говорит. Напротив, для меньшевистствующих идеалистов (и тут-то сказывается их родство с «леваками» и контрреволюционными троцкистами) характерно, наряду с примирением противоположностей (тут они очень недалеко от механистической теории равновесия), толкование противоречий как антагонизма. Об этом извращении меньшевистствующими идеалистами закона единства противоположностей Горнштейн также ничего не пишет. Ничего не говорит она и о деборинской гегельянской схеме развития действительности от тождества, через различие и противоположность, к противоречию (конфликту).

¹⁾ Надо сказать, что термин «ведущее» в применении к борьбе противоположностей, приписываемый Горнштейн Ленину, создает путаницу. Ленин, подчеркивая абсолютный характер борьбы противоположностей, термин «ведущее» не употреблял. И нам думается, — не случайно, так как под «ведущим» основой следует понимать ту из противоположностей, на основе которой существует данное единство.

²⁾ «Обе концепции правомерны в известных узких границах, но обе односторонни и ограниченны» («Диалектика природы», стр. 43).

Политическая квалификация извращений марксо-ленинской философии также отсутствует.

Закон перехода количества в качество разбирается автором на полутора страничках, причем более подробное рассмотрение его и критика механистического толкования его (почему только «механистического», а извращения меньшевистствующих идеалистов? — А. С.) переадресовывается в химию.

Как отмечено выше, закон отрицания отрицания у Горнштейн совершенно отсутствует. Нет его ни в тексте книги, ни в оглавлении, куда мы заглянули, удивленные таинственным исчезновением одного из основных законов диалектики; зато в первой книжке Горнштейн («Диалектический и механический материализм») мы встретили его и в очень «оригинальной» форме. Здесь на стр. 60 Горнштейн пишет: «Закон отрицания отрицания заключается, согласно Марксу и Энгельсу (?!), в том, что различаются три ступени развития»; примеров триады можно найти сколько угодно¹⁾. После такой характеристики закона отрицания отрицания остается конечно совершенно безрезультатной попытка Горнштейн критиковать бухаринскую механистическую трактовку триады,²⁾ основанную на теории равновесия, так как механистической триаде Горнштейн противопоставляет триаду идеалистическую.

Этот экскурс в прежнюю книжку Горнштейн проливает некоторый свет на факт отсутствия закона отрицания отрицания во второй книжке Горнштейн. Сведя закон отрицания отрицания к триаде в своей первой книжке, во второй своей работе Горнштейн решила о законе отрицания отрицания умолчать. Нельзя же считать изложением закона отрицания отрицания следующие, единственные в книге строчки (в разделе «Закон единства противоположностей»): «противоречивый характер всякого явления ведет к тому, что, развиваясь, оно превращается в свою противоположность. Это называется в диалектике «отрицанием» явления. Новое явление в свою очередь отрицается. Диалектическое отрицание не означает просто уничтожения явления, а переход его на новую ступень развития. Таким образом это не абсолютное отрицание, а такое отрицание, которое является в то же время сохранением. Его часто обозначают термином «снятие». Закон отрицания вытекает таким образом из закона единства противоположностей» (41). Если эти строчки даже счесть за изложение закона отрицания отрицания, то нетрудно заметить, что Горнштейн совершенно обошла вопрос о том, как происходит отрицание отрицания: является ли переход явления на новую ступень переходом на вышшую ступень или мы имеем дело с круговоротом? Термины «снятие», «сохранение» совершенно нерасшифрованы, а это необходимо было сделать, в особенности в книжке, рассчитанной на «широкие читательские круги» (см. предисловие Горнштейн). О триаде Горнштейн решила совершенно ничего не говорить. К тому же у нее речь идет не о законе отрицания отрицания, а о законе отрицания. Даже формально разбор одного из основных законов материалистической диалектики необходимо было включить в книжку — указание на него имеется в самом тексте «Диалектика природы» (стр. 157 и 51, изд. 1930 г.), — не говоря уже о том, что выбрасывание закона отрицания отрицания есть грубейшее искажение основ диалектического материализма. Всякому студенту, прошедшему элементарный курс диамата, известно, что закон отрицания отрицания является одним из основных законов диалектики³⁾. Высказывания по этому поводу классиков марксиз-

¹⁾ Горнштейн приводит один такой, до крайности абстрактный, натянутый, схоластический «пример, поясняющий триаду», причем, у нее получается, что в процессе своего развития «первобытный коммунизм сменился капитализмом» (?!).

²⁾ «Механисты считают, что основной смысл триады — в смене состояний равновесия», — основной ее (триады. — А. С.) смысл заключается в превращении явления в свою противоположность» (стр. 60).

³⁾ «Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий «закон развития природы и истории и мышления» («Анти-Дюринг», стр. 129).

ма-ленинизма никаких кривотолков не допускают. Мы считаем необходимым несколько подробнее остановиться на законе отрицания отрицания, так как в настоящее время имеет распространение искажение этого закона, заключающееся в «отождествлении его с триадой»¹⁾, с другой стороны, мы должны вести борьбу с «ликвидаторами» одного из основных законов материалистической диалектики.

В. И. Ленин и в вопросе о законе отрицания отрицания поднял материалистическую диалектику на высшую ступень. Известна борьба Ленина против Михайловского²⁾, отождествлявшего материалистическую диалектику с триадой; ясные и четкие указания о сути закона отрицания отрицания мы имеем в 14 ленинских элементах диалектики: «...13) Повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей и 14) Возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»³⁾.

В статье «Карл Маркс» Ленин пишет: «Развитие, как бы повторяющее пройденные ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; перемены постепенности, превращение количества в качество; внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения — таковы некоторые черты диалектики как более содержательного (чем обычное) учения о развитии». И здесь же, ведя борьбу на два фронта, Ленин продолжает: «ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой» (т. XVIII, стр. 11—12). Ленин берет закон отрицания отрицания в единстве с другими законами диалектики, и в ясной, сжатой форме, дает указания, как следует понимать закон отрицания отрицания. «Развитие, как бы повторяющее пройденные ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе...» Здесь же дается четкое указание о том, что нельзя дело сводить к триаде. И здесь же отмечается, что речь идет не только о диалектическом отрицании, но и об отрицании отрицания — повторении пройденных ступеней в переработанном, «снятом» виде.

Относительно диалектического отрицания мы имеем указания Ленина в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина⁴⁾, где Ленин протестует против злоупотребления словом «диалектическое отрицание».

Таким образом в материалистической диалектике мы имеем и диалектическое отрицание, которое входит как момент в закон отрицания отрицания, но не покрывает его. Мы имеем частные случаи триады, но сводить закон отрицания отрицания к триаде нельзя. Суть закона отрицания отрицания, общего и широко действующего закона, одного из основных законов диалектики, не в триаде, а в развитии, «скачкообразном, катастрофическом, революционном» развитии, как бы повторяющем пройденные ступени, но повторяющем их иначе, на более высокой основе.

Некоторые естественники, повидимому под влиянием критики плехановского понимания диалектики как суммы примеров, не считают нужным вскрывать законы

¹⁾ См. хотя бы рецензию т. Терещенко на книгу Кеворкьяна, где рецензент отмечает такую трактовку закона отрицания отрицания у Кеворкьяна («ПЗМ», № 11—12, 1931 г.), или книжку акад. Келлера, изданную в 1931 г., «Материалистическая диалектика в приложении к растительному организму»; в последнем случае мы имеем дело с естественным экспериментатором, который работает над усвоением материалистической диалектики.

²⁾ «Что такое «друзья народа».

³⁾ Лен. сб. IX, стр. 259.

⁴⁾ «Автор (Бухарин. — А. С.) злоупотребляет словом «диалектическое отрицание», «нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами», «осторожно», Лен. сб., стр. 378.

материалистической диалектики при разработке конкретных проблем. Это неверно. Ленин в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина указывает, что не следует злоупотреблять словом «диалектическое отрицание», если это слово не обосновано фактами. Эти ленинские указания должны служить нам руководящей нитью в вопросе о сознательном применении материалистической диалектики. Вскрывать законы материалистической диалектики необходимо, но в полном соответствии с указаниями Ленина: прежде чем указать на них, констатировать их наличие (и разумеется в соответствующих терминах диалектического материализма), необходимо доказать их фактами¹⁾.

Сравнивая классификацию наук Бэкона, Канта и Гегеля, подчеркивая, что последний классифицировал науки по «объективному принципу», Горнштейн вновь спешит «напомнить, что в то время, когда писал Гегель, еще не было ни закона сохранения энергии... ни теории Дарвина...» В свете высказываний Энгельса об ошибках гегелевской натурфилософии ясно, что так сильно подчеркивать этот момент, как это делает Горнштейн, не следует. Это затусовывает идеализм Гегеля. Также нельзя, как делает Горнштейн, при объяснении недостатков классификации Бэкона и Гегеля состоянием естествознания ставить за одну скобку с Гегелем Бэкона, жившего за несколько сот лет до Гегеля. Недостаточно четко выявлено, что классификация наук Энгельса, в противоположность гегелевской классификации, материалистична. Нельзя согласиться и с гегельянской формулировкой. Горнштейн — «Переходы отдельных наук друг в друга»²⁾ (72), — которая стоит рядом с правильной формулировкой о связи наук между собой. Рассматривая проблему познания в естествознании, Горнштейн в этой связи ничего не сказала об историческом и логическом соотношении наук и это сказывается в характеристике исторического развития отдельных наук. Так Горнштейн пишет на стр. 125: «Вполне естественно, что механика, изучающая простейшую форму движения, решающая первую задачу, которая встает перед наукой, развивается раньше всех остальных наук». Горнштейн приводит цитату из «Диалектики природы», где Энгельс, разбирая вопрос о развитии механики, физики и химии для объяснения явлений «жизни», пишет, что раньше всего была создана механика («Диалектика природы», стр. 77). Но у Горнштейн совершенно выпало другое указание Энгельса: «Необходимо изучать последовательное развитие отдельных отраслей естествознания. Сперва астрономия — уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи математики. Следовательно пришлось заняться и последней. Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек и с развитием ремесла, развилась механика» («Диалектика природы», стр. 48). То обстоятельство, что в известный период механика получает сильное развитие, совершенно не дает права вгонять развитие наук в абстрактную схему. Горнштейн на следующей (124) странице приводит только вторую половину вышеприведенной цитаты, начиная со слов «на известной ступени». Это показывает, что вышеприведенная выдержка из Энгельса ей известна. И таким образом Горнштейн говорит не только о логической последовательности отдельных наук в современном естествознании, а обо всем процессе исторического развития их. У Горнштейн получается логическая схема

¹⁾ Ср. с высказыванием Энгельса: «Мы все согласны с тем, что в любой научной области — безразлично в естествознании или истории — надо исходить из данных фактов, т. е. что в естествознании надо исходить из различных объективных форм движения материи (мы, социалистические материалисты, идем гораздо дальше естествоиспытателей...) и что следовательно в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказывать их, поскольку это возможно, опытным путем» (Ф. Энгельс, «Диалектика природы», стр. 91).

²⁾ Ср. с переходом механики в физику, стр. 148.

развития отдельных наук, которую она старается подкрепить историзмом дурного сорта: «логическая последовательность наук в системе их и историческая последовательность их развития совпадает — ведь у них общий корень, свойство самого объекта» (78). Марксистско-ленинской постановки вопроса о взаимоотношениях исторического и логического у Горнштейн нет.

Энгельс не потому располагает науки в том, а не в ином порядке, что эта классификация в точности совпадает с процессом исторического развития наук. Логическое в понимании Энгельса есть то же историческое, но очищенное от исторической формы, исторических случайностей.

Классификация наук дается Энгельсом согласно особенностям форм движения материи, изучаемой каждой отдельной наукой, и это логическое расположение наук совпадает с процессом их исторического развития лишь в вышеуказанном смысле. Неправильное понимание взаимоотношений исторического и логического является таким образом существенным недостатком книги Горнштейн.

В главе о математике мы не видим борьбы на два фронта по вопросу о Гегеле. Вместо того чтобы вскрывать рациональное зерно в мистифицированной, идеалистической диалектике Гегеля, Горнштейн «обрабатывает» Энгельса под Гегеля: те места, где Энгельс указывает на верное понимание вопроса Гегелем, Горнштейн приводит. Места же, где Энгельс высказывает прямое несогласие с Гегелем, Горнштейн опущены. Отмечая правильное понимание Гегелем ряда вопросов проблемы бесконечности, Энгельс пишет: «Бесконечный процесс есть по Гегелю пустой порядок, потому что он является вечным повторением одного и того же: $1+1+1$ и т. д. (разрядка Энгельса.—А. С.). Но в действительности (разрядка моя.—А. С.) это вовсе не повторение, а развитие, движение вперед или назад, и благодаря этому он становится необходимой формой движения». Это место Горнштейн опущено. На стр. 82 своей книжки Горнштейн таким образом урезает цитату из «Диалектики природы», что выпадает чрезвычайно важное методологическое указание Энгельса: «Благодаря этому получаете уже — на что не указывает Гегель — качественные различия... поэтому то, что говорит Гегель о бессмысленности арифметики, неверно...» (разрядка моя.—А. С.). А ведь именно это указание Энгельса бросает яркий свет на то обстоятельство, что нельзя недооценивать элементов диалектики, имеющих в нижней математике. Четкой постановки этого вопроса у Горнштейн нет.

Горнштейн пишет: «... понятие отрицательного числа зарождается (разрядка моя.—А. С.) и проходит первые этапы своего развития на почве решения уравнений» (88). Затем следует ссылка на статью Выгодского и ряд оговорок, не меняющих сути дела¹⁾.

Вопрос о возникновении «понятия отрицательного числа» должен быть выяснен конкретно в истории математики. Но уже и сейчас можно сказать, что «зарождение» отрицательного числа на почве теории решения уравнений весьма и весьма проблематично. Повидимому бухгалтерский «долг» здесь многое может об'яснить.

Горнштейн ничего не говорит о кризисе современной буржуазной математики, не дает и критики современных социал-демократических теорий (как например попыток Каутского, Кунова свести математику исключительно к производственным силам).

О теории равновесия Горнштейн говорит на стр. 37 и 130. Этой теории не дается политической оценки. Не вскрываются ее классовые корни. Нигде не упоминается, что теория равновесия — одна из важнейших методологических основ правого оппортунизма, главной опасности на данном этапе. Не отмечено, что и

¹⁾ Кстати сказать, на всем протяжении главы о математике мы там и сям имеем ссылки на старые (1928—1929 гг.) статьи Выгодского и Яновской, содержащие механистические и идеалистические ошибки.

контрреволюционная рубинщина и троцкисты принимают эту теорию, а это нужно было сделать; в своей первой книжке Горнштейн по вопросам политэкономии придерживается рубинских воззрений¹⁾.

В тексте главы о физике Горнштейн сводит определение физики Энгельсом исключительно к словам Энгельса о физике как о механике молекул. В сноске же поучает Энгельса, что это определение очень узко, и затем здесь же (в сноске) приводит цитату из «Диалектики природы», из которой ясно видно, что, определяя предмет физики, Энгельс не ограничивался характеристикой физики как механики молекул и говорит и об оптике, и об эфире, и об электричестве. После этого Горнштейн пишет, что Энгельс «сам понимал историческую ограниченность и условность определения физики как механики молекул». К чему же было Горнштейн огород городить? Демонстрировать свое «превосходство» над Энгельсом? Дело ведь не в том, чтобы в «Диалектике природы» мы нашли полный «прейскурант» проблем современной физики, а в гениальном обобщении успехов естествознания того времени, в методологических установках, которые Энгельс, бывший на голову выше современных ему, да и многих теперешних естествоиспытателей (в их же области), давал и которыми необходимо руководствоваться при определении предмета современной физики.

Горнштейн совершенно не приводит ценнейшее энгельсово определение физики, от которого и следовало идти: «Собственно физика—наука, изучающая эти (теплота, электромагнитные процессы, свет.— А. С.) формы движения, исследующая каждое из этих явлений в отдельности,—приходит к выводу, что эти формы при известных условиях переходят одна в другую и, наконец, находит, что все они при определенной степени напряжения, меняющейся у различных движущихся тел, вызывают действия, выходящие за пределы физики...» (Письма, стр. 295, изд. 1931 г.).

В основу глав о «Физике» и «Химии» следовало положить разграничение философского и естественно-научного определения материи. Однако Горнштейн упоминает о нем лишь в середине главы о физике. Но и здесь ею не показана роль Ленина в разработке вопроса о философском и физическом определении материи. Не подчеркнута указание Ленина, как с позиций диалектического материализма следует рассматривать энергию. Наряду со словами о критике энергетизма Лениным идут утверждения, смазывающие роль Ленина в этом вопросе: «Ленина также интересовал вопрос о том, что такое энергия» (178, разрядка моя.— А. С.). На стр. 212 имеется путаница по вопросу о материи и массе. Автор пишет: «Сейчас в связи с теорией относительности, установившей эквивалентность массы и энергии, закон сохранения массы (материи), закон Лавуазье должен быть расширен и сформулирован, как закон сохранения суммы массы и энергии²⁾. Между массой и материей ставится знак равенства³⁾. Оставляется лазейка для идеализма, для попыток свести материю к энергии. Если можно говорить об эквивалентности массы и энергии, то ни в коем случае нельзя отождествлять материю и массу, говорить о превращении материи в энергию.

Путает Горнштейн и по вопросу об эфире. С одной стороны, она пишет, что Энгельс потому употреблял выражение эфирные атомы, что во времена Энгельса вопрос о строении эфира «не был точно выяснен» (251, разрядка моя.— А. С.), и тем самым утверждает, что в наше время этот вопрос точно

¹⁾ «Диалектический и механический материализм», стр. 72—73.

²⁾ «Лавуазье открыл закон сохранения массы, который утверждает, что материя в химических процессах не создается и не уничтожается» (кн. Горнштейн, стр. 212).

³⁾ «...свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.)... теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» («Материализм и эмпириокритицизм», изд. 1931 г., стр. 213). Разрядка моя.— А. С.

выяснен, а с другой стороны, говорит о том, что и в настоящее время диалектический материализм «ввиду недостаточной разработки теории эфира, не может себя связать с какой-либо вполне определенной теорией строения эфира» (148, разрядка моя. — А. С.).

В предисловии Горнштейн обещала вскрыть методологическое значение мыслей Энгельса, «освещая также современное состояние той или иной проблемы», и сделать это, используя «все разработанное в нашей литературе». Но по вопросу о так называемой «тепловой смерти» не приведено ни высказываний Дирака (участие излучения звезд в новообразовании элементов), ни полемики Джинса и Милликена по вопросу о новообразовании энергии. Как известно, Милликен провел ряд интересных опытов по вопросу о космических лучах, возникающих в межзвездных пространствах. Выводы из этих опытов укрепляют позиции диалектического материализма, хотя сам Милликен и проповедует поповщину. А ведь эти вопросы у нас разработаны не только в научной, но и в научно-популярной литературе¹).

Ядро диалектики — закон единства противоположностей — не получил достаточного освещения и в главах о механике и физике²). Так, разбирая вопрос о протонах и электронах (кстати сказать, делая это крайне неряшливо), Горнштейн не характеризует протон и электрон как единство противоположностей. О положительном и отрицательном электричестве как единстве противоположностей говорится у Ленина. Разбирая вопрос о причинности, Горнштейн ни слова не говорит о том, что в первой своей книжке она толковала случайность как скрещивание «различных причинных рядов», проявляла некритическое отношение к Плеханову и смазывала роль Ленина как теоретика (см. «Диалектический и механический материализм», стр. 29, 30 и 31).

В конце главы о физике причинность сводится к взаимодействию. Нет ничего о критерии практики, указывающем, что во взаимодействии мы должны брать как причину. Не поставлен вопрос о единстве противоположностей и причинности. Непоняты и ленинские указания в IX Ленинском сборнике о том, что причинность лишь «одно из определений универсальной связи» (149).

В главе о химии на стр. 224 туманное и неверное утверждение о том, что в качественно различных изомерах «Количественные различия здесь находятся глубже, но все же они обязательно существуют; именно они определяют качественно различные порядки расположения атомов». Никакие «глубже» тут не помогают, а только затуманивают и тем самым извращают вопрос. Именно благодаря наличию определенного количественного состава возможно «реальное существование подобных качественно различных изомеров» (Энгельс, «Диалектика природы», стр. 26). Последняя цитата также взята из книжки Горнштейна, которая ее привести привела, но понять не поняла³).

¹ См. хотя бы «За марксистско-ленинское естествознание» № 2 за 1931 г., журнал «Научное слово», 1929 г., а также выпуски заочного Комуниверситета.

² В конце главы о законе сохранения и превращения энергии мы имеем удивительно странный вывод: «отметим еще, что закон энтропии доставил большие затруднения механическому мировоззрению. Если все механические процессы обратимы, а физические не обладают этим свойством, то очевидно нельзя свести физические явления к механическим». Жаль, что автор не указывает: а если и физические процессы обладают обратимостью, то можно ли физические явления «свести к явлениям механическим»?

³ «Таким образом опять-таки количество атомов в молекуле обуславливает возможность, а также, поскольку это доказано на опыте, — реальное существование подобных качественно различных изомеров» («Диалектика природы», стр. 161). Для изомеров характерны различные качества при одинаковом количественном составе. Если же мы имеем и различные количественные составы, то эти вещества уже не могут называться изомерами.

Заключительная глава книжки Горнштейн «Биология» написана Вайсбергом И. А. В конце раздела «О сущности жизни» Вайсберг пишет: «... для диалектики жизнь не есть голое противопоставление смерти. Скажем, до этого момента жизнь, а после смерть, или наоборот. Для нас жизнь и смерть существуют в единстве. Поэтому понятие бессмертной жизни для нас есть чепуха» (стр. 247, разрядка моя.— А. С.). Следует подчеркивать, что смерть не является для жизни чем-то внешним. Мы должны давать жесточайший отпор теориям потенциального бессмертия. Но с другой стороны необходимо отмечать, что в процессе жизни данного организма, в единстве жизни и смерти основой, ведущей стороной является жизнь. У Вайсберга же получается равновесие, примирение противоположностей. Кроме того смерть может рассматриваться не только как сторона процесса жизни (умирание), но и как результат жизни (труп). Все эти очень важные для правильного диалектико-материалистического понимания проблемы жизни и смерти моменты совершенно смазаны Вайсбергом, и это тем более странно, что вышеприведенная выдержка является комментарием к вполне четкому положению Энгельса: «... отрицание жизни по существу заложено в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше — к смерти» («Диалектика природы», стр. 10).

Вопрос о происхождении жизни разбирается Вайсбергом совершенно недостаточно. Встречается также у него незрячая доза путаницы¹⁾. Фактический материал, приводимый автором, обрывается на XIX веке. Нет упоминания хотя бы о таких элементарных, вошедших в курсы общей ботаники вещах, как например опыты Баха и Опарина по вопросу о происхождении жизни на земле²⁾.

Но особенная путаница имеется у Вайсберга в разделе «Теория эволюции и дарвинизм». Автор в крайне завуалированной форме приписывает Энгельсу ламаркистские установки, говоря, что нужно сохранить основную мысль статьи Энгельса «о роли труда в эволюции человека», но следует отбросить адекватность и прямолинейность воздействия среды как на телесные, так и половые клетки, хотя сам же несколькими строчками выше говорил, что статья Энгельса «о роли труда в процессе очеловечивания обезьяны» изложена Энгельсом всего лишь в терминах старого учения.

Чрезвычайно важные методологические указания, данные Энгельсом в этой статье, Вайсбергом не вскрыты. Автор говорит о труде «вопче», не подчеркивая, что мы имеем дело не только с биологической, но и с общественно-исторической проблемой.

В статье Энгельса имеется ценнейшее указание о том, что нельзя метафизически разрывать внешнее и внутреннее. Вайсберг упоминает о биологах-марксистах «из так называемой «деборинской школы», скатившихся к автогенезу, но ничего не говорит о ламаркистах, а ведь искажения механо-ламаркистов в этом вопросе, несмотря на всю опасность искажений биологов — сторонников меньшевистствующих идеалистов, являются главной опасностью на данном этапе. Говоря об отношении Павлова к фрейдизму, Вайсберг так же, как и Горнштейн, писавшая об этом же в своей первой книжке, не считает нужным дать критику позиции Троцкого в этом вопросе. Политической оценки различных «теорий» и «теориек» Вайсбергом также не дается. В заключение отметим, что Вайсбергом совершенно обойдена проблема социалистической реконструкции биологии, сознательное применение материалистической диалектики в биологии и роль биологии в социалистической реконструкции растениеводства и животноводства.

Книга Горнштейн разбита на несколько глав, причем материал изложен не по проблемам, а по отдельным естественным наукам, так как Горнштейн ставила

¹⁾ «Метафизически мыслящие естествоиспытатели» — всего лишь «недостаточные диалектики» и т. п.

²⁾ См. хотя бы «Курс общей ботаники» академика Келлера.

себе задачу: «показать, имея в виду различные специальности, что ни одна из них не освобождает от изучения диалектики». Однако число страниц, отведенных в книге тому или иному предмету, определяется не удельным весом данного предмета и не степенью внимания, уделенного ему Энгельсом в «Диалектике природы», а повидимому личными симпатиями и антипатиями Горнштейн. А это несовместимо с «систематическим очерком», как Горнштейн именуется свою книгу. Математике отведено 40 страниц, Физика и механика занимают 86 страниц, в то время как не менее важной отрасли естествознания — биологии — уделено всего 27 страниц; основные законы диалектики разбираются на 9 страницах, причем закону перехода количества в качество отводится полторы страницы, а закон отрицания отрицания совершенно выпадает.

Для книжки Горнштейн характерна сильнейшая струя гегельянщины. Кроме вышеприведенного вот еще несколько характерных выдержек: на стр. 17 мы встречаем утверждение о том, что в естествознании переход от метафизики к диалектике совершается «в силу внутренней логики ее развития». Это утверждение при отсутствии социально-экономического анализа эпохи и роли практики создает впечатление, будто бы развитие естествознания идет путем саморазвития научных понятий. На стр. 34 наряду с правильными утверждениями имеется неправильная, «каучуковая», пригодная и для Гегеля и для Струве характеристика метода как «объективного критерия». На стр. 102 пишется, что Энгельс, развивая мысли Гегеля (по вопросу о бесконечности), наполняет их материальным содержанием, «о б р а б а т ы в а я (разрядка моя. — А. С.) его основные идеи» в то время, когда Энгельс перерабатывал мысли Гегеля, беспощадно критикуя его за идеализм.

Мы должны, следуя указаниям классиков марксизма, беспощадно критиковать гегелевский идеализм, мистику, поповщину. Брать Гегеля лишь в переработанном, перевернутом с головы на ноги виде. Характерно, что Горнштейн приводится целый ряд положительных оценок Гегеля со стороны Энгельса, но места, где Энгельс критикует Гегеля, оставляются Горнштейн в тени, не приводятся, а цитаты из Энгельса соответственно урезаются¹⁾. «Довольно странный либерализм» за счет интересов философии пролетариата и на пользу некритического восприятия Гегеля!

Ленинский этап в философии и естествознании у Горнштейн также не отражен, хотя там и сям имеются отдельные цитаты из Ленина. Отсутствует борьба на два фронта. Механисты не разоблачены. Политической квалификации теории равновесия не дается, социальные корни не вскрываются; о механо-ламаркистах Вайсберг даже не упоминает.

Книжка издана в Ленинграде (а первая книжка Горнштейн даже под редакцией Тымянского). Однако в ней мы не находим критики «местных» меньшевистствующих идеалистов — Гоникмана, Тымянского и др. Горнштейн не считает нужным четко сказать и о своих прежних ошибках. Вместо этого она пишет о своей первой книжке, что так как книжка «написана до поворота с деборинской позиции (кто поворачивает, — благо разумно умалчивается. — А. С.), и поэтому конечно ни в какой мере не вскрывает и не преодолевает недостатков деборинской критики механистов» (разрядка моя. — А. С.). Если Горнштейн пишет о руководстве, то что это за странная «теория поворотов»? Что это за манера снимать с себя всякую ответственность за свои ошибки, ссылаясь на руководство? Руководство имеет очень большое значение и с него в первую очередь спрос, но разве до поворота не было людей, которые разоблачали меньшевистствующий идеализм старого руководства? Если Горнштейн пишет о своем повороте, то она должна была не ограничиваться вышеприведенной фразой в сноске к предисловию, а ясно сказать о своих ошибках, так как первая ее книжка — типичный продукт меньшевистствующего идеализма. Это стремление снять с себя всякую ответственность за допущенные в первой книжке ошибки и извращения сочетается у Горнштейн

¹⁾ Например см. выше по вопросу о бесконечности, об элементах материалистической диалектики в арифметике, о последовательном развитии отдельных наук и т. п.

с примиренчеством: «не поняли», «недооценили» — вот характеристики, даваемые Горнштейн старому философскому руководству ¹⁾).

Мы поставили себе задачей рассмотреть, выполняет ли Горнштейн взятые на себя обязательства: точно ли она излагает мысли Энгельса, вскрывает ли их методологическое значение «в свете современной нам науки», получил ли ленинский этап в философии свое отражение в книжке Горнштейн и имеет ли ее книжка партийный, непримиримый ко всяким извращениям марксизма-ленинизма характер. По всем этим моментам мы должны дать отрицательный ответ.

Кроме этого следует указать на чрезвычайную неряшливость в цитировании, указания страниц, изданий ²⁾).

Я разумеется не исчерпал всех искажений и ошибок Горнштейн, да это и не входило в мою задачу. Я ставил себе целью дать оценку книжки главным образом с философской стороны, и попутно развить некоторые соображения по вопросу о разработке и популяризации «Диалектики природы». Следует принять во внимание, что книга Горнштейн является первой попыткой систематического и популярного изложения «Диалектики природы» Энгельса. Но думаю, что и вышеприведенного достаточно для вывода, что книга не может быть признана полезной.

* * *

Какие же принципы следует положить в основу популяризации «Диалектики природы» Энгельса? Прежде всего популяризатор должен ясно сознавать, что популяризация сочинений классиков марксизма должна включать момент разработки. В самом деле, популяризатор выбирает из популяризируемого им сочинения те или иные мысли классиков, приводит эти мысли в ту или иную связь, а для проведения в жизнь тезиса «марксизм не догма, а руководство для действия» раскрывает установки классиков на материале революционной практики нашей эпохи.

Таким образом популяризатор в той или иной мере разрабатывает, конкретизирует излагаемое им сочинение основоположника марксизма.

Как нужно разрабатывать, конкретизировать работы основоположников марксизма, с предельной ясностью указано в классическом положении т. Сталина. «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильным думать, что метод Ленина является просто восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 19, 1930 г.).

Литературы, посвященной «Диалектике природы» Энгельса по преимуществу механистами и меньшевистствующими идеалистами ³⁾), довольно много. Писать в 1931 или 1932 годах популяризацию «Диалектики природы» — значит дать ленинский этап в философии, дать критику идеализма, механицизма и меньшевистствующего идеализма с позиций диалектического мате-

¹⁾ Внешне это выражается тем, что нигде кроме предисловия мы не встретим политической квалификации извращений старого руководства — не отмечен меньшевистствующий идеализм его. Везде меньшевистствующие идеалисты именуются либо деборинцами, либо антимеханистами.

²⁾ Например на стр. 174 поставлены в кавычки и приписаны Энгельсу слова, ему не принадлежащие (ср. со стр. 115 «Диалектика природы», начало 2-й цитаты на вышеуказанной странице). Горнштейн писала (на стр. 10) в своей книжке о том, что в дальнейшем будет цитировать «Диалектику природы» по 3-му изданию, однако часть цитирует по 1-му изданию (например на стр. 28, 143, 214). В перемену с цитатами, имеющими ссылки на соответствующие страницы цитируемого произведения, следуют цитаты ссылок на соответствующие страницы не имеющие.

³⁾ См. «Диалектика природы», стр. 379—380.

риализма, с позиций ленинского этапа. На ленинском этапе развития диалектического материализма мы больше чем когда бы то ни было вправе требовать от популяризатора четких установок, сознательного применения материалистической диалектики на основе хорошего знания фактического материала. Необходимо дать жестокий отпор диалектическим фразеологам, упрощенцам, нужна коллективная творческая разработка и популяризация проблем «Диалектики природы». Новейшие достижения естествознания, практика социалистического строительства и, с другой стороны, кризис естествознания в капиталистических странах дают богатейший материал для раскрытия всего значения установок Энгельса для современного естествознания, для дальнейшей разработки проблем диалектического материализма на основе ленинского этапа.

И наконец последний—по счету, но не по важности—момент. Необходимо срочно ликвидировать отрыв теоретического естествознания от конкретных естественно-научных дисциплин. В любой области так сказать прикладного естествознания¹⁾ мы найдем чрезвычайно много интересного конкретного материала, могущего оплодотворить наше теоретическое естествознание. В частности, почему для творческой разработки биологического раздела «Диалектики природы» не использовать колоссальный материал знаменитого селекционера-плодовода Мичурина?

И. В. Мичурин работает над выведением новых растений более 50 лет. Им получен целый ряд (больше 200 названий) интереснейших и ценнейших новых высококачественных плодовых и огородных растений, позволяющих продвинуть культуру плодовых растений далеко на север. Достижения Мичурина признаны правительством и партией. Мичуриным и его сотрудниками накоплен богатейший фактический материал²⁾ и создана методика выведения новых сортов плодовых растений. Однако со стороны теоретиков-естественников мы не имеем ни одной серьезной теоретической статьи, рассматривающей результаты работ И. В. Мичурина. А между тем достаточно даже беглого знакомства с работами И. В. Мичурина, чтобы видеть, что им затрагивается и разрабатывается целый ряд проблем, интересующих наше теоретическое естествознание о роли высших факторов, о необходимости управлять процессом онтогенеза, о вредности нежничания с растениями и т. д.

Ученый, работающий более 50 лет над выведением новых сортов, революционизирующий нашу флору, не может не иметь в своей методике ценных для марксо-ленинского теоретического естествознания моментов. Классики марксизма, подчеркивая огромное значение теории Дарвина, вместе с тем указывали, что теория развития еще очень молода и нуждается в дальнейшей разработке.

Энгельс в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и других произведениях указывает на недостатки теории Дарвина: 1) попытки распространить учение о борьбе за существование на общество, 2) одностороннее понимание борьбы за существование, 3) недостаточное внимание к причинам изменчивости, 4) отрицание скачков. В статье к «Вопросу о диалектике» мы имеем указания Ленина о том, как следует понимать теорию развития, где Ленин противопоставляет плоской теории эволюции наиболее содержательное и полное учение о диалектическом развитии. Если мы сопоставим методику Мичурина с установками Дарвина, то увидим, что развитие учения Дарвина и преодоление недостатков этого учения

¹⁾ См. например статьи т. Рубинштейна в № 8 «Большевика» за 1932 г. «Вопросы технической реконструкции во 2-й пятилетке» (в особенности стр. 26—32, о методе современной химии) и в «Правде» от 16/VI с. г. «Кузницы новой техники». В этих статьях имеется ряд тем, очень важных для социалистического строительства и для дальнейшей разработки нашего теоретического естествознания.

²⁾ См. работы И. В. Мичурина («Итоги полувековой работы...» и др.) и его помощника Горшкова И. С.

идет у И. В. Мичурина по линии дальнейшего революционизирования дарвинизма; для всей его методики характерна активность, стремление управлять процессами формообразования. Мичурин разрабатывает дальше теорию развития. Например: у Дарвина мы встречаем указание на межвидовую гибридизацию, — у Мичурина межвидовая гибридизация, подбор производителей, удаленных как по родству, так и территориально, — один из краеугольных камней его методики.

Межвидовая гибридизация дала ряд ценнейших для социалистического строительства практических результатов. Я не имею возможности более подробно останавливаться на результатах и методах работы Мичурина. Теоретик-биолог может почерпнуть в них очень многое для обогащения теоретического марксо-ленинского естествознания.

Популяризация, включающая момент разработки, четкость теоретических и политических установок, разработка на основе конкретного материала современного естествознания, тесная увязка с разработкой проблем социалистического строительства, борьба с различными извращениями диалектического материализма за ленинский этап в философии — вот те моменты, которые необходимо иметь в виду при популяризации и разработке «Диалектики природы» Энгельса.

А. Сахалтуев

От редакции. В № 5—6 журнала «ПЗМ» помещена статья И. Ангарова «К вопросу о меновой концепции социал-фашизма», которая содержит ряд нечетких, путанных положений и формулировок, дающих политическую нечеткую характеристику социал-фашизма. В связи с этим редакция в одном из ближайших номеров журнала поместит статью на эту тему с критикой ошибочных положений указанной статьи.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

Б. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман,
А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. Покровский,
А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В 35102. Набор сдан 2/IX, подписан к печати 10/XI
Зак. № 1864. Изд. № 905. Тираж 34100.

Типография газеты „Правда“. Москва, ул. им. Горького, 48.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1932 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций. ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год:

на 1 мес.—75 коп.   на 6 мес.—4 р. 50 к.
на 3 мес.—2 р. 25 к.   на 12 мес.—9 р.

Цена отдельного номера 30 коп.

Подписка принимается на почте, письмомосцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА на 1932 г.
НА ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА
11-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой гг. Деборина, Карева, Стена и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воиствующих материалистов-диалектиков, систематически вырабатывая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, истории материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономики, статьи по теории советского хозяйства, истории социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естественные науки, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес.—1 р. 25 к., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 6 мес.—7 р. 50 к.,
на 12 мес.—15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письмомосками и уполномоченными партпечати при ячейках ВКП(б).